

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Европы Российской академии наук

Ю.И. Рубинский

ПРИМЕТЫ ВРЕМЕНИ

Т. 1. Мир и Европа

Издание в трёх томах

Москва
ИЕ РАН
2018

УДК 327.8(100:4)
ББК 66.4(4),9(0),01
Р82

Рецензент:
Обичкина Евгения Олеговна,
доктор исторических наук, профессор

Тема НИР 0191-2014-0023
«Комплексные исследования экономического, политического
и социального развития стран и регионов Западной Европы
на современном этапе»

Рубинский, Ю. И.

Приметы времени. Т. 1. Мир и Европа : в 3-х т. / Ю. И. Рубинский ; Федеральное гос. бюджетное учреждение науки Ин-т Европы Российской акад. наук. – М. : Ин-т Европы РАН, 2018. – 440 с. – ISBN 978-5-98163-118-4, ISBN 978-5-98163-119-1.

Мы живём в эпоху глубоких перемен в отношениях человека с природой, государств и цивилизаций, людей между собой. Анализу этих тектонических сдвигов посвящён трёхтомный сборник работ историка, политолога и дипломата, известного российского специалиста по проблемам современной Франции Ю.И. Рубинского. «Приметы времени» подводят итоги его деятельности во главе Центра французских исследований Института Европы РАН и профессора НИУ – Высшей школы экономики в 1994–2017 гг.

ISBN 978-5-98163-118-4
ISBN 978-5-98163-119-1

© Ю.И. Рубинский, 2018
© Оформление. ИЕ РАН, 2018

Моей семье

ВВЕДЕНИЕ

ОТ АВТОРА

Эта книга является сборником работ, которые были подготовлены автором на протяжении 20 лет (1997–2017 гг.) в качестве руководителя Центра французских исследований Института Европы РАН и публиковались в самых различных форматах – глав коллективных монографий, статей в научных журналах, аналитических докладов и т.д. В него не вошли, с учётом объёма, более ранние книги и публикации, а также коллективная монография с участием и под общей редакцией автора «Франция в поисках новых путей» (М., «Весь Мир», 2017 г.) и его индивидуальная монография «Франция. Время Саркози» (М., «Международные отношения», 2011 г.).

Этот возврат в прошлое имеет целью проанализировать теснейшую взаимосвязь событий, которые происходили в переломный период конца XX – начала XXI вв. на трёх уровнях: глобальном, регионально-европейском и национально-государственном. Причём на последнем в качестве примера избрана Франция, изучению которой автор посвятил бóльшую часть своей профессиональной деятельности в разных качествах – исследователя, преподавателя, дипломата.

В данной связи хотелось бы выразить прежде всего глубокую признательность моему учителю – великому российскому историку Е.В. Тарле, который был руководителем моей кандидатской диссертации, но, к сожалению, умер незадолго до её защиты, а также старшим коллегам и оппонентам на защитах – профессорам А.З. Манфреду и Н.Н. Любимову.

Все публикуемые в сборнике материалы обязаны своим появлением активному научному и дружескому сотрудничеству автора с коллективом ИЕ РАН под руководством трёх его директоров – академика РАН В.В. Журкина, академика РАН Н.П. Шмелёва, члена-корреспондента РАН А.А. Громыко. Поистине неоценимую помощь в подготовке публикации оказала помощник учёного секретаря ИЕ РАН Е.В. Дрожжина.

Считаю своим долгом искренне поблагодарить за постоян-

ную поддержку и содействие коллег по работе в Париже, многие из которых, к сожалению, уже ушли из жизни – послов С.В. Червоненко, Ю.М. Воронцова, Я.П. Рябова, Ю.В. Дубинина, Н.Н. Афанасьевского, А.А. Авдеева, А.К. Орлова, но особенно Ю.А. Рыжова – близкого друга моей студенческой юности, с которым судьба свела нас снова во Франции.

Не могу не вспомнить добрым словом моих французских академических коллег – крупнейших социологов и политологов Ф. Броделя, Ф. Перру, Ф. Гогеля, Р. Арона, М. Дюверже, а также постоянного секретаря Французской академии Э. Каррер д'Анкос и президента Французского института международных отношений (ИФРИ) Т. де Монбриаля, с каждым из которых мне довелось многократно встречаться в Париже, а некоторых и принимать у себя в Москве. Особо следует упомянуть и сердечно поблагодарить ответственных секретарей Парижского дома наук о человеке – сначала К. Эллера, затем М. Эмара, у которых не раз бывал на длительных научных стажировках.

Наконец, следует выразить глубокую благодарность выдающимся государственным и политическим деятелям Франции – большинству, к сожалению, посмертно – президентам В. Жискард д'Эстену, Ф. Миттерану, Ж. Шираку и его супруге Бернадетт, премьер-министрам Э. Фору, М. Дебре, М. Кув де Мюрвиллю, Ж. Шабан-Дельмасу, П. Моруа, Л. Фабиусу, Р. Барру, М. Рокару, Л. Жоспену, министрам П. Сюдро, И. Генá, Ж. де Липковски, Ж.П. Шевенману, Р. Дюма, Р. Ведрину и многим другим, с которыми у меня на протяжении полувека сложились отношения взаимного уважения и доверия¹.

Очевидно, что жизнь внесла во многие прежние авторские оценки и прогнозы весьма существенные коррективы. Его надежды на то, что времена холодной войны навсегда принадлежат истории, что глобализация и европейская интеграция приобрели необратимый характер, а обновление социально-экономической модели и политической системы Франции близится к завершению оказались чересчур оптимистичными.

¹ См. об этом: Bernard Lecompte. *Le Bunker. Vingt ans des relations franco-soviétiques*. Ed. F.C. Lattès. Paris, 1994. P. 48-49.

Тем не менее, любая попытка поправить задним числом прежние мнения автора с тем, чтобы подогнать их к требованиям сегодняшнего дня была бы явно искусственной, контрпродуктивной. Поэтому все тексты настоящего сборника публикуются в их первоначальном виде с минимальной, в основном стилистической, правкой. Это помогает проследить как эволюцию взглядов самого автора, так и «духа времени», которые на протяжении двух десятилетий радикально менялись. История, как известно, развивается по спирали, где периоды подъёма чередуются отступлениями, а трагедии повторяются фарсами.

Тем не менее, автор сохраняет твёрдое убеждение в том, что силы прогресса – материального, социального, духовного – рано или поздно берут верх. Коль скоро единственной альтернативой успешному ответу на беспрецедентные вызовы экологии, демографии, научно-технической революции, геополитики, с которыми сталкивается ныне человечество, является только самоубийство мировой цивилизации, если не жизни на планете, такой ответ наверняка будет найден – вопрос лишь, когда и какой ценой.

ОБ АВТОРЕ*

Юрий Ильич Рубинский (род. 26 декабря 1930 г., Киев) – советский и российский историк, политолог, дипломат, специалист по новейшей истории и политике Франции.

Образование и учёные степени

В 1953 г. окончил с отличием Московский государственный институт международных отношений (МГИМО) МИД СССР по специальности «историк-международник», в 1956 г. – аспирантуру того же института по кафедре истории международных отношений и внешней политики СССР. Доктор исторических наук (1969; тема диссертации: «Политические партии и государство во Франции в период Третьей республики»), профессор.

Научная деятельность

В 1956–1977 и 1986–1987 гг. – младший, старший научный сотрудник, главный исследователь, заведующий сектором Франции и стран Южной Европы Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) АН СССР.

Педагогическая деятельность

С 1963 по 1977 г. по совместительству старший преподаватель, доцент, профессор Института общественных наук. В качестве ассоциированного профессора читал курсы лекций в университетах Парижа, Экс-ан-Прованса, Тура, Меца, Страсбургском институте политических наук, Институте восточных языков и цивилизаций (Париж), Институте по изучению международных отношений и внешней торговли (Франция). Выступал на конференциях и с лекциями в США (Нью-Йорк, Сан-Франциско), КНР (Шанхай), Великобритании, Германии, Италии, Бельгии, Швейцарии, Португалии, Алжира, Туниса, Марокко, Мали, Сенегала, Пакистана и других стран.

* Википедия. Дата обращения: 22.02.2018.

В 2002–2018 гг. по совместительству профессор департамента (кафедры) мировой политики факультета мировой экономики и мировой политики НИУ – Высшая школа экономики, где читал курс по внутренней и внешней политике Франции.

С 1997 г. – руководитель Центра французских исследований Института Европы РАН. Лауреат премии Гизо Французской академии за книгу «Россия во Франции» (Париж, 1997).

Государственная деятельность

В 1978–1985 и 1987 – 1997 гг. работал в МИД СССР, затем РФ в качестве советника, первого советника посольства во Франции. Имеет дипломатический ранг советника I класса.

В 2000–2001 гг. являлся советником-консультантом заместителя председателя Государственной Думы ФС РФ по европейским проблемам.

Основные работы

Опубликовал 20 монографий и брошюр по проблемам международных отношений, свыше 300 глав коллективных монографий и научных статей, в том числе:

Пятая республика (1964);

За колоннами Бурбонского дворца (1967);

Франция (Серия: Экономика и политика стран современного капитализма). М.: Мысль, 1973. – ответственный редактор;

Тревожные годы Франции (1973);

Французы у себя дома (1989);

Россия во Франции (Париж, 1997);

Франция и Россия в поисках многополярного мира (1999);

Европейская цивилизация между двумя тысячелетиями (2000);

Европа в XXI веке: государство, политические системы, гражданское общество (2001)

Осколки империи (2000);

Национальная идея в политической культуре Франции. (2004);

Политическая система Франции: незаконченная модернизация (2006);

Франция: В поисках новых путей (2007, под ред.);

Франция: Время Саркози (2011);

Ценностные ориентиры Европы (2013);

Судьбы гуманитарного прогресса (2016).

Статьи и выступления Ю.И. Рубинского публиковались на французском, английском, немецком, итальянском, испанском, китайском языках.

Награды

Кавалер ордена Почётного легиона, командор ордена Академических пальм.

20 ЛЕТ ЦЕНТРУ ФРАНЦУЗСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ИЕ РАН*

Методы научных исследований Института Европы РАН, отметившего своё 30-летие в 2017 г., всегда отличались органическим сочетанием функционального и странового подходов. Это отражается и на организационной структуре Института, в которой проблемные подразделения взаимодействуют со странавыми, в том числе с созданным в 1997 г. Центром французских исследований.

За прошедшие с тех пор два десятилетия им изданы 19 авторских работ и глав в коллективных монографиях ИЕ. Центр принял участие в подготовке 27 аналитических докладов ИЕ – индивидуальных или коллективных, опубликовал 33 статьи в журнале Института «Современная Европа», а также в других российских научных и общеполитических журналах – «Мировая экономика и международные отношения», «Международная жизнь», «Россия в глобальной политике», «Полития», «Вестник Европы», «Знамя» и т.д.

В рамках сотрудничества с зарубежными, прежде всего французскими научно-исследовательскими организациями опубликованы три авторских аналитических «тетради» Французского института международных отношений (ИФРИ), 22 статьи в журналах «Géopolitique», «Géopolitique africaine», «Politique étrangère», «Défense nationale», «Courrier des Pays de l'Est», «Lettre diplomatique», «Espoir».

Результаты исследовательской работы Центра и рекомендации по их практическому использованию доводятся до сведения Администрации Президента РФ, палат Федерального собрания, МИД РФ.

* «Современная Европа», № 6, 2017 г.

Анализируя позитивные и негативные аспекты французского опыта по таким актуальным вопросам – как например, частно-государственное партнёрство в инновационных отраслях, оптимизация структуры гражданской службы, борьба с коррупцией и т.д. авторы информационных материалов формулировали конкретные предложения и рекомендации применительно к российским условиям. Сотрудники Центра регулярно комментируют события французской общественной жизни, внешней и внутренней политики для многих российских и иностранных печатных или аудиовизуальных СМИ.

Центр стремится выступать в роли координатора исследований французской проблематики с широким кругом российских и французских организаций, прежде всего в рамках РАН – НИ ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ИВИ, а также НИУ МГИМО МИД РФ, Дипакадемии МИД РФ, НИУ – ВШЭ, МГУ им. М.В. Ломоносова, с участием которых в 2015 и 2017 гг. были проведены две Всероссийские конференции франковедов.

Основные выводы из научного анализа Центром проблем современной Франции были изложены в фундаментальной коллективной монографии «Франция в поисках новых путей», вышедшей в свет с участием и под редакцией д.и.н., профессора Ю.И. Рубинского в серии «Старый Свет – новые времена» (изд-во Весь Мир», М., 2007 г.), затем в его монографии «Франция – время Саркози» (изд-во «Международные отношения», М., 2011 г.).

Не менее важное значение имело исследование тесного взаимодействия разных аспектов экономики, общественной жизни, культуры Франции с интеграционными процессами общеевропейского и мирового масштаба. В данной связи следует отметить соответствующие разделы коллективных монографий «Россия в многообразии цивилизаций» (редактор академик РАН Н.П. Шмелёв), «Безопасность Европы» (отв. редактор академик РАН, В.В. Журкин), «Европа XXI века. Новые вызовы и риски» (отв. редактор чл.-корр. РАН А.А. Громыко), «Социальная Европа в XXI веке» (отв. редактор д.и.н. М.В. Каргалова), «Европейская культура: XXI век» (отв. редактор профессор Е.В. Водопьянова) и др.

Суть их выводов сводится к тому, что Франция в целом успешно преодолела последствия двух самых тяжёлых испытаний,

выпавших на её долю в середине XX в. – разгрома и оккупации в 1940 г. и утраты колониальной империи. Она прочно занимает седьмое место в мире по объёму ВВП, лидирует среди стран ЕС в таких ключевых отраслях экономики как АПК, ВПК, авиакосмическая промышленность, транспортное машиностроение, атомная энергетика, фармацевтика, высокая мода, туризм.

Франция стояла у истоков формирования Европейского союза – крупнейшего регионального центра торговли, производства и потребления в мире. В его рамках бывшей франко-германский антагонизм, являвшийся одной из причин обеих мировых войн, сменился привилегированным партнёрством, которое служит мотором интеграционных процессов евростроительства в целом.

В военно-политическом плане она остаётся одним из пяти постоянных членов СБ ООН, элитного «ядерного клуба», сохраняет в рамках Франкофонии немалое культурное влияние на десятки государств Европы, Африки, Азии.

Поэтому утверждения ряда французских авторов о фатальном «упадке» Франции, утрате ею традиционного ранга державы средних масштабов, но с глобальными интересами и ответственностью явно преувеличены.

Аргументированно полемизируя с представителями этого течения, получившего название «деклинизма» (от французского *le déclin* – «упадок»), Центр французских исследований ИЕ РАН отмечал, что сам факт его появления не случаен. Он отражал кризис социально-экономической модели, сложившейся во Франции после Второй мировой войны и оказавшейся неспособной найти адекватный ответ на грозные вызовы XXI в. Её особенностями являются высокая доля госсектора в инфраструктурных отраслях (энергетика, транспорт, связь, кредит), накоплении и перераспределении финансовых потоков (ныне 47%), административное регулирование трудовых отношений, наличие одной из самых продвинутых в мире, но весьма дорогостоящей, нередко убыточной системы соцзащиты – здравоохранения, образования, пенсионного обеспечения, семейной политики.

С развёртыванием с середины 1970-х гг. коренной перестройки мировой экономики, толчком к которой стали резкие скачки цен на энергоносители, глобализация, цифровая революция, пе-

реход ведущих держав Запада к постиндустриальному обществу эта модель подверглась суровым испытаниям. Жёсткая административная регламентация хозяйственной деятельности, условий найма и увольнения, тяжёлое бремя налогов и обязательных отчислений от прибыли предприятий в кассы соцстраха ухудшали инвестиционный климат, вели к оттоку капиталов и предприятий за рубеж.

Если во время «Великой рецессии» 2008–2009 гг. падение производства во Франции было вполне сравнимо со средним по ОЭСР, то после её окончания страна вступила в длительную полосу стагнации. Между тем, хронический с 1974 г. бюджетный дефицит долго не удавалось уложить в 3%-ную норму Пакта стабильности и роста ЕС, что вело к неуклонному разбуханию госдолга (98% ВВП). После 2004 г. с постоянным пассивом сводится и торговый баланс страны, что отражает недостаточную конкурентоспособность её экспорта и сокращает её долю в мировой торговле.

Главной социальной, а тем самым и политической проблемой страны стала занятость – численность полностью безработных составляет 3,5 млн, а с учётом частично занятых 6,5 млн чел., т.е. 9-10% самодеятельного населения – вдвое больше, чем в Германии и Великобритании.

В публикациях и аналитических материалах Центра французских исследований ИЕ РАН уже с начала нулевых годов подчёркивалось, что нерешённость социально-экономических проблем Франции была во многом связана с кризисом партийно-политической системы Пятой республики и «моральным износом» её правящих элит, дискредитированных коррупционными скандалами. Системные партии – республиканцы и социалисты, сменявшиеся на протяжении десятилетий у власти и в оппозиции, проводили по существу одну и ту же консервативную политику, которая исключала назревшие структурные реформы.

Реакцией избирателей оказались абсентеизм, голосование белым бюллетенем («против всех»), рост влияния на крайних флангах политического спектра популистских движений – ультраправого Национального фронта (ныне Национальное объединение) и левацкой «Непокорённой Франции». Их харизматические ли-

деры – Жан-Мари Ле Пен, затем его дочь Марин, с одной стороны, Жан-Люк Меланшон, с другой – апеллируют к протестному «народному» электорату: рабочим, служащим, части средних слоёв, молодёжи, вынужденных нести издержки процессов глобализации. На выборах разного уровня – муниципальных, департаментских, региональных, европейских, наконец, парламентских и президентских выборах – кандидаты НФ вышли на первое место, собирая до 27,5% голосов, а «Непокорённая Франция» – 11,5%.

Причём мажоритарная избирательная система голосования в два тура ограничивала представительство обеих крайних партий в органах местного самоуправления и парламенте – в избранном в 2012 г. составе Национального собрания НФ был представлен всего двумя депутатами.

Однако распад электорального поля на три примерно равных сегмента блокировал нормальное функционирование биполярного партийно-политического механизма. Как социалисты, так и республиканцы не могли более добиваться большинства за счёт голосов колеблющихся между ними центристских избирателей, как это бывало прежде. Отныне необходимым условием победы становилось для одних привлечение сторонников НФ, а для других – «Непокорённой Франции». Притяжение крайних флангов переносило центробежные тенденции внутрь обеих системообразующих партий, обостряя борьбу соперничающих течений и лидеров.

Особое внимание в исследовательской работе Центра уделялось проблематике национальной идентичности французов, прежние гражданские критерии которой оказались под вопросом в условиях глобализации, европейской интеграции и массового притока мигрантов из иных цивилизационных ареалов, особенно арабо-мусульманских стран Северной Африки и Ближнего Востока.

В итоге Центр оказался достаточно подготовленным к радикальным сдвигам в расстановке партийно-политических сил во Франции в ходе президентских и парламентских выборов 2017 г. Крах обеих системообразующих партий, коренное обновление – возрастное, гендерное, профессиональное кадрового состава

верхнего эшелона политической элиты, приход в Елисейский дворец 39-летнего Эмманюэля Макрона – самого молодого главы государства после принца Луи-Наполеона Бонапарта, будущего императора (1848 г.).

Объявленная президентом программа коренного реформирования прежней социально-экономической модели страны при опоре на абсолютное большинство новой центристской партии «Вперёд, Республика!» в нижней палате парламента чревата серьёзными конфликтами, а иной раз и кризисами. Изучение этого станет содержанием исследовательской и аналитической работы Центра на предстоящие годы.

Основное внимание будет уделяться при этом международному, прежде всего европейскому измерению деятельности нового руководства страны, шансам на успех и препятствиям на пути к реализации масштабного плана модернизации ЕС, выдвинутого новым президентом, и перспектив дальнейшего развития отношений Франции с Россией.

Ю.И. Рубинский, д.и.н., профессор, руководитель
Центра французских исследований ИЕ РАН;
Е.В. Дрожжина, н.с. Отдела научно-организационной
деятельности ИЕ РАН, помощник учёного
секретаря ИЕ РАН

ЧАСТЬ I.

МИР: ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И ШАНСЫ XXI В.

ГЛАВА 1. **НОВЫЙ ЭТАП В РАЗВИТИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА***

На рубеже III тысячелетия н.э. человечество вступило в качественно новый этап своей истории. Его отличием от всех предыдущих является неоднозначность основного вектора дальнейшего развития, который может вести как к беспрецедентному материальному и духовному расцвету, так и к глобальному кризису, грозящему гибелью человеческой цивилизации, если не жизни на Земле вообще.

Характерно, что мрачные пророчества о якобы неминуемом конце света, являющемся божьей карой за грехи людей, но сохраняющем надежду на вечное блаженство для немногих праведников, свойственны почти всем великим религиям, в частности, иудео-христианству с его легендами о всемирном потопе, гибели Содома и Гоморры, Апокалипсисе.

Подобное катастрофическое мироощущение при всей его мифологичности подкрепляется ныне бесспорно установленными наукой фактами: за 4 млрд лет, прошедших после формирования нашей планеты, с ней неоднократно происходили катаклизмы космического масштаба – столкновения с другими небесными телами (осколками астероидов), случались и падения крупных метеоритов диаметром в несколько десятков километров. Результатом оказывались чудовищные взрывы, которые приводили к длительному покрытию атмосферы плотным слоем дыма, пепла и пыли, не пропускавшим солнечное излучение. Вызванный этим парни-

* «Глобальные вызовы и угрозы XXI века». В книге: «Мировая политика в условиях кризиса». Учебное пособие. Под ред. д.полит.н., профессора С.В. Кортунова. М.: Аспект Пресс, 2010. – 464 с. – С. 90-132.

ковый эффект приводил к резкому потеплению климата, высыханию почв и испарению водных поверхностей, крайне затруднявшим выживание живых существ. Геологи и палеонтологи считают, что такие катаклизмы имели место как минимум дважды – 230 и 65 млн лет назад, приводя к гибели до 90% всех существовавших ранее видов флоры и фауны. Во втором случае именно с этим связывают исчезновение динозавров.

Другими причинами резких колебаний климата астрофизики считают изменение наклона оси вращения земного шара к плоскости его околосолнечной орбиты и перевероты магнитных полюсов, происходящие регулярно с интервалом в несколько сотен тысяч или миллионов лет. Хотя механизм этих явлений ещё неясен, многие учёные связывают с ними периодические оледенения значительной части земной поверхности. Полярные шапки льдов расползались тогда вплоть до нынешних субтропических широт, резко меняя среднегодовую температуру в сторону похолодания со всеми вытекающими последствиями.

Многие факты говорят о том, что Земля вступает ныне в очередную полосу существенных изменений условий существования жизни на планете. Потепление климата в связи с выбросом в атмосферу газов с парниковым эффектом, учащение землетрясений, ураганов, цунами, исчезновение лесов, опустынивание, гибель сотен тысяч видов растений и животных, обедняющая генетический фонд биосферы, – все эти грозные явления не могут не внушать серьёзной озабоченности.

В отличие от предыдущих катаклизмов планетарного масштаба эти изменения, которые могли бы быть смягчены или даже предотвращены с помощью достижений современной науки и техники, оказываются результатом действия не столько слепых сил природы, сколько жизнедеятельности самого человека. Катастрофы всё чаще имеют не природное, а техногенное и антропогенное происхождение, являясь следствием коренных сдвигов во взаимоотношениях человека с природой и самих людей между собой.

Стремительный, но крайне неравномерный рост народонаселения сталкивается с ограниченным объёмом возобновляемых природных ресурсов, необходимых для увеличения производства материальных благ, и безвозвратным разрушением окружающей

среды. Глобализация производства, торговли, финансовых и информационных потоков, небывало стимулирующая производительность труда на основе высоких технологий, усугубляет в то же время контрасты в уровнях развития разных стран и их демографической динамике. Эти контрасты порождают мощные волны миграций, следствием которых оказывается как прогрессирующее смешение рас, народов, культур, так и стремление их к утверждению своей идентичности, вызывающее острые межэтнические и межконфессиональные конфликты, чреватые угрозой «столкновения цивилизаций».

Материальный прогресс человечества всё более заметно опережает духовный, жёсткая конкурентная борьба за выживание провоцирует в сознании людей психологические стрессы, ведущие к росту взаимной агрессивности, экстремизма и фанатизма, актам насилия по отношению к окружающим. Несмотря на суровые уроки двух мировых и холодной войн, не раз ставивших человечество на грань коллективного самоуничтожения, мир начала XXI в. продолжают сотрясать десятки неуправляемых вооружённых конфликтов, международный терроризм, организованная преступность.

Мировой финансовый кризис, начавшийся в 2007 г. в США, впервые после Второй мировой войны привёл к абсолютному снижению глобального ВВП, ещё более затруднив решение демографических, продовольственных, экологических проблем человечества. Подобно Великой депрессии 1929 г., сравнимой с ним по масштабам, он поставил под вопрос функционирование рыночной экономики на основе нелиберальной модели англосаксонского образца, которая, казалось, утвердилась в постиндустриальном мире за последнюю четверть столетия после крушения социализма советского образа.

Тем не менее, пессимистические сценарии будущего, которыми изобилует современная футурология, нельзя относить к ряду «самооправдывающихся пророчеств». История мировой цивилизации, насчитывающая всего 5-6 тыс. лет, убедительно доказала, что перед лицом смертельной опасности люди всегда находили в себе силы искать и находить выход из самых, казалось бы, безнадежных ситуаций. Есть все основания считать, что так бу-

дет и сейчас, если, конечно, международное сообщество вовремя осознает масштаб беспрецедентных вызовов и угроз, найдя в себе силы совместно противостоять им.

Проблемы народонаселения

Среди этих вызовов приоритетным следует считать рост, хотя и затухающими темпами, народонаселения планеты при резкой неравномерности его распределения по странам, регионам, континентам.

Современная палеонтология считает, что биологический вид *homo sapiens* (человек разумный) сформировался в Африке около 2 млн лет назад. За последние 60 тыс. лет он постепенно заселил все континенты земной суши, значительно изменяясь в ходе эволюционного развития с учётом естественного отбора и мутаций в различной среде обитания.

Решающим фактором роста численности людей была их способность, в отличие от других приматов, адаптироваться к самым разным природным и климатическим условиям – от тропических до полярных – за счёт роста производительности труда с помощью орудий и инструментов. Важнейшими вехами на этом пути стали овладение огнём, переход от собирательства и охоты к скотоводству и земледелию, от кочевого к оседлому образу жизни, всё большему разделению труда, специализации и обмену, становление на этой основе семьи, собственности, государства.

При возникновении 5-6 тыс. лет назад первых цивилизаций основная масса людей была сосредоточена на берегах великих рек (Нила, Тигра и Евфрата, Инда, Хуанхэ), дающих им возможность развивать ирригационное земледелие и оседлое животноводство. К началу I тысячелетия н.э. в мире насчитывалось, по приблизительным подсчётам, 200-250 млн человек, из которых более половины (примерно по 60 млн) населяло два основных цивилизационных ареала – Римскую империю на западе (Европа, Ближний Восток, Северная Африка) и Китайскую на востоке (Северо-Восточная Азия). Остальное население сосредоточивалось главным образом в сасанидском Иране (Парфия), Кушанском царстве, империи Маурьев, затем Гупта в Индии. На долю Северной и Южной Мезоамерики и Африки оставалось не более 15-20 млн чел.

К началу II тысячелетия (к 1000 г. христианского летосчисления) мировое население удвоилось, достигнув 500 млн, распределённых на три части – по 100 млн в империи Карла Великого и Византии в Европе и в Малой Азии, примерно столько же в Китайской империи династии Сун, Арабском халифате Омейядов, Иране и Индии.

Спустя ещё тысячу лет, к началу XX в., население планеты уже не удвоилось, а утроилось, достигнув 1,5 млрд человек (по 400 млн в Европе, включая Россию, Индию и Китай, 250 млн в Османской империи, остальные – в Америке, Африке, Японии).

Однако с середины XIX в. темпы роста мирового народонаселения резко ускорились – в 1850 г. его численность составляла 1 млрд человек, в 1900 г. – 1,5 млрд, в 1950 г. – 3 млрд, в 2000 г. – 6 млрд, ныне она приближается к 6,5 млрд человек. Только за один XX в. население планеты увеличилось в четыре раза, т.е. больше, чем за предыдущие 900 лет! Причём этот стремительный демографический рывок произошёл вопреки огромным людским потерям в двух мировых войнах (30 и 50 млн убитых), пандемиям (одна эпидемия «испанского» гриппа в 1920 г. унесла 50 млн жизней), революциям, гражданским войнам, массовым репрессиям, геноциду (ещё 100 млн).

Демографы объясняют причины данного феномена поочерёдной сменой трёх типов динамики численности народонаселения.

Первый предполагает сочетание высокой рождаемости с высокой смертностью, особенно детской, в первобытных, рабовладельческих и раннефеодальных обществах Средневековья. Средняя продолжительность жизни при этом не превышает 30-40 лет, а для удвоения численности населения требуются несколько поколений (100-200 лет). Ныне этот тип сохраняется лишь в самых отдалённых, изолированных от внешнего мира уголках планеты – среди аборигенов Новой Гвинеи, Океании, коренных жителей Центральной Африки или индейцев Амазонии.

Подрыв статичного равновесия между численностью населения и объёмом производства продовольствия при такой модели компенсируется голодом, эпидемиями чумы, холеры, оспы, межплеменными войнами. Но бывали случаи, когда резкое изменение данного баланса, например длительные засухи в местах обитания

скотоводов-кочевников, приводило к завоевательным походам с востока на запад в начале I тысячелетия н.э. гуннов, арабов, монголов, тюрков и т.д. («великое переселение народов») на более развитые земледельческие территории Китая, Индии, Европы.

Второй тип демографического развития характеризуется значительным сокращением смертности, особенно детской, при сохранении по инерции высокой рождаемости. Его наступление связано с распадом традиционных аграрных обществ под ударами первых промышленных революций, урбанизацией, прогрессом медицины и образования, в том числе для женщин.

Все эти причины вызывают аграрное перенаселение и отлив сельского населения в города, характерный для начальной стадии развития капитализма в Европе, далеко опередившей тогда по приросту населения остальные континенты. Он питал после Великих географических открытий колониальную экспансию европейских держав и массовую эмиграцию западноевропейцев в заморские владения – Южную и Северную Америку, Австралию, Южную и Северную Африку, а русских – в Причерноморье, Сибирь, Дальний Восток (за четыре столетия площадь российской державы выросла в 36 раз, население – в 10 раз).

Именно такая модель демографического взрыва типична сегодня для большинства развивающихся стран Азии, Африки, Латинской Америки. Структуры традиционного аграрного общества были подорваны там сначала колониализмом, а затем деколонизацией. На фоне кризиса натурального хозяйства и разбухания мегаполисов численность населения удваивается за 40-50 лет, т.е. на протяжении жизни двух, порой одного поколения, а «надежда на дожитие» возрастает в тех же пропорциях. К середине XXI в. городское население планеты по численности далеко опередит сельское, причём значительная его часть будет сосредоточена в крупных городских агломерациях, не производящих первичное продовольствие. В этих условиях массовые миграции населения происходят главным образом уже не с востока на запад, а с юга на север – из менее развитых, бедных, но демографически весьма динамичных стран с преимущественно молодым избыточным населением в богатые промышленные и особенно постиндустриальные страны, где динамика роста населения неуклонно снижается.

Эта третья стадия демографической эволюции, характерная с последней трети XX в. и для Европы, как Западной, так и Восточной, включая Россию, и для Японии, в меньшей степени для США, характеризуется сочетанием низкой рождаемости и ещё более низкой смертности, что ведёт к абсолютному сокращению численности населения.

Причины, которые объясняют отрицательную динамику народонаселения, не имеют ничего общего с биологическим вырождением. Они носят социально-экономический и ментальный характер. Индустриализация и урбанизация сопровождаются значительным повышением жизненного и образовательного уровня большинства населения, включением женщин в производственную, общественную и культурную жизнь. В современной Европе они составляют почти половину всего самодеятельного населения. В результате средний возраст женщин, принимающих решение о рождении детей, повысился в Европе за последние полвека с 19-20 до 27-28 лет, что не могло не отразиться на их плодовитости.

К этому добавляются широкое распространение семейного планирования благодаря эффективным противозачаточным средствам, кризис моногамной семьи (на 3 брака приходится 1-2 развода), значительное увеличение в связи с этим числа одиноких мужчин и женщин, семей с одним родителем. Сопротивление этим тенденциям со стороны христианских конфессий оказалось менее эффективным, чем, например, со стороны ислама.

Давно ушло в прошлое использование крестьянами, удельный вес которых в населении упал до 3-5%, взрослых детей как бесплатной силы в хозяйстве, пенсионное обеспечение подорвало прежнюю взаимозависимость поколений.

Перечисленные факторы отразились на главном показателе рождаемости – коэффициенте фертильности (плодовитости), который измеряется средним числом детей, приходящихся на женщину, способную по возрасту к деторождению (16-54 года). Для замещения выбывающих поколений, т.е. простого воспроизводства численности населения, он должен составлять не менее 2,1, ниже этого порога рождаемость не компенсирует смертность, а численность населения сокращается абсолютно.

В настоящее время этот коэффициент, составлявший полвека

назад в годы так называемого «бэби-бума» первых послевоенных лет 2,5-2,6, опустился в среднем по Евросоюзу до 1,4, а в некоторых странах упал ещё ниже (в Чехии, например, он составляет 1,2), тогда как в Африке он в 3,5 раза выше – достигает 5,27.

В то же время смертность в высокоразвитых странах заметно снижается, а средняя продолжительность жизни («надежда на дожитие» при рождении) растёт. Средний француз, родившийся в 1961 г., мог рассчитывать прожить до 65 лет, француженка – до 71 года, а родившиеся в 2003 г. соответственно до 76 и 83 лет. Таким образом, средняя продолжительность их жизни увеличилась на 11-12 лет. Мировыми чемпионами по долголетию стали Япония (81 год у женщин и мужчин), а в Европе – Швейцария и Швеция (80 лет) при среднем уровне по ЕС порядка 78 лет, а в США – 77 лет.

Среди промышленно развитых стран негативным исключением по уровню смертности и средней продолжительности жизни является Россия, где мужчины живут в среднем 60 лет, а женщины – 72 года. Это заметно меньше, чем в Китае, большинстве стран Латинской Америки, арабского мира, и сравнимо лишь с беднейшими государствами Африки. Разрыв в уровне смертности мужчин и женщин в России самый большой в мире. Именно высокая смертность (среди мужчин) ещё больше, чем низкая рождаемость, обуславливает неуклонную депопуляцию России, население которой сокращается за последние 15 лет в среднем на 750 тыс. – 1 млн человек. Корни этой национальной катастрофы уходят в трагедии прошлого: колоссальные потери в двух мировых и гражданской войнах, массовые репрессии, несколько волн эмиграции. Однако огромную роль играют и социальные явления современности – алкоголизм, наркомания, преступность, самоубийства (второе место в мире на 1000 жителей), производственный, транспортный и бытовой травматизм, резкое ухудшение медицинского обслуживания.

Увеличение средней продолжительности жизни европейцев, американцев, японцев, безусловно, является крупнейшим историческим достижением. Вместе с тем оно имеет в условиях низкой рождаемости оборотную сторону – неуклонное старение населения, рост верхних этажей возрастной пирамиды за счёт нижних, т.е. молодёжи. Если в 1945 г. удельный вес европейцев старше

65 лет в общем населении составлял 10%, то спустя полвека уже в полтора раза больше, 16%. К 2050 г. он должен возрасти в странах ЕС до 29,9%, составив 135 млн человек. А чем старше население, тем меньше его репродуктивный потенциал – коэффициент плодovitости и норма рождаемости.

По мере того как численность вступающей в работоспособный возраст молодежи будет сокращаться, а доля пенсионеров с ростом продолжительности жизни увеличиваться, самодеятельное население промышленно развитых стран будет уменьшаться ещё быстрее, чем общее. К 2050 г. оно сократится в 27 странах ЕС с 306,8 млн человек до 254,9 млн, т.е. на 56,7 млн. На каждых четырёх работающих придётся тогда три иждивенца – старика или ребёнка.

Очевидно, что такая перспектива грозит ещё более углубить нынешний финансовый кризис перераспределительной системы социального обеспечения (пакет медицинского и пенсионного обслуживания), сложившейся в промышленно развитых странах за последние полтора столетия, особенно после Второй мировой войны. К тому же эта система всё заметнее подрывает конкурентоспособность Запада на мировых рынках перед лицом ряда новых индустриальных стран Востока, где её почти нет (Китай, Индия, государства АСЕАН).

С учётом того, что экономические и правовые меры развитых стран по стимулированию рождаемости коренного населения дают довольно ограниченный эффект, главным источником смягчения дефицита рабочей силы становится её импорт – иммиграция, которая становится одним из глобальных вызовов XXI в.

Как уже отмечалось, массовые перемещения людей из одних стран и регионов в другие имели место не раз в прошлом (завоевание Северной Индии ариями, затем моголами, завоевательные походы гуннов, монголов, арабов, тюрок, европейская колонизация Америки, Австралии и т.д.). Однако ныне на фоне крайней неравномерности демографической динамики и в условиях глобализации они приобретают совершенно иные масштабы и качество.

Согласно прогнозам ООН, население 27 членов Евросоюза, составлявшее на 1 января 2004 г. 456,8 млн человек, увеличится к 2025 г. только до 470,1 млн, т.е. всего на 13 млн, причём в ос-

новном за счёт притока иммигрантов из стран Азии и Африки. Его доля в мировом населении, достигавшая в начале XX в. почти четверти – 23%, уменьшится к 2025 г. более чем вдвое – до 9,1%. Зато доля Азии возрастет тогда же с 55 до 60% (4776,6 млн), Африки – с 8,9 до 13,2% (1358,1 млн), Латинской Америки – с 6,6 до 8,5% (694,8 млн). Население Северной Америки увеличится до 383,7 млн, Австралии и Океании – до 40 млн.

В Азии, Африке, Латинской Америке две трети жителей будут моложе 25 лет, а в Европе, Японии, США их останется менее трети. Между тем на долю «золотого миллиарда» – Северной Америки, Европы, Японии – будет по-прежнему приходиться 75-80% мирового ВВП.

Вполне естественно, что в условиях глобализации потоков информации, товаров, услуг, капиталов и людей, стирающих государственные границы, демографическое давление Юга на Север имеет шансы резко усилиться. Уже сейчас каждый 11-й работник в ЕС – мигрант (15-17 млн). По подсчётам демографических служб ООН, для сохранения нынешнего баланса между общим и самостоятельным населением Европа должна будет принять до 2025 г. почти 160 млн иммигрантов, а до 2050 г. – 700 млн. Иными словами, на каждого коренного европейца будет приходиться один иммигрант. Тогда же удельный вес жителей США неевропейского происхождения должен превысить половину (треть латиноамериканцев, четверть азиатов, 12% афроамериканцев).

Поскольку уже сейчас, когда число иммигрантов в странах ЕС более 15-17 млн, т.е. на порядок меньше (5-10% общего населения), и их присутствие вызывает серьезные проблемы в межэтнических и межконфессиональных отношениях, особенно с арабами, турками, африканцами мусульманского вероисповедания, представители крайне правых кругов – американец П. Бюкенен, француз Ж.-М. Ле Пен, австриец Й. Хайдер – бьют тревогу по поводу мнимой угрозы «вымирания белой расы».

Однако эти тревоги, раздуваемые зачастую в политических целях, не следует преувеличивать. Нынешняя демографическая ситуация в мире, которая сложилась за последнее столетие, является временной. Она стала результатом того, что развитые страны «золотого миллиарда» перешли к третьему типу демографи-

ческой динамики, тогда как часть развивающихся государств застряла пока на втором. Между тем бурный рост экономики таких демографических гигантов, как Китай и Индия, где живёт более трети человечества, не говоря уже о новых индустриальных государствах Юго-Восточной Азии или Латинской Америки, в обозримом будущем способен изменить эту ситуацию коренным образом. В КНР государственная политика ограничения рождаемости (одна семья – один ребёнок) привела к тому, что коэффициент фертильности упал до 1,8.

Известный российский учёный С.Л. Капица отмечает по этому поводу: «До рубежа 2000 г. население нашей планеты росло с постоянно увеличивающейся скоростью. Тогда многим казалось, что демографический взрыв, перенаселение и неминуемое исчерпание ресурсов и резервов природы приведут человечество к катастрофе. Однако в 2000 г., когда население мира достигло 6 млрд, а темпы прироста населения – своего максимума в 87 млн в год, или 240 тыс. человек в сутки, скорость роста начала уменьшаться.

Более того, и расчёты демографов и общая теория роста населения Земли указывают, что в самом ближайшем будущем рост практически прекратится. Таким образом, население нашей планеты в первом приближении стабилизируется на уровне 10-12 млрд и даже не удвоится по сравнению с тем, что уже есть. Переход от взрывного роста к стабилизации происходит в исторически ничтожно короткий срок – меньше ста лет, и этим завершится глобальный демографический переход».

Главным фактором такого перелома является ускорение темпов экономического развития части прежней колониальной периферии, ввиду чего большинство человечества переходит от второго к третьему типу демографической динамики, в который Европа вступила полувеком ранее из-за более стремительных темпов индустриализации, урбанизации, распространения образования и эмансипации женщин. За последние десятилетия средний коэффициент плодовитости в мире сократился вдвое – с 5,4 до 2,7. Причём не только в Европе и Японии, но и в ряде развивающихся стран данный показатель уже сейчас оказался ниже порога простого замещения выбывающих поколений, в том числе в таких густонаселённых государствах, как Китай, Бразилия, Таиланд, Иран.

К середине XXI в. тенденция к выравниванию коэффициента плодovitости приобретёт всемирный характер: к 2050 г. её среднегодовой уровень составит, по прогнозам ООН, в Африке 2,39 (вместо 5,27 в 2000 г.), в Азии 2,08 (2,7), в Латинской Америке 2,1, в Европе он повысится до 1,8 и в Северной Америке – до 2,08.

Та же тенденция к нивелированию наблюдается в отношении уровня смертности и продления продолжительности жизни. В 1995–2000 гг. средний европеец мог рассчитывать при рождении дожить до 73,2 года, латиноамериканец – до 69,3, азиат – до 65,8, африканец – до 51,4 года. Полвека спустя эти цифры должны составить соответственно 88,8; 77,8; 77,1 и 69,5 года. Поэтому и структура возрастной пирамиды населения разных континентов имеет шансы постепенно выровняться.

Тем не менее, до этой стабилизации пока ещё далеко, а на пути к ней сохраняется немало препятствий. Рассчитывать на стихийное, самопроизвольное решение проблем демографии и миграций было бы безответственно. В самых отсталых, бедных регионах планеты – Африке, Южной Азии, Центральной и части Южной Америки – демографический взрыв продолжается, усиливая нелегальные миграционные потоки в бывшие метрополии, а в США – из Мексики и Карибского бассейна. Принимаемые на национальном уровне меры планирования семьи на Юге и содействия многодетным семьям на Севере дают пока ограниченные результаты. Не достигают поставленных целей и меры по борьбе с нелегальной иммиграцией в сочетании с введением возрастных, гендерных, образовательных квот, интеграции легальных мигрантов в цивилизационную среду стран приёма.

Очевидно, что управление демографическими и миграционными процессами может стать эффективным лишь при условии координации соответствующей политики на международном уровне и тесной увязки его с преодолением вопиющих контрастов в уровнях экономического развития между Севером и Югом.

Запасы и потребление природных ресурсов

В 1798 г. в Англии вышла в свет книга «Очерк принципов народонаселения», вызвавшая широкий отклик и нередко вспоминаемая до сих пор. Её автор, Томас Роберт Мальтус (1766–1834 гг.),

экономист и англиканский священник, попытался установить объективное соотношение динамики роста населения и ресурсов, необходимых для его выживания.

Согласно анализу Мальтуса, производство жизненных благ из природных ресурсов (продовольствия, тканей, стройматериалов и т.д.) растёт в арифметической прогрессии, тогда как население – в геометрической. Результатом оказывается всё большая нищета, доходящая до голода и вымирания, если не принять срочных мер по снижению рождаемости, способных восстановить нарушенный баланс.

Импульсом к появлению подобной теории стали вполне реальные черты жизни Англии времён первой промышленной революции. Сгон крестьян с земли («огораживания»), чтобы превратить пашни в пастбища для овец, дававших шерсть для работавших на экспорт английских текстильных фабрик, привёл к массовой нищете. Хлынувшие в города крестьяне не находили достаточно рабочих мест в промышленности, впервые оснащённой ткацкими станками с паровым двигателем. Выходом для них оказывались либо бродяжничество, сурово подавлявшееся властями на основании специального закона, либо массовая эмиграция в заморские владения, прежде всего Северную Америку.

Между тем, как раз в это время демографическая динамика в Англии перешла от первой, застойной модели ко второй – снижению смертности при сохранении высокой рождаемости благодаря, в частности, открытию Дженнером прививки от оспы. В поисках ключа к равновесию между численностью населения и объёмами необходимых для его пропитания ресурсов Мальтус исходил из закона убывающего плодородия почвы (развитого впоследствии великим английским экономистом Давидом Рикардо).

Согласно этому закону, естественное или искусственно стимулируемое с помощью удобрений, мелиорации, ирригации, севооборота плодородие почв имеет природные лимиты, тогда как рост народонаселения в принципе их лишен. Отсюда вытекает опасность чреватых голодом дисбалансов, смягчить которые можно лишь путём сокращения роста населения за счёт его воспроизводства на неизменной или даже суженной основе.

С тех пор слово «мальтузианство» приобрело явную негатив-

ную коннотацию – им стали обозначать любые подходы к решению экономических и демографических проблем за счёт не форсирования производства, а его торможения, даже сокращения ради поддержания стабильности.

Причём для Мальтуса и его последователей речь шла не столько о собственных ресурсных или технических лимитах, сколько о сугубо экономических: издержки на оснащение производства, в том числе сельскохозяйственного, более совершенным и, следовательно, дорогим оборудованием, считали они, влекут за собой рост органического строения капитала (преобладания постоянного за счёт уменьшения переменного), падение рентабельности и тенденцию средней нормы прибыли к понижению, а, следовательно, к падению производства. Именно такой ход мысли лёг в основу теории одного из самых непримиримых противников Мальтуса – К. Маркса, для которого обеспечение прибыльности товарного производства за счёт зарплаты, диктуемое конкурентной борьбой на рынке, не только ведёт якобы к абсолютному и относительному обнищанию пролетариата, но и создаёт тем самым предпосылки для социальной революции, призванной положить конец частной собственности на средства производства («экспроприация экспроприаторов»).

Уязвимость марксистской логики обусловлена тем, что научно-технический прогресс, как убедительно показал опыт двух последних столетий, не повышает, а наоборот, снижает издержки товарного производства, стимулируя массовое потребление, которое служит основным двигателем экономического роста.

Наряду с инновациями, важным фактором ограничения социального неравенства в развитых странах служит борьба партий и профсоюзов в рамках плюралистической демократии.

Хотя представители классической политэкономии, кейнсианства и особенно марксизма всегда резко критиковали работы Мальтуса, некое рациональное зерно в них всё же было. Определённая взаимосвязь демографии с ресурсами, бесспорно, существует, именно она положена во второй половине XX в. в основу докладов так называемого Римского клуба (см. ниже раздел об окружающей среде). Однако она гораздо сложнее, чем это представлялось Мальтусу и его современным последователям.

Торможение демографической динамики началось не там, где не хватает продовольствия, свирепствуют нищета, голод, эпидемии, а, наоборот, в экономически благополучных, высокоразвитых странах постиндустриального типа. Преобразуя характер своих взаимосвязей с природой, человек меняет и отношения между людьми в обществе, включая темпы рождаемости, уровень смертности, продолжительность жизни, возрастную пирамиду и прочие фундаментальные параметры демографического роста.

Принудительное ограничение рождаемости в некоторых случаях (Китай) оказалось необходимой предпосылкой для перехода к качественно более высокой стадии экономического развития: инвестиции и экспорт временно получили там преимущество перед семейным потреблением на внутреннем рынке с учётом дисбаланса материальных и трудовых ресурсов в пользу последних.

В условиях мирового экономического кризиса, развернувшегося в 2007–2009 гг., китайское руководство скорректировало свою прежнюю стратегию, взяв курс на замену части экспорта стимулированием внутреннего потребления семей, у которых норма сбережений доходила прежде до 40% среднего дохода. Со своей стороны США были вынуждены ограничить в пользу инвестиций потребление семей, превышавшее их доходы и раздувавшее кредит, что и привело к кризису. В обоих случаях акцент переместился на социальные и инфраструктурные ресурсы (тем более что именно Китай служит главным кредитором внутреннего рынка США).

Что наступит быстрее – завершение демографического перехода от быстрого роста мирового населения к его стабилизации на уровне 10-12 млрд или же исчерпание ресурсов, необходимых для производства материальных благ и, следовательно, выживания? Ответ на этот вопрос не сводится к элементарному мальтузианскому уравнению: абсолютный объём ресурсов, делённый на число их потребителей. В него включаются ещё и такие сложные факторы, как пределы финансовой рентабельности использования тех или иных ресурсов с учётом прогресса науки и техники, их экономия, возможность создания заменителей, а главное – распределение природных ресурсов на планете, являющееся крайне неравномерным как географически, так и по условиям их до-

бычи, транспортировки, переработки. Эта неравномерность всегда, а теперь тем более, является одним из главных факторов, лежащих в основе международных конфликтов.

Исторически первым и важнейшим из таких конфликтогенных ресурсов была, а кое-где и остаётся до сих пор, земля.

Две трети поверхности земного шара покрыты морями и океанами. Из трети суши в свою очередь треть занимают малопригодные для жизни человека горы, пустыни, леса, саванны. Оставшиеся 10% земель, пригодных для сельскохозяйственного использования (пашни, пастбища), человек на протяжении многих тысячелетий стремился расширить за счёт распашки, мелиорации, ирригации, добившись немалых результатов.

Однако с середины XX в. процесс расширения площади сельскохозяйственных земель притормозился, а затем пошёл вспять: за половину прошлого столетия она сократилась на 20%. Среди причин этого процесса – стремительный рост городов и пригородных урбанизированных зон, промышленных районов, связывающей их между собой дорожной сети, прорытие каналов, а главное – эрозия и разрушение почвенного покрова из-за высокой интенсивности его использования.

Например, если в 1950 г. в Африке жили 238 млн человек и насчитывалось 272 млн голов скота, то в 2000 г. и тех и других было уже свыше 600 млн. Результатом оказалось опустынивание значительной части территории континента, снижающее как площадь оставшихся полезных земель, так и их продуктивность. Ещё более красноречивый пример – активное введение в хозяйственный оборот свыше 10 млн га целинных и залежных земель в бывшем СССР. Вызвав огромную эрозию плодородного слоя ветрами и весенними водами, оно привело к тому, что из пяти лет только один год в зоне прежних целинных земель считается относительно урожайным, два – средними, и два – плохими.

Наряду с ростом поголовья скота и распашкой целины, важнейшими факторами сокращения площади, а нередко и ухудшения качества сельскохозяйственных земель всё чаще являются ныне именно те методы интенсивного ведения растениеводства и животноводства, которые всегда считались необходимым условием повышения его отдачи: ирригация, мелиорация, широкое ис-

пользование химических удобрений, средств защиты растений, борьбы с сорняками и вредителями (гербициды, пестициды). В случае непродуманного применения эти методы вызывают засоление почв, разрушение их естественной экосистемы и, как следствие, падение отдачи.

Следствием этих процессов является всё более заметный разрыв в темпах роста производства агропромышленным комплексом продовольствия и численности населения. Мировой экономический кризис резко обострил продовольственную проблему: если до его развёртывания в мире систематически недоедали 850 млн человек, то в 2008 г. их число увеличилось до 963 млн, а в 2009 г. перевалило за миллиард. Это вызвано, прежде всего, резкими скачками цен на основные продовольственные товары, составлявшие с 2006 г. в среднем 16% в год. Результатом оказались голодные бунты в ряде развивающихся стран и дестабилизация социальной власти во многих из них, причём не только на национальном уровне, но и на международном.

3-6 июля 2008 г. Всемирная организация по продовольствию и сельскому хозяйству при ООН (ФАО) провела в Риме конференцию 44 глав государств и правительств по вопросу обеспечения продовольственной безопасности, на которой было обещано срочно выделить в помощь голодающим в рамках Всемирной продовольственной программы ООН (ПАМ) и Международного фонда развития сельского хозяйства 22 млрд долларов. Однако год спустя из них поступило всего 10%.

Сессия «восьмёрки» в Аквиле (Италия) 8-10 июля 2009 г. рассмотрела специальный доклад о положении в мировом сельском хозяйстве, где подчёркивалось, что его нынешние проблемы чреватy серьёзной угрозой для международной безопасности в целом. В итоге руководители стран «восьмёрки» согласились выделить 15 млрд долл. на помощь наиболее бедным странам. Хотя, согласно подсчётам ФАО, только борьба с массовым голодом требует не менее 40 млрд долл. в год, тогда как резкое падение бюджетных доходов в развитых странах в условиях кризиса делает изыскание этих средств и особенно кредитование крестьянства весьма проблематичным.

Немалая доля ответственности за создавшееся критическое

положение лежит на руководстве Международного валютного фонда (МВФ) и Мирового банка (МБ), которое с 80-х гг. прошлого столетия обуславливало свою помощь развивающимся странам переориентацией их сельского хозяйства с традиционных продовольственных культур на интенсивные экспортные – кофе, какао, хлопок и т.д.

В итоге ныне треть крестьян не может прокормить сама себя, ибо колебания цен на мировых рынках не дают им устойчивых доходов. Из 1,3 млрд крестьян тракторы имеют лишь 28 млн, тягловый скот – 250 млн. Эксперты подсчитали, что для нормального снабжения продуктами питания 9,5-10 млрд жителей планеты, которых она будет насчитывать в 2050 г., необходимо удвоить производство продовольствия, увеличивая, в частности, поставки зерна на 1 млрд тонн в год, т.е. на 50% больше, чем в 2006 г. Между тем, сокращение площади земель сельскохозяйственного назначения только из-за урбанизации и дорожного строительства составляет 5 млн га в год.

Современная наука, в принципе, решила эту проблему благодаря интенсивной агротехнике («зелёная революция») и генной инженерии. Однако проблема последствий потребления человеком генетически изменённых продуктов (ГИП) остаётся открытой: если США однозначно избрали их производство основой своего АПК, то многие европейские страны относятся к ним с большим сомнением и стараются ограничивать импорт.

Между тем производство и потребление продовольствия в мире распределено крайне неравномерно. Основными поставщиками товарного зерна (пшеница, кукуруза, рис и т.д.) являются высокоразвитые страны с мощным, высокотехнологичным сельским хозяйством, прежде всего США и Канада; мясомолочной продукции – Австралия, Новая Зеландия, Аргентина; фруктов, овощей, вин, молочных продуктов – Евросоюз, особенно Франция, Испания, Италия, Нидерланды. В таких условиях группа развивающихся стран Азии, Африки, Латинской Америки при поддержке Китая и Бразилии решительно требует в ходе Дохийского раунда переговоров в рамках ВТО отказа развитых стран от государственного субсидирования своего сельского хозяйства и свободного допуска на их рынки экспортной продукции стран тре-

тьего мира.

Хотя после распада СССР Россия превратилась из крупного импортёра зерна в его экспортёра, от четверти до трети своего продовольствия, особенно товаров с высокой добавленной стоимостью (плодоовощные, мясомолочные продукты), она по-прежнему ввозит из-за рубежа, ставя под удар продовольственную безопасность страны.

В ближайшей перспективе одной из важнейших проблем, с которыми столкнётся человечество по части природных ресурсов, станет растущий дефицит воды.

Сами по себе запасы воды как химического элемента (H_2O), составляющего две трети земной поверхности, практически неисчерпаемы. Именно в морях и океанах на Земле возникла жизнь. Однако из общего объёма водных запасов пресная вода, включая все её источники вместе взятые – реки, озёра, подпочвенные воды, ледники, не превышает 3%, причём 80% объёма этих резервов так или иначе уже использованы, а половина загрязнена промышленными, сельскохозяйственными и бытовыми отходами.

Если в 1900 г. на жителя Земли приходилось в среднем 15 тыс. м³ питьевой воды, то в 2006 г. – только около 8 тыс., т.е. почти вдвое меньше (причём численность этих жителей, как уже отмечалось, выросла вчетверо). 1,5 млрд человек из 6,2 млрд затруднён доступ к питьевой воде, а для 3,5 млрд – к качественной. 15 тыс. человек гибнут ежедневно от потребления загрязнённой воды, вызывающей эпидемии, особенно холеры и малярии.

Острую нехватку воды испытывает экономика второй по населению страны в мире – Индии, где крестьяне активно используют подпочвенные воды для орошения полей. Только за последние 5 лет ими было вырыто 19 млн колодцев. В итоге истощения подпочвенного слоя к 2050 г. Индии будет не хватать 320 млрд м³ воды в год.

По оценкам экспертов ООН, к 2025 г. нехватку питьевой воды будет испытывать половина населения планеты, особенно в Африке, на Ближнем и Среднем Востоке и в Южной Азии. К 2040 г. её объём на одного жителя Земли сократится ещё вдвое – с 8 до 4 тыс. м³.

Подобно земле и продовольствию водные ресурсы всегда бы-

ли объектом конфликтов между племенами, народами, государствами. Это особенно очевидно на примере засушливых регионов, где контроль над верхними течениями крупных рек, от которых зависит жизнь сотен тысяч людей, всегда имел первостепенное геостратегическое измерение.

Достаточно упомянуть борьбу вокруг строительства Асуанской высотной плотины в Египте, когда поиски средств для неё ускорили решение египетского президента Г.А. Насера национализировать Суэцкий канал. Это решение вызвало англо-франко-израильское нападение на Египет («Суэцкую экспедицию» 1956 г.), провал которой привёл к крушению позиций старых колониальных держав в регионе, место которых заняли две тогдашние сверхдержавы – США и СССР.

Одним из основных препятствий к созданию жизнеспособного палестинского государства и мирному урегулированию на этой основе арабо-израильского конфликта является катастрофическая нехватка воды: в секторе Газа чрезмерное использование колодцев привело к заполнению подпочвенных водных слоёв солёной морской водой.

Между тем проблема водных ресурсов в принципе вполне решаема – при более рациональном использовании имеющихся ресурсов пресной воды её хватило бы на 20 млрд человек. Но для этого необходимо как минимум удвоить средства, используемые для водного хозяйства (в 2006 г. они составляли 70 млрд долл.), ввести более жёсткие нормы промышленного и сельскохозяйственного пользования, наконец, наладить в широких масштабах опреснение морской воды в особо засушливых регионах. Но это упирается не в физические, а в экономические лимиты, например, опреснение воды в промышленных масштабах остаётся пока чересчур дорогостоящим.

Примеры природных ресурсов, объём и добыча которых систематически отставали от потребительской и хозяйственной деятельности человека, а неравномерность географического распределения провоцировала завоевательные походы и колониальную экспансию, можно было бы многократно умножить. Особенно ярким из них служат драгоценные металлы – золото, серебро, платина, а также камни (алмазы), которые из-за своей сравнитель-

ной редкости и особой роли как мерила стоимости всех товаров в рыночной экономике и престижа были долгое время причиной кровопролитных войн. Однако после того как в XIX – начале XX в. деньги стали бумажными, в конце XX – начале XXI в. виртуальными, большинство металлов, кроме особо дефицитных, постепенно вытесняется синтетическими композитными материалами, их должно хватить, несмотря на периодические колебания цен, как минимум на 200 лет.

Главным ресурсом, вокруг которого идёт борьба, оказалась энергия. На протяжении 5 тыс. лет истории цивилизации основным энергетическим резервом хозяйственной деятельности была мускульная сила человека и домашних животных (лошади, быка, слона, буйвола, верблюда, осла), использовавшихся как тягловая сила при пахоте или транспортные средства. Природные источники – энергия ветра, падающей воды, сжигаемой в печах древесины и древесного угля (ветряные или водяные мельницы, парусный флот), играли вспомогательную роль.

Положение изменилось только с конца XVIII в. после первой промышленной революции в Англии. Её энергетической основой стало внедрение сначала в промышленность (металлургия, текстиль), затем в транспорт (железнодорожный, морской) парового двигателя, работавшего не на древесном, а на каменном угле. Именно это позволило Англии стать «мастерской мира», владычицей морей и завоевать величайшую в истории колониальную империю.

Следующая, вторая промышленная революция конца XIX – начала XX в. была также непосредственно связана с энергетикой – изобретением работавшего на нефтепродуктах двигателя внутреннего сгорания, появлением автомобиля, самолёта, широким внедрением электричества в промышленность, сельское хозяйство, быт.

Наконец, научно-техническая революция последней трети XX в. – выход человека в космос, информатика, прорыв в биологии и т.д. – сопровождалась рождением атомной энергетики. Однако она не заменила, а лишь дополнила (10-15% мирового потребления) прежние источники энергии, основой которой остались природные органические углеводороды – уголь, нефть, газ.

Если после первой и особенно второй промышленной революции рост производства отставал от потребления энергии на единицу продукции и по доле в ВВП (удвоение первого обеспечивалось утроением второго), то теперь энергоёмкость единицы продукции начала снижаться, а темпы производства энергии отставать от развития сельского хозяйства, промышленности, сферы услуг.

Эта тенденция диктовалась, с одной стороны, прогрессирующим истощением мировых углеводородных ресурсов, а с другой – крайне неравномерным размещением их на планете. Результатом оказываются острые конфликты интересов между странами-производителями и потребителями энергоресурсов по широкому кругу вопросов – ценам, порядку ценообразования, собственности или контролю над месторождениями, путям доставки и переработки энергоресурсов.

Эти ресурсы делятся на две основные категории – возобновляемые, резервы которых не имеют естественных лимитов (энергия солнца, ветра, падающей воды, вулканов, морских приливов, горячих гейзеров), и конечные, невозобновляемые (уголь, нефть, газ). Преимущественное использование тех или других определяется их наличием, доступностью, КПД техники, экономической себестоимостью, побочными эффектами (уровень загрязнения окружающей среды). Особую категорию составляет атомная энергия, резервы которой практически неисчерпаемы, но использование сопряжено со значительными технологическими рисками (проблема хранения радиоактивных отходов, Чернобыль).

В принципе, возобновляемые источники, безусловно, предпочтительнее – запасы их не имеют пределов, а применение не влечёт за собой печальных экологических последствий. Однако их потенциал может быть реализован пока лишь в ограниченных пределах – солнечные батареи рентабельны лишь в субтропических и тропических широтах, ветряные двигатели – на обширных равнинах, энергия прибой доступна лишь на некоторых участках морского и океанского побережья и т.д. Строительство ГЭС на крупных реках с помощью плотин обходится дорого и наносит немалый ущерб затопляемым почвам, флоре и фауне.

Главный недостаток возобновляемых источников состоит в том, что произведённую ими энергию при современном уровне

техники нельзя запасать, хранить и использовать по мере необходимости, что позволяет углеводородное топливо. Поэтому доля этих источников в мировом энергобалансе, составляющая ныне немногим более 10%, до середины XXI в. вряд ли заметно увеличится.

Все эти причины объясняют тот факт, что в настоящее время и как минимум до середины XXI в. главными источниками энергии для мировой экономики останутся ископаемые углеводороды. К началу XXI в. на долю возобновляемых источников в угольном эквиваленте приходилось 100 млн тонн, атомной энергии – 500 млн, угля – 1,7 млрд, газа – 200 млрд, нефти – 3,5 млрд т. К 2030 г. объём добычи и потребления (также в угольном эквиваленте) достигнет: угля – 2,5 млрд т, газа – 2,7 млрд, нефти – 5,3 млрд т. Таким образом, в абсолютном объёме быстрее всего будет расти добыча газа (и возобновляемых источников), но решающая роль по удельному весу в глобальном энергобалансе останется за нефтью.

Прежде чем перейти к анализу структуры и динамики мирового энергохозяйства, следует уточнить используемый набор единиц измерения. Добыча, сбыт и использование угля измеряются в тоннах (т), газа – в кубических метрах (м³), нефти – в баррелях (от англ. *barrel* «бочка»). Баррель – традиционная единица измерения жидких и сыпучих тел в англосаксонских странах, которая продолжает применяться на мировых биржах ввиду господства доллара в торговле зерном и нефтью.

Для зерновых рынков применяется как английский баррель, равный 165,65 л, так и американский – 115,6 л. Но нефть измеряется только в американских нефтяных баррелях, равных 159 л. Перевод одного вида энергии в другой производится в тоннах угольного или нефтяного эквивалента (ТНЭ) – через количество калорий, получаемых при сжигании тонны угля или нефти. Объём производства электроэнергии и мощность электростанций всех видов измеряется в мегаваттах (МВт), реже – в киловаттах (кВт).

Различные виды энергоресурсов имеют разный коэффициент полезного действия (КПД), измеряемый теплоотдачей в калориях плюс расходами при переводе первичного ресурса в механическую, тепловую или электроэнергию (расход веса топлива на киловатт). Самый низкий КПД у угля, используемого в паровой ма-

шине (теряются $\frac{2}{3}$ ресурса), выше – у нефти и газа (теряется половина), самый высокий – у атомной энергетики, но только ввиду весьма ограниченного расхода топлива.

В 2006 г. объём подтверждённых мировых запасов нефти составлял 900-1000 млрд баррелей, их добыча и потребление колебались в пределах 82-83 млн барр. в день. Как запасы и производство, так и потребление распределяются географически крайне неравномерно: если основные месторождения находятся большей частью в развивающихся странах Юга, которые их экспортируют, то главными потребителями и импортёрами выступают промышленно развитые страны Севера. На рубеже XXI в. в число последних вошли также так называемые «всплывающие» гиганты Азии, прежде всего, Китай и Индия, во многом изменившие мировую энергетическую геоэкономику.

Основные запасы углеводородных энергоресурсов (685 млрд барр. нефти) сосредоточены в странах Ближнего и Среднего Востока, особенно в районе Персидского залива. По подтверждённым резервам нефти мировым лидером безусловно является Саудовская Аравия (262 млрд), за ней следуют Ирак (113), Кувейт (97), Иран (90), Катар, Оман, Йемен, Объединённые Арабские Эмираты.

Резервы Америки – Северной и Южной – оцениваются в 150 млрд барр.: это Венесуэла (78 млрд), США (31), Мексика (27), Бразилия (9), Канада (7). Сравнительно небольшие запасы имеются также в Аргентине, Эквадоре, Колумбии, Перу.

Третье место по резервам удерживает Центральная и Северо-Восточная Азия – Сибирь, Каспийский регион, а также Дальний Восток (70 млрд): Россия (50 млрд), Казахстан (8-9), Азербайджан (7-8), Узбекистан (0,7), Туркменистан (0,5).

Остальные 100 млрд барр. сосредоточены в Южной Азии (Индонезия) и особенно в Африке (Нигерия, Алжир, Ливия, Габон, Ангола, Судан). На долю Европы (Северное море – Великобритания, Норвегия) приходится всего несколько процентов.

В то же время соотношение объёмов производства не совпадает со структурой запасов: на Ближний Восток приходится 28,5% добычи, на Россию – 10,7%, Африку – 10,6%, Центральную и Южную Америку – 9,9%. Россия, располагающая лишь 5-6% мировых резервов, занимает по добыче и экспорту второе место в

мире после Саудовской Аравии, которая превосходит её по запасам в пять раз.

Первое место по импорту нефти занимает Европейский союз (27,3%), второе – США (26%), третье – Китай, обогнавший Японию и оказывающий всё большее влияние на динамику спроса.

Цены на углеводородные энергоносители зависят от многих факторов – соотношения спроса потребителей, определяемого мировой конъюнктурой, и предложения стран-экспортёров, а также организации рынков, прогресса техники, экономии энергии и т.д.

Страны-производители энергоносителей распадаются на две категории – с крупными запасами, но небольшим населением, и густонаселённые, у которых значительная часть добычи идет на внутреннее потребление. Первые не просто имеют более высокую экспортную квоту в производстве, но и более широкие возможности варьировать добычу и экспорт, оказывая влияние на мировые цены. Другой важный критерий – расположение запасов нефти и газа, природные условия и себестоимость их добычи и транспортировки.

К первой категории относятся Саудовская Аравия и большинство государств Персидского залива, где издержки производства крайне низки, а близость к морю обеспечивает транспорт, ко второй – Россия, где залежи энергоресурсов находятся в далёких, труднодоступных районах с экстремальными климатическими условиями, а отчасти и США, являющиеся, несмотря на значительные ресурсы, нетто-импортёром энергоносителей.

Вплоть до конца 1950-х гг. как добыча, так и сбыт нефти, а отчасти и газа, за пределами России (СССР) находились под безраздельным контролем крупнейших корпораций – пяти американских во главе со «Стандарт ойл», британской «Бритиш петролеум» и англо-голландской «Роял Датч Шелл» («семь сестёр»), которые приобрели или арендовали основные источники Ближнего Востока.

Ситуация существенно изменилась с 1960 г., когда основные нефтедобывающие государства создали картель – Организацию стран-экспортёров нефти (ОПЕК), установив для себя квоты на добычу и экспорт с целью регулирования оптимальных для них цен: слишком высокие чреватые падением мировой конъюнктуры

и спроса, чересчур низкие – сокращением доходов.

До начала мирового экономического кризиса, в 2005 г., эти квоты общим объёмом порядка 22 млн барр. в день составляли: Саудовская Аравия – 7,5, Иран – 3,2, Венесуэла – 2,5, ОАЭ – 1,9, Кувейт – 1,8, Нигерия – 1,8, Ирак – 1,7 (в связи с войной), Катар – 1,6, Ливия – 1,2, Индонезия – 1,2, Алжир – 0,7.

Одновременно началась волна национализации нефтяных месторождений, переходивших в собственность государств – их хозяев, с которыми мировые концерны заключили соглашения об участии в разведке, добыче, транспортировке и сбыте.

Вместе с тем на долю ОПЕК приходится значительно меньше половины мировой добычи нефти. В картель не входит ряд крупнейших производителей – Россия, Казахстан, Азербайджан, США, Канада, Норвегия, Мексика, Бразилия, Оман. С учётом того, что сами члены ОПЕК нередко нарушают согласованные квоты, а независимые производители вообще не связаны ими, цены на баррель нефти в долларах США колеблются на мировых биржах в довольно широком диапазоне, зависящем от самых разных факторов, как экономических (прогнозов конъюнктуры у основных потребителей), так и политических (результатов выборов, переворотов, вооружённых конфликтов и т.д.).

В свою очередь скачки нефтяных котировок оказывают порой огромное влияние на мировую экономику и политику. Превращение «расширенного Ближнего Востока», постоянно сотрясаемого кризисами и войнами, в пороховую бочку, какой служили до 1914 г. Балканы, напрямую связано с нефтью. Дважды – в связи с введением арабами эмбарго на поставки нефти в страны Запада, поддерживавшие Израиль в ходе войны Судного дня (1973 г.), и в связи с исламистской революцией в Иране (1979 г.) – цены взлетали многократно в 8-10 раз, вызывая острые кризисы западной экономики. Не менее тяжёлые последствия влекли за собой резкие падения цен на нефть, до 9-10 долл. за барр. в 1986 и 1998 гг., вызвавшие финансовый дефолт в России.

Длительный рост (в 7-8 раз) цен на нефть с 2000 г. сыграл решающую роль в выходе России из структурного кризиса 1990-х гг. и переходе её к устойчиво высоким темпам роста ВВП в целом порядка 5,5-6,5% в год, что дало возможность погасить зна-

чительную часть внешнего долга.

Если доля России в мировых запасах нефти не превышает 5-6%, а в её экспорте – 10-11%, то по газу её позиции гораздо прочнее: на неё приходится до трети глобальных резервов. Вместе со следующими за ней Туркменистаном, Ираном, Катаром и Алжиром она фактически определяет мировую конъюнктуру на «голубое топливо», темпы роста добычи которого с учётом его экономической чистоты выше, чем остальных углеводородов – угля и нефти. Основным потребителем российского газа является Евросоюз, около трети импорта которого обеспечивает РФ.

Однако благоприятная конъюнктура, связанная с высоким спросом локомотивов мировой экономики – США, ЕС, Японии, а теперь также Китая и Индии, имеет оборотную сторону. Приток в страну нефтедолларов способствует инфляции и повышению курса рубля. Это тормозит экспорт и стимулирует импорт, негативно отражаясь на конкурентоспособности и даже выживании отечественной промышленности и сельского хозяйства, закрепляя их невыгодную структурную ориентацию в международном разделении труда на сырьё и полуфабрикаты с низкой добавленной стоимостью («голландская болезнь»).

Будучи крупным источником иностранной валюты, российский ТЭК вынужден в то же время инвестировать огромные средства в поддержание изношенной инфраструктуры добычи и транспортировки энергоносителей ещё советских времён (до 2012 г. на это потребуется почти 1 трлн долл.). Это отвлекает капиталы от главных задач, стоящих перед российской экономикой, – её коренной структурной перестройки в пользу высокотехнологичных отраслей, перехода на инновационный путь развития, поднятия социальной сферы. Между тем, две трети российской нефти и половина газа необходимы для внутреннего потребления, где цены гораздо ниже, чем экспортные.

Центральной проблемой российского ТЭК является размещение его добывающих мощностей в отдалённых труднодоступных регионах, порой за Полярным кругом, с крайне тяжёлыми климатическими условиями (где себестоимость добычи в пять раз выше, чем на Ближнем Востоке – 10-12 долл. за барр. вместо 3-4) и необходимость доставки его зарубежным потребителям весьма

дорогостоящим способом – по нефте- и газопроводам за многие тысячи километров. Между тем, ближневосточная, африканская или венесуэльская нефть доставляется танкерами практически с места добычи, а сжиженный природный газ из Катара, Алжира и всё более многочисленных других стран – контейнеровозами. Создание промышленности по сжижению газа и глубокой переработке нефти в сорта топлива, а ещё лучше в продукты органической химии с несравненно большей добавленной стоимостью, становится необходимым условием сохранения позиций России на мировом энергорынке.

С тем, чтобы уравновесить преимущества производителей, страны-потребители создали в начале 1970-х гг. Международное энергетическое агентство (МЭА) для координации своих действий по предотвращению чрезмерного роста цен, а также разработали Энергетическую хартию, прокламирующую принципы либерализации рынков энергоносителей, свободного доступа к их добыче и транспорту. Ряд газо- и нефтепроводов доставляет каспийскую нефть в обход территории России в Европу.

Подписав Хартию в 1994 г., Россия отказалась затем ратифицировать её, как и транзитный протокол. Стратегия РФ нацелена на закрепление её конкурентных преимуществ путём установления контроля над компаниями стран-транзитёров, через территорию которых доставляются российские энергоносители, и сбыт в странах-потребителях. Этот конфликт серьёзно осложнил отношения России с Евросоюзом, а отчасти и с рядом стран СНГ, получающих отныне российские нефть и газ по ценам, близким к рыночным (Украина, Белоруссия, Грузия и т.д.).

Мировой финансово-экономический кризис значительно увеличил разброс цен на углеводороды в 2006–2009 гг. Они колебались в пятикратном размере (от почти 150 до 30 долл. за барр.), что оказывало дестабилизирующее воздействие на экономику всех звеньев топливно-энергетического цикла – стран-производителей, потребителей и транзитёров, включая Россию.

Столкновения интересов производителей и потребителей энергоресурсов связаны в конечном счёте с проблемой глобального масштаба – неизбежным исчерпанием резервов углеводородов. Хотя их разведка обнаруживает новые залежи, увеличение оценок

потенциальных запасов всё более отстаёт от выработки старых.

В начале XXI в. энергетический потенциал угля достигал 300 млрд т нефтяного эквивалента (ТНЭ), нефти – 150 млрд, газа – 160 млрд, что составляло 60% всей потребляемой мировой экономической энергии. При современных темпах роста потребления запасов угля должно хватить на 230 лет, газа – на 70, нефти – на 50. Причём эти усреднённые цифры не учитывают различий в объёме запасов по регионам, например на Ближнем Востоке нефть можно будет добывать ещё 92 года, тогда как в Африке – только 27, а в России – всего 22 года!

Эта тревожная перспектива несколько смягчается такими факторами, как введение в оборот благодаря высоким ценам пока ещё нерентабельных запасов битуминозных сланцев Северной Америки, развитие технологий газификации угля и сжижения газа, что удвоит нынешние запасы нефти и продлит её использование до конца столетия. Определённый резерв может составить также применение вместо нефти продуктов растениеводства путём перегонки зелёной массы (биотопливо типа этанола), уже применяемых довольно успешно Бразилией. Не менее важна тенденция к снижению энергоёмкости продукции и экономия за счёт этого энергии.

Тем не менее, рано или поздно человечество всё же будет вынуждено отказаться от дальнейшего использования органических углеводородов и перейти на возобновляемые источники и атомную энергию. О масштабном увеличении строительства АЭС объявили США, Индия, Япония, Китай (30 реакторов к 2030 г.). Но в связи с этим может возникнуть дефицит урана – в 2005 г. его добыча составила 40 тыс. т, а потребление – 69 тыс. при мировых запасах порядка 5 млн т. Мировой лидер по этим запасам – Австралия (989 тыс. т), за ней следуют Казахстан (622 тыс.), Россия (615 тыс.), Канада (441 тыс.), ЮАР (398 тыс.), Украина (250 тыс. тонн). К 2020 г. нехватка урана может достигнуть 20 тыс. т, четверти мирового потребления к этому времени.

Главный исполнительный директор англо-голландской нефтяной компании «Роял Датч Шелл» Йерун ван дер Вир считает, что при условии активной политики правительств по стимулированию развития альтернативных источников энергии к середине нынешнего столетия их удельный вес в мировом энергобалансе мо-

жет достигнуть трети. Техническим условием этого он считает, прежде всего, радикальное сокращение энергопотребления транспорта (к 2050 г. число автомобилей удвоится, достигнув более 2 млрд). Решение этой проблемы видится в росте доли моторного биотоплива минимум на 10%, переходе как минимум 15% автопарка на экономичные гибридные двигатели или топливные элементы на водороде. Это потребует весьма значительных затрат: по подсчётам Международного энергетического агентства к 2030 г. только в разработку возобновляемых источников энергии необходимо инвестировать 5,5 трлн долл., что даже после преодоления мирового экономического кризиса, начавшегося в 2007 г., будет нелегко.

Радикальное решение проблемы нехватки энергоресурсов потребует прорыва в одном из двух направлений: технологии использования в качестве топлива водорода, запасы которого в морской воде практически неисчерпаемы, и/или освоения в промышленных масштабах методологии термоядерного синтеза. Пока до этого ещё далеко: применение водорода окупает его производство лишь на 65%, а до создания крупных ТЭЦ на термоядерном синтезе необходимо решить не менее масштабную задачу хранения запасов произведённой ими энергии. Решение этих задач станет главным условием развития, да и просто выживания человеческой цивилизации к концу нынешнего столетия.

Угрозы окружающей среде

Исчерпание запасов природных ресурсов усугубляется их крайне нерациональным использованием, что чревато поистине катастрофическими последствиями.

Равновесие между результатами жизнедеятельности человека как биологического вида и природой сохранялось до тех пор, пока первобытные люди жили охотой и собирательством. Переход к скотоводству и земледелию сопровождался первыми конфликтами людей с окружающей средой – эрозией почв из-за их распашки, засолением при ирригации, сведением лесов и прерий подсечно-огневым способом расчистки земли под пастбища и пахоту (так были почти сведены на нет, например, тропические леса Индии и Мадагаскара, составлявшие 2 тыс. лет назад 70% их

площади).

Однако только за последние два столетия в результате демографического взрыва и промышленных революций конфликты человека с природой приобрели масштаб беспощадной войны на уничтожение. Хотя голоса отдельных философов, учёных, писателей, начиная с Ж.-Ж. Руссо, призывали к поискам утраченной гармонии с природой как необходимого условия духовного совершенствования человека, логика капиталистического способа производства вела к торжеству идеи «покорения» им природы. Пафос самоутверждения в борьбе с природой был целиком воспринят, более того, доведён до крайности, и коммунистическими противниками капитализма.

В итоге этого волюнтаристского, недальновидного и безответственного подхода к середине XX в. сложилась грозная ситуация, при которой каждый дальнейший шаг в развитии производительных сил оплачивается всё более серьёзным разрушением среды обитания человека и биосферы Земли в целом.

Самым опасным симптомом этого процесса стало загрязнение воздуха выбросами промышленных предприятий, жилищ и средств транспорта, прежде всего автомобилей, продуктами горения углеводородных источников энергии – угля и нефти. За год в атмосферу выбрасывается 7 млрд т углекислого газа (CO₂), метана и некоторых других газообразных веществ, сотни миллионов тонн пыли.

Результатом оказывается не только ухудшение воздуха для дыхания жителей крупных мегаполисов, где уже к середине XXI в. будет сосредоточено более половины человечества, но и снижение его прозрачности. Солнечная радиация, нагревающая поверхность планеты, не может в таких условиях отдавать основную часть своего тепла в космос, что вызывает парниковый эффект – постепенное потепление климата.

Если за последние 100 лет средняя температура у поверхности Земли повысилась на 0,5°C, то только за последние 10 лет (1995–2005 гг.) – вдвое больше. Большинство экспертов прогнозируют, что при сохранении существующей тенденции к 2050 г. она повысится на два, а к концу века – на четыре градуса. Если этот прогноз сбудется, то последствия рискуют оказаться трудно-

вообразимыми. Таяние полярных шапок и льдов Гренландии затопит десятки островов и прибрежных зон, где живут сотни миллионов людей. Под водой окажутся 7 из 10 крупнейших портовых городов мира. Африканские пустыни начнут расширяться каждый год на территорию, равную площади Бельгии. Изменяют векторы океанские течения, в том числе Гольфстрим, определяющий климат Северной Европы.

Многие из этих тенденций уже начали приобретать реальные очертания. Таяние льдов Арктики ускорилось в 2,5 раза – они утратили за 6-7 лет (1999–2006 гг.) 3 млн м³. К 2050 г. уровень океанов грозит подняться на 12-15 см, если не больше. Раннее наступление весны и лета, небывало тёплые зимы, перемежающиеся сильными морозами и обильными снегопадами, серия масштабных катастроф (ураганов, наводнений, цунами) подтверждают вывод Комиссии ООН о том, что процесс изменения климата пошёл. Хотя среди учёных продолжаются споры о том, в какой степени данные явления вызваны деятельностью человека, а в какой – природными факторами, сомнений в роли парникового эффекта быть не может.

Повышение в атмосфере удельного веса газов, вызывающих этот эффект, особенно углекислого, вызвано не только промышленными, бытовыми и транспортными выбросами в воздух (из них четверть приходится на автомашины), но и уничтожением лесов.

Углекислый газ поглощают растения, прежде всего леса, превращающие его в процессе фотосинтеза в кислород. Именно благодаря этому земная атмосфера стала за последний миллиард лет пригодной для дыхания. Между тем человечество уже исчерпало половину потенциала этого фотосинтеза. После упоминавшихся лесов Индии и Мадагаскара наступила очередь «лёгких планеты» – тропических массивов Амазонии, Центральной Африки, Юго-Восточной Азии, тайги Сибири и Северной Америки, которые сокращаются на 12 млн га в год, будучи жертвами хищнической вырубki для промышленных целей (бумага, упаковочный картон, строительство, мебель) или увеличения посевных площадей сельскохозяйственных культур.

Даже в Западной Европе, где рациональное ведение лесного хозяйства (лесопосадки) сохранило под лесами четверть терри-

тории стран ЕС, они оказались под угрозой из-за т.н. кислотных дождей – атмосферных осадков, содержащих высокий процент вредных для растений окислов серы и азота, содержащихся в атмосферных выбросах промышленных предприятий. Только за 1990-е гг. в Германии исчезла половина лесов.

В мегаполисах стало обычным образование смога (смеси тумана с дымом) от труб отопительной системы жилья и выхлопа автомашин. Впервые отмеченный в Лондоне ещё в конце XIX в., когда британская столица отапливалась дровами или древесным и каменным углём, этот феномен распространился ныне по всей планете. Особенно чувствителен он в гигантских агломерациях с 15-20 млн жителей (Токио, Мехико, Нью-Йорк, Шанхай и т.д.), где резко повысилась норма лёгочных заболеваний, особенно онкологических.

Сокращение площадей пригодных для сельского хозяйства земель и резервов пресной воды из-за роста населения, производства, городов, дорожной инфраструктуры усугубляется всё более значительным объёмом сельскохозяйственных, промышленных и бытовых отходов, загрязняющих окружающую среду.

Наибольшую опасность представляют собой, как уже отмечалось, последствия интенсивной ирригации и мелиорации, которые ведут к эрозии почв, защищавшихся прежде лесами, их засолению и опустыниванию. Наиболее яркий пример этого – трагедия Аральского моря в Средней Азии: его площадь сократилась вдвое из-за забора воды для орошения монокультуры хлопка из рек Амударья и Сырдарья.

В перспективе ещё более опасным может оказаться масштабное применение химических удобрений, пестицидов и гербицидов, которые накапливаются в тканях растений и животных, угрожая здоровью людей (нитраты, фосфаты, ДДТ и т.д.).

Аналогичный эффект вызывает массовый сброс в водные потоки промышленных, сельскохозяйственных и бытовых отходов, накопление на периферии городов гигантских свалок мусора и кладбищ автомобилей. Хотя существующие очистные сооружения и мусороперерабатывающие заводы в принципе достаточно эффективны, они обходятся дорого, не всегда используются в соответствии с нормами экологических требований и в свою оче-

редь наносят ущерб среде обитания.

Это особенно даёт о себе знать в городах развивающихся стран, окружённых обычно кольцом «бидонвелей» вроде печально известных «фавел» Рио-де-Жанейро – нищих лачуг, лишённых элементарной инфраструктуры (электричества, водопровода, канализации) и являющихся очагами распространения опасных инфекционных заболеваний.

Главной проблемой, связанной с переработкой отходов, безусловно, стала необходимость найти безопасные места хранения и способы дезактивации отработанного топлива АЭС и оружейного плутония отслуживших свой срок ядерных боеголовок. Первоначальные варианты – затопление контейнеров с радиоактивными материалами в морях и океанах, помещение их в соляные шахты и т.п. – не дали убедительных результатов, что вызывало к жизни даже экзотические проекты вроде вывода отходов в космос. В начале XXI в. наиболее практичными считаются снижение уровня радиоактивности отходов, их остекление и захоронение.

Одним из наиболее тревожных последствий действия всех этих факторов в сочетании с всё более широкими промышленными масштабами использования человеком биоресурсов дикой природы (охота, рыболовство) является стремительное уменьшение их объёма и безвозвратное исчезновение множества биологических видов.

Из 1,75 млн существующих и 14 млн потенциально существующих, но пока ещё не описанных наукой видов флоры и фауны каждый год исчезают 10 тысяч. 10% коралловых рифов, без которых невозможна жизнь рыб в тропиках, уже обречены на гибель, через 30 лет ещё треть. Только за последние 10 лет исчезли четыре из семи видов морских черепах, 80% видов акул. Это не удивительно: всего за полвека с 1950 г. ежегодный объём улова рыбы и морепродуктов вырос в семь раз – с 20 до 135 млн т, особенно в северно-восточной Атлантике и на юго-востоке Тихого океана, где половина улова превышает норму естественного воспроизводства. Под угрозой оказались даже такие основные объекты рыболовства, как тресковые и красный тунец.

Не лучше положение и на суше, где исчезновение грозит четверти всех видов млекопитающих. Только в одних США зареги-

стрированные охотники-любители уничтожают 200 млн представителей разных видов диких животных в год. Жертвы же браконьерства вообще не поддаются подсчёту. Ещё более губительным является разрушение привычной среды обитания местной фауны – тропических лесов и саванн Амазонии, Индонезии, Африки, где численность крупных млекопитающих (слонов, носорогов, зебр, антилоп, львов, тигров, горилл и т.д.) сократилась за последнее столетие в десятки раз.

Исчезновение всё большего числа видов растений и животных чревато безвозвратным обеднением генетического фонда планеты, следовательно, опасностью вырождения животных, а в конечном счёте и самого «царя природы» – человека, являющегося её органической частью.

Одним из наиболее тревожных симптомов нарушения баланса биосферы Земли из-за подрыва человеком естественных экосистем служат участвовавшие мутации болезнетворных бактерий и вирусов, вызывающих пандемии и эпизоотии неизвестных ранее инфекционных болезней – СПИДа, злокачественной пневмонии (СРАС), гепатита С, куриного, а затем и свиного гриппа, коровьего бешенства и т.д. Поиски эффективных средств борьбы с ними затруднены не только высокими издержками, но и трудностями карантинных мероприятий в эпоху массовых миграций на фоне процесса глобализации мировой экономики.

Факторами, способствующими распространению инфекционных пандемий, являются не только частые мутации их возбудителей, прежде всего гриппа, но и глобальное изменение климата. Среди почти исчезнувших было благодаря активным мероприятиям, но вновь появившихся болезней фигурирует, в частности, малярия. Повышение среднегодовых температур привело к тому, что разносчики малярии – определённые виды комаров – распространились далеко за пределы их обычных сфер обитания. Малярией болеют до 500 млн человек в год, при этом от 1 до 3 млн человек умирают.

Беспокойство мирового общественного мнения в связи с неуклонным ростом угроз окружающей среде приобрело с середины XX в. реальные очертания, приняв форму сначала публичных выступлений учёных-экспертов, а затем и массовых движений эко-

логов. Хотя международные экологические организации гражданского общества и созданные во имя защиты окружающей среды партии «зелёных» остаются в большинстве стран (за исключением одно время Германии) на обочине политической жизни, правительствам приходится волей-неволей обращаться на данную проблематику всё более серьёзное внимание.

Важными вехами на этом пути явились всемирные конференции, проведённые на высшем уровне под эгидой ООН – сначала в Рио-де-Жанейро (Бразилия, 1992 г.), затем, десятилетие спустя, в Йоханнесбурге (ЮАР, 2002 г.). Между ними проблему рассматривала комиссия из представителей ведущих стран мирового сообщества под председательством бывшего премьер-министра Норвегии Гру Харлем Брундтланд.

Самая масштабная из экологических проблем – потепление климата – стала предметом Протокола об ограничении выбросов в атмосферу газов, вызывающих парниковый эффект, подписанного в Киото (Япония), ратифицированного большинством участников, в том числе РФ, и вступившего в силу. В связи с перспективой истечения срока действия в 2012 г. Протокола и неприсоединением к нему государств, ответственных за выброс наибольших объёмов углекислого газа, прежде всего США, данная проблема обсуждалась также на саммитах Европейского союза в Гётеборге (Швеция, 2002 г.), «восьмёрки» ведущих промышленно развитых стран в Хайлигендаме (Германия, 2007 г.), а также на конференции в Копенгагене (2009 г.).

Целая серия межправительственных соглашений запрещает охоту на исчезающие виды редких животных, занесённых в Красную книгу, китобойный промысел, ограничивает жёсткими квотами улов отдельных видов промысловых рыб и морепродуктов в угрожаемых депопуляцией участках морей и океанов.

Фактором, затрудняющим принятие международных соглашений по защите окружающей среды и соблюдение уже существующих, являются высокие издержки природоохранных мер, подрывающие конкурентоспособность участников на мировых рынках и тормозящие модернизацию структур национальных экономик. Эти соображения особенно важны для развивающихся и переходных государств, ставших под давлением демографических факто-

ров на путь форсированного догоняющего развития (Китай, Индия, Бразилия, в известной мере и Россия – страны БРИК). На международных форумах, посвящённых проблемам экологии, в частности ограничению выброса газов с парниковым эффектом в атмосферу, представители этих стран требуют дифференцированного подхода к ним с учётом различий уровня экономического развития. Они ссылаются на то, что ведущие центры мировой экономики – США, Евросоюз, Япония («золотой миллиард») – должны взять на себя более затратные обязательства, т.к. развитие их экономик на стадии первых промышленных революций, когда никаких ограничений не существовало, решающим образом содействовало возникновению нынешних проблем. Поэтому сессия «восьмёрки» в Аквиле (2009 г.) приняла решение снизить до 2050 г. объём выброса парниковых газов в атмосферу в среднем на 50%, а для развитых стран на 80%. Проблема выбора между присоединением к международным договорам после Киотского протокола и отказом от них вызвала в России острую полемику между сторонниками национальных модернизационных проектов и защитниками солидарного с международным сообществом подхода к глобальным угрозам для всего человечества. Весьма влиятельным оказалось и течение, представители которого добивались, причём безуспешно, сугубо коммерческого решения проблемы ввозимых из-за рубежа отходов, в том числе радиоактивных, что чревато превращением страны в мировую экологическую свалку. В деятельности этого лобби нередко присутствует коррупционная составляющая, вызывавшая неоднократно громкие общественные скандалы.

В основе работы международных форумов и принятых на них документов лежит Концепция устойчивого развития, постепенно сложившаяся в результате работ учёных разных стран на протяжении длительного времени. Одним из пионеров в разработке этой концепции стал великий русский учёный академик В.И. Вернадский, выдвинувший идею органической взаимозависимости всех элементов природы – неорганической и органической, биосферы и «ноосферы» человека.

Заметный импульс размышлениям на эту тему дал нашумевший доклад международного Римского клуба учёных и обще-

ственных деятелей, опубликованный в 1972 г. под заголовком «Пределы роста». Основная мысль его сводилась к тому, что темпы роста мировой экономики начинают на определённом этапе отставать от темпов вызванного им истощения ресурсов и разрушения окружающей среды. В результате каждое новое поколение ожидают всё менее благоприятные условия жизни. Отсюда следовал парадоксальный вывод о необходимости переключить прирост глобального ВВП на затраты по обеспечению экономии сырья и экологической безопасности, чтобы тем самым способствовать и торможению демографической динамики («нулевой рост»).

Доклад Римского клуба вызвал острую полемику. Большинство специалистов решительно отвергли его, сочтя очередным изданием старых идей мальтузианства. Эта полемика продолжается до сих пор: «Механистический подход Римского клуба, сформулированный в первом докладе “Пределы роста” 30 лет назад (пределы роста человечества определяются ресурсами), не оправдал себя. Он не позволяет объяснить демографический переход», – утверждает С.Л. Капица.

Эта критика не лишена оснований. Однако сама постановка Римским клубом проблемы поисков оптимального баланса между ростом населения, ресурсами и затратами на экологию была плодотворной. Она позволила сформулировать цельную концепцию, при которой устойчивое развитие должно не только удовлетворять потребности настоящего времени, но и не ставить под угрозу «способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности».

Императив обеспечения максимально высоких темпов прироста производства должен, согласно этой концепции, органически включать в себя, наряду с финансовой рентабельностью, также другие, не менее важные задачи – экономию ресурсов, сохранение среды обитания, преодоление контрастов в уровнях экономического развития разных стран, наконец, неуклонное повышение качества жизни нынешнего и будущих поколений.

Причём особенность Концепции устойчивого развития состоит в том, что все эти задачи не противоречат, а дополняют одна другую, например расходы на очистные сооружения могут создавать дополнительный спрос, стимулирующий темпы роста, но при

условии, что они будут обязательны для всех рыночных игроков, чтобы не усиливать конкурентоспособность одних в ущерб другим.

Некоторые практические шаги в этом направлении уже приняты. Так, например, международные конвенции по ограничению квотами рыболовства имели следствием стремительное развитие промышленности по искусственному разведению рыбы. Её продукция выросла всего за 25 лет (1980–2005 гг.) с 8 до 43% общего потребления морепродуктов до 45,5 млн т на внушительную сумму 63 млрд долл. Из них 70% приходится на долю одного лишь Китая. До 2030 г. для сохранения нынешней нормы потребления (12 кг на человека в год) необходимо будет удвоить этот объём, доведя его до 80 млн тонн.

Значительные успехи достигнуты в технологии переработки промышленных и бытовых отходов, используемых в качестве «вторичного сырья». За его счёт из отходов извлекаются и вновь используются в производстве 40% мирового потребления алюминия, 38% меди, 47% свинца, 22% бытовых пластмасс. В ряде стран, особенно в Японии, созданы крупные предприятия с полностью безотходным замкнутым производством.

Благодаря фундаментальным открытиям в области молекулярной биологии становится возможной эффективная борьба против наиболее опасных болезней, включая рак и СПИД, методами генной инженерии с использованием стволовых клеток и профилактикой индивидуальной наследственной уязвимости.

С развёртыванием мирового кризиса 2007 г. концепция устойчивого развития приобрела новую актуальность, выдвинувшись в центр полемики между защитниками возобновления любой ценой роста производства ради борьбы с безработицей и голодом и сторонниками введения этических, нравственных критериев в процессе принятия экономических решений, забвение которых в безудержной погоне за спекулятивной прибылью и лежит в основе последнего кризиса.

Известный индийский учёный, лауреат Нобелевской премии по экономике Амартия Сен подчёркивает: «Речь идёт не о том, быть за капитализм или против него, а о необходимости поставить рынок и капитал на их место. Сегодня мы признаёмся в том,

что хотим возродить стремление вернуться к таким фундаментальным ценностям, как справедливость, гуманизм и подлинная свобода для всех».

Тем не менее, все эти бесспорные достижения ещё очень далеки от претворения в жизнь Концепции устойчивого развития в мировом масштабе. Главным препятствием является противоречие между глобализацией производства, всё более масштабным передвижением через границы товаров, услуг, капиталов, людей и отсутствием глобального управления этими процессами. В условиях всё более острой конкуренции на мировых рынках правительства национальных государств и транснациональные корпорации стремятся избавиться от любых ограничений, способных уменьшить конкурентоспособность их товаров по сравнению с продукцией соперников. Всё более резкие контрасты между уровнями экономического развития отдельных стран и целых регионов, ценой их рабочей силы и систем социальной защиты ведут к тому, что согласовать экологическую политику, обязательную для всех государств в равной степени и сопряжённую с немалыми издержками, оказывается чрезвычайно трудно.

Противоречия глобализации

Глобализация – это процесс, который решающим образом определяет облик современной мировой цивилизации. При анализе данной проблематики основное внимание уделяется взаимодействию двух координат глобализации – её влияния на отношения человека с природой и людей между собой. Пересечение этих координат и определяет взаимодействие законов природы и общества, которые могут как взаимно дополнять, так и противоречить друг другу.

Необходимо подчеркнуть, что глобализация со всеми её положительными и отрицательными последствиями отнюдь не заговор некоей «мировой закулисы» – американского империализма, спецслужб, масонов и т.п. атрибутов фантазий любителей конспирологии. Это объективный процесс выхода производительных сил человечества на качественно новую ступень.

Конкретно глобализация означает резкое увеличение объёма и интенсивности перемещения через национальные границы това-

ров, услуг, капиталов, людей, от которого ни один актер мировой экономики не может остаться в стороне. Широкие торгово-экономические связи между странами, порой самыми отдалёнными, были уже на заре цивилизаций. Достаточно вспомнить Великий шёлковый путь из Китая в Европу, по которому ежегодно проходили тысячи караванов с товарами, или «путь из варяг в греки» – от Балтики до Чёрного моря через Великий Новгород и Киевскую Русь. Однако эти обмены ещё не были для их участников, за исключением т.н. торговых государств (Финикия, Венеция, Генуя, Нидерланды, а с XVIII в. и Великобритания), необходимым условием их существования. Удельный вес внутренних рынков подавляющего большинства этих стран составлял сравнительно ограниченную часть их ВВП.

С конца XX в. ситуация изменилась в принципе. Если и сейчас внутренние рынки далеко превышают обычно по объёму товарооборота внешние, за исключением «нефтяных эмиратов» Персидского залива, то производство и потребление во всех странах целиком зависят от разделения и специализации труда в международном масштабе. Темпы роста мировой торговли систематически опережают динамику производства товаров и услуг, то же можно сказать соответственно о международных финансовых операциях по сравнению с торговлей.

Важнейшим фактором, сделавшим возможным такой перелом, стала научно-техническая революция на рубеже XX–XXI вв. на основе информатики. «Всемирная паутина» Интернета связала между собой важнейшие центры производства и обмена, прежде всего биржи и банки, потоками сведений обо всех факторах, влияющих на котировки ценных бумаг, капитализацию активов, курсы валют, а тем самым на принятие в реальном времени решений о купле-продаже собственности, инвестициях, потреблении.

Это стало возможным не только благодаря стремительному развитию электронно-вычислительной техники. Органическое проникновение последней в структуру мировых хозяйственных процессов началось с того, что в наиболее развитых странах, на которые приходится основная масса добавленной стоимости, услуги далеко опередили по стоимости реальный сектор – сельскохозяйственное и промышленное производство вместе взятые, до-

стигнув двух третей ВВП.

Хотя 80% человечества – развивающиеся страны – всё ещё живут в индустриальном, а многие и в доиндустриальном обществе, т.н. страны «золотого миллиарда» (Северная Америка, Евросоюз, Япония) бесповоротно вступили в постиндустриальную эру. Именно они производят 75% товаров и услуг. «Всплывающие экономики» Китая и Индии идут по тому же пути.

Не менее важным, поистине судьбоносным событием, без которого глобализация в её современных масштабах была бы невысказана, явилось крушение «реального социализма» советского образца, положившее конец расколу мира на две несовместимые социально-экономические системы. История убедительно опровергла тезис, сформулированный в последней брошюре Сталина («Экономические проблемы социализма в СССР») о формировании двух мировых рынков, основанных на разных принципах. С того момента, как попытки найти альтернативу рыночной системе окончательно зашли в тупик, единый мировой рынок стал реальностью.

Следует, однако, отметить, что безальтернативность рыночной системы и объективный характер глобализации ещё не означают, что достигнутый ею ныне уровень необратим. Процессы формирования мирового рынка в результате первой и второй промышленных революций развивались по восходящей вплоть до 1914 г., когда они были внезапно прерваны двумя мировыми войнами, Великой депрессией 1929–1933 гг., революциями в России и Китае. Вплоть до 1946 г., а отчасти и в ходе холодной войны до её окончания в 1991 г., либерализация мировой экономики пошла вспять, уступив место волнам таможенного и иного протекционизма, а в международных финансовых расчётах рухнул сначала золотой стандарт, а затем попытки его замены долларом США как единственным средством международных расчётов. Подобные потрясения нельзя исключать и в будущем, если человечество вновь столкнётся с катаклизмами сравнимого масштаба – природными, экологическими или социально-политическими, в том числе связанными с неоднозначными последствиями самой глобализации.

Несмотря на эту важную оговорку, в обозримом будущем тенденция к дальнейшему углублению и расширению процессов глобализации остаётся всё же доминирующей. Её конкретное прояв-

ление состоит, прежде всего, в том, что всё большая часть товаров и услуг производится не в одной, а одновременно во многих странах транснациональными корпорациями (ТНК).

В поисках путей снижения издержек производства и повышения конкурентоспособности продукции штаб-квартиры ТНК переносят те или иные звенья производственного процесса туда, где доступнее сырьё и энергия, дешевле рабочая сила и услуги специалистов, менее обременительно налоговое, социальное, экологическое законодательство. Причём эта специализация идёт не только между отраслями, когда специализированное производство, например, текстильное, развивается только в одних странах, а компьютерное – в других. Правилom становится внутриотраслевая кооперация, при которой компоненты раскрученных рекламной товарных марок (брендов) производятся и собираются в десятках стран, разделённых порой огромными расстояниями.

В таких условиях неудивительно, что темпы роста торговли обгоняют динамику производства, а финансовые потоки – торговлю. В первые годы XXI в. глобальное производство росло ежегодно в среднем на 2,5-3% (при том, что в некоторых «всплывающих» странах – Китае, Индии, России, Бразилии, т.н. БРИК – вдвое-втрое быстрее), мировая торговля – на 4-5, а движение капиталов – на 7-8%. Мировой финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. ещё более усугубил этот разрыв.

Поскольку избыток рабочей силы, сырья, энергии имеется в одних местах, а ликвидные средства для инвестиций и передовые технологии в других, они перетекают во встречных направлениях друг к другу. Причём наиболее мобильными являются при этом капиталы: из страны в страну постоянно кочуют гигантские средства порядка 1500 млрд долл. за квартал. Международные валютные операции достигают в год 7000 млрд долл., зарубежные инвестиции – 1000 млрд, слияния и поглощения компаний – 720 млрд. В мире насчитывается 63 тыс. ТНК, имеющих 690 тыс. дочерних компаний и филиалов в других странах. В то же время за день национальные границы пересекают 3 млн человек, число абонентов Интернета составляет 500 млн, а объём телефонных переговоров – 100 млрд минут.

Всё это, собственно, и есть материальное воплощение глоба-

лизации. Очевидно, что она объективно способствует финансовой оптимизации использования природных ресурсов (сырья, энергии), технологическим инновациям, реализации трудового и интеллектуального человеческого потенциала в мире, где они распределены крайне неравномерно, а многих элементов всё ощущаемее не хватает.

Благодаря глобализации мировая экономика впервые стала единым механизмом, беспрецедентно усилив взаимозависимость между странами и людьми благодаря информационным и культурным обменам между ними. Через СМИ и Интернет миллиарды людей оказались зрителями, а в какой-то мере соучастниками событий, от которых зависят отныне их судьбы. Планета оказалась, по меткому определению, «мировой деревней».

Вместе с тем положительные аспекты глобализации сопровождаются многими отрицательными последствиями, чреватые усугублением проблем, с которыми столкнулось человечество на пороге третьего тысячелетия нашей эры.

Наиболее серьёзным из этих последствий является дальнейшее углубление контрастов между развитыми и рядом развивающихся стран. Приток капиталов и современных технологий ТНК в страны бывшего третьего мира, располагающие значительными резервами сырья, источников энергии и дешёвой рабочей силы («новые индустриальные государства» Юго-Восточной Азии, Китая, Индия), безусловно, способствовали ускорению их экономического роста. В результате более 800 млн человек выбрались из крайней нищеты. В то же время там, где такие ресурсы или инфраструктура для их активной эксплуатации отсутствуют, абсолютная бедность приобрела ещё более трагический характер. Это касается, прежде всего, стран тропической Африки, Южной Азии, Центральной и части Южной Америки. В Африке ВВП на душу населения в 1987–2000 гг. сократился на четверть, а её доля в мировой торговле – наполовину, государственный долг увеличился в 20 раз, достигнув объёма ВВП. На континенте насчитывается 30 млн больных СПИДом, из которых получают регулярное лечение только 27 тыс., поскольку стоимость лекарств превышает средний доход африканца в 12 тыс. раз. В Бангладеш зарплата в экспортных отраслях не превышает 10 долларов в ме-

сяц – одну десятую себестоимости товаров. В 2006 г. более 250 млн детей в возрасте менее 10 лет использовались как нелегальная рабочая сила. В том же году 22 тыс. детей погибли в результате аварий на производстве.

С другой стороны, перелив капиталов и перенесение ТНК производств, прежде всего трудоёмких, загрязняющих среду обитания, отчасти и услуг промышленно развитых стран в развивающиеся («аутсорсинг») увеличивает безработицу, усиливает давление на зарплату, подрывает системы соцобеспечения, завоёванные в упорной борьбе трудящимися «золотого миллиарда». Слияния и поглощения ТНК, диктуемые императивами конкурентной борьбы в мировом масштабе, сопровождаются массовыми увольнениями рабочих, служащих, специалистов ради экономии на издержках производства и увеличения дивидендов, от которых зависит биржевая капитализация предприятий.

Всё более значительное опережение темпов роста производства в реальном секторе экономики потоками капиталов, кочующих из страны в страну в поисках максимально быстрой спекулятивной отдачи, ведёт к образованию гигантских «финансовых пузырей». При этом «вторичные» финансовые инструменты (деривативы) обезличивают кредит, притупляя учёт рисков при сделках. Колоссальный отрыв биржевых котировок от реальной стоимости ценных бумаг усугубляется игрой на колебаниях курсов валют и практикой фьючерсных сделок, в которых как будущий товар, так и его оплата построены исключительно на банковских кредитах.

Эта виртуальная практика создаёт предпосылки для колоссальных биржевых крахов, за которыми следуют длительные депрессии. Именно так произошло в конце 1980-х гг. в Японии, где банки финансировали промышленность под сомнительные активы в виде явно переоценённой недвижимости. Навязанная США, стремившимися сократить свой торговый дефицит с Японией, ревальвация иены вызвала крах, обернувшийся двумя десятилетиями почти нулевого роста производства.

Расширение глобализацией информационных и культурных обменов приносит не только позитивные результаты. В условиях господства ТНК над производством развлекательной теле- и кинопродукции, шоу-бизнесом происходит коммерциализация и

унификация потребительского масскульта по единому американизированному стандарту. Реакцией на неё оказывается стремление к защите национально-культурной идентичности, выливающееся порой в опасные формы ксенофобии и религиозного фундаментализма.

Все эти негативные тенденции дали толчок широкому движению антиглобализма (или точнее «альтерглобализма» – сторонников иной, гуманизированной и социальной глобализации). С ним сблизилась защитники окружающей среды и права народов самых отсталых, бедных стран, всё ещё составляющих более половины человечества, на доступ к благам современной цивилизации. Антиглобалисты пополнили свои ряды и за счёт осколков распавшегося после краха СССР мирового коммунистического движения, различных левацких группировок (троцкистов, анархистов, маоистов).

Этот пёстрый конгломерат заявил о себе массовыми акциями протеста в городах, где проводились сессии международных организаций, олицетворяющих в глазах альтерглобалистов ультралиберальную капиталистическую глобализацию под эгидой США – «восьмёрки» наиболее развитых промышленных стран, ВТО, МВФ, Всемирного банка и т.д. Немногочисленные экстремистские элементы зачастую придавали этим акциям провокационные формы погромов магазинов, поджогов автомашин, блокирования улиц, автомагистралей, побоищ с полицией. Наиболее масштабные акции такого рода имели место на саммите ВТО в Сиэтле (США).

Влияние альтерглобалистского движения подрывает его крайняя неоднородность, а главное – отсутствие сколько-нибудь убедительной позитивной программы. Попытки сформулировать её на международных съездах альтерглобалистов в Порто-Аллегри (Бразилия) или Мумбаи (Индия), задуманных как противовес ежегодным встречам представителей либеральной элиты мировой капиталистической экономики и политики в Давосе (Швейцария), дали весьма ограниченные результаты. Дело свелось, по существу, к требованию введения т.н. «налога Тобина» (по имени известного американского экономиста, ныне умершего) на международные финансовые сделки, за счёт которого финансировалась бы помощь самым бедным развивающимся странам. Участники

альтерглобалистского движения рекрутируются в основном из студенческой молодёжи наиболее развитых, а не отсталых регионов мира, на защиту интересов которых они претендуют.

Тем не менее, тот факт, что движение альтерглобалистов не стихает, говорит о его обоснованности. Получая через СМИ широкий медиатический резонанс, оно заставляет лидеров великих держав всерьёз задумываться о необходимости управления стихийными процессами глобализации с тем, чтобы ввести их в более рациональное русло. Данной проблеме уделяли внимание многие саммиты международных организаций – от «восьмёрки» до Евросоюза и ООН. Принятые на них документы позволяют надеяться, что эта цель рано или поздно может быть достигнута.

Международный терроризм и организованная преступность

Огромный резонанс терактов 11 сентября 2001 г., после которых президент Дж. Буш-младший объявил войну против международного терроризма главным приоритетом внешней политики США, обосновав этим вооружённые интервенции в Афганистане и Ираке, может создать впечатление, будто данный эпизод является беспрецедентным, качественно новым явлением. Между тем это не так. Хотя по своему масштабу или оригинальным методам подготовки и проведения теракты 11 сентября, бесспорно, впечатляют, сам по себе терроризм, в том числе международный, является вполне банальной, хотя и бесчеловечной формой борьбы за достижение тех или иных политических целей.

К террору – массовому или индивидуальному – всегда прибегали спецслужбы государств, особенно тоталитарных (убийства за рубежом Троцкого, Петлюры, Бандеры, Войкова, Воровского, чилийского генерала Летельера, португальского генерала Делгадо и т.д.). Террор был одной из основных форм деятельности самых разнообразных революционных и националистических движений: достаточно упомянуть исторические прецеденты итальянских карбонариев, русских народовольцев и эсеров, французских анархистов, партизан времён Второй мировой войны или антиколониальных движений после неё (Индокитай, Алжир, Кения, Мозамбик, Ангола, ЮАР и т.д.).

В 1960–1980-х гг. волна террористических актов прокатилась по ряду стран Западной Европы, Америки и Азии, где их организаторами были либо левачские, либо крайне правые группировки (группа Баадера–Майнхоф и «Фракция Красной армии» в ФРГ, «Красные бригады» и неонацистская «Ложка П-2» в Италии и т.д.). Жертвами террористов стали Махатма Ганди, президент США Дж. Кеннеди, его брат Роберт, борец за равноправие цветного населения пастор Мартин Лютер Кинг, премьер-министры Швеции Улоф Пальме, Италии – Альдо Моро, Израиля – Ицхак Рабин, Индии – Индира Ганди, затем её сын Раджив, Шри-Ланки – Соломон Бандаранаике и многие другие.

Уже в наше дни терроризм время от времени применяется сепаратистской организацией ЭТА в испанской Стране Басков, Ирландской республиканской партией (ИРА) в Северной Ирландии (Ольстере), Фронтом национального освобождения Корсики (ФЛНС) во Франции, «Тиграми освобождения Тамил-илама» в Шри-Ланке, «марксистскими» повстанцами в Колумбии (ФАРК), маоистами в Непале и т.д.

Очевидно, что если мотивы организаторов этих актов террора были весьма различны, то техника их исполнителей долгое время оставалась более или менее схожей. «Классическими» образчиками её могли служить убийства 1 марта 1881 г. в Санкт-Петербурге народовольцем Каляевым российского императора Александра II, в сентябре 1911 г. в Киеве – премьер-министра Петра Столыпина, в июле 1914 г. сербским националистом Гаврилой Принципом – австрийского эрцгерцога Франца-Фердинанда (что стало поводом для развязывания Первой мировой войны), в 1934 г. в Марселе хорватскими усташами – короля Югославии Александра и французского министра иностранных дел Луи Барту. Во всех этих случаях террористы использовали покушения с помощью револьвера или бомбы во время публичных мероприятий с участием намеченных жертв.

Международный терроризм начала XXI в. отличается от многочисленных прецедентов в отдалённом и даже более близком прошлом некоторыми весьма существенными новыми параметрами.

Это, прежде всего, иные мотивации его вдохновителей и ис-

полнителей. Если раньше международные террористы руководствовались в основном национальными, идеологическими или политическими соображениями, то теперь они всё чаще приобретают характер актов религиозного фанатизма. Если в 1980 г. только два теракта из 64 имели религиозный характер, то в 1990 г. – уже 11 из 48, в 1995 г. – 25 из 58, а в 2005 г. – 49 из 85.

Его главным очагом не случайно стали мусульманские страны Ближнего и Среднего Востока. Разочаровавшись после освобождения от колонизаторов в революционном национализме с социалистической окраской, оказавшемся неспособным обеспечить модернизацию и процветание, часть населения этих стран оказалась восприимчивой к идеям возврата к истокам «чистого» ислама, не копирующего Запад, а отвергающего его цивилизацию во имя собственных ценностей.

Парадокс исламского фундаментализма конца XX в. состоял в том, что его подъёму способствовали сами западные державы, прежде всего, США. Сочтя его союзником против влияния СССР на Ближнем и Среднем Востоке, ЦРУ США активно помогало с помощью пакистанских спецслужб моджахедам в партизанской войне против советских войск в Афганистане. Именно таково было, в частности, происхождение террористических сетей «Аль-Каиды» во главе с саудовским миллиардером Усамой бен Ладеном.

Однако очень скоро союзник превратился для США в злейшего врага. Решающую роль в этой трансформации сыграли два фактора – арабо-израильский конфликт в Палестине и исламская революция в Иране (1979 г.). Поддержка США Израиля и их тесные связи с шахским режимом привели к тому, что шиитские фундаменталисты во главе с лидером иранской революции имамом Хомейни провозгласили США своим главным противником, а организации палестинских арабов развернули партизанскую деятельность не только на оккупированных Израилем в ходе «Шестидневной войны» территориях, но и во всём мире против интересов США и их партнёров.

С конца 1960-х гг. эта борьба приняла ярко выраженный террористический характер – угон и подрыв самолётов, взрыв в людных местах и т.д. Палестинские боевики финансировались рядом арабских стран, располагавших благодаря росту цен на нефть зна-

чительными средствами, – Саудовской Аравией, Ливией, ОАЭ и т.д. Общим идейным знаменателем для них, помогавшим сгладить острые политические разногласия, стал фундаменталистский ислам, в частности, в виде саудовского ваххабизма. Крайней формой его служит лозунг «священной войны» (джихада).

Со своей стороны клерикальное руководство Ирана не только пыталось распространить идеи исламской революции среди шиитов других стран региона, но и прибегало за рубежом к терактам против противников режима, эмигрировавших на Запад (убийство бывшего премьер-министра Бани Сафра во Франции), и помогало некоторым арабским экстремистам, использовавшим террористические методы, прежде всего, группировке «Хезболла» в Ливане.

На рубеже XX–XXI вв. террористическая деятельность исламских фундаменталистов приобрела новые формы, заметно отличающиеся от «классического» терроризма в прошлом. Среди них взятие заложников, массовые убийства мирного населения с помощью взрывчатки, использование террористов-смертников, в том числе женщин, и т.д.

Главной целью этих демонстративных акций являются провоцирование паники и дестабилизации политических противников во имя достижения конкретных политических целей (уничтожение Израиля, создание палестинского государства) и замены прозападных режимов на Ближнем Востоке исламистскими с целью восстановления средневекового мусульманского халифата в региональном, если не мировом масштабе.

В борьбе за решение этой глобальной задачи, чреватой предсказанным С. Хантингтоном «столкновением цивилизаций», террористические сети исламистов используют в качестве опорных пунктов т.н. страны-«изгои» с близкими им режимами, прежде всего, Афганистан при господстве экстремистского движения «Талибан», где развёртывались лагеря для военной подготовки и идейного воспитания боевиков, «горячие точки» (палестинские территории, Чечня, Кашмир), в которых террористы из разных стран получают боевой опыт, наконец, страны Западной Европы, в которых существуют крупные диаспоры иммигрантов из стран Ближнего и Среднего Востока – арабов, турок, пакистанцев (Гер-

мания, Великобритания, Франция).

В результате, как следует из отчёта Госдепартамента США, только за один 2006 г. число террористических атак выросло по сравнению с 2005 г. на 28,5%, достигнув 14,5 тыс. инцидентов. В то же время доля таких инцидентов в Ираке и Афганистане увеличилась с 35,5 до 51,5% их общего числа.

Наиболее опасной формой терроризма может стать использование фанатиками-экстремистами оружия массового поражения – ядерного, химического или бактериологического. Первым прецедентом такого рода стала атака боевиков японской религиозной секты «Аум синрикё» на пассажиров токийского метро с использованием нервно-паралитического газа «зарин», унёсшая немало жизней. В США имела место рассылка по почте писем, заражённых бациллами сибирской язвы.

Однако эти инциденты были всё же сравнительно ограниченными. Гораздо более катастрофическими последствиями грозит применение атомного оружия. Для этого террористам вовсе не обязательно фабриковать кустарным способом бомбу с критической массой обогащённого урана или плутония, достаточной для цепной реакции. Вполне может быть использована и т.н. «грязная бомба» – сильный заряд обычной взрывчатки в корпусе из облученных материалов, результатом чего станет радиоактивное заражение воздуха и воды в крупном городе.

Такая угроза вполне реальна. Многочисленные случаи арестов спекулянтов радиоактивными материалами, обслуживающих правительства т.н. «пороговых» стран, стремящихся войти в атомный клуб (Иран), говорят о формировании настоящего подпольного рынка таких материалов, получаемых из отходов урановых рудников, отходов АЭС или оружейного плутония со списанных атомных подлодок. Такие случаи зафиксированы и на постсоветском пространстве в республиках бывшего СССР, где производилось или было размещено атомное оружие.

Опасность современного международного терроризма вообще, и исламистского в частности, заключается в том, что он органически вписывается в процессы глобализации мировой экономики и политики. Наличие всемирной информационной сети, колоссальные объёмы международных финансовых и людских потоков

дают террористам возможность, с одной стороны, использовать их для связи, переброски кадров, оружия, финансирования боевых операций, а с другой – блокировать эти каналы с помощью точечных терактов, парализующих возможности ответных действий.

В таких условиях борьба против международного терроризма только в рамках национальных государств может дать лишь половинчатые результаты. Она требует широкого сотрудничества спецслужб в рамках различных международных организаций, как существовавших ранее, так и созданных специально антитеррористических центров. Такие центры уже действуют при НАТО, ОДКБ, ШОС и т.д. Налажен мониторинг международного финансирования антитеррористической деятельности.

Тем не менее, одни лишь административные, полицейские и тем более военные методы борьбы с терроризмом явно недостаточны, что наглядно подтверждается контрпродуктивным опытом интервенций США в Афганистане и Ираке. Корни современного терроризма, в том числе исламистского, уходят в решение кардинальных проблем социально-экономического характера, прежде всего, углубляющихся контрастов в уровнях развития стран Севера и Юга, усугубляемых глобализацией. Только преодоление этих контрастов способно устранить глубинные причины этого зловещего феномена начала XXI в.

Среди особенностей современного международного терроризма фигурирует его тесная связь с трансграничной организованной преступностью. Криминальные группировки действовали в нескольких странах одновременно и прежде, заставляя соответствующие правоохранные органы поддерживать постоянные контакты между собой в розыске наиболее опасных преступников. Однако до последней трети XX в. речь шла в основном о пресечении банальных уголовных преступлений, т.е. воровства, грабежа, разбоя, бандитизма, контрабанды и т.д.

Ныне ситуация изменилась качественно. Хотя перечисленные виды правонарушений, разумеется, по-прежнему имеют место, центр тяжести организованной международной преступности переместился в сферу экономики, где она приобрела на фоне процессов глобализации беспрецедентный размах.

Фальсификация отчётов крупнейших компаний типа амери-

канской «Энрон», расхищение кредитов международных финансовых организаций, коррупция чиновников самого высокого ранга при размещении иностранных заказов, использование ими в корыстных целях служебной тайны, отмывание денег, полученных преступным путём, уход от налогов в фиктивные банки, находящиеся в офшорах (Багамские, Каймановы острова, Гибралтар и т.д.) – таков далеко не полный перечень экономических преступлений, выходящих далеко за национальные границы. Масштабы этой «неформальной» экономики составляют в некоторых странах 30-40% ВВП, достигая сотен миллиардов долларов.

Другая новая форма преступности – незаконное проникновение хакеров через Интернет в банки данных компаний и частных лиц с целью получения и перепродажи конфиденциальной информации, шантажа и вымогательства под угрозой введения вирусов, наконец, просто грабежа чужих банковских счетов.

Колоссальные масштабы получило нарушение права интеллектуальной собственности путём пиратского производства лицензированной аудио-, кино- и телепродукции, особенно широко распространённое в Китае, Индии, России. Данный вопрос приобрёл такую важность, что стал объектом острых конфликтов в ВТО.

Очертания поистине глобальной угрозы приобрёл незаконный оборот наркотиков, производимых в основном в странах, выращивающих коноплю, опиумный мак, коку, прежде всего, в Колумбии, Афганистане и т.н. «золотом треугольнике» между Бирмой, Таиландом и Лаосом. Могущественные колумбийские наркокартели (Медельин, Кали) имеют собственные плантации, подпольные предприятия по производству кокаина, героина, марихуаны, синтетических наркотиков, доставляемых в Европу и США через мафиозные структуры в западных странах. Другой поток наркотрафика идёт туда же из Центральной Азии, особенно Афганистана, через Россию. Общий объём наркото торговли оценивается гигантской суммой порядка 500 млрд долл. в год.

Не менее значителен объём средств, получаемых от нелегальной торговли оружием, поставляемым участникам конфликтов в «горячих точках» планеты, и людьми – доставка через границы, снабжение фальшивыми документами, организация незаконной

работы на рабских условиях женщин для «секс-индустрии» или трудовых мигрантов.

Характерной чертой всех этих видов международной организованной преступности является тесное переплетение её с легальным бизнесом и сращивание через коррупцию с государственными структурами, в том числе правоохранными органами. В результате происходит органическое внедрение криминалитета в ткань современного общества.

Борьба против организованной преступности, как и против терроризма, всё шире ведётся в международном масштабе через специализированные структуры – Интерпол со штаб-квартирой в Лионе (Франция) и Европол в рамках ЕС. Она опирается на солидную юридическую базу соглашений об обмене информацией и оперативном сотрудничестве правоохранительных органов вплоть до объявления преступников в международный розыск и выдачи соответствующих мандатов.

ГЛАВА 2. СУДЬБЫ ГУМАНИТАРНОГО ПРОГРЕССА*

«Времена меняются, вместе с ними меняемся мы», – говорили древние римляне¹. Эта истина особенно очевидна для современной эпохи стремительных перемен в отношениях человечества с окружающим миром, людей между собой, интеллектуальной и нравственной эволюции самого человека.

Понятие «прогресс», т.е. движение вперёд, выход на новые рубежи в открытии законов природы и использовании её ресурсов, имеет, безусловно, позитивные коннотации. Иммануил Кант вообще видел в нём первоначальное призвание и категорический императив человеческого общества. Его представление тем более справедливо для понятия «гуманитарный прогресс»: по определению российского философа В.И. Корниенко под ним подразумевается «познание человеком собственной сущности, опыт его са-

* Ю.И. Рубинский. Судьбы гуманитарного прогресса. Под ред. В.П. Фёдорова. М.: Ин-т Европы РАН, 2016. 40 с. Доклады Института Европы № 325.

¹ Tempura mutantur, et nos mutantur in illis (lat.).

морализации и самоограничения, который проявляется в самых разных сторонах его жизнедеятельности»². Речь идёт, таким образом, о человеческом измерении любого прогресса – в науке и технике, экономике, политике, культуре, где его цена и результаты измеряются последствиями для жизни людей.

Человечество всегда мечтало о сказочном «золотом веке» – земном подобии Царства небесного, библейского Эдема, обещанного праведникам в жизни вечной в награду за страдания, перенесённые ими в преходящем земном мире. Эти мечты принимали форму мифов, сказок, утопий – описания фантастического общества изобилия, справедливости и братства («Город Солнца» Кампанеллы, «Телемское аббатство» Рабле). Одни искали «золотой век» в прошлом, другие ожидали его в будущем, третьи надеялись найти в далёких экзотических странах («Эльдорадо»).

Предпринимались и попытки построить идеальное общество на Земле любыми средствами, включая насилие. Они неизменно вели к противоположным результатам – возникновению тоталитарных режимов. Их мрачные реалии вдохновляли авторов антиутопий («Мы» Замятина, «Новый прекрасный мир» Хаксли, «1984» Оруэлла). Иллюзии безграничного прогресса оборачивались у них превращением человека в послушное орудие вездесущей и всемогущей государственной машины.

С учётом противоречивого опыта истории отношение к прогрессу, в том числе гуманитарному, оказалось неоднозначным: стремление к переменам тесно переплеталось со страхом перед их непредсказуемыми последствиями.

Такая двойственность отражает естественное различие темпераментов людей, которые всегда делятся на оптимистов, склонных надеяться на лучшее, и пессимистов, которые опасаются худшего: как известно, один и тот же стакан одному кажется наполовину полным, другому наполовину пустым. Есть, конечно, и третьи – скептики, считающие, как гласит французская пословица, что «чем больше всё меняется, тем больше всё остаётся по-старому».

² Корниенко В.И. Гуманитарный прогресс человеческого общества. «Вестник ЧГУ», № 17, 2007 г. С. 49.

Подобные психологические различия проявляются не только на индивидуальном, личностном уровне отдельных людей, но и в коллективной психологии социальных слоёв, к которым они принадлежат. Перманентная борьба между теми, чьим интересам отвечает сохранение существующего порядка вещей, и их противниками, которые добиваются его пересмотра, консерваторами и реформаторами, свойственна в тех или иных формах любому обществу. Объектами её служат формы собственности, привилегии элит, структура государственных институтов, принципы политического устройства.

Борьба идёт с переменным успехом, хотя, в конечном счёте, оптимисты – силы прогресса, которым принадлежит будущее, рано или поздно полностью или частично берут верх, открывая перед гуманитарным прогрессом новые горизонты. Бывает, однако, и так, что события развиваются по пессимистическому сценарию – оттягивание назревших перемен повышает градус напряжённости в обществе до критической черты, выливаясь в революции, перевороты, гражданские войны, непомерная цена которых при любом исходе отбрасывает гуманитарный прогресс далеко и надолго вспять.

Неоднозначность представлений о векторе гуманитарного прогресса, колеблющихся между прошлым и будущим, особенно очевидна на примере эволюции европейской культуры и искусства.

Гуманисты Ренессанса, бросившие вызов бесплодной религиозно-консервативной догматике Средневековья, апеллировали, казалось бы, к прошлому – бессмертному наследию Древней Греции и Рима. Между тем вдохновлённые ими гениальные творения Данте, Микеланджело, Леонардо да Винчи стали грандиозным прорывом в будущее.

Однако уже к XVII в. ренессансная эстетика постепенно исчерпала свой потенциал, превратившись в косные каноны академического классицизма. Реакцией на это оказался знаменитый конфликт двух партий, на которые раскололась Французская академия – «ссора древних и новых». Для одних античные образцы оставались верхом совершенства, не допускавшего каких-либо отклонений, тогда как для их противников они стали препятствием на пути вперёд с учётом новых требований времени. Несмотря на

официальное примирение (по инициативе короля Людовика XIV) вождей обеих партий – Буало и Перро – на заседании Академии 30 августа 1694 г. борьба продолжалась уже между философами-энциклопедистами Просвещения XVIII в. и консерваторами, опиравшимися на традиции католической церкви. Развязкой её стала Великая Французская революция 1789 г.

Уже столетие спустя безраздельное, казалось бы, торжество позитивистской философии модерна с его культом разума и верой в неизбежность прогресса, характерной для т.н. «прекрасной эпохи» конца XIX в., всё чаще оказывалось под вопросом. Трагедии мировых войн, кризисов, революций, тоталитарных идеологий и режимов дают пищу деструктивным идеям постмодерна с присущими ему крайним индивидуализмом, релятивизмом, вседозволенностью, стиранием граней между понятиями добра и зла.

В свою очередь утрата традиционных ценностных ориентиров ведёт к распространению национал-популизма, социальной демагогии, религиозного фанатизма и экстремизма.

Тем не менее, превратности судеб гуманитарного прогресса и грозящие ему опасности не стоит драматизировать. Вся его долгая, противоречивая история ведёт к поискам оптимального синтеза завоеваний прошлого с шансами будущего. Конкретные контуры такого сочетания складываются на наших глазах.

Наряду с социально-экономическими и идейно-политическими факторами важную роль в судьбах гуманитарного прогресса играет его цивилизационное измерение.

«Истина по одну сторону Пиренеев становится заблуждением по другую», – отмечал французский философ XVII в. Блез Паскаль. В наши дни его ироническое замечание звучит ещё более справедливо. Унификация производства, потребления, массовой культуры, стимулируемая гигантскими потоками товаров, капиталов, людей через границы суверенных государств, не отменяет, а напротив, усиливает стремление народов спасти и утвердить свою национальную идентичность.

Между тем, в разных регионах многополярного мира XXI в. люди живут не только на различных уровнях экономического развития, но и как бы в разных исторических эпохах. Каждой из них присуще своё понимание гуманитарного прогресса, определяемое

собственной системой этических и культурных ценностей. Речь идёт о таких его фундаментальных параметрах, как равноправие женщин, устои семьи (моногамия, полигамия, «брак для всех»), терпимость к этническим, конфессиональным, сексуальным меньшинствам, отношения между религией и правом, экономической эффективностью и социальной солидарностью, государством и гражданским обществом, человеком и природой.

Неудивительно, что гуманитарный прогресс протекает неравномерно, асимметрично как в пространстве, так и во времени. Контрасты в оценке отдельных его граней принимали порой драматический характер, выливаясь в кровопролитные войны, международный терроризм, приводя к гуманитарным катастрофам. Отсюда сравнительный анализ уровней, достигнутых гуманитарным прогрессом в разных странах, требует дифференцированного подхода, учитывающего их культурно-ценностную специфику.

Экономическая основа

Потенциальные возможности гуманитарного прогресса отчасти зависят от объективных физико-географических параметров страны (её территории, населения, климата, ресурсов, объёма ВВП). Однако эти показатели, характеризующие вес государства в мировом или региональном балансе сил, лишь отдалённо, а порой и неадекватно отражают уровень и качество жизни его граждан: у ряда малых и средних государств они заметно выше, чем у иных великих держав.

Следовательно, инструментом для сравнения материальной основы гуманитарного прогресса, достигнутого в разных странах, служит, прежде всего, объём ВВП на душу населения, рассчитанный по паритету покупательной способности (ППС). Всемирный банк делит по данному критерию 193 государства – члена ООН на три категории: страны с высоким (от 12616 долларов США и выше), средним (от 1036 до 12615) и низким (1035 и ниже) доходом на душу населения. К первой относятся 82 страны, ко второй – 98, остальные – к третьей, причём внутри каждой из них существует множество градаций³.

³ <http://gmarket.ru/ratings-countries-gni>.

Первая десятка самых богатых, где подушевой ВВП колеблется (по убывающей) от 128530 до 54270 долл., включает небольшие государства с населением максимум 5-6 млн человек, которые либо располагают значительными запасами экспортного сырья, прежде всего энергоносителей – нефти и газа (Катар, Кувейт, ОАЭ, Саудовская Аравия, Оман, Норвегия), либо служат центрами кредитно-банковских структур, управляющих глобальными потоками капиталов, офшорными зонами ухода от налогов, хабами – перевалочными пунктами на мировых торговых путях (Швейцария, Люксембург, Гонконг, Сингапур).

Следующая двадцатка – от 53760 до 33440 долл., которую открывают США и замыкает Южная Корея, включает промышленно развитые страны, вступившие в постиндустриальную стадию, где сфера услуг и потребление семей составляют $\frac{2}{3}$ общего объёма ВВП. Характерно, что в этой категории большинство составляют малые и средние страны – Швеция, Дания, Нидерланды, Австрия и т.д., как правило, опережающие по многим критериям жизненного уровня державы «группы семи» – Германию, Японию, Великобританию, Францию, Италию, Канаду.

Следующая, более многочисленная и разноплановая категория включает 55 государств со средним подушевым доходом от 32700 до 13070 долларов. Среди них фигурируют большинство стран Европы – Центральной (Чехия, Словакия, Польша), Южной (Испания, Португалия, Греция), Юго-Восточной (Словения, Хорватия, Болгария, Румыния). К этой категории примыкают страны БРИКС с переходной экономикой, в том числе РФ и КНР (соответственно 23190, 43-е место в общем рейтинге, и 11850, 86-е место), и «новые индустриальные» государства Азии, Африки, Латинской Америки (Бразилия, ЮАР, Мексика, Турция, Индонезия, Таиланд, Филиппины, Малайзия).

Остальные 107, т.е. более половины государств – членов ООН по уровню ВВП на душу населения относятся к наименее благополучным – большинство развивающихся стран Тропической Африки, Южной и Юго-Восточной Азии, Центральной и Южной Америки, в том числе такие значительные по населению, как Индия (5360, 127-е место) или Нигерия (5360, 126-е место).

За последнюю четверть века глобальный тренд эволюции ВВП

на душу населения – материальной основы гуманитарного прогресса – имел в целом позитивную динамику. Она объяснялась, прежде всего, высокими темпами роста экономики ряда развивающихся стран бывшего Третьего мира, догнавших, а иногда даже опередивших по душевому доходу «золотой миллиард» – США, ЕС, Японию. Сотни миллионов жителей этих стран вырвались из тисков вековой нищеты, пополнив ряды среднего класса.

Доклад ООН «Цели развития тысячелетия» за 2015 г. подвёл итоги 25-летней борьбы с бедностью, болезнями, антисанитарией и другими проблемами, решение которых было признано в 1990 г. приоритетным. За эти годы численность живущих за порогом нищеты (менее 1,25 доллара в день) сократилось с 1,9 млрд человек до 836 млн, доля живущих ниже уровня крайней бедности снизилась с 47 до 14% населения развивающихся стран. С 22 до 50% возросла доля тех, кто зарабатывает более 4 долларов в день и считается работающим средним классом. В Китае численность живущих ниже порога бедности снизилась с 61 до 4% населения, в Индии с 52 до 17%⁴.

Тем не менее, эти достижения не отменяют того факта, что два десятка государств с подушевым ВВП ниже тысячи долларов остаются в крайней нищете – по данным Продовольственной программы ООН, каждый восьмой житель планеты с доходом менее 1,25 доллара в день постоянно недоедает. В ещё более тяжёлом положении оказываются сотни тысяч людей, страдающих от природных катастроф – засух, наводнений, цунами, частота и масштабы которых с потеплением мирового климата заметно увеличились. Наконец, состояние хронической гуманитарной катастрофы переживают миллионы жертв гражданских войн в «горячих точках» планеты – от Ближнего Востока до Украины, которые нуждаются в срочной и масштабной гуманитарной помощи международного сообщества. К тому же после мирового финансово-экономического кризиса – Великой рецессии 2008–2009 гг. – темпы роста большинства развивающихся стран, включая Китай, заметно снизились, замедляя преодоление ими вековой отсталости.

⁴ 2015. Время глобальных действий для людей и планеты. Изд.: Департамента общественной информации ООН – DPI/2594R.

Уйти от этого вызова не удаётся: он властно стучится в дверь то террором Аль-Каиды, то средневековым варварством ИГ, то потоками сотен тысяч беженцев в Европу через Средиземное море и Балканы, многие из которых гибнут в пути. Миграционный кризис, вышедший из-под контроля, как отдельных государств, так и ЕС в целом, стал самым тяжёлым испытанием для евростроительства с его истоков в середине XX в.

Сопоставление ВВП по ППС даёт представление о сравнительном жизненном уровне в каждой стране, т.е. доступном гражданам объёме товаров и услуг с учётом соотношения доходов и цен. Однако не менее важным критерием материальной составляющей гуманитарного прогресса служит характер распределения этих доходов между разными социальными слоями. Для его оценки используют чаще всего т.н. «индекс Джини» – сравнение доли каждой социальной группы в общем объёме ВВП страны с её удельным весом в населении: чем выше индекс, тем глубже неравенство и наоборот.

Согласно статистике ООН, по этому индексу наибольшее неравенство доходов в 2008–2010 гг. наблюдалось в самых бедных из 193 государств-членов всемирной организации – в Африке южнее Сахары, Центральной и Южной Америке, Карибском бассейне, Южной и Юго-Восточной Азии – Намибии (74,3), Лесото (63,2), Сьерра-Леоне (62,9), ЦАР (61,3), Боливии (60,1)⁵.

В большинстве остальных государств индекс колеблется от 35 до 50. Так, среди стран БРИКС неравенство доходов в Бразилии (57,7) и Китае (46,9) больше, чем в России (39,9). В «Группе семи» индекс выше всего в США (40,8); в Великобритании (36,6) и Франции (36,0) он выше, чем в Японии (24,9) и Германии (23,3). Наиболее успешными в отношении относительного смягчения неравенства доходов выглядят страны Северной Европы – Дания (24,7), Норвегия (25,8), Швеция (25,0).

Степень социального неравенства измеряется не только индексом Джини, но и другими инструментами, в частности децильным коэффициентом – соотношением доходов 10% самых богатых и самых бедных граждан страны. По этому критерию раз-

⁵ <http://www.wacra.org/WORLD%20POVERTY>.

ница доходов вершины и основания социальной пирамиды в государствах – членах ЕС составляла в среднем 5-6 раз, в России 21,6, в Бразилии 51,3, а в ЦАР – 69,2⁶.

Из этих данных напрашивается, казалось бы, однозначный вывод: чем беднее страна, тем глубже в ней социальное неравенство. В большинстве случаев такая тенденция действительно существует. Немало, однако, и обратных вариантов, когда в богатой стране разрыв в доходах больше, чем в более бедной. Самый очевидный пример США, где децильный коэффициент вдвое выше, чем в среднем по Евросоюзу, хотя их ВВП практически равны.

Согласно оценке рейтингового агентства «Standard and Poor's», президенты-генеральные директора 26 крупнейших корпораций США получили в 2014 г. денежные вознаграждения (оклады плюс бонусы, выходные пособия т.н. «золотые парашюты» и т.д.), которые превышали среднюю зарплату их персонала (рабочих и служащих) в 500 раз. Абсолютным чемпионом оказался Дэвид Заслав, получивший 156 млн долл. – в 1951 раз больше, чем средняя зарплата персонала его компании «Дискавери»⁷.

Если же сравнивать не доходы, а состояния, т.е. степень концентрации частной собственности – движимой и недвижимой, то контрасты выглядят ещё более впечатляющими: если в 2012 г. на долю 1% самых богатых людей планеты приходилось 46% личных активов, то в 2016 г. состояние 62 из них превысило имущество беднейшей половины человечества – 3,6 млрд⁸.

Неудивительно, что проблема социального неравенства между странами и внутри каждой из них как одного из главных препятствий на пути гуманитарного прогресса оказалась одной из приоритетных в повестке дня мировой общественной мысли начала XXI в. Именно она была в центре дискуссий на сессии Всемирного экономического форума в Давосе в декабре 2015 г. Признаком повышенного внимания к ней может служить широкий резонанс работы французского экономиста Тома Пикетти «Капитал в 21-м

⁶ <http://www.kommersant.ru/doc/2485570>.

⁷ Jena McGregor. Corporate America wary of disclosing executive pay ratios. «Washington Post», August 27, 2015.

⁸ <http://www.project-syndicate.org/commentary/world-leaders-should-address-inequality-by-winnny-byanyima-2016-01>.

веке», вышедшей в свет в 2013 г. Она была сразу же переведена на несколько языков и опубликована миллионными тиражами⁹.

Изучив статистику эволюции доходов разных слоёв общества во Франции с XVIII в. и обработав её методами математического анализа, автор пришёл к выводу, что доходы от капитала значительно опережают доходы от труда из-за постепенного сокращения темпов роста производства в реальном секторе экономики и разбухания сектора торгово-финансовых услуг. Результатом оказывается прогрессирующая концентрация богатства в руках всё более узкой олигархической элиты, зачастую наследственной, что чревато серьёзными социальными потрясениями.

В отличие от Маркса, Пикетти не видел альтернативы рыночной экономике и не призывал к разрыву с ней. С учётом негативного опыта «реального социализма» советского образца он считал выходом из противоречий существующей системы перераспределение финансовых потоков через глобальную налоговую реформу по типу т.н. «налога Тобина» на финансовые трансакции, введённого в ряде стран.

Книга Пикетти вызвала бурную дискуссию. Против его тезисов выступили прежде всего ведущие представители доминирующих на Западе в последние десятилетия либерально-монетаристских школ, которые обвиняли автора в том, что он игнорировал долгосрочную тенденцию к снижению нормы прибыли капитала, рост производительности труда в результате научно-технических революций, а вместе с тем его квалификации и оплаты¹⁰.

Напротив, с Пикетти солидаризировались левое крыло европейской социал-демократии и многие авторитетные экономисты неокейнсианского толка, в том числе лауреаты Нобелевской премии по экономике Пол Кругман и Джозеф Стиглиц.

Журнал Совета по международным делам США «Foreign Affairs» посвятил проблеме неравенства специальный номер, в котором авторы – видные американские и французские экономисты, социологи, политологи – анализируют с учётом работы Пикетти причины этого феномена и шансы на амортизацию его негатив-

⁹ Thomas Piketti. *Le capital eu 21e siècle*. Editions du Seuil, Paris, 2013.

¹⁰ James K. Galbraith. *Capital for the Twenty First Century?* «Dissent», Spring 2014.

ных последствий. Связывая причины растущей поляризации доходов с научно-технической революцией и глобализацией, Роберт Ингхарт, Франсуа Бургиньон, Пьер Розанваллон, Даниэл Аллен, Энтони Аткинсон считают необходимой и реальной её ограничение путём перераспределительной социальной и фискальной политики на национальном уровне и согласованных действий государств в международном масштабе¹¹.

Тем не менее, как сторонники, так и оппоненты Пикетти сходятся на том, что многие его наблюдения в долгосрочной перспективе подтверждаются событиями наших дней. Замечено, что выход децильного коэффициента за планку 10-12, т.е. превышение разрыва доходов верхних и нижних этажей социальной пирамиды больше, чем на порядок, чреват подрывом социально-политической стабильности. Правило не носит общий характер для всех стран, хотя оно явно не лишено основания.

За последние три десятилетия по всему миру прокатилась волна массовых движений протеста, выведивших на улицы Каира и Рио-де-Жанейро, Стамбула и Мадрида, Бангкока и Афин сотни тысяч людей. Их нередко склонны объединять в общую категорию «цветных революций», подготовленных иностранными спецслужбами через финансируемые ими НПО для подрыва и смены неугодных США режимов. Аналогичные конспирологические версии, но с обратным знаком, имели хождение на Западе во времена холодной войны, оправдывая антикоммунистическую «охоту за ведьмами» сенатора Маккарти в США.

Разумеется, не подлежит сомнению сам факт поддержки, в том числе материально, зарубежных компартий со стороны СССР, как и либеральных организаций международными, прежде всего американскими, фондами. Можно ли, однако, сравнивать столь различные по сути явления, как «бархатные революции» в Восточной Европе и «Арабскую весну» на мусульманском Ближнем Востоке, ультралевую испанскую «Подemos» и миллионные демонстрации во Франции против террора исламистов? Все эти разные события объединяет только одно – нерешённость стоящих перед обществом проблем и паралич обратной связи власти с общест-

¹¹ Foreign Affairs. Volume 95, N 1, 2016.

вом, приводящий к дискредитации коррумпированных элит, а вместе с ними существующего порядка в целом.

Детонатором этих движений выступает обычно образованная молодёжь, связанная социальными сетями, однако основную массу недовольных составляют представители среднего класса, ещё недавно, казалось бы, самого прочного оплота стабильности общества. Приобщившись через современные средства массовой коммуникации к ценностям и стандартам «общества потребления» постиндустриального «золотого миллиарда», они оказались в результате «Великой рецессии» – мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. – и её последствий перед угрозой деклассирования. Результатом становится прогрессирующая поляризация социально-политических сил, утрата доверия к дискредитированным коррупцией элитам, рост влияния левых, но чаще всего ультраправых национал-популистов, подрывающие стабильность не только в развивающихся, но и в ряде постиндустриальных стран.

Подобные деструктивные процессы в конечном счёте отражают ту самую тенденцию к углублению неравенства, о которой писал Т. Пикетти. На протяжении почти всей второй половины прошлого столетия её смягчала, амортизировала и даже порой нейтрализовывала широкомасштабная система социальной защиты, сложившаяся после «Великой депрессии» – мирового экономического кризиса 1929–1933 гг., и особенно в период после Второй мировой войны на фоне сравнительно устойчивого роста мировой экономики. По существу, именно эта система казалась магистральным путём гуманитарного прогресса. Однако в начале XXI в. она пришла в противоречие с новыми экономическими реалиями, оказавшись по сути дела в тупике, выход из которого пока не найден.

Социальное измерение

Критериями гуманитарного прогресса служат не только материальные составляющие жизненного уровня – соотношение доходов и цен, покупательная способность семей, структура их бюджетов. Не меньшее, а зачастую большее значение имеет качество жизни, которое во многом зависит от удовлетворения коллективных потребностей общества. Эта сфера охватывает социальное, в

том числе пенсионное обеспечение, здравоохранение, образование, содействие занятости, урбанизм, дорожно-транспортную инфраструктуру, коммунальные услуги, культуру, спорт.

На протяжении многих веков, а отчасти и до сих пор, ответственность за социальную помощь брали на себя церковные структуры мировых конфессий – разных ветвей христианства, ислама, буддизма, для которых милосердие всегда было символом веры, а благотворительность – путём к сердцам верующих.

Ряд монашеских орденов считали эти сферы деятельности своим важнейшим призванием. Например, в католических странах Европы формирование молодых поколений элит вплоть до конца XIX в. находилось в руках иезуитов. Орден Мальтийских рыцарей св. Иоанна («Госпитальеры»), основанный в Средние века для лечения раненых крестоносцев, создал широкую сеть госпиталей, существующих поныне¹².

Примеру духовных властей следовали светские. Для монархов и аристократии благотворительная деятельность и меценатство были обязательным условием престижа в глазах подданных, уважения элит. Даже после эпохи Просвещения, когда в Европе сложилась система среднего и высшего светского образования, начальная школа ещё долго оставалась при церковных приходах, а на Востоке при мечетях (медресе).

Медицина долго была почти исключительно частной, «либеральной», хотя больницы для неимущих ещё долго содержали церковные или аристократические доноры. В России, второй половины XIX в. широкой известностью пользовались, например, попечительские общества помощи слепым и глухим, основанные Марией Александровной и Марией Фёдоровной – супругами императоров Александра II и Александра III.

После промышленных революций просветительская, гуманитарная и филантропическая деятельность видных представителей делового мира – предпринимателей, банкиров, коммерсантов – приобрела гораздо больший размах. Фонды Ротшильда, Рокфеллера, Форда, Кэрнеги, Билла и Мелинды Гейтс спонсируют мас-

¹² Суверенный Мальтийский орден» – до сих пор влиятельная международная организация, имеющая диппредставительства во многих странах мира.

штабные программы содействия развитию науки, культуры, образования.

Однако главной движущей силой структур гуманитарной помощи служат не индивидуальные доноры, а массовые неправительственные и некоммерческие организации гражданского общества, в деятельности которых принимают участие сотни тысяч добровольных активистов.

Наиболее известная из них – Международный комитет Красного Креста (МКК), созданный в 1863 г. для помощи пострадавшим в ходе вооружённых конфликтов. Федерация национальных комитетов Красного Креста и Красного Полумесяца, действующих почти в 80 странах мира, помогает раненым, больным, военнопленным, следит за соблюдением воюющими сторонами Женевских конвенций об ограничении методов боевых действий. Аналогичные функции выполняют другие международные и национальные организации гуманитарной помощи типа «Врачи без границ».

НКО берут на себя, в частности, помощь маргиналам, оказавшимся по разным причинам за бортом общества, предоставляют им временное жильё, питание, создают возможности социальной реабилитации.

Вместе с тем с середины XIX в. гуманитарная помощь становится сначала в Европе, а затем во всём мире неотъемлемой частью, компонентом социальной политики государства, превратившейся ныне в одну из его основных функций. Принято считать, что сегодня в промышленно развитых странах на суверенные функции государства – администрацию, поддержание правопорядка, внешнюю политику и оборону – выделяется около 10% бюджетных расходов, тогда как на социальные цели вдвое-втрое больше¹³.

В странах ОЭСР сложилась двоякая, смешанная система управления социальной сферой и её функционирования, где перераспределительный и накопительный принципы сочетаются в разных пропорциях. В Евросоюзе основную роль играет перераспределение средств налогоплательщиков через соответствующие государственные – общенациональные, региональные, муниципальные – структуры. В то же время в США и других англосаксонских

¹³ Косенко О.И. Основы социального государства. М., 2011.

странах преобладает частный сектор – страховые, пенсионные фонды, специализированные банки, которые финансируют соцзащиту (медицинское обслуживание, пенсии) за счёт работодателей и лиц наёмного труда на основе действующего законодательства и трудовых договоров.

Тем не менее, удельный вес расходов на медицину и школу – от начальной до высшей, независимо от формы собственности, – в обоих случаях достигает сопоставимых значений – 5-8% ВВП для первой, 6-8% для второй, при том, что суммарная доля социальных расходов в госбюджете колеблется от четверти до трети.

В развивающихся странах она пока заметно ниже, даже в тех, которые успешно вступили на путь форсированной модернизации (Китай, Индия, Бразилия, Турция, Мексика, Индонезия). Так, небывало стремительная индустриализация и урбанизация Китая с конца 1980-х гг. во многом обязаны дешёвому труду 230 млн внутренних мигрантов, ушедших в города из деревни, но до недавнего времени почти лишённых основных социальных гарантий. То же касается и Индии, где официальное упразднение кастовой системы далеко не ликвидировало фактическую дискриминацию в отношении сотен миллионов выходцев из низших каст.

Хуже всего социальная сфера выглядит в самых бедных государствах Тропической Африки, Центральной и Южной Америки, Южной Азии. В то же время в ряде богатых стран-экспортёров сырья, прежде всего, «нефтяных монархиях» Персидского залива, правящая элита стремится избежать социальных потрясений типа «Арабской весны», ведя патерналистскую политику в пользу коренного населения, перекладывая бремя тяжёлых низкооплачиваемых работ на иммигрантов из соседних стран.

Промежуточная ситуация с гуманитарным прогрессом в социальной сфере сложилась в странах с переходной экономикой – РФ и государствах ЦВЕ. Россия унаследовала от СССР развитую систему соцзащиты – всеобщее бесплатное среднее образование, здравоохранение, пенсионное обеспечение. Они целиком базировались на перераспределительном принципе, финансировались из госбюджета, ими управляло государство либо прямо, либо через фактически подчинённые ему профсоюзы, в которых состояло всё занятое самодельное население (кроме колхозников, военно-

служащих, заключённых).

Эту бесплатную и всеобщую систему государство финансировало, однако по остаточному принципу, ввиду чего качество её услуг для рядовых граждан оставалось по сравнению с зарубежными аналогами на невысоком уровне (кроме закрытых учреждений 4-го Главного управления Минздрава, обслуживавшего ограниченный контингент номенклатурной бюрократии).

С распадом Советского Союза и переходом России к рыночной экономике прежняя система социальных гарантий вступила в полосу затяжного кризиса, тогда как новая, по существу, ещё не сложилась окончательно.

Ст. 7 действующей Конституции РФ от 1993 г. гласит, что «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека». Однако реализация такой установки на практике столкнулась с серьёзными трудностями, как из-за недостаточного бюджетного финансирования, так и неустойчивости законодательной базы, регулирующей основные компоненты соцзащиты. Это особенно очевидно на примере пенсионной системы, многочисленные реформы которой так и не смогли найти оптимальный баланс между перераспределительным и накопительным принципами, положенными в основу пенсионного законодательства за рубежом.

Столь же противоречиво эволюционирует российское здравоохранение, значительная часть которого перешла (как и образование, особенно высшее) на коммерческую основу, затрудняя доступ граждан с низким или средним доходом к бесплатным медицинским услугам. Если в «тучные» нулевые годы трудности социальной сферы смягчались общим ростом жизненного уровня в стране, то после мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг., падения цен на экспортные энергоносители и рецессии экономики Россия постепенно переходит по уровню социальной защиты из категории постиндустриальных стран ОЭСР к уровню остальных государств ЕАСТ и БРИКС.

Рейтинг эффективности систем здравоохранения в 2014 г. среди 51 страны, составленный аналитиками агентства Bloomberg на основании данных Всемирной организации здравоохранения

(ВОЗ), ООН и Всемирного банка, включает три критерия: среднюю продолжительность жизни (шансы на дожитие при рождении), долю государственных затрат на здравоохранение в ВВП и стоимость медицинских услуг на душу населения¹⁴. Согласно этой оценке, первое место занял Сингапур (82,1 года, 4,5%, 2426 долларов США), за ним следовали Гонконг, Италия, Япония, Южная Корея, Австралия, Израиль и Франция. Замыкали список с конца Россия (70,5 лет, 6,3%, 887 млн долл.), Бразилия, Азербайджан, Алжир, Колумбия, Иран, Болгария и США¹⁵.

Оценки не учитывают ряд важных показателей эффективности систем здравоохранения (численность врачей на 1000 жителей, уровень медицинской инфраструктуры и т.д.), хотя дают реальное представление об успехах и нерешённых проблемах в этой ключевой для гуманитарного прогресса сфере.

Не менее противоречивая картина складывается в другой чрезвычайно важной области – образовании. Его впечатляющие успехи за последнюю четверть века связаны с тремя основными факторами – научно-технической революцией на основе информатики, резко повысившей требования к уровню знаний и облегчившей доступ к ним, глобализацией мировой экономики и модернизационным прорывом ряда развивающихся стран, особенно в регионе АТР.

Обобщающим показателем состояния дел в системах образования служит составленный экспертами Программы развития ООН (ПРООН) индекс, который включает уровень грамотности и долю учащихся в школах трёх ступеней – начальной, средней и высшей¹⁶. Если принять высший уровень за 1000, то наибольших успехов из 193 государств – членов ООН по среднему (в промилле) образовательному уровню населения добилась Австралия (0,97), за которой следуют Новая Зеландия, Норвегия, Нидерланды (0,980). Самые нижние строчки занимают Гвинея (0,294), Чад, Буркина-Фасо, Эритрея и Нигер (0,198).

¹⁴ <http://gtmarket.ru/news/2014/091/22/6887>.

¹⁵ По оценке президента Национальной медицинской палаты РФ Л. Рошаля, удельный вес расходов на здравоохранение в ВВП России вдвое ниже, чем в среднем по ЕС. «Известия», 21 марта 2015 г.

¹⁶ <http://gtmarket.ru/ratings/education-index/education-index-info>.

Результаты остальных государств, находящихся между этими полюсами, не лишены сюрпризов, например из 193 государств – членов ООН Беларусь (0,820, 21-е место) опережает следующих за ней Францию (0,816, 22-место), Литву (0,877, 8-е место) и Японию (0,808, 26-е место). Из постиндустриальных государств «Группы семи» впереди идут США (0,890, 5-е место), за ними следуют Германия (0,886, 7-е место) и Великобритания (0,860, 13-е место). Среди держав БРИКС лидирует Россия (0,774, 36-е место), опережающая Китай (0,610, 107-е место) и Индию (0,473, 145-е место)¹⁷.

Из трёх ступеней образования динамичнее всего, бесспорно, развивается высшее. Согласно оценкам ЮНЕСКО, по доле граждан в возрасте 25-64 лет, получивших законченное высшее образование, с начала XXI в. лидируют США, Норвегия и Израиль (свыше 30%). За ними идут Нидерланды, Испания, Дания, Канада, Австрия, Южная Корея, Япония (22-28%). На почти тот же уровень вышла Россия (21%), опережающая Великобританию, Германию и Францию¹⁸.

В странах среднего уровня экономического развития – Турции, Бразилии, Чили, Малайзии и некоторых европейских государствах – членах ЕС (Италия, Португалия, Чехия, Словакия), этот показатель снижается до 10-14%, а в Индонезии или Тунисе падает до 2-3.

В то же время по численности студентов наиболее высокие показатели имеют США (13,2 млн), Россия (6,9 млн) и Япония (3 млн), притом что у последних численность населения вдвое меньше.

В целом среди стран-лидеров по охвату граждан высшим образованием 12 более чем вдвое превышают средний показатель для всего мира, а у трёх лидеров – Польши, России и США – он перекрывает его вдвое-втрое. Одной из важнейших тенденций эволюции современной высшей школы стал широкомасштабный международный обмен студентами, которые проходят за время учёбы курсы или стажировку в нескольких странах. Так, напри-

¹⁷ Ibid.

¹⁸ <http://demoscope.ru/weekly/2009/0375/analit02.php>.

мер, в 2014 г. в США учились 275 тыс. китайских студентов – четверть всех иностранных.

На фоне впечатляющих успехов высшего образования тем более шокирует статистика неграмотности, уровень которой в мире является одним из основных препятствий на пути экономического, политического, культурного, а тем самым и гуманитарного прогресса в целом.

Самая большая абсолютная численность неграмотных сохраняется в Индии, где она составила в 2014 г. свыше 287 млн человек – 37% общемировой. Почти столь же мрачно выглядит ситуация ещё в 21 стране, в том числе Пакистане, Марокко, Мавритании, большинстве африканских стран южнее Сахары, где менее половины детей получают начальное образование¹⁹.

С проблемой неграмотности сталкиваются не только бедные развивающиеся, но порой и богатые, высокоразвитые постиндустриальные государства. По данным департамента образования США, 19% работающих американцев не обладают базовыми навыками чтения и письма. Во Франции доля неграмотных достигает 9% взрослого населения (это почти всегда иммигранты первого поколения)²⁰.

Таким образом, гуманитарный прогресс в социальной сфере современного мира остаётся крайне неравномерным, сохраняя и зачастую углубляя неравенство между регионами, странами и внутри каждой из них.

Между тем экономические предпосылки для его преодоления ограничены. После «Великой рецессии» темпы роста ВВП промышленно развитых стран нередко остаются ниже, чем в докризисный период, и в среднесрочной перспективе их ускорение не предвидится. Этот прогноз аналитиков МВФ и ООН исходит, прежде всего, из учёта всё более тяжёлого бремени долгов (суверенных государственных, корпоративных, семейных), что ограничивает потребительский спрос и инвестиции в странах ОЭСР.

В то же время «всплывающие рынки» стран бывшего Третьего мира, которые в последнее десятилетие были главным мотором

¹⁹ <http://ria.ru/world/20140130/992149652.html>.

²⁰ <http://stud24.ru/civil-procedure/globalnayabezgramotnost/76994-242942-page1.html>.

роста мировой экономики, исчерпывают прежнюю модель догоняющего развития, основанную на дешёвой рабочей силе, импорте капиталов, передовых технологий и экспорте товаров массового спроса. Об этом свидетельствуют биржевые кризисы, неустойчивость валютных курсов, рост долгов («ловушка среднего дохода»). Переход же к новой парадигме тормозится падением цен на их экспортные товары, особенно сырьевые.

Сохранению и совершенствованию систем социальной защиты в развитых постиндустриальных странах препятствуют и демографические факторы – снижение рождаемости и увеличение средней продолжительности жизни. Результатом оказывается неуклонный рост доли иждивенцев, особенно старших поколений, и, соответственно, нагрузки на активное население. Подобные тенденции уже дают о себе знать также в России или Китае.

В результате борьба вокруг поисков оптимального баланса между экономическим и социальным аспектами гуманитарного прогресса, которые оказываются трудно совместимыми, выдвинулась ныне в центр общественно-политической жизни.

Сторонники либерально-монетаристских подходов, доминирующие на Западе с середины 1980-х гг. прошлого века, считают главным приоритетом борьбу с инфляцией, сокращение бюджетных дефицитов, госдолга и снижение налогов за счёт свёртывания системы социальной защиты с тем, чтобы рост прибылей стимулировал инвестиции, а вместе с ними и динамику ВВП. Эти постулаты, положенные в основу «Вашингтонского консенсуса» – условий предоставления государствам, нуждающимся в финансовой помощи, кредитов МВФ, показали свою неоднозначность во время и после «Великой рецессии» и долгового кризиса еврозоны. На их основе вела свою деятельность «тройка» кредиторов (МВФ, ЕЦБ, Комиссия ЕС) при решении долгового кризиса стран Южной Европы, прежде всего Греции.

Против курса «жёсткой экономии», чреватой стагнацией и углублением социального неравенства, выступают сторонники неокейнсианских взглядов. Они отстаивают необходимость гибкой кредитно-денежной и бюджетной политики стимулирования спроса, как частного, так и государственного, модернизацию системы соцзащиты ради повышения темпов роста и борьбы с безработи-

цей. Защищают такие подходы, в частности, П. Кругман или Дж. Стиглиц в США, Т. Пикетти в ЕС.

Полемика разделила не только университетские круги или экспертное сообщество, но и основные политические силы по обе стороны Атлантики: правоконсервативные партии в странах ЕС и республиканцы в США отстаивают либерально-монетаристские установки, европейские социал-демократы и американские демократы – неокейнсианские.

Под знаком такого размежевания прошли, в частности, оба президентских мандата Б. Обамы, в ходе которых конфликт из-за начатой им реформы медицинского страхования стал одним из главных объектов конфронтации между Белым домом и Конгрессом, в обеих палатах которого республиканцы завоевали большинство.

Результатом таких противоречий оказываются массовые движения популистского характера, выступающие под флагом национализма или социальной демагогии, неуправляемые миграционные потоки, чреватые дестабилизацией политических систем с непредсказуемыми последствиями. Сознание такой опасности побуждает правящие круги самых разных государств к поискам новых моделей развития, которые сочетали бы императивы экономической эффективности, экологической безопасности и социальной справедливости на основе инновационных прорывов.

Именно такие задачи призван решить, например, переход КНР от упора на инвестиции и экспорт к приоритету потребления семей как главному движителю экономического роста. Теми же мотивами диктуется пересмотр социально-экономической стратегии Индии, Японии, а в перспективе и России по мере того, как исчерпываются ресурсы её экспортно-сырьевой ренты.

Правовые гарантии

Если развитие экономики, науки и техники служит материальной базой гуманитарного прогресса, а социальной сферы условием справедливого распределения его плодов, то гарантией сохранения достигнутого и необходимым условием его движения к новым рубежам выступает защита прав человека.

Основополагающий документ в этом плане – Устав ООН, ко-

торый закрепил на международно-правовом уровне политические и духовно-нравственные, ценностные итоги победы держав антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне, торжество идеалов свободы, равенства, братства народов над человеконенавистнической идеологией и варварской практикой германского нацизма, итальянского фашизма, японского милитаризма.

Преамбула Устава гласит: «Мы, народы Объединённых наций, исполнены решимости ... вновь утвердить веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности, в равноправие мужчин и женщин и в равенство прав больших и малых наций»²¹. Эта установка получила развёрнутое обоснование и развитие во Всеобщей декларации прав человека, принятой на заседании Генеральной Ассамблеи ООН в Париже 10 декабря 1948 г.²² С 1950 г. эта дата стала международным праздником – Днём прав человека.

Авторы Всеобщей декларации исходили из того, что права и свободы являются естественными, они присущи любому человеку от рождения, отражая достоинство его личности независимо от расы, цвета кожи, пола, языка, вероисповедания, взглядов, национальности, социального происхождения, имущества, места рождения.

Поскольку декларация носила лишь рекомендательный характер, она получила продолжение в виде двух международных пактов – о гражданских и политических и об экономических, социальных и культурных правах. Они вступили в силу в 1976 г. и имеют договорный характер, составляя вместе с двумя факультативными протоколами единый Международный билль о правах человека²³.

Политический пакт обязывает все подписавшие и ратифицировавшие его государства уважать следующие права и свободы:

- право на жизнь,
- запрет применения пыток, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (ст. 7),

²¹ Организация Объединённых наций. Сборник документов, относящихся к созданию и деятельности. М., 1956. С. 33.

²² Резолюция 217F (III). http://www.terralegis.org/terra/lek/spr9_1-html.

²³ http://www.terralegis.org/lek/spr9_1-html.

- запрет содержания в рабстве и подневольном состоянии (ст. 8),
- запрет принудительного труда (ст. 8, п. 3),
- право на свободу и личную неприкосновенность (ст. 9 и 11),
- право на свободное передвижение и выбор местожительства (ст. 12),
- защита иностранцев перед высылкой (ст. 13),
- право на свободное и публичное разбирательство дела в суде (ст. 14),
- запрет признания виновным в совершении какого-либо уголовного преступления, которое согласно действующему в момент его совершения законодательству не являлось им (ст. 15),
- право на признание правосубъектности (ст. 16),
- право на невмешательство в личную жизнь (ст. 17),
- свобода мысли, совести и религии (ст. 18),
- право на свободное выражение своего мнения (ст. 19 и 20),
- право на собрания и свободу ассоциации (ст. 21 и 23),
- право на вступление в брак и право основать семью (ст. 23),
- право ребёнка на такие средства защиты, которые требуются в его положении малолетнего (ст. 24),
- публичные права, в том числе право доступа к государственной службе (ст. 25),
- запрет дискриминации (ст. 26),
- особые права этнических, религиозных и языковых меньшинств (ст. 27).

В свою очередь Экономический пакт налагает на государства-участники обязательства предпринимать прогрессивно, по мере создания соответствующих материальных условий, шаги, чтобы обеспечить:

- право на труд (ст. 6),
- право на создание и вступление в профсоюзы (ст. 8),
- право на социальное обеспечение (ст. 9),
- право на охрану семьи (ст. 10),
- право на достаточный жизненный уровень (ст. 11),
- право на охрану здоровья (ст. 12),
- право на образование (ст. 12),
- право на участие в культурной жизни и право на пользова-

ние результатами научного прогресса и защиту интересов, вытекающих из творческой авторской деятельности (ст. 15).

Многие из этих положений конкретизированы в специальных конвенциях по устранению любых форм расовой дискриминации (1965 г.), по устранению всяких форм дискриминации женщин (1979 г.), по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинства обращения или наказаний (1984 г.), о правах ребёнка (1989 г.), о правах инвалидов (2008 г.), о защите всех лиц от насильственных исчезновений (2010 г.).

Контроль за их применением и рассмотрение жалоб на нарушения со стороны государств или отдельных лиц возложен на 10 соответствующих комитетов ООН, деятельность которых координирует Управление Верховного комиссара ООН по правам человека (УВКПЧ) и Совет по правам человека из 47 членов, формируемый по принципу представительства регионов мира²⁴. Он периодически публикует универсальные обзоры о положении дел с соблюдением прав человека в каждой стране – члене ООН, а также инициирует специальные процедуры – доклады экспертов и рабочих групп по конкретным проблемам на определённой территории.

Наряду с универсальными документами, кодифицирующими права человека, и органами, которые контролируют их соблюдение в рамках ООН, важное значение имеют региональные правовые акты по данной проблематике. В их числе фигурируют Хельсинкский Заключительный акт 1975 г. – основа деятельности ОБСЕ, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод и Европейская социальная хартия в рамках Совета Европы (первая вступила в силу в 1953 г., вторая в 1965 г.)²⁵, жалобы на нарушение которых подлежат юрисдикции Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ).

²⁴ Совет, созданный решением Генеральной Ассамблеи ООН от 15 марта 2006 г., заменил прежнюю Комиссию по правам человека, деятельность которой на протяжении 60 лет была признана неудовлетворительной. http://terralegis.org/tek/spr9_1.html.

²⁵ С тем, чтобы согласовать всеобщие принципы и их интерпретацию в мусульманских странах, где действуют законы шариата, организация Исламская конференция приняла в 1990 г. Каирскую декларацию о правах человека в исламе.

Несколько позже аналогичные документы и структуры возникли и в других регионах: Американская конвенция прав человека (Пакт Сан-Хосе, в силе с 1978 г.) с Межамериканскими Комиссией и Судом, Африканская хартия прав человека (с 1986 г.), Арабская хартия прав человека (с 2008 г.), Конвенция СНГ о правах и основных свободах человека (с 1998 г.), Декларация АСЕАН о правах человека (2012 г.).

Межгосударственные инструменты и механизмы защиты прав человека дополняются деятельностью правозащитных организаций гражданского общества, как национальных, так и международных («Врачи без границ», «Международная амнистия» и т.д.). Во многих странах непростая задача координации деятельности государственных структур и НПО в области прав человека возложена на консультативные форумы и посредников – уполномоченных по правам человека (омбудсменов)²⁶.

Концепция внешней политики Российской Федерации, утверждённая 12 февраля 2013 г. (с коррективами, внесёнными два года спустя), формулирует в качестве одной из важных задач необходимость «добиваться уважения прав и свобод человека во всём мире путём конструктивного равноправного международного диалога с учётом национальных, культурных и исторических особенностей каждого государства, осуществлять мониторинг ситуации с соблюдением прав человека в мире...»²⁷.

Наряду с защитой основных свобод и прав человека, важную часть международного гуманитарного права составляют принципы и правила, регулирующие средства и методы ведения войны, защиты гражданского населения, больных и раненых военнослужащих, а также военнопленных. Их основой служат Женевские конвенции по защите жертв войны 1949 г. и два дополнительных протокола 1977 г., заключённых под эгидой Международного комитета Красного Креста²⁸.

²⁶ В России эту функцию выполняет Совет по делам гражданского общества и правам человека при президенте (председатель М. Федотов) и уполномоченные – В. Лукин, которого сменила Э. Памфилова.

²⁷ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г.). С. 22.

²⁸ См. веб-сайт UN.org © Объединённые нации.

Ведущую роль в развитии международного гуманитарного права, как и практических действий по соблюдению прав человека в ходе вооружённых конфликтов, играет ООН. Сессии её Генеральной Ассамблеи способствовали разработке и подписанию четырёх Женевских конвенций по предупреждению и наказанию преступления геноцида (1948 г.), о неприменении срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечности (1968 г.), о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие (с протоколами I-III, 1980 г.). Были одобрены Принципы международного сотрудничества в отношении обнаружения, ареста, выдачи и наказания лиц, виновных в военных преступлениях и преступлениях против человечности (1973 г.).

16 декабря 2005 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла Основные принципы и руководящие положения, касающиеся права на правовую защиту и возмещение ущерба для жертв грубых нарушений международных норм в области прав человека и гуманитарного права²⁹. Нормы последнего получили практическое применение при создании Международного уголовного суда в Гааге, Международных уголовных трибуналов по бывшей Югославии и по Руанде, а также трибуналов в Тиморе-Лешти, Сьерра-Леоне и Камбодже. Они рассмотрели дела лиц, ответственных за военные преступления и преступления против человечности, в том числе геноцид, жертвами которого стали миллионы людей.

Сложнее обстоит дело с понятием т.н. «международной гуманитарной интервенции» в кризисных ситуациях. В тех случаях, когда её проводят для помощи жертвам природных катастроф и иных чрезвычайных ситуаций того же порядка, такое вмешательство представляет собой безусловно легитимный акт милосердия и международной солидарности. На это прямо указывает резолюция 43/131 Генеральной Ассамблеи ООН от 8 декабря 1988 г.

Международный суд ООН определил понятие «гуманитарной интервенции» как «предоставление продовольствия, одежды, лекарств и другой гуманитарной помощи, но не включающей пре-

²⁹ A/RES/60/147. См.: <http://gnlicei.brest.by>.

доставление оружия, систем вооружения, боеприпасов и другого оборудования, автотранспортных средств и материалов, которые могут быть использованы для причинения тяжёлых телесных повреждений или явиться причиной смерти». Для её доставки должен быть обеспечен доступ по гуманитарным коридорам, используемым также для эвакуации раненых, больных, беженцев.

В то же время вмешательство, особенно вооружённое, в кризисные ситуации в связи с гуманитарными катастрофами, вызванными массовыми нарушениями прав человека, угрозой жизни и имуществу этнических, религиозных меньшинств на территории суверенных государств, требует согласия легитимного правительства соответствующего государства и/или решения СБ ООН.

Подобные случаи не раз имели место, например, на основе резолюции СБ ООН 688 в 1991 г. о гуманитарной помощи курдскому населению Ирака. Однако было немало случаев, когда участники формально гуманитарной интервенции выходили за рамки мандата СБ ООН и использовали вооружённую силу для смены правящего режима (Ливия в 2011 г.), либо вообще обходились без него. Именно так обстояло дело с военными действиями Турции на Кипре (1964 г.), США в Ливане (1958 г.), Доминиканской республике (1965 г.), Ираке (2003 г.), причём в последнем случае вторжение коалиции во главе с США произошло под предлогом наличия у режима С. Хусейна оружия массового уничтожения, что так и не подтвердилось.

В связи с этим в Концепции внешней политики РФ считается недопустимым, чтобы «под предлогом реализации концепции “ответственности по защите” осуществлялись военные интервенции и прочие формы стороннего вмешательства, подрывающие устои международного права, основанные на принципе суверенного равенства государств»³⁰.

Потребности в гуманитарной помощи неуклонно растут. На фоне потепления климата планеты увеличивается количество и масштаб природных бедствий (наводнения, засухи, цунами, лесные пожары). Глобализация мировой экономики, демографические контрасты, вооружённые конфликты вызывают всё более мощные

³⁰ Концепция С. 9.

миграционные потоки – численность трудовых мигрантов достигла 320 млн, беженцев – 60 млн. Результатом оказываются всё более частые и тяжёлые гуманитарные катастрофы с сотнями тысяч жертв.

В таких условиях объём средств, выделяемых на международные операции по оказанию гуманитарной помощи, явно не отвечает потребностям, а их организационные формы и методы вызывают критику. «Гуманитарная деятельность с трудом справляется с новыми реалиями, пропасть между нуждами затронутых кризисами людей и получаемой ими помощью становится всё глубже», – отмечает бывший министр иностранных дел Великобритании Дэвид Милибэнд, возглавляющий ныне Международный комитет помощи³¹.

По его оценке, в 2013 г. нехватка выделенных на гуманитарную помощь средств составила 4,5 млрд долл. – более трети от заявленных потребностей. Это во многом связано с недостаточно эффективным взаимодействием международных и национальных, государственных и частных структур, что приводит к распылению, нецелевому использованию, а то и разбазариванию выделенных средств.

С целью преодолеть эти недостатки в 1992 г. прежде явно неэффективная Организация помощи при катастрофах ООН была преобразована в Департамент по гуманитарным делам, а в 1998 г. – в Управление по координации и Постоянный межведомственный комитет по гуманитарной помощи, задачей которых является согласовывать действия национально-государственных структур соответствующего профиля в конкретных кризисных ситуациях.

Со своей стороны международные НКО разработали стандартный кодекс поведения миссий добровольцев при оказании помощи жертвам гуманитарных катастроф, нормы удовлетворения их первоочередных нужд в продовольствии, лекарствах, медицинских услугах и их материально-финансового покрытия.

Все эти меры объединены в 2011 г. общей программой («повесткой дня») ООН. Её цель – составление заявок и их оперативное удовлетворение Центральным фондом помощи в чрезвычайных

³¹ Foreign Affairs, vol. 94, № 4. P. 118.

ситуациях, распределяемой координаторами ООН с учётом местных условий.

По инициативе Генерального секретаря ООН 23-25 мая 2016 г. в Стамбуле состоялся Всемирный форум по проблемам гуманитарной помощи, в котором приняли участие более 80 государств и 250 НПО. В ходе его работы отмечалось, что общий объём помощи в 2014 г. составил 122 млрд долл., в том числе 60 млрд по линии ООН, 20 – НПО, 10 – Красного Креста, и 10 – в рамках двусторонних государственных программ. Тем не менее, этого оказалось явно недостаточно. Большие претензии предъявлялись к распределению этих средств между получателями, обеспечению безопасности персонала, оказывающего помощь.

Очевидно, что между декларациями и их претворением в жизнь существует разрыв, преодоление которого требует неустанных усилий. Об этом свидетельствуют такие трагические события, как геноцид в Камбодже и Руанде, массовые нарушения прав человека в ходе вооружённых конфликтов в Корее, Вьетнаме, Афганистане, на Ближнем Востоке, в бывшей Югославии и т.д. Их предотвращение в будущем требует постоянных усилий международного сообщества.

Конкретным примером таких усилий в области обеспечения прав человека может служить борьба за равноправие женщин. Этой важнейшей проблеме были посвящены несколько всемирных конференций ООН от Найроби (1985 г.) до Пекина (1995 г.). На последней 189 стран подписали Декларацию и Платформу действий, призванные «содействовать расширению возможностей и улучшению положения женщин, включая право на свободу мысли, совести, религии и убеждений, содействуя, таким образом, удовлетворению моральных, этических, духовных и интеллектуальных потребностей женщин и мужчин, индивидуально и совместно с другими, и посредством этого гарантируя им возможность полной реализации своего потенциала в обществе при формировании своей жизни в соответствии с собственными чаяниями»³².

В Пекинской декларации особо подчёркивалась необходимость расширить возможности женщин и их всестороннее уча-

³² http://www.un.jrg.ru/documents/dec_conv/declarations/womdecl.shtml.

ствие на основе равенства во всех сферах жизни общества, включая принятие решений и доступ к власти.

За прошедшие с тех пор два десятилетия определённый прогресс был, бесспорно, достигнут: в 65 странах проведены 94 реформы, улучшающие положение дел с гендерным равенством, в 127 приняты законы, запрещающие насилие в семье.

Тем не менее, в опубликованном в 2015 г. докладе Всемирного банка отмечалось, что в 155 странах всё ещё имеется хотя бы один закон, ограничивающий права женщин. В 19 странах им предписано беспрекословное подчинение мужу, в 32 странах они должны просить разрешения у супруга на получение паспорта, в 18 странах выйти на работу, в 22 странах они не могут выбрать гражданство своих детей. Ограничения прав женщин относятся, прежде всего, к мусульманским странам, где в той или иной мере действуют религиозные предписания шариата (Кувейт, Мавритания, Камеруне, Иран, Иордания, ОАЭ, Йемен).

27 сентября 2015 г. представители более 80 государств приняли в Нью-Йорке обязательства о конкретных и применимых действиях, которые должны привести к ликвидации к 2030 г. дискриминации в отношении женщин в своих странах. Эти обязательства включены в качестве особого раздела Повестки дня ООН до 2030 г. и её целей устойчивого развития. Речь идёт, в частности, об увеличении инвестиций в гендерное равенство, достижение паритета женщин на всех уровнях принятия решений, устранение дискриминационных положений в законодательстве, решение проблем социальных норм, которые приводят к дискриминации и насилию в отношении женщин. «Нам ещё предстоит долгий путь к достижению гендерного равенства», – сказал на открытии встречи в Нью-Йорке президент КНР Си Цзиньпин.

Аналогичные конференции, где подводили итоги достигнутого, анализировали сохраняющиеся проблемы и намечали пути их решения, проходили в Нью-Йорке по правам ребёнка (1990 г.), в Вене по правам человека (1993 г.), в Рио-де-Жанейро и Париже (1992 и 2015 гг.), по народонаселению и развитию в Каире (1994 г.), по социальному развитию в Копенгагене (1998 г.) и т.д.

* * *

В 2000–2015 гг. благосостояние человечества увеличилось

вдвое – с 117 трлн до 250 трлн долл. США. Потребление в развивающихся странах росло опережающими темпами порядка 5% в год, по сравнению с 2% в развитых. Однако его распределение остаётся крайне неравномерным – на 71% населения Земли приходится 3% совокупного благосостояния, а самые богатые 0,7% владеют 45,2%³³.

Развитие социальной сферы – здравоохранения, образования, культуры, соцзащиты – смягчает это неравенство лишь частично, причём глобализация мировой экономики способствует выравниванию этих систем скорее по низшему или среднему, чем по высшему уровню.

Столь же асимметрично, противоречиво выглядит баланс в области прав человека, где бесспорные достижения не компенсируют серьёзные откаты.

Тем не менее, можно констатировать, что гуманитарный прогресс сохраняет в целом позитивный тренд, который, как следует надеяться, продолжится в обозримом будущем.

ГЛАВА 3. МИРОВОЙ КРИЗИС: В ПОИСКАХ ВИНОВНЫХ И СПАСИТЕЛЕЙ*

Любой рыночной экономике, а капиталистическому способу производства, в частности, присущ циклический характер развития: смена фаз оживления, подъёма, кризиса и депрессии. Интервалы между циклами и фазами, их масштабы и продолжительность неодинаковы, они зависят от самых различных факторов объективного и субъективного порядка. На протяжении XX в. таких циклов и, соответственно, кризисов было как минимум десятка два. Сугубо национальные подходы к выработке антикризисных программ постепенно уступают место региональным, а отчасти и глобальным.

Наиболее масштабным среди них была Великая депрессия

³³ Crédit Suisse: Global Wealth Report 2015. Genève. 2015.

* Независимая газета, 18 февраля 2009 г. С. 7.

1929–1933 гг., когда после «чёрного вторника» 29 октября 1929 г. – обвала на Нью-Йоркской бирже, когда курсы акций потеряли за три года 85% своей капитализации, промышленное производство в США сократилось на треть, а число безработных достигло 12,8 млн человек. В Великобритании оно превысило 4 млн, в Германии – 6 млн, что во многом способствовало приходу Гитлера к власти и развязыванию Второй мировой войны.

Спецификой Великой депрессии был не столько её беспрецедентный размах, сколько системный характер. Для преодоления спада и безработицы правящим кругам большинства промышленно развитых стран Запада пришлось существенно пересмотреть каноны экономического либерализма: девальвировать валюты (прежде всего, тогдашнюю резервную – британский фунт стерлингов), ограничить свободу торговли, резко расширить экономическую роль государства за счёт инфраструктурных общественных работ, пойдя на разбухание бюджетного дефицита, госдолга и ускорение инфляции. Была создана разветвлённая система пенсий, социального страхования по болезни, сокращена рабочая неделя, расширены права профсоюзов.

Подобная антикризисная стратегия, теоретическое обоснование которой принадлежало британскому экономисту Джону Мейнardu Кейнсу, а образец успешного применения на практике – президенту США Франклину Делано Рузвельту с его «Новым курсом», доминировала в экономике мирового капитализма вплоть до начала 1970-х гг. В итоге Запад вступил, казалось, в эру «общества благоденствия»: среднегодовые темпы роста экономики промышленно развитых стран достигали 4-6%, объём ВВП и покупательная способность населения увеличились вчетверо, а безработица не превышала 3-4% его самодетальной части.

Однако в последней четверти XX в., в условиях резких скачков цен на углеводородные энергоносители («нефтяной шок» 1973 г. был вызван эмбарго арабских стран в связи с «Киппурской войной», а 1979 г. – революцией в Иране) и, соответственно, роста издержек производства, кейнсианская стратегия становилась всё менее эффективной. Результатом стала «консервативная революция», теоретиком которой выступил глава «чикагской школы» Милтон Фридман, а практиками – Маргарет Тэтчер в Великобри-

тании и Рональд Рейган в США. Именно их неолиберальное кредо легло в основу «Вашингтонского консенсуса» – программы действий ведущих финансовых институтов: Международного валютного фонда (МВФ) и Всемирного банка (ВБ). Суть его была проста: госсектор постепенно приватизируется, регулирующая роль государства в экономике и перераспределительная система соцстраха свёртываются, налоговое бремя сводится к минимуму. Приоритетами экономической политики провозглашаются борьба с инфляцией и увеличение прибылей частных предприятий – прибылей, способных завтра стать инвестициями, а послезавтра рабочими местами.

Следствием смены парадигмы мирового экономического развития стала далеко идущая глобализация производства, торговли и особенно финансовых потоков, которая принесла реальные результаты: в 1990–2007 гг. стоимость мирового ВВП удвоилась, а международная торговля выросла на 133%.

Выгоды из этого извлекли не только пионеры неолиберализма – США или Великобритания, но и «всплывающие» экономики ряда переходных к рынку государств и демографических гигантов бывшего третьего мира, прежде всего Бразилия, Россия, Индия, Китай (БРИК). Благодаря притоку капиталов и технологий из развитых постиндустриальных стран, привлечённых дешёвой рабочей силой и обилием природных, особенно энергетических, ресурсов, они обеспечили беспрецедентно высокие темпы экономического роста от 6-7% в России до 9-11% в КНР. Результатом стало беспрецедентное перемещение финансовых средств с Запада на Восток, из крайней нищеты удалось выбраться полумиллиарду человек.

Тем более неожиданным оказался глобальный финансово-экономический кризис 2007–2008 гг. Толчком к нему послужило накопление массы ипотечных обязательств, составлявших значительную часть активов банковской системы США. Это стало возможным, прежде всего, из-за массированного предоставления банками кредитов на строительство жилья лицам, платёжеспособность которых была сомнительной, под более высокий процент (на 5-6 пунктов больше обычного). В 2006 г. такие необеспеченные кредиты (subprimes) составили 13,6% всего объёма ипотеч-

ного кредитования.

Малоимущие семьи брали заведомо непосильные для себя долговые обязательства в расчёте на бурный рост цен на недвижимость, которые увеличились за десять лет (1997–2007 гг.) вдвое. Получая виртуальную добавленную стоимость на внесённый задаток за дом или квартиру, обычно уже построенную, дебитор спешил использовать её не для погашения оставшегося долга, а для приобретения, опять же в кредит под залог своей ипотеки, других дорогостоящих товаров и услуг – автомашин-внедорожников, путешествий, обучения детей в престижных университетских колледжах и т.д.

Со своей стороны банки стремились максимально увеличить число своих клиентов, но заодно снизить связанные с этим риски путём их дробления, фрагментации, т.н. «титризации» – превращении ипотечных обязательств в облигации, свободно котировавшиеся на биржах наравне с прочими ценными бумагами. На их основе в свою очередь выпускались всё новые производные финансовые инструменты (деривативы), где доля реального обеспечения на каждой следующей ступени сокращалась. С 2002 по 2008 г. объём деривативов разбух в 5 раз – со 108 до 531,8 млрд долл.

Уоррен Баффет – дальновидный и осторожный банкир, неоднократно считавшийся самым богатым человеком в мире, сумел вовремя избавиться от «токсичных» активов и назвал производные инструменты «финансовым оружием массового уничтожения, чреватым потенциально смертельной угрозой». Его предсказание оправдалось: финансовый пузырь лопнул летом 2007 г., когда раздутые сверх всякой меры цены на недвижимость поползли, наконец, вниз. Охваченные паникой банки резко ужесточили условия предоставления кредитов не только рядовым клиентам, но также другим банкам, а, в конце концов, и предприятиям реального сектора. Более того, они начали требовать у должников погасить разницу между прежней ценой активов, полученных некогда в залог под кредиты, и новой, гораздо более низкой (*margin calls*).

Прогрессирующий паралич основы любой рыночной экономики – взаимного доверия между производителями и потребителями товаров и услуг – повлёт за собой далеко идущие последствия.

Первым из них оказалось головокружительное падение курсов ценных бумаг и, соответственно, биржевой капитализации подавляющего большинства корпоративных активов, прежде всего инвестиционных банков. Общие потери капитализации корпоративных ценных бумаг далеко перевалили за 2 трлн долл., вызвав цепную реакцию банкротств. Далее кризис, начавшийся как финансовый, не замедлил затронуть реальный сектор. Лишённые новых кредитов и вынужденные рассчитывать втридорога по прежнему, предприятия не могли более выполнять свои основные функции – приобретать сырьё, оборудование, энергию, платить заработную плату. Резко упал спрос, как потребительский, так и инвестиционный в связи с падением покупательной способности из-за обострения проблемы занятости. Темпы роста ВВП повсюду резко сократились, мир вступил в полосу рецессии.

В самих Соединённых Штатах общественное мнение возложило вину на банки и их финансовый центр – главную фондовую биржу Нью-Йорка, адрес которой (Уолл-стрит) давно стал брендом американской модели капитализма. Рядовые клиенты, потерявшие значительную часть своих сбережений (а 3 млн семей даже дома, где они уже давно жили и которые привыкли считать своей собственностью), обвиняли «банкиллеров» в преступной алчности и эгоизме, из-за которых миллионы простых людей лишились честно заработанных денег и надежды на обеспеченную старость. Досталось и аналитическим агентствам, необоснованно завышавшим рейтинги у тех или иных финансовых институтов.

Представители бизнес-сообщества не оставили эту кампанию без ответа. Близкие к нему экономисты и аналитические службы пошли в контратаку, возлагая основную ответственность за кризис не на Уолл-стрит, а на миллионы жителей Мейн-стрит (так называется обычно центральная улица небольших городков американской глубинки). Действительно, определённые основания для этого были: под влиянием всепроникающей рекламы средний класс всё больше равнялся в своём потребительском поведении на высшие ступени социальной иерархии. Если доля сбережений в бюджете средней немецкой семьи составляет 11%, французской – около 14%, а китайской (в городах) достигает чуть ли не 40%, то в США эта доля опустилась вообще ниже нуля. Иными слова-

ми, средний класс стал всё больше жить в кредит, результатом чего и оказался нынешний кризис. Эти доводы принимали не только социально-экономический, но и морально-этический характер: с точки зрения суровой протестантской этики Макса Вебера, спекулятивная стихия и потребительский ажиотаж выглядели смертельными грехами алчности и гордыни, а кризис – заслуженной божьей карой за них.

В конечном счёте обе стороны, столкнувшиеся в борьбе вокруг раздела ответственности за экономические потрясения, нашли общего политического козла отпущения в лице республиканской администрации Джорджа Буша-младшего. Подобно своему идеалу – Рональду Рейгану – бывший президент строил финансовую политику страны на базе «рейганомики» 1980-х гг. – снижении налогов, прежде всего на корпорации и зажиточные слои населения. Алан Гринспен, тогдашний руководитель Федеральной резервной системы (ФРС), выполняющей в США функции Центробанка, держал курс на снижение учётной ставки с тем, чтобы удешевить кредит, увеличить объём денежной массы и стимулировать деловую активность. Результаты этого курса оказались негативными – он ускорил формирование финансового «пузыря», который четыре года спустя лопнул.

По мере того как кризис становился глобальным, полемика вокруг ответственности за него приобрела не только социальное или этическое, но и международное измерение. Перекрёстный огонь критики сосредоточился на США как исходной точке кризиса и его эпицентре. Главные претензии сводились к тому, что американцы потребляют больше, нежели производят: за последние три десятилетия доля производства товаров обрабатывающей промышленностью и сельским хозяйством в структуре ВВП США сократилась с 32 до 13%. При объёме ВВП около 13,5 трлн долл. (что составляет около четверти мирового) государственный долг страны достиг 11 трлн. Если ко всему этому добавить задолженность американских семей по ипотечным и потребительским кредитам, а корпораций – по кредитам на инвестиции ввиду преимущественного перед зарплатой распределения прибылей среди акционеров, то неудивительно, что разрыв между виртуальной, финансовой частью ВВП и реальным сектором неуклонно углублял-

ся. Совокупный долг государства почти достиг объёма ВВП. А по долгам надо платить, в том числе проценты. Американский доллар способен и далее успешно выполнять роль мировой резервной валюты только благодаря притоку в США более 2 млрд долл. в день главным образом из Китая, Евросоюза, Японии и нефтедобывающих арабских стран Персидского залива. «Мне представляется вероятным, что США могут потерять свой статус мировой финансовой сверхдержавы», – отмечает министр финансов ФРГ Пеер Штейнбрюк.

Представители американских деловых и политических кругов, в свою очередь, предъявляют партнёрам на Западе и Востоке внушительный список встречных претензий, причём тоже далеко не всегда беспочвенных. Основные упреки США адресуют своему ведущему поставщику и кредитору Китаю. Китайцев обвиняют в искусственном занижении курса юаня, ведущем к утечке инвестиций американских корпораций в погоне за дешёвой рабочей силой в КНР. Произведённые там на американских оборудовании и технологиях потребительские товары наводняют внутренний рынок США, разоряя местную промышленность и ликвидируя рабочие места. А использование китайцами своего внешнеэкономического актива для скупки облигаций казначейства США облегчает финансовое положение Америки, но в то же время способствует кредитной экспансии, лежащей в основе нынешнего кризиса.

По мере того как масштабы и глубина мирового кризиса неуклонно нарастают, придавая ему, как во времена Великой депрессии 1929 г., системный характер, вопрос «Кто виноват?» отесняется на второй план другим – «Что делать?».

Исчерпывающего ответа на него, как, впрочем, и на предыдущий, нет пока ни у кого. Различия конкретной ситуации в отдельных странах толкают их правительства к поискам, прежде всего, национальной антикризисной стратегии. При этом праволиберальным партиям больше импонируют снижение бюджетных расходов и налогов, субсидии оказавшимся в трудном положении частным банкам, выкуп у них государством «токсичных» активов, дальнейшее снижение учётной ставки для разблокирования финансовых потоков. Иными словами, сторонники подобных рецептов хотели бы ограничиться косметическим ремонтом неолибе-

рально-монетаристской «консервативной революции». Напротив, в континентальных странах Евросоюза больше распространена ностальгия по неокейнсианской стратегии и практике послевоенного «славного тридцатилетия».

Сегодня оба этих ведущих течения экономической мысли послевоенной эпохи и воплотившие их модели оказались неприменимыми – просто вернуться в прошлое, к неокейнсианству или ультралиберализму, невозможно. Все национальные антикризисные программы представляют собой причудливое смешение тех и других подходов независимо от идейно-политических предпочтений правящих кругов тех или иных стран.

Этот прагматичный подход тем более оправдан, что сугубо национальные варианты выработки таких программ постепенно уступают место региональным, а отчасти и глобальным.

Первым на этот путь стал Евросоюз по инициативе его председателя во второй половине 2008 г. Николя Саркози, предложившего не только скоординировать антикризисную политику еврозоны, но и создать общий фонд помощи странам, оказавшимся в наиболее критическом положении. Хотя это последнее предложение не прошло, столкнувшись с упорным сопротивлением канцлера ФРГ Ангелы Меркель, многие идеи Саркози получили поддержку. Избранный полтора года назад президентом Франции, он круто повернул руль в сторону типичной для французов традиции этатизма. Немалую активность в том же духе проявил и нынешний лейбористский премьер-министр не входящей в еврозону Великобритании Гордон Браун, порвавший с неолиберальной политикой Тони Блэра, в кабинете которого занимал пост министра финансов. Новый президент США Барак Обама ещё до прихода в Белый дом заявил о своей решимости придать расходам государства социальную направленность, создав с помощью бюджетных инвестиций в инфраструктуру до 2010–2011 гг. 3,5–4 млн новых рабочих мест. Это повлияло на решение нынешнего главы ФРС Бена Бернанке снизить учётную ставку практически до нуля. Общая сумма чрезвычайных государственных затрат в США и ЕС достигнет, видимо, порядка 3,5% ВВП в каждом из обоих этих основных главных центров экономической мощи Запада. По тому же пути идут Китай, Россия, Индия, Бразилия.

В апреле 2009 г. в Лондоне пройдёт очередной саммит лидеров 20 крупнейших развитых, переходных и развивающихся стран. Одной из центральных проблем на нём станет то, как предотвратить протекционистские тенденции, чреватые возвратом к автаркии и развалом мирового рынка под напором экономического (и, разумеется, политического) национализма. Именно такой ход событий после Великой депрессии затянул начало нового цикла.

Судя по всему, дело идёт не только и даже не столько к формированию каких-то новых институциональных структур глобального управления мировой экономикой и политикой (прежние в виде МВФ и ВБ явно отжидают свой век). Предстоит переход к новой модели рыночной экономики, не просто сочетающей в той или иной пропорции черты либеральной и кейнсианской, но качественно новой, которая была бы способна ответить на грозные вызовы XXI в.: демографический, ресурсный, климатический.

Сегодня всё чаще начинают говорить о предстоящей смене нынешней экономической парадигмы на новую, способную ограничить разумными рамками аморальный и контрпродуктивный культ безудержного потребления, восстановить разорванную взаимосвязь финансового сектора с реальным, соединить свободу предпринимательства с ответственностью капитала перед обществом. При этом индийский учёный, лауреат Нобелевской премии по экономике Амартя Сен заявляет: «Речь идёт не о том, быть за капитализм или против него, а о необходимости поставить рынок и капитал на их место. Сегодня мы нуждаемся в том, чтобы вернуться к таким фундаментальным ценностям, как справедливость, гуманизм и подлинная свобода для всех».

В конце концов, чернобыльская катастрофа не заставила отказаться вообще от идеи мирного атома. Напротив, интерес к нему в наши дни на фоне энергетического кризиса, являющегося одной из причин экономического, неуклонно растёт, речь идёт лишь о более осторожном, умелом и эффективном его использовании во имя интересов всего человечества.

ГЛАВА 4. БУНТ СРЕДНЕГО КЛАССА*

Основное место в лентах новостей мировых СМИ за последние годы прочно заняли две темы: глобальный финансово-экономический кризис и связанные с ним движения протеста, которые приобретают всё более широкий размах.

В Греции, Испании, Италии, оказавшихся из-за огромных долгов на грани банкротства, планы жёсткой экономии бюджетных расходов за счёт социальных статей, продиктованные Евросоюзом и МВФ, вызывают массовые забастовки и уличные демонстрации. В ещё недавно спокойной законопослушной Великобритании они вылились в беспрецедентную волну погромов и грабежей.

Неспокойно не только в Европе, но и на других континентах. Сотни тысяч израильтян целую неделю заполняли главную площадь Тель-Авива, требуя от правительства принять меры по решению острой жилищной проблемы. В Чили не прекращаются студенческие волнения, вызванные непопулярной реформой высшей школы. Всю Индию потрясло мощное движение против коррупции, толчком к которому стала публичная голодовка правозащитника Хараре. Даже в Китае, где уличные беспорядки, как правило, жёстко пресекаются властями, небывало широкий отклик получили стихийные кампании в связи с крупной железнодорожной катастрофой и строительством химического завода, угрожающего здоровью местного населения.

Наконец, в центре внимания мировой общественности оказалась «Арабская весна» – серия революций в странах Северной Африки и Ближнего Востока, которые смели или заметно ослабили коррумпированные авторитарные режимы, где диктаторы десятилетиями сохраняли неограниченную власть, передавая её нередко по наследству.

Всем этим движениям присуща одна общая черта: на улицы Афин, Мадрида, Каира, Тель-Авива, Сантьяго-де-Чили выходят не только и даже не столько представители самых бедных, обездоленных слоёв населения, сколько более благополучного, казалось

* Независимая газета, № 219 (5417), 10 октября 2011 г. С. 9.

бы, среднего класса, особенно его младшего поколения – образованной молодёжи, тесно связанной социальными сетями Интернета.

Между тем ещё недавно средний класс считался самой надёжной опорой существующего статус-кво: недаром Маркс признавал, что «сила буржуазного порядка в среднем классе». Если сегодня он превращается из гаранта стабильности в зачинщика беспорядков, то на это есть достаточно веские причины как объективного, так и субъективно-психологического свойства.

Материальные критерии принадлежности к среднему классу и его удельный вес в населении колеблются в весьма широком диапазоне с учётом уровня экономического развития отдельных стран. В постиндустриальных США, Евросоюзе, Японии, где средний класс составляет большинство граждан, к нему относят семьи с доходом около 3-4 тыс. долл. в месяц, в государствах европейской части постсоветского пространства или на Балканах этот порог ниже втрое, в странах бывшего третьего мира – на порядок.

Средний класс располагает и немалой частью собственности – земельными участками, жильём, банковскими счетами, страховыми полисами, ценными бумагами: в США, например, их имеет в том или ином объёме почти половина семей.

Вместе с тем одним лишь размером дохода и состояния принадлежность к среднему классу далеко не исчерпывается, не меньшую роль играют социальный престиж, образование, культура, система ценностей.

Социологи относят к нему, прежде всего, тех, кто самостоятельно работает на себя – малый и средний бизнес, создающий ныне более половины всех рабочих мест, торговцев, ремесленников, лиц свободных профессий, творческую интеллигенцию. По мере развития экономики в их ряды вливаются также всё более многочисленные категории людей наёмного труда – служащие государственного и частного секторов, управленцы среднего звена, научно-технические кадры, журналисты и т.д.

На протяжении долгого времени средний класс считался преимущественно консервативной силой. Опасаясь потерять достаток и положение в обществе, достигнутые порой трудом многих поколений ради надежды приобрести ещё больше, его представи-

тели относились к любым рискованным авантюрам с явным предубеждением. Отсюда такие черты социальной психологии и политического поведения, как умеренность, недоверие к экстремизму, склонность решать проблемы общества скорее путём постепенных реформ, нежели крутой ломки устоявшихся структур.

Подобная психология вполне соответствовала промежуточному положению среднего класса, игравшего роль своего рода буфера, амортизатора между вершиной и основанием социальной пирамиды, лобовая конфронтация между которыми способна вызвать катастрофические потрясения вплоть до гражданской войны. Хотя вожди радикальных течений относились к среднему классу (из которого обычно выходили сами) с высокомерным презрением, считая обывательское «болото» главным препятствием на пути прогресса, в сущности, именно его прозаический здравый смысл не раз позволял обществу избегать кровавых катаклизмов. Недаром французский эссеист Поль Валери утверждал, что «мир стоит чего-нибудь из-за своих крайностей, но выживает только благодаря середине».

Присущая среднему классу роль гаранта стабильности не раз оказывалась под вопросом на протяжении первой половины XX в., когда его материальное положение и моральные устои серьёзно пошатнулись. Две мировые войны и Великая депрессия привели к крайней поляризации социально-политических сил как внутри отдельных стран, так и на международной арене, расколов мир на противоположные идеологии, общественные системы и военные блоки. Средний класс оказался втянут в экстремистские движения левого или правого толка, став массовой базой авторитарных и тоталитарных режимов.

Зато после окончания Второй мировой, а затем и холодной войн могло создаться впечатление, что для среднего класса пробил поистине звёздный час. В самом деле, тоталитарные диктатуры, как правые, так и левые, ушли в прошлое. Восстановление и реконструкция мировой экономики на протяжении послевоенного «славного тридцатилетия» стимулировали высокие темпы роста ВВП, плоды которого перераспределялись эффективной системой социальной защиты. Это привело к значительному увеличению покупательной способности среднего класса, получивше-

го доступ к комфортному жилью, бытовой технике, автомашинам, досугу, развлечениям, образованию и культуре. Его дети заполнили аудитории университетов, открывавших перед ними двери социального лифта в высшие слои общества.

Повысился вес среднего класса и в политической жизни. На Западе именно его избиратели склоняли чашу весов в пользу того или иного варианта правящего большинства на выборах, обеспечивая смену у власти умеренных системных партий – консерваторов, либералов, социал-демократов, ограничивая их ротацию рамками левого и правого центров.

В освободившихся от колониализма независимых государствах третьего мира, где плюралистическая демократия западного образца, как правило, не прижилась, средний класс выступил на авансцену общественной жизни по-иному. Его ядро составили отныне не только традиционные торговцы и ремесленники («базары»), духовенство, но и чиновники национального административного аппарата, особенно офицерский корпус.

Однако «золотой век» среднего класса оказался недолгим, уже с середины 1970-х гг. он подошёл к концу. Первыми признаками этого стали нефтяные шоки 1973 и 1979 гг., резкие скачки цен на энергоносители, связанные с событиями на Ближнем и Среднем Востоке. Повысив издержки производства развитых стран-импортеров сырья и энергии, они сократили среднегодовые темпы роста их экономик вдвое – до 1,5-3% ВВП, а в периоды кризисов до нуля, если не отрицательных величин.

В поисках дешёвых рабочих рук, благоприятного для бизнеса налогового режима, социального и экологического законодательства западные капиталы и технологии устремились на юг и на восток в развивающиеся страны Азии, Латинской Америки, Африки, которые превратились в промышленные мастерские планеты. В то же время контрасты демографической динамики и жизненного уровня вызывали массовый отток трудовых мигрантов с юга на север.

Все эти перемены повлекли за собой для среднего класса далеко идущие негативные последствия. Если в прошлом крестьяне, уходившие в города по мере модернизации сельского хозяйства, более или менее легко поглощались промышленностью, то с

вступлением Запада в постиндустриальную эру ситуация изменилась. На фоне низких темпов экономического роста и всеобщей информатизации, сокращающей потребности даже в квалифицированной рабочей силе, сфера услуг, на которую приходится отныне $\frac{2}{3}$ ВВП развитых стран, не может принять в полном объёме высвобождаемые трудовые ресурсы, результатом чего оказывается обострение проблемы занятости.

За последнюю четверть века доля безработных в самодеятельном населении увеличилась в высокоразвитых странах вдвое, с 4-5 до 9-10%, в среднеразвитых до 15-20, а в развивающихся порой до 40-50. Она больно затронула и средний класс, особенно его младшее поколение, для которого университетский диплом перестал служить надёжной путёвкой в жизнь. Четверть выпускников высшей школы не может найти работу по специальности более года, пробавляясь случайными заработками, и вынуждены жить у родителей, которые опасаются, что их детей ждёт в будущем не повышение, а деградация социального статуса.

Между тем состояния и доходы представителей элиты, связанной с безмерно разбухшей финансовой сферой, достигли поистине астрономических высот. По данным журнала «Форбс», в 2010 г. в мире насчитывалось 1011 долларовых миллиардеров и свыше 10 млн миллионеров, активы которых (без учёта основной недвижимости) составляли 40,7 трлн долл., в 2,5 раза больше ВВП США или трёх следующих за ними держав – Китая, Японии, Германии вместе взятых.

Представителей среднего класса шокирует не столько сам факт существования столь грандиозного богатства, сосредоточенного в руках узкой социальной прослойки, сколько его происхождение. Даже в самой острой фазе нынешнего кризиса стратегические инвесторы ведущих корпораций продолжали получать внушительные дивиденды, топ-менеджеры – огромные оклады и бонусы вне зависимости от состояния балансов их компаний, а при уходе со своих постов «золотые парашюты» – многомиллионные пакеты акций по символической цене (stock options).

Эффект этих неблагоприятных фактов никак не могли компенсировать популистские жесты благотворительности и меценатства со стороны отдельных супербогачей вроде Баффета или Гейт-

са. Его ещё более усугубляла нескончаемая череда громких скандалов коррупционного или сексуального характера, запятнавших ряд представителей высшей политической элиты – депутатов, министров, глав правительств и государств Италии, Франции, Индии, Бразилии, Перу, Израиля и многих других стран, включая бывшего исполнительного директора МВФ. Многие из них заканчивали карьеру на скамье подсудимых.

Психологии среднего класса вообще свойственно двойственное отношение к элитам, сочетающее ревность и зависть с тайным восхищением. Именно на таких смешанных чувствах играют папарацци гламурной прессы, торгующие интимными подробностями и пышным декором жизни коронованных особ, финансовых магнатов, звёзд политики и шоу-бизнеса.

Поэтому рядовой обыватель, подобно мольеровскому «мещанину во дворянстве», склонен, несмотря на врождённую скардность, ориентировать свои вкусы и потребительские запросы не на низшие, а на высшие ступени общественной лестницы. Под давлением всепроникающей рекламы он пускается в тщеславную и разорительную погоню за престижными торговыми брендами, всё глубже влезая в долги, тем более что в периоды высокой конъюнктуры банки наперебой предлагают ему кредиты, в том числе в виде вторичных, производных финансовых инструментов под залог уже купленной, но ещё не оплаченной полностью собственности, особенно недвижимости. Когда же наступают трудные времена, необходимость рассчитываться по обязательствам, выходящим за рамки финансовых возможностей покупателя, приводит его к банкротству. Именно такими были причины краха пирамиды ипотечного кредитования в США, с которого начался мировой финансово-экономический кризис 2008 г. Неудивительно, что средний класс обвинял тогда элиту в циничном попрании своих фундаментальных этических ценностей – трудолюбия, уважения к закону, устоев семьи, собственности, религии.

Результатом оказывается тяжёлый стресс, чреватый, как это уже бывало после Великой депрессии между двумя мировыми войнами, далеко идущей поляризацией социально-политических сил. Средний класс превращается из гаранта внутреннего равновесия общества в фактор его дестабилизации. Именно этим объ-

яняется рост влияния во многих странах Европы экстремистских движений национал-популистского характера, разжигающих вражду к этническим и религиозным меньшинствам, прежде всего иммигрантам-мусульманам (Национальный фронт во Франции, «Лига Севера» в Италии, Народная партия в Австрии и т.д.).

Он угрожает блокировать механизм сдержек и противовесов ротации власти, затрудняя принятие болезненных, но необходимых антикризисных программ.

На первый взгляд может создаться впечатление, что речь идёт об обычной борьбе левых и правых партий вокруг поисков оптимальных способов покрытия бюджетного дефицита и государственного долга: путём преимущественного сокращения расходов или увеличения налогов. Однако ныне эта борьба выходит далеко за рамки двухпартийного консенсуса, т.к. столкнулись интересы двух частей среднего класса – собственников и людей наёмного труда. Хотя эти категории нередко совпадают, центристам оказывается всё труднее искать и находить компромиссы, потому что в условиях экономического кризиса и высокой безработицы поле для манёвра значительно сузилось. Конфликт материальных интересов перерос в выяснение отношений между государством и гражданским обществом, принципами индивидуальной свободы и социальной справедливости.

Процесс поляризации среднего класса даёт о себе знать и в развивающихся странах. Несмотря на светские, демократические лозунги инициаторов революций т.н. «Арабской весны», среди противников прогнивших авторитарных режимов наиболее организованной и идейно мотивированной силой выступают различные течения исламского фундаментализма от египетских «Братьев-мусульман» до джихадистов в Йемене, связанных с террористической «Аль-Каидой». Единственным реальным противовесом им может оказаться только армия, служившая в прошлом опорой свергнутых диктаторов. Отсутствие средств для радикального решения назревших социально-экономических проблем, да ещё на фоне хронической конфронтации с Израилем, чревато фактической реставрацией авторитаризма, лишь частично прикрытого им имитацией внешних атрибутов либерально-парламентской системы.

Даже в «самой большой демократии мира» – Индии – анти-

коррупционное движение среднего класса пытается не без успеха использовать правая оппозиция, делающая ставку на разжигание индуистского экстремизма, подпитываемого террором мусульманских фанатиков из Пакистана.

Очевидно, что морально-политический раскол среднего класса под влиянием глобального экономического кризиса не мог обойти и Россию, для которой его будущее имеет поистине судьбоносное значение. Рождённый только в середине XIX в. реформами Александра II, он оставался крайне малочисленным как в деревне, скованной узами уравнилельной общины, которые безуспешно пытался разорвать Столыпин, так и в городе. Социально-экономическая слабость и политическое бесправие толкали многих его представителей к борьбе против самодержавно-бюрократической империи самыми радикальными средствами.

Однако свержение монархии в результате трёх революций обернулось для российских средних слоёв настоящей трагедией – разорением, физическим уничтожением, массовой эмиграцией.

В советский период форсированная индустриализация, требовавшая значительного числа квалифицированных специалистов, привела к формированию средних слоёв в лице служащих, инженеров и техников, преподавателей, врачей, научных работников, творческой интеллигенции. Хотя жизненный уровень их был гораздо ниже, чем у соответствующих социальных категорий на Западе, по советским меркам интеллигенция, к которой причисляли всех людей умственного труда, находилась в сравнительно благоприятном положении: она пользовалась гарантированной занятостью, бесплатными образованием и медициной, пенсиями, убогим, но почти даровым жильём, доступным общественным транспортом.

Тем не менее, её положение в обществе, социальный статус оставляли желать много лучшего. Монополизировавшая политическую власть партийно-хозяйственная и административно-полицейская бюрократия относилась к интеллигенции с явным недоверием, презрительно третируя её как неблагонадёжную прослойку, отягощённую грузом мелкобуржуазных пережитков. Политическое бесправие, социальная дискриминация, диктат коммунистической идеологии, душивший свободную творческую мысль,

наконец, система привилегий правящей номенклатуры на фоне тотального дефицита потребительских товаров не могли не вызывать среди советской интеллигенции хронического недовольства, выливавшегося порой в диссидентство. Вполне естественно, что она с воодушевлением восприняла горбачёвские перестройку и гласность, а в момент августовского путча 1991 г. поддержала противников ГКЧП.

Надежды эти очень скоро рассеялись. В посткоммунистической России основная масса бывшей советской интеллигенции – учителя, врачи, инженеры, офицерский корпус – не нашла для себя сколько-нибудь достойного места. Шоковая либерализация цен, а затем дефолт 1998 г. ликвидировали их сбережения, покупательная способность сократилась вдвое. Нищенская зарплата, всепроникающая коррупция отбросили прежний средний класс на обочину общественной жизни, приведя к деклассированию, маргинализации.

Новые средние слои, появившиеся в процессе перехода к рыночной экономике, – малое и среднее предпринимательство, фермерство, работники значительно расширившейся сферы услуг, не смогли заполнить возникший социальный вакуум ввиду их ограниченности и изоляции от политической власти.

Результатом оказались те же самые болезненные явления, которые дают о себе знать у среднего класса в постиндустриальных и развивающихся странах: деградация моральных ценностей, цинизм, апатия, усиление экстремистских тенденций националистического характера, грозящих расколоть и дестабилизировать российское общество.

* * *

Преодоление этих опасных тенденций, несомненно, зависит не только от перспектив выхода из экономического кризиса, который имеет глобальный характер, но и от согласованных усилий власти со структурами гражданского общества по созданию наиболее благоприятных условий для моральной и материальной консолидации среднего класса, который смог бы стать стабилизатором российского социума. Пока признаков решимости предпринять такие усилия, к сожалению, не видно.

ГЛАВА 5. РЕВОЛЮЦИЯ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ*

Почему нынешний мир стремительно меняется и уже никогда не будет прежним? Какие уроки человечество сможет извлечь из ошибок прошлого? Каким станет новый технологический уклад мировой экономики? Об этом в ходе дискуссии Совета по внешней и оборонной политике (СВОП) в Культурном центре ЗИЛ размышлял доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института Европы РАН Юрий Рубинский. Вёл встречу главный редактор журнала «Россия в глобальной политике», председатель президиума СВОП Фёдор Лукьянов. «Лента.ру» записала основные тезисы выступления Юрия Рубинского.

Бунт бэби-бумеров

Сейчас в Европе и мире происходят тектонические процессы, мало похожие на прошлые потрясения, например, на события 1968 г. во Франции. Тогда «красный май» стал для всех полной неожиданностью. Есть любопытное совпадение: накануне французской революции 1848 г., переросшей в европейскую «весну народов», в Париже вышла статья «Франция скучает». И перед майскими событиями 1968 г. во французской прессе появилась заметка точно с таким же названием.

Детонатором событий мая 1968 г. во Франции выступила недовольная образованная молодёжь, восставшая против прежнего иерархического уклада жизни. Это был бунт послевоенных беби-бумеров против своих отцов, пытавшихся после Второй мировой войны вновь отстроить старую традиционную Европу. Схожие процессы шли и в США, где студенческие волнения совпали с движением за расовое равноправие и борьбой против войны во Вьетнаме.

Молодёжный бунт конца 1960-х гг. зашёл в тупик, поскольку его не поддержал средний класс, оставшийся в массе на консервативных позициях. В Париже по призыву президента де Голля на Елисейские поля вышли с протестом против беспорядков милли-

* Интервью для lenta.ru 29 июня 2016 г. записал Андрей Можухин.

он человек. Европейские политические элиты смогли втянуть в свои ряды наиболее активных лидеров протеста.

Совсем по-другому обстоят дела сейчас. Призвать под свои знамёна отдельных вожжаков бунтующих масс нынешний истеблишмент не способен. Политические элиты под воздействием процессов глобализации давно стали транснациональными и ещё больше оторвались от своих сограждан. Кроме того, механизм современной мировой экономики не предусматривает никакой новой позитивной программы.

Те, кого сегодня вынесло на гребень протестной волны (Дональд Трамп в США, Марин Ле Пен во Франции), зачастую сами являются представителями элиты, хотя и позиционируют себя как контрэлиты. Их идеологический фундамент размыт, а предвыборная программа – это своеобразный винегрет из ультраправых и леворадикальных лозунгов.

Сердитые горожане

У современной бунтующей молодёжи, послужившей запалом всех «цветных революций», отсутствует как своя реальная программа, так и ясные лозунги и внятная альтернатива. Теперь в процесс сотворения истории втянулись не десятки тысяч, а десятки миллионов людей, помимо молодёжи, в протест включился многочисленный средний класс, играющий отныне ключевую роль в общественно-политической жизни.

Причиной послужило то, что этот класс, считавшийся ранее оплотом стабильности, размывается. Это побочное следствие научно-технического прогресса: между различными социальными группами вновь увеличивается разрыв в доходах. В Европе многие обыватели сейчас признают, что уже в ближайшем будущем они вряд ли смогут поддерживать былой уровень благополучия.

Нынешний средний класс растерян и дезориентирован, и его недовольство канализируется в поддержку идей национализма, ксенофобии и социал-популистской демагогии, а в арабских странах ещё и радикального ислама. Знамение современной эпохи – то, что по всему миру люди обращаются к своему прошлому. По этому поводу есть замечательная мысль классика: «Когда люди сталкиваются с новым и неведомым, то они в суеверном страхе

цепляются за обломки хорошо знакомого прошлого и творят новые акты трагедии будущего в костюмах и декорациях прежних эпох».

Сегодня мир столкнулся с тем, что углубляющееся социальное неравенство вызывает активный протест у широких слоёв населения. Управлять этими людскими массами всё труднее, по крайней мере, нынешние элиты на это уже неспособны. Методы и правила принятия решений, которые у них сейчас практикуются, непрозрачны, непонятны и совершенно неприемлемы для большинства людей.

Рецидив холодной войны

Вслед за социально-политическими процессами внутри государств сегодня всё менее управляемыми становятся и международные отношения. Учитывать массовые настроения сейчас вынуждены не только либеральные демократии западного образца, но и одиозные авторитарно-тоталитарные режимы. Мировая политика стала менее предсказуемой, поскольку многие мотивы тех или иных действий отдельных стран зачастую непонятны их партнёрам.

Сейчас мы наблюдаем рецидив прежней холодной войны, но гораздо более опасный и менее управляемый. Противостояние СССР и США, несмотря на Карибский и Берлинский кризисы, происходило по ясным и понятным правилам игры. Из теории игр известно, что любые взаимоотношения между государствами реализуются в трёх вариантах: игра с нулевой суммой, когда одна сторона полностью выигрывает, а другая вчистую проигрывает (win-lose); обе стороны выигрывают, но в разной степени: одна больше, а другая меньше (win-win); обе стороны полностью проигрывают (lose-lose).

Холодная война сочетала все эти схемы, и нынешний её рецидив стремится к тому же. Но мир изменился: если в 1990-е гг. считалось, что всю систему международных отношений можно выстраивать по принципу win-win, то теперь это совсем не очевидно. Дело даже не в том, что у разных стран различные объективные экономические или геополитические интересы.

Выяснилось, что, несмотря на глобализацию и экономическое

единство, нынешний мир разобщён ментально, поскольку одновременно живёт в разных эпохах с разными системами ценностей. Сейчас правительство каждой страны пытается показать, что ему никто не может диктовать свои условия, поскольку любые компромиссы собственные граждане просто не поймут и примут за проявление слабости. Кроме того, все опасаются, что, пойдя на уступки по какому-либо вопросу, в дальнейшем рискуют получить более серьёзный вызов.

Из-за этого любые попытки заключения пакетных сделок, которые нередко помогали находить приемлемый выход из конфликтных ситуаций в годы холодной войны, теперь безнадежно блокируются. Глобальным игрокам договариваться на условиях win-win очень трудно, совершенно невозможен какой-либо геополитический торг в духе «Сирия в обмен на Украину». Отныне каждый конфликтный узел в международных отношениях имеет свои законы развития, зачастую самые непредсказуемые.

Мрачная тень 1914 года

Не будем забывать, как более ста лет назад начиналась Первая мировая война, которой, несмотря на все противоречия между великими державами, на самом деле никто всерьёз не хотел. Тогда считалось, что мировой конфликт невозможен: во-первых, в условиях торжества научно-технического прогресса воевать просто экономически невыгодно, а во-вторых, все страны накопили так много разнообразного и разрушительного оружия, что никто не решится его применять. Как мы знаем, оба этих довода были опровергнуты дальнейшим развитием событий.

Аргументация столетней давности поразительно похожа на благодушное настроение мировых элит в 1990-х гг.: холодная война закончена, мир ускоренно глобализируется, развивающиеся страны совершают феноменальный экономический рывок. Но теперь, как мы видим, складывается совсем иной миропорядок, сильно отличающийся от того, к чему многие стремились двадцать лет назад.

Конечно, в том, что холодная война так и не переросла в настоящий военный конфликт, решающую роль сыграло ядерное оружие. Но его прежний сдерживающий фактор уже не очевиден,

поскольку атомные военные технологии продолжают расползаться по многим странам, в том числе весьма нестабильным. В мире нарастает новая гонка вооружений, хотя наше руководство заверяет, что не позволит втянуть в неё Россию.

Но проблема не только в нашей стране. Во всём мире после Великой рецессии 2008–2009 гг., ставшей «кризисом перепотребления», экономические ресурсы сильно истощились. Темпы роста мировой экономики существенно снизились, и даже есть теория, что мир ждёт «вековая стагнация».

Нынешняя напряжённость в международных отношениях, возникшая за последние годы, – всерьёз и надолго. Потенциально это очень опасная ситуация, поскольку, как и в 1914 г., сейчас в мире накопилось множество различных противоречий, и никто не хочет уступать. Остаётся только надеяться, что современные политические элиты, в отличие от своих предшественников столетней давности, проявят мудрость, здравый смысл и трезвый расчёт, не позволив реализоваться катастрофическому сценарию.

В поисках новой модели развития

Практически все крупные страны переживают тяжёлый кризис прежней модели развития. Например, в США это наглядно показывает нынешняя президентская кампания, когда в числе кандидатов оказались вчерашние маргиналы – ультраправый Трамп и леворадикальный Сандерс. Китай, чьё экономическое развитие повторяет «японское чудо» 1960–1980 гг., тоже исчерпал возможность дальнейшего стремительного роста за счёт дешёвой рабочей силы, импорта технологий и капиталов и экспорта товаров.

Японская экономика уже более двадцати лет не может выйти из тяжелейшей стагнации, а про состояние нынешней России с её сырьевой рентой вообще говорить не приходится, и так всё ясно. Все эти страны, а также Европа, Индия и Бразилия, находятся на пороге слома старой модели развития, когда правящие элиты настолько оторвались от своих соотечественников, что стали неспособны отвечать на новые вызовы времени.

Сейчас много говорят о т.н. «четвёртой промышленной революции», чьи достижения рассчитаны на индивидуального потребителя. Но самое важное для будущего человечества – продолже-

ние энергетического транзита. Первая промышленная революция в Великобритании в конце XVIII в. была эпохой угля и пара, вторая (во второй половине XIX в.) была связана с электричеством, нефтью и газом, а третьей стала информационная революция второй половины XX в., которая и поныне не закончилась.

Глобальное изменение технологического уклада в каждой стране и в каждом регионе мира будет происходить по-своему. Те государства, которые осуществят этот процесс раньше и успешнее других, в конечном итоге и обеспечат себе ведущие позиции в грядущем мире XXI в.

ГЛАВА 6. ПОСЛЕДСТВИЯ ИРАКСКОГО КРИЗИСА*

На выжженных солнцем равнинах древней Месопотамии улеглась пыль, поднятая самолётами и танками англо-американской коалиции во время войны в Ираке. Операция «Шок и трепет», начатая 20 марта 2003 г., завершилась всего через три недели. С минимальными потерями для наступающей стороны были достигнуты основные её цели: ликвидация режима Саддама Хусейна, изменение геополитической карты Ближнего и Среднего Востока, обеспечение контроля победителей над вторыми в мире по значимости запасами нефти.

Правда установить связи свергнутого режима с террористами «Аль-Каиды» и найти иракское оружие массового уничтожения, гипотетическое наличие которого послужило предлогом для развязывания военных действий, так и не удалось. Но победителей, как известно, не судят. Совет Безопасности ООН единогласно принял резолюцию 1483 о снятии экономических санкций с Ирака, введённых во время предыдущей войны 1991 г. в Персидском заливе. Это открывает путь к возобновлению экспорта иракской нефти, способствуя оживлению экономики Запада, и позволяет обеспечить средства для восстановления иракской экономики, разрушенной десятилетием войн и эмбарго.

* Современная Европа, № 4(16), 2003 г. С. 5-16.

США и их партнёры по антииракской коалиции, взявшие на себя права и обязанности оккупирующих держав, допустили представителей ООН к участию в послевоенном урегулировании (в основном при решении гуманитарных вопросов), а МАГАТЭ к выявлению остатков сомнительных иракских ядерных программ. Проблема перешла в прагматическую плоскость распределения заказов на реконструкцию экономики Ирака и доступа к его нефтяным богатствам.

Неудивительно, что на встречах лидеров ведущих держав во время празднования 300-летия Санкт-Петербурга и расширенного саммита восьмёрки в Эвиане (Франция) острые объяснения между участниками по поводу недавнего конфликта оказались не ко двору. Тему Ирака явно оттеснили на задний план более актуальные вопросы – пути преодоления мировой экономической депрессии, помощь беднейшим странам Африки, борьба против распространения оружия массового поражения и международного терроризма, вновь напомнившего о себе серией кровавых терактов в разных странах мира.

И всё же иракский кризис не прошёл бесследно. Он оставил после себя болезненные шрамы, которые будут напоминать о себе очень долго.

Наведение порядка, оздоровление экономики, формирование сколько-нибудь легитимного, дееспособного правительства в крайне неоднородной стране, раздираемой этническими и конфессиональными конфликтами, будут весьма нелёгкой задачей. Опыт Афганистана подтверждает это со всей очевидностью. Правительство Хамида Карзая в какой-то мере контролирует с помощью контингента международных сил лишь Кабул и центры некоторых провинций, тогда как на большей части территории страны царит анархия полевых командиров. В самом Ираке после неожиданного и бескровного падения Багдада возобновилось вооружённое сопротивление оккупационным войскам со стороны сотен тысяч офицеров распущенной армии прежнего режима.

Сами США, судя по всему, всё больше стремятся интернационализировать иракскую проблему, привлекая к участию в восстановлении страны и поддержании в ней порядка другие государства, чтобы разделить с ними ответственность и немалые рас-

ходы. Принятие Советом Безопасности ООН после долгих дипломатических баталий и внесения многочисленных поправок резолюции по ситуации в Ираке, предложенной США, Англией и Испанией, открыло путь для отправки в Ирак под эгидой ООН миротворческих сил из различных стран.

До тех пор, пока ситуация в Ираке остаётся неустойчивой, сохраняется риск дестабилизации всего ближневосточного региона. Над Саудовской Аравией и эмиратами Персидского залива витает призрак шахского Ирана накануне хомейнистской революции. Сам теократический Иран раздирается противоборством исламских консерваторов и модернистов. Продолжает тлеть очаг грозной курдской проблемы. Наконец, главный фактор, уже полвека лихорадящий весь Ближний Восток, арабо-израильский конфликт ещё далёк от окончательного политического решения. Попытки возобновить диалог на основе т.н. дорожной карты – плана поэтапного урегулирования, разработанного «квartetом» (США, Россия, ООН, ЕС) с целью создания к 2005 г. палестинского государства, – наталкиваются на ожесточённое сопротивление экстремистов с обеих сторон.

* * *

Тем не менее, локальные и региональные аспекты иракского кризиса имеют, при всей их важности, всё же подчинённое значение по сравнению с его ролью как арены столкновения противоположных тенденций в международных отношениях глобального масштаба. Речь идёт о конфликте различных моделей мироустройства XXI в.: будет ли мир однополярным, основанным на лидерстве единственной сверхдержавы – США, или же многополярным на базе объединения держав, функционирующего в рамках международных организаций, прежде всего ООН? Как будут приниматься решения спорных проблем – в одностороннем или многостороннем порядке? Наконец, главное – каким должно быть соотношение между правом и силой?

Все эти вопросы, поставленные в повестку дня мирового сообщества иракской войной, имеют не только юридический или политический, но и моральный, ценностный характер. Примат силы права над правом силы издавна считается мерилем демократической легитимности власти внутри государства, залогом спра-

ведливости и равенства суверенных государств на международной арене, независимо от их экономической и военной мощи.

Вместе с тем поиск оптимального сочетания между ними всегда был нелёгким. Если право без силы оказывается не более чем благим пожеланием, то сила без права неизбежно вырождается в произвол. «То, что связано с законом, даёт право. Но само по себе это право не является ни правом разума, ни правом справедливости; это право силы», – отмечал французский философ и моралист XVIII в. Жюльен Офре де Ламетри.

Между тем соотношение сил между государствами меняется, а их интересы и цели на мировой арене эволюционируют. Это ставит под вопрос многие нормы международного права, отражающие прежние условия компромисса относительно общих правил игры во взаимных отношениях. Результатом оказываются конфликты, в том числе вооружённые, которые приобретают порой цивилизационное измерение. Именно такая ситуация возникла в ходе последней иракской войны.

Об опасности «столкновения цивилизаций» давно предупреждали многие известные философы, историки, политологи от Освальда Шпенглера или Арнольда Тойнби до Сэмюэля Хантингтона. Некоторые тенденции мирового развития говорят о том, что эти предупреждения имеют под собой определённую почву. Достаточно упомянуть об углублении демографических и экономических контрастов между Севером и Югом, кризисе десятков новых государств, родившихся с крахом колониальной системы, но оказавшихся нежизнеспособными, о распространении вестернизированной субкультуры, вызывающей среди населения развивающихся стран смесь фрустрации с реакцией отторжения, толкая к защите своей духовной идентичности любой ценой, вплоть до варварских актов массового терроризма.

В то же время доступность современных технических средств ведения войны, включая оружие массового уничтожения (ОМУ), поступающих через каналы организованной преступности, которую питают финансовые потоки нефтедолларов и «грязных денег» от наркотрафика, делает постиндустриальные страны т.н. «золотого миллиарда» крайне уязвимыми перед лицом террористических организаций типа «Аль-Каиды». Тем более что их члены ру-

ководствуются иррациональными мотивами религиозного фанатизма, чуждыми для западного менталитета. События 11 сентября 2001 г. в США, умножение терактов, совершаемых смертниками-шахидами против гражданского населения в других странах от Палестины до того же Ирака, подтверждают это достаточно убедительно. Отсюда возрождение в коллективном подсознании Запада ветхих мифов о новых крестовых походах, об угрозе всемирного исламского халифата, о призраке «жёлтой опасности» и т.д.

Подобные мифы исходят из глубоко ошибочной посылки, согласно которой современные цивилизации базируются, как и тысячу лет назад, на неких имманентных, вечных критериях – конфессиональных, культурно-лингвистических и антропологических (западно-христианская, восточно-христианская, мусульманская, индуистская, синоконфуцианская и т.д.). Если бы это было так, то внутри каждого из цивилизационных ареалов рано или поздно взяли бы верх экстремистские, непримиримые элементы, а беспощадная проба сил между ними на взаимное уничтожение стала бы действительно неизбежной со всеми вытекающими отсюда катастрофическими последствиями.

В действительности же дело обстоит по-иному. Достаточно вспомнить, что во время Второй мировой войны нацистская Германия и милитаристская Япония были союзниками, хотя принадлежали к совершенно разным цивилизациям. То же относится к антигитлеровской коалиции США, СССР и Великобритании. Геополитические интересы оказались тогда гораздо сильнее, нежели цивилизованные сходства и различия.

В наши дни, когда идеологическое противостояние между Востоком и Западом ушло в прошлое вместе с биполярным миром, классическая геополитика снова вступает в свои права, хотя и с существенными коррективами, которые вносят в неё процессы глобализации и региональной интеграции. Но это вовсе не значит, что цивилизационные различия вообще утратили всякое значение. Обратной стороной глобализации оказывается дальнейшее дробление государств по национально-этническому, а иной раз и конфессиональному признакам (Северная Ирландия, Страна Басков), распад одних федераций (СССР, Чехословакия, Югославия) и кризис других (Бельгия, Канада, Мексика).

Но такого рода конфликты носят чаще всего не межцивилизационный, а внутрицивилизационный характер. Так было всегда: недаром говорят, что «самые худшие ссоры – семейные». В самом деле, религиозные войны между христианами-католиками и протестантами в Европе XVI в. были куда более кровопролитными, нежели крестовые походы христиан против мусульман тремя веками ранее (сегодня их дальнее эхо – североирландский кризис). Русскую православную церковь и католический Ватикан разделяет конфликт, уходящий своими корнями в XI в. С другой стороны, вражда между двумя основными ветвями ислама – суннитами и шиитами – зачастую оказывается более острой и непримиримой, чем противостояние мусульман и христиан. Несмотря на светский характер режима Саддама Хусейна, господствующее положение в нём занимало суннитское меньшинство, к которому принадлежал и сам бывший диктатор, пускавший в ход против шиитов на юге страны химическое оружие. Если в обеих войнах в Персидском заливе западных коалиций во главе с США против Ирака погибло несколько тысяч человек, то в ирано-иракской войне между двумя мусульманскими странами более миллиона.

Столкновения между приверженцами тех или иных течений одних тех же религий отражают не столько споры на ритуально-теологической почве, сколько переплетение конфликта материальных интересов (геополитических, экономических, правовых) с различием нравов, обычаев, психологических стереотипов, перерастающим в несовместимость систем духовных ценностей. Оно приобретает чаще всего внутривнутрицивилизационное измерение, способное в некоторых случаях дойти до разрыва с общими корнями.

Именно вторжение в Ирак, развивающуюся мусульманскую страну, войск коалиции двух могучих постиндустриальных и притом христианских держав, вызвало глубокий раскол внутри самого христианского мира. Войну в Ираке осудили как Папа Иоанн Павел II, так и патриарх РПЦ Алексей II, несмотря на их, мягко говоря, сложные взаимоотношения, тогда как протестантско-евангелические фундаменталисты в США выступили в роли активнейших сторонников военного решения. Причём раскол этот произошёл по кардинальному вопросу соотношения силы и права, имеющего, как уже отмечалось, не только юридическое или военно-

политическое, но и цивилизационное, ценностное измерение.

Говорят, что у победы всегда масса родственников, тогда как поражение – сирота. Поскольку исход военной кампании в Ираке был заведомо predetermined, позволяя рассчитывать без какого-либо риска на ощутимую благодарность Вашингтона, к США, Великобритании и Испании примкнули Португалия, Дания, затем 13 посткоммунистических стран Центральной и Восточной Европы, прежде всего Польша, а также Венгрия, Чехия, Словакия, Болгария, Румыния, Словения, Хорватия, Македония, Албания, Литва, Латвия и Эстония, некоторые страны Азии, Африки, Латинской Америки. Всего, по американским подсчётам, с США так или иначе солидаризировались в иракском вопросе 34 государства, в том числе 18 европейских.

Однако ООН насчитывает 191 государство, из них в Европе – 43. Таким образом, $\frac{3}{5}$ международного сообщества и больше половины Европы (а по населению – $\frac{3}{4}$) не поддержали единственную сверхдержаву, претендующую на глобальное лидерство, в кардинальном вопросе войны и мира, несмотря на самое жёсткое давление, включая угрозы экономических и политических санкций со стороны Вашингтона. Причём четыре из них, Германия, Франция, Бельгия и Люксембург, являются союзниками США по НАТО, фигурируют среди её основателей и представляют собой континентальное «твёрдое ядро» Евросоюза. Поддержка их Россией и Китаем означала как раз тот вариант, который Збигнев Бжезинский считал наихудшим для глобальных геополитических интересов США – их изоляцию от основной массы Евразии.

Оппозиция политике США в иракском вопросе не ограничилась правящей элитой европейских стран (среди которой нет полного единства как у государств-сторонников, так и у противников войны). Гораздо более единодушным оказалось общественное мнение. Несколько миллионов людей приняли участие в антивоенных демонстрациях, оказавшихся наиболее массовыми как раз в столицах тех европейских стран, лидеры которых однозначно поддержали американскую политику, – Лондоне, Риме, Мадриде. В Лондоне, несмотря на флегму англичан и их традиционный патриотический рефлекс, манифестации были самыми массовыми с 1930-х гг. Согласно опросам общественного мнения, подав-

ляющее большинство граждан этих стран решительно осудили политику своих правительств, тогда как рейтинг руководителей государств т.н. фронта мира, Ж. Ширака или Г. Шредера, значительно повысился. Только в 8 из 40 ведущих государств мира в ходе опросов позитивное отношение к США превышало негативное.

Конкретные мотивы размежевания внутри евроатлантического сообщества в связи с войной в Ираке были, конечно, весьма различны: руководители каждой страны выбирали свою позицию с учётом собственных международных, экономических и внутриполитических соображений. Пример германского канцлера Г. Шрёдера, который с помощью пацифистской риторики избежал верного поражения на выборах в бундестаг, является в этом отношении достаточно показательным. С другой стороны, решительно проамериканская позиция британского премьера Т. Блэра или руководителей посткоммунистических стран Центральной и Восточной Европы также имела весьма отдалённые отношения к сути иракского конфликта: для первого главной целью было подтвердить незыблемость англосаксонской солидарности как основы британской политики на мировой арене, для других не только получить гарантии безопасности, но и опереться на активную поддержку США и НАТО перед нелёгким процессом вступления в ЕС, где доминирует франко-германский тандем.

Таким образом, коалиция выиграла войну на полях сражений, но проиграла её в умах и сердцах европейцев. Дело здесь отнюдь не просто в грубых просчётах соответствующих пропагандистских служб США или американских СМИ при медиаобеспечении дипломатической, а затем и военной фаз конфликта. Налицо явное расхождение ряда базовых, ценностных установок общественного мнения по обе стороны Атлантики, цивилизационная трещина внутри евроатлантического пространства.

Хотя предпосылки для появления такой трещины постепенно вызревали на протяжении многих лет, во времена «холодной войны» её скрывали раскол Европы, системная конфронтация между Востоком и Западом, противостояние военных блоков во главе с двумя тогдашними сверхдержавами – СССР и США, цементированное атомным «равновесием страха».

Исчезновение советской угрозы, обесценившее в глазах евро-

пейцев первостепенную важность американского «ядерного зонтика» в качестве главной гарантии их безопасности, коренным образом изменило ситуацию. К этому времени Евросоюз, опирающийся на единую валюту – евро, успешно бросающую вызов безраздельной ранее гегемонии доллара, по основным экономическим параметрам оказался вполне сопоставимым с США, значительно уступая им, однако, по военному потенциалу (соотношение оборонных бюджетов стран – участниц НАТО по обе стороны Атлантики составляет 60:40 в пользу США).

Именно эта асимметрия стимулировала стремление Вашингтона блокировать или хотя бы притормозить становление общей внешней политики и политики безопасности ЕС, с тем чтобы перенести выгодный для него нынешний баланс военных сил на все остальные аспекты трансатлантических отношений. Самый простой способ для этого – создать замену пугалу распавшейся советской «империи зла» в виде нового общего врага – «оси зла» государств-«изгоев», диктаторские режимы которых не только нарушают права человека у себя дома, но и чреватые угрозой для безопасности других стран попытками создать ОМУ и открыть доступ к ним международным террористам. Отсюда необходимость пресечь такую угрозу, в том числе путём упреждающих ударов с использованием не только высокоточного обычного оружия, но при необходимости и миниатюризированных ядерных боеприпасов. После событий 11 сентября 2001 г. эти тезисы, закреплённые год спустя в новой концепции национальной безопасности США, положены в основу глобальной стратегии администрации Дж. Буша-младшего на международной арене.

На волне эмоций, вызванных впечатляющими картинами терактов в Нью-Йорке и Вашингтоне, весь цивилизованный мир от Евросоюза до России и Китая сплотился вокруг США в рядах антитеррористической коалиции, решительно поддержавшей военную акцию в Афганистане против режима талибов, который укрывал Усаму бен Ладена и организационную инфраструктуру «Аль-Каиды». «Мы все сегодня американцы!» – гласил заголовок на первой странице парижской «Монд»³⁴.

³⁴ Le Monde, 12 septembre 2001.

Но сохранить это единство для достижения других целей США в Азии, начиная с похода на Багдад, оказалось невозможным. Дело было не только в неубедительности американских утверждений о наличии у Ирака ОМУ или его связях с «Аль-Каидой». Гораздо важнее было неприятие подавляющим большинством участников антитеррористической коалиции намерения США применять и впредь силу в одностороннем порядке, независимо от мнения партнёров и решений международных организаций, включая СБ ООН. Эта тенденция к односторонности из исключения становилась правилом, она проявилась в отказе Вашингтона от ратификации Киотского протокола о борьбе с загрязнением окружающей среды, устава Международного уголовного суда, выходе из договора по ПРО и т.д.

Реакцией США на ропот в рядах союзников было недвусмысленное заявление министра обороны США Дональда Рамсфельда о том, что «не коалиция определяет свою миссию, а миссия – состав коалиции». Иными словами, Вашингтон намерен впредь строить лишь временные союзы «с переменной геометрией» под решение каждой из конкретных региональных проблем, причём такие, которые ничем не стесняли бы действия американцев даже в той крайне ограниченной мере, как в НАТО, а в случае необходимости вообще обходиться без них и действовать в одиночку.

* * *

Однако столь жёсткая постановка вопроса чревата риском изоляции американцев в ходе односторонних силовых акций, способных повлечь чрезмерно высокие потери и расходы. Поэтому на помощь прямолинейному шефу Пентагона был мобилизован «мозговой трест» неоконсервативного крыла республиканцев, доминирующего в нынешней администрации, – заместитель министра обороны Пол Вулфовец, госсекретарь Джон Болтон, а также Ричард Перл, Николас Подгорец и другие. Их сверхзадачей стало идейное обоснование одностороннего подхода США, как единственно возможного мирового лидера, к решению проблем международной безопасности и, прежде всего, их нового подхода к соотношению силы с правом.

Именно этой проблеме посвящена, в частности, статья Майкла Гленнона, профессора международного права во Флетчеров-

ской школе права и политики Университета им. Тафта, «Почему потерпел неудачу Совет Безопасности»³⁵.

Основная мысль автора сводится к тому, что в итоге дискуссии по иракской проблеме в СБ ООН побеждённой оказалась не американская дипломатия, а сама ООН, показавшая своё бессилие и потому потерявшая моральное право решать вопросы, закреплённые в её уставе. «Различия в мощи, культуре и расхождение взглядов на применение силы обрушили храм», – утверждает он.

По мнению Гленнона, подход Европы и Америки к самому понятию права диаметрально противоположен. Для европейцев юридические нормы предопределяют правила игры, с тем чтобы они соответствовали неким априорным принципам, тогда как для американцев, наоборот, эти нормы должны вытекать из уже сложившихся отношений в международном сообществе на основе реального соотношения сил, отражая и освещая его. Иными словами, для одних право – это то, что люди и государства должны делать, для других – то, что они могут делать. Отсюда следует вывод, что Вестфальская система верховенства государственного суверенитета национальных государств, возникшая в 1648 г., безнадежно устарела и должна быть отброшена вместе со всеми прочими «догмами», основанными на «архаических понятиях всеобщей истины, справедливости и морали».

На протяжении последних десятилетий, не без основания отмечает автор, государства несчётное число раз открыто попирали Устав ООН и принципы международного права. К сожалению, это вполне соответствует действительности. Но отсюда делается слишком уж далеко идущий вывод: раз это так, то виноваты не они, а право, переставшее отвечать мировым реалиям. Оно оторвалось от жизни, став фиктивным, «бумажным» и изжив тем самым себя вместе с основанными на нём организационными структурами.

То, что правовые нормы, в том числе международные, со временем устаревают, требуя периодического пересмотра с учётом требований жизни, достаточно банальная истина, не требующая доказательств. Справедлива она и в применении к международным организациям. Но огульное отрицание целесообразности все-

³⁵ См. «Foreign Affairs», May-June, 2003. P. 16-35.

го комплекса общепринятых, юридически оформленных в итоге Второй мировой войны правил игры – нечто совсем иное. Сам Гленнон признаёт, что «американская гегемония не будет длиться вечно». Когда ситуация в мире изменится, а рано или поздно это неизбежно, право может весьма пригодиться самим США. Поэтому утверждение, что право имеет ценность только в той мере, в какой оно соответствует сегодняшнему балансу сил, звучит несколько странно в устах профессионального юриста. Его нетрудно довести до логического конца – требования упразднить не только международное, но и внутреннее право вместе с обеспечивающими его соблюдение органами на том основании, что в самих США многие граждане ежедневно нарушают существующее законодательство и моральные заповеди христианства.

Предвидя такие возражения, Гленнон указывает на различие не только правосознания европейцев и американцев, но и практики применения права: первые уже полвека идут по пути интеграции, передавая всё более значительную часть своих государственных прерогатив наднациональным органам Евросоюза, тогда как для американцев любое ограничение их суверенных прав в пользу международных структур полностью исключено.

Но если это так, то непонятны ни постановка под вопрос Вестфальской системы с её решающей ролью суверенитета государств, ни тот факт, что именно президенты США, Вудро Вильсон, затем Франклин Рузвельт, были инициаторами создания Лиги наций и ООН с её Советом Безопасности, где пять постоянных членов пользуются правом вето. По свидетельству бывшего госсекретаря США Э. Стеттиниуса, без права вето Конгресс США вообще никогда не утвердил бы Устав ООН (что произошло со статутом Лиги наций).

Стремясь покончить с явно невыгодными юридическими спорами вокруг легитимности политики США в иракском вопросе, некоторые видные неоконсерваторы берут, что называется, быка за рога, перенося дискуссию в цивилизационную плоскость. Концентрированным выражением такого подхода может служить нашумевшая статья Роберта Кагана «Сила и слабость», опубликованная за несколько месяцев до начала операции «Шок и трепет».

«Пора положить конец утверждениям о том, будто европей-

цы и американцы разделяют общий взгляд на мир или что они даже живут в одном и том же мире. В наиважнейшем вопросе о силе – её эффективности, моральности, желательности её применения – американские и европейские перспективы расходятся», – многообещающе начинает автор. – «...Дело обстоит так, как если бы по основным стратегическим и международным вопросам современности американцы прилетели с Марса, а европейцы – с Венеры: они соглашаются в очень малом и понимают друг друга всё меньше и меньше. Причём такое положение вещей не является преходящим следствием очередных американских выборов или какого-нибудь катастрофического события. Причины трансатлантических разногласий глубоки, они развивались давно и имеют шансы на дальнейшее углубление. В том, что касается определения национальных приоритетов, вызовов, планирования и проведения внешней и оборонной политики Соединённые Штаты и Европа идут разными путями»³⁶.

Разумеется, внутри плюралистических обществ по обе стороны Атлантики сохраняются немалые разногласия. Однако, справедливо отмечает Каган, между умеренными представителями правящей элиты США типа госсекретаря К. Пауэлла и «ястребами» вроде министра обороны Д. Рамсфельда больше общего, нежели между Пауэллом и его европейскими коллегами – министрами иностранных дел Франции или даже Великобритании. В вопросе применения силы большинство американских демократов гораздо ближе к республиканцам в своей стране, чем к социал-демократам или социалистам в Европе. Демократ Б. Клинтон использовал военную силу в Югославии ничуть не менее решительно, чем республиканец Дж. Буш в Афганистане.

Главную причину этого Каган видит, прежде всего, в том, что различия военно-экономических потенциалов Европы и Америки влекут за собой серьёзные цивилизационно-психологические последствия для поведения их обществ. В XIX в. могущественные европейские империи, которые доминировали в мировой экономике и политике, широко прибегали к военной силе, попирая без стеснения элементарные нормы международного права, если

³⁶ См. «Policy review», June-July, 2002. P. 3-28.

это диктовалось их эгоистическими государственными интересами. В те времена Соединённые Штаты, гораздо более слабые, бедные и поглощённые внутренними делами, клеймили подобное поведение, объявляя его противоправным и аморальным.

Теперь же они просто поменялись местами: «старая», деморализованная, обескровленная междуусобицами Европа ставит превыше всего возможность для себя пользоваться комфортом экономического процветания и социальной защиты, даже если это требует торга, уступок, беспринципных компромиссов с диктаторскими режимами государств-«изгоев», угрожающих безопасности цивилизованного мира. Напротив, молодая, мощная, уверенная в себе Америка исходит из того, что в хаотическом, раздираемом конфликтами мире оборона, мир и продвижение либеральных идей могут базироваться только на обладании и использовании военной силы, причём в случае необходимости в одностороннем порядке.

Со своей стороны, европейские оппоненты Кагана и его единомышленников стремятся доказать, что проблема отнюдь не просто в постоянно меняющемся балансе сил на мировой арене. В их глазах трансатлантический спор вокруг войны в Ираке угрожает не частным интересам Европы или Америки, а основным принципам, на которых зиждется их общее цивилизационное наследие. «В иракском кризисе столкнулись два мировоззрения, два различных подхода к отношениям между силой и правом, международной легитимностью и защитой интересов национальной безопасности, – отмечал министр иностранных дел Франции Доминик де Вильпен, выступая 28 апреля 2003 г. в лондонском Международном институте стратегических исследований. – ... Речь идёт не о выборе с одной стороны силы, с другой – права. Сила должна быть поставлена на службу права. ... Верховенство права – не признание слабости, не фактор бессилия. Оно является моральным и политическим требованием, условием справедливости, но также и эффективности. Только справедливость может быть действительной гарантией прочной безопасности. Напротив, если международная система будет по-прежнему восприниматься как несправедливая; если сила будет казаться систематической победительницей права; если общественное мнение народов не будет

приниматься в расчёт, то факторы беспорядка ещё более укрепятся, бесполезные силовые игры будут продолжаться, а пропагандистские манипуляции на основе идеологической враждебности западным демократиям получат дальнейшее развитие».

Различие подходов европейцев и американцев к решению международных кризисов XXI в., включая иракский, связано с объективными факторами географического и исторического порядка, которые неизбежно влекут за собой психологические последствия цивилизационного плана. Европа постоянно жила в условиях отсутствия безопасности. Она чересчур много и долго страдала от кровавых междоусобиц, чтобы суметь выработать в конце концов стойкий иммунитет к искушению решать конфликты преимущественно военным путём, предпочитая искать политический выход из них, прежде всего, на путях терпеливой многосторонней дипломатии. Отсюда такое уникальное явление, как европейская интеграция, стержнем которой стало историческое примирение Франции и Германии, трижды воевавших друг с другом на протяжении 70-ти лет.

Напротив, США за свою сравнительно недолгую 200-летнюю историю привыкли чувствовать себя за двумя океанами в полной безопасности, не опасаясь гораздо более слабых соседей – Мексики и Канады. Заморские войны, включая две мировые, обходились ей по части людских потерь и материального ущерба сравнительно недорого. 11 сентября 2001 г. страна впервые почувствовала «асимметричную» военную угрозу на собственной территории. Не удивительно, что реакция американцев на неё оказалась столь острой и агрессивной.

Налицо, таким образом, «диалог глухих», где каждый из собеседников отвергает с порога аргументы другого, хотя в каждом из них есть доля истины, пусть и весьма различная. Иракский конфликт оказался столь болезненным испытанием для евроатлантического сообщества, прежде всего, потому что вокруг него столкнулись не только материальные интересы, но системы моральных ценностей, имеющие одни и те же общие цивилизационные корни. Ими всегда были греческая философия и искусство, римское государство и право, христианская религия, наконец, великие идеи Просвещения – прав человека, демократии, частной собст-

венности, социальной справедливости. На них зиждутся как конституция США, так и французская Декларация прав человека и гражданина, появившиеся на свет почти одновременно. Не парадоксально ли, что именно Соединённые Штаты и Франция, бывшие в конце XVIII в. союзниками в войне США за независимость (как и в обеих мировых, а потом «холодной» войнах), стали сегодня ведущими оппонентами в связи с иракским конфликтом?

* * *

На протяжении двух тысячелетий единый ствол европейской цивилизации увенчался пышной кроной, разросшейся вокруг трёх основных ветвей – центральной, евроазиатской и североамериканской. Это затронуло почти все стороны их общего цивилизационного наследия: христианство раскололось на католическую, протестантскую и православную конфессии, право – на писаное римское и прецедентное англосаксонское, из триады бессмертных идей Просвещения – Свободы, Равенства, Братства – Америка избрала, прежде всего, первую часть, Россия – вторую. Западная и Центральная Европа искала с переменным успехом равновесие между ними, пытаясь примирить частную собственность со свободой и социальной справедливостью.

В начале третьего тысячелетия основа внутрицивилизационного размежевания в североатлантическом пространстве сохраняется, а в ряде случаев даже усиливается. После двух мировых и холодной войн на смену противостоянию советской модели «казарменного социализма» в России и странах ЦВЕ, рыночной экономике и плюралистической демократии, объединивших США с Западной Европой, пришло соревнование англосаксонского либерал-монетаризма с «рейнской» моделью социальной рыночной экономики при более или менее активном участии государства. Иными словами, с крахом коммунизма как альтернативной системы ценностей межцивилизационная трещина сместилась с линии Одер–Нейсе на Атлантику.

Даёт о себе знать и то, что доля выходцев из Европы или их потомков в населении США неуклонно падает, тогда как растёт удельный вес афроамериканцев, уроженцев Латинской Америки и стран Азии, которые к середине XXI в. составят большинство населения страны. Центр тяжести её экономики, политики, куль-

туры смещается с севера на юг и с востока на запад, от Атлантики к Тихому океану, от Европы к Азии.

Война в Ираке, в ходе которой столкнулись не только мусульманская цивилизация с христианской (при всей условности этих определений), но также Европа и Америка в кардинальной проблеме соотношения силы и права, – одно из проявлений этой новой парадигмы.

Тем не менее, в целом центробежные тенденции в их отношениях на общечеловеческом уровне и в планетарном масштабе всё же уступают центростремительным. Столкновения между цивилизациями и внутри каждой из них шаг за шагом отходят на второй план перед лицом необходимости диалога и взаимного обогащения с тем, чтобы во всеоружии встретить грозные вызовы, с которыми сталкивается человечество в мире XXI в.

Россия занимает в этом процессе особое место. В ходе дипломатической фазы иракского конфликта Москва в целом солидаризировалась с позицией франко-германского «фронта мира». Вместе с тем она считала, что резервы для политического решения проблемы на базе резолюции СБ 1991 г. бы ли далеко не исчерпаны. Если бы мандат миссии инспекторов ООН по выявлению ОМУ в Ираке был продлён, а её средства расширены, считали в Москве, то военного решения могло бы и не быть.

Москва, как и Пекин, упорно стремилась избежать перерастания споров в рядах антитеррористической коалиции, родившейся 11 сентября 2001 г., в раскол и конфронтацию. Телефонная связь между Кремлём и Белым домом функционировала во время иракского кризиса бесперебойно. Бывший министр иностранных дел, затем премьер-министр России Е.М. Примаков, известный специалист по арабскому миру, нанёс буквально накануне войны блиц-визит в Багдад, где по поручению своего президента предложил С. Хусейну отказаться от власти.

Хотя иракский диктатор отклонил этот демарш, он имел для России немалое значение. В.В. Путин стремился подчеркнуть им, что мосты, терпеливо построенные через Атлантику после окончания холодной войны, не должны быть сожжены, что разногласия с США отнюдь не равнозначны враждебности им.

Это был решительный разрыв Москвы со стратегией «игры с

нулевой суммой», характерной для эпохи биполярного мира, когда всё, что выигрывала одна сторона, автоматически проигрывала другая. В те времена попытки вбить клин между Америкой и Европой, ослабив НАТО, были своего рода сверхзадачей советской дипломатии. Причём в противостоянии Западу СССР старался опираться на Восток и Юг – сначала на Китай, затем на Индию, Иран, арабские страны, где волна деколонизации приобретала порой цивилизационное измерение.

Сейчас эта сверхзадача диаметрально противоположна. Геополитические и цивилизационные параметры России таковы, что она должна постоянно делать выбор между многими партнёрами – Европой, к которой она, бесспорно, принадлежит (хотя и по-своему), Азией, где находится $\frac{2}{3}$ её территории, хотя всего $\frac{1}{5}$ населения, наконец, Америкой – своей непосредственной соседкой в Арктике и на Дальнем Востоке. Такой выбор может быть достаточно определённым, но отнюдь не взаимоисключающим.

Покончив с мессианскими притязаниями тоталитарного режима, мечтающего переделать мир по своему образу и подобию, разделив общечеловеческие ценности рыночной экономики и плюралистической демократии, но с учётом своих особенностей, современная Россия кровно заинтересована в том, чтобы не противопоставлять одни цивилизационные ареалы другим, а стремиться к признанию их равноправия в разнообразии. Именно в этом состоит суть идеи многополярного мира, принимаемой не только Россией, но и её партнёрами по «фронту мира» – Францией и Китаем.

В США на данную идею смотрят, как правило, настороженно, подозревая её защитников в скрытом антиамериканизме. Это вытекает, например, из выступления помощника президента Дж. Буша по национальной безопасности Кондолизы Райс от 26 июня 2003 г. Однако такие подозрения не имеют под собой почвы. Во время президентской кампании всего тремя годами ранее та же К. Райс резко осуждала попытки предыдущей администрации «строить нации» по американскому стандарту. Видимо, тогда она была ближе к истине, чем сейчас. В глобализированном мире все цивилизационные полюса – в одной лодке: они выживут или погибнут вместе.

ГЛАВА 7. РАСПИЛИТЬ МАГНИТ?*

На первый взгляд демократия переживает сегодня свой звёздный час – выборы выглядят как яркие и драматические шоу, от исхода которых зависит политический курс того или иного государства. Однако на деле избирательные кампании превращаются во всё более формальный запутанный процесс, содержание которого вовсе не исчерпывается столкновением идей, а представляет собой результат сложного взаимодействия идеологий, интересов и политических технологий.

Так что же стало с классическими идеологиями – левыми и правыми, либеральными и консервативными – в начале XXI в., в эпоху пересмотра всех возможных устоявшихся представлений?

Истоки и метаморфозы

Днём рождения левых считается 28 августа 1789 г., когда в начале Великой французской революции депутаты Учредительного собрания, отвергавшие право вето короля на принятые представителями народа законы, разместились в зале слева от председателя. Правые появились там же две недели спустя, 11 сентября: на сей раз уже сторонники сохранения широких прав монарха уселись в амфитеатре, но справа от председательской трибуны.

В наши дни в законодательных органах большинства стран, в том числе в Конгрессе США и Государственной думе РФ, политическая ориентация депутатов никак не связана с топографией зала их заседаний. В британской Палате общин, которая считается «матерью парламентов», они просто делятся на большинство и оппозицию. Тем не менее, прилагательные «левый» и «правый» прочно вошли в мировой политический лексикон.

Если изначально водоразделом между ними служил вопрос о соотношении между законодательной и исполнительной властями, то впоследствии понятия «левые» и «правые» приобрели гораздо более широкий философско-этический смысл.

Классические левые исходили из постулата Жан-Жака Руссо

* Россия в глобальной политике, том 3, № 1, январь-февраль 2005 г. С. 56-67.

о естественно присущей человеку доброте, которая может утрачиваться им впоследствии под влиянием общественного устройства. Однако он способен к бесконечному совершенствованию благодаря прогрессу просвещения, необходимым условием которого является свобода. Отсюда вытекали такие типичные для традиционной левой идеологии черты, как культ разума, вера во всемогущество науки и благотворность прогресса, постоянная неудовлетворённость существующим положением вещей, стремление улучшить его с помощью реформ и, соответственно, предпочтение демократии авторитарному правлению в политике, а свободы торговли – протекционизму в экономике. Они добивались отделения церкви от государства, светского характера образования, равноправия женщин и национальных меньшинств, проявляли терпимость к эмансипации нравов, сочувствовали модернистским течениям в искусстве. Наконец, в международных делах левым взглядам соответствовала проповедь мирного решения споров государств путём переговоров и сближения народов ради взаимного обогащения их культур. Квинтэссенцией левой идеологии в период её появления на свет служил крылатый лозунг «Свобода, Равенство, Братство».

Со своей стороны традиционные правые считали подобные взгляды безответственной и опасной демагогией. Поскольку в человеческой натуре, по их мнению, над добром постоянно грозят взять верх худшие, греховные черты – лень, зависть, злоба, то надёжной уздой для них может быть лишь твёрдая власть, черпающая свой авторитет в верности национальным традициям и принципам религиозной морали. В иерархической системе правых ценностей естественной духовной опорой общества всегда служила церковь, ответственная за воспитание молодого поколения, оплотом нравственности – патриархальная семья, критерием прекрасного в искусстве – академические традиции. Во внешней политике правые исходили из учёта реального баланса экономических и военных сил держав, готовых отстаивать свои интересы всеми средствами, включая войну.

В первоначальном виде эти мировоззрения восходят к концу XVIII – началу XIX в.: левое нашло отражение в Декларации независимости США, французской Декларации прав человека и

гражданина, вдохновлявшихся идеями Просвещения, а правое – в трудах английского публициста Эдмунда Бёрка или французского публициста и политика Жозефа Мари де Местра, идеолога Священного союза европейских монархов против мятежного демократического духа революции.

Вместе с тем содержание понятий «левое» и «правое» успело измениться за прошедшие два столетия порой до неузнаваемости. По ряду вопросов левые и правые вообще меняются местами в зависимости от того, находятся ли они в оппозиции или у власти. «Левые сформировались в оппозиции, предопределённой их идеями. Они клеймили прежний социальный строй, несовершенный, как любой другой. Но как только победоносные левые приходили к власти, они сами превращались в защитников существующего порядка. В свою очередь правые, превратившиеся в оппозицию или контрреволюцию, успешно доказывали, что левые представляют не свободу против власти или народ против привилегий, а одну власть против другой», – писал известный французский философ и социолог Раймон Арон.

К тому же теперь основным пунктом их разногласий становятся отношения не между ветвями власти, а между государством в целом и гражданским обществом.

На протяжении большей части XX в. роль государства неуклонно возрастала, склоняя чашу весов преимущественно влево. Решающую роль в этом сыграли такие эпохальные события, как две мировые войны, революции в России и Китае, Великая депрессия 1929 г. и, наконец, деколонизация, способствовавшие формированию протекционистской модели мобилизационной экономики, которая служила основой политических систем административно-командного типа.

Высшей точкой развития данной тенденции стали тоталитарные режимы, где государство просто поглотило без остатка гражданское общество. Несмотря на противоположность официальных идеологий «левых» и «правых» диктатур, одни черпали легитимность в лозунгах социальной справедливости, другие – в пропаганде национального и расового превосходства, политическое устройство тех и других не было лишено общих черт (культ вождя, господство единой партии, контролирующей бюрократический

госаппарат, подавление прав человека, всемогущие карательные органы, монополия на информацию и пропаганду).

После крушения сначала «правых», а затем и «левых» тоталитарных режимов в итоге Второй мировой и холодной войн умеренные, «системные» партии демократических государств, периодически сменяющие друг друга у власти, пришли к консенсусу по таким фундаментальным вопросам, как политический плюрализм, права человека, рыночная экономика, основанная на частной собственности, правовое государство. Тем не менее, на выборах их конкурирующие программы по-прежнему считались левыми или правыми.

Пойдёшь налево – придёшь направо

Левыми ныне именуются обычно те, кто выступает за активную роль государства в стимулировании экономического роста через расширение потребительского спроса, прямое участие его в инвестициях для модернизации хозяйственной структуры и борьбы с безработицей, широкомасштабное перераспределение ВВП в пользу менее обеспеченных социальных категорий через систему социального страхования. Для этого власти, не останавливаясь перед опасностью дефицитов и инфляции, используют как бюджетную, так и кредитную политику, финансирующие социальные расходы за счёт прогрессивных налогов на доходы и прибыль.

Эти неокейнсианские методы, впервые опробованные ещё в 1930-х в США Франклином Рузвельтом, широко применялись в Западной Европе на протяжении «славного тридцатилетия» – быстрых темпов роста на основе восстановления и реконструкции экономики после Второй мировой войны, став основой социального рыночного хозяйства в ФРГ, французского дирижизма, шведской модели. Отсюда и продолжение тенденции к повышению роли государства в экономике и жизни общества в целом и преобладанию на этой почве левой системы ценностей. Этому немало способствовала дискредитация правого лагеря, включая умеренных консерваторов и либералов, после крушения ультраправых фашистских диктатур держав «оси» и их последышей в Южной Европе (Испания, Португалия, Греция). Лимитами общего дрейфа влево служили лишь жёсткие реалии холодной войны,

питавшей антикоммунизм на Западе.

Апогеем глобального преобладания левой идеологии в первые послевоенные десятилетия стали майские события 1968 г., когда по ряду промышленно развитых стран прокатилась волна мощных студенческих выступлений. Непосредственным поводом для них послужила, особенно в США, война во Вьетнаме, но участники этих выступлений бросали вызов самим устоям традиционного буржуазного общества – патриархальной семье, элитарной системе образования, жёсткой социальной иерархии, дискриминации молодёжи, женщин, расовых и сексуальных меньшинств, разрушению окружающей среды.

Хотя непосредственные политические последствия событий мая 1968 г. были довольно ограниченными, в культурно-психологическом плане они оставили неизгладимый след. В ряде государств было модернизировано семейное законодательство, реорганизована высшая школа, смягчена расовая дискриминация, расширен доступ молодёжи и женщин к участию в общественной жизни, разрешены аборт, легализованы гомосексуальные отношения, приняты меры по охране природы, а рок-музыка, поп-арт, постмодерн оказались на гребне культурной жизни Запада.

Однако этот прорыв стал для левых пирровой победой: исчерпав свой программный потенциал, они вынуждены были чаще переходить к обороне, а затем и отступать перед лицом всё более решительного контрнаступления правого лагеря.

Сигнал к нему дала в 1980-е гг. «консервативная революция» Маргарет Тэтчер в Великобритании и Рональда Рейгана в США. Призвав к решительной борьбе против мирового коммунизма и его оплота – советской «империи зла», вдохновители этой революции не ограничились одними лишь политическими лозунгами. Имелось в виду покончить с установкой на прямое участие государства в хозяйственной жизни как условием роста производства и гарантией справедливого распределения его плодов.

По существу, речь шла о замене социалистических и неокейнсианских концепций монетаристским неолиберализмом чикагской школы, проповедовавшей возврат к финансовой ортодоксии – сбалансированному бюджету и твёрдой валюте за счёт урезания государственных расходов, прежде всего социальных, свёртыва-

ния системы соцстраха и облегчения налогового бремени на прибыль частных предприятий – источник инвестиций, провозглашённых главной пружиной экономического роста. Поэтому избыточный госсектор и общественные службы должны были быть сведены к минимуму массовой приватизацией – необходимым условием эффективного менеджмента, а либерализация внешней торговли и движения капиталов – стать предпосылкой для динамичного функционирования мировой экономики. Подобные тезисы легли в основу «вашингтонского консенсуса» – официальной доктрины деятельности Международного валютного фонда, Всемирного банка и других международных финансовых организаций, где тон задавали США.

Наконец, в духовной сфере «консервативная революция» означала возрождение традиционных моральных ценностей правых – семьи, религии, патриотизма. Вседозволенности «духа 68 года» противопоставлялись пуританская мораль, твёрдая защита «закона и порядка» путём ужесточения уголовного законодательства и укрепления правоохранительных органов.

Контрнаступление правых, пришедшее на смену длительному преобладанию левой идеологии, вписывалось в коренным образом изменившийся глобальный пейзаж. В последней трети XX в. тенденция к неуклонному росту роли государства сменилась её постепенной эрозией, как сверху под влиянием глобализации мировой экономики и региональной, особенно европейской, интеграции, подтачивавших принцип национального суверенитета, так и снизу ввиду расширения регионализации. Всё больше государственных функций переходили к местному самоуправлению, неправительственным организациям, транснациональным корпорациям, общественным движениям.

Энергетические кризисы 1973 и 1979 гг., валютные потрясения, массовая иммиграция из стран Третьего мира, обострение конкуренции новых индустриальных государств с низкой зарплатой, неблагоприятная демографическая динамика нанесли сокрушительный удар по «государству всеобщего благосостояния», сложившемуся на Западе после Второй мировой войны. Даже левоцентристские правительства социал-демократов в странах Европейского союза или Демократической партии в США были вы-

нуждены свёртывать систему социальной защиты и корректировать свою политику в либеральном духе, волей-неволей приспособивая её к платформе своих правоконсервативных оппонентов. Именно такова была сущность «нового лейборизма» Тони Блэра в Великобритании или «нового центра» – коалиции социал-демократов и «зелёных» во главе с Герхардом Шрёдером в Германии.

Колоссальное значение для сдвига глобального баланса сил вправо не только в геополитическом, но и в идеологическом плане имел распад СССР и крушение созданных по его образцу режимов в странах Центральной и Восточной Европы. Уже в последние десятилетия своего существования «казарменный социализм», подточенный экономическим застоём и идейным склерозом, потерял всякую кредитоспособность внутри собственной сферы влияния и тем более вовне. Его неизбежный крах, лишивший противостоящую систему реальной альтернативы, не только превратил США в единственную глобальную сверхдержаву, но и поднял престиж праволиберальной системы ценностей.

Тем не менее, общее смещение центра тяжести мирового политико-идеологического баланса сил вправо, являвшееся реакцией на длительную идейную гегемонию левых, долго ограничивалось вполне определёнными пределами. «Консервативная революция» не ставила под вопрос с таким трудом достигнутый консенсус умеренных левых и правых партий по фундаментальным ценностям демократии и рыночной экономики.

Джордж Буш-младший начал своё первое правление в сравнительно умеренном ключе. Главной мерой во внутренней политике стало массированное снижение налогов при наращивании расходов, особенно военных. Это было, по существу, лишь повторением противоречивого опыта «рейганомики» середины 1980-х гг. На международной арене внешнеполитическая команда президента критиковала свойственную демократам склонность к вмешательству во все мировые конфликты под флагом борьбы за демократию, права человека и попытки «строительства нации» по американскому образцу. Активность Вашингтона в поисках решения израильско-палестинской проблемы снизилась, появились намеки на перспективу вывода американских войск с Балкан.

Некоторые союзники США по НАТО высказывали в связи с

этим даже опасения, что Буш-младший, всегда равнявшийся на Рейгана, дрейфует в сторону классического для основного ядра Республиканской партии умеренно консервативного, националистического и неоизоляционистского курса «реальной политики» Ричарда Никсона.

Это относительное равновесие при общем сдвиге центра тяжести вправо было резко нарушено событиями 11 сентября 2001 г. – серией терактов исламских экстремистов в Нью-Йорке и Вашингтоне, коренным образом изменивших глобальный геополитический и идеологический пейзаж.

В поисках нового баланса

После тех трагических событий в стратегии республиканской администрации США произошёл крутой поворот. Объявив абсолютным приоритетом глобальную войну против международного терроризма, американский президент провёл две крупные боевые операции на Среднем Востоке – сначала в Афганистане, затем в Ираке, резко ужесточил позиции Вашингтона в отношении остальных стран «оси зла» (Иран, Северная Корея), способных создать собственное ядерное оружие, и безоговорочно поддержал бескомпромиссную политику правого правительства Ариэля Шарона в Израиле. Новая стратегическая доктрина США провозгласила возможность нанесения превентивных ударов по потенциальным противникам.

Односторонние действия Вашингтона (отказ от подписания Киотского протокола, Устава Международного уголовного суда, выход из Договора по ПРО 1972 г., протекционистские меры в торговле, а главное – вторжение в Ирак без санкции Совета Безопасности ООН) вызвали широкий негативный резонанс среди мировой общественности и серьёзную тревогу ряда ведущих союзников США в Европе за будущее трансатлантических отношений. На сей раз союзников беспокоила не пассивность, а, напротив, чрезмерная международная активность единственной сверхдержавы, чреватая непредсказуемыми последствиями. Перед президентскими выборами 2004 г. в США опросы общественного мнения практически во всех странах мира отдавали предпочтение кандидату демократов Джону Керри.

Резкое ужесточение поведения Белого дома на международной арене отразилось и во внутренней политике. Курс был взят на ограничение ряда гражданских прав во имя борьбы с терроризмом («Патриотический акт»), что находило поддержку со стороны основной массы американцев, глубоко травмированных событиями 11 сентября 2001 г. Традиционно свойственный американцам патриотический рефлекс сплочения в минуту опасности вокруг главы государства повысил активность ультраправых течений, представители которых с самого начала пользовались немалым влиянием на президента и его окружение, а также евангелических фундаменталистов.

Истоки неоконсерватизма восходят ещё к 1955 г., когда Уильям Бакли основал журнал *National Review*, который стал рупором нового течения. Бакли вместе с Джеймсом Бёрнхемом и Фрэнком Мейером заложили основы неоконсервативной идеологии, построенной на беспощадной критике либерализма (этот термин в США, в отличие от Европы, служит синонимом умеренного социал-реформизма, исповедуемого со времён Рузвельта и Кеннеди левым крылом Демократической партии). В обстановке разгара холодной войны неоконсерваторы объявили либералов морально разоружившимися пацифистами, если не прямыми предателями идеалов Запада. Их собственное кредо строилось на агрессивном антикоммунизме и воинствующем индивидуализме, объявленном единственным залогом свободы, как политической, так и экономической. Именно неоконсерваторы дали первый толчок политической карьере Рональда Рейгана, во многом сформировав идейное кредо его «консервативной революции».

Второе поколение неоконсерваторов (Ирвинг и Уильям Кристолы, Норман Подгорец, Пол Вулфовиц, Ричард Пёрл, Лоуренс Каплан, Роберт Кейган, выступившие на политическую авансцену в 1980–1990-е гг.) оказалось с окончанием холодной войны на некоторое время лишённым главного врага – коммунистической «империи зла», а тем самым и самого смысла своего существования. Вскоре, однако, подъём исламского интегризма на Ближнем Востоке, не замедливший принять террористические формы, создал новое пугало, оправдывающее воинственные призывы покончить силой с угрозой Западу, главным очагом которой был объ-

явлен на сей раз режим Саддама Хусейна в Ираке.

Другим, уже не элитарным, а массовым идейным течением крайне правого толка, сыгравшим важнейшую роль в переизбрании Джорджа Буша-младшего в 2004 г., стали протестантско-евангелические фундаменталисты. Соединённым Штатам с их весьма пёстрым конфессиональным составом населения всегда был присущ религиозный плюрализм. Тем не менее, за последние десятилетия в рядах приверженцев многих американских конфессий – от католиков до иудеев – заметно усилились ортодоксальные экстремистские течения, оказавшиеся особенно агрессивными среди протестантов евангелистского толка. Эта церковь всегда отличалась особой пуританской нетерпимостью в вопросах веры, семьи, образования, которые у евангелистов считаются моральным фундаментом американского общества, завещанным его отцами-основателями.

Именно евангелистские организации выдвинули в центр президентской кампании символические вопросы морального плана – запрещение аборт (разрешённых при демократах) и однополых браков, оттеснившие на второй план даже такие коренные проблемы внешней и внутренней политики, как Ирак, бюджетный дефицит или бесплатная медицинская помощь неимущим. Христианские активисты составили основную массу впервые пришедших к урнам для голосования новых избирателей, из которых $\frac{3}{4}$ отдали свои голоса Бушу, обеспечив ему на сей раз убедительный перевес порядка 3 млн голосов (51% против 49%).

При всей своей религиозной экзальтации, столь ярко проявившейся в ходе избирательной кампании, Буш-младший отнюдь не узколобый фанатик, каким его рисовали оппоненты, а достаточно трезвый, прагматичный политик. Из иракского фиаско он явно извлёк определённые уроки. Поэтому первые же его заявления после переизбрания делали акцент на необходимости преодолеть раскол нации на две примерно равные половины, примирить Америку с внешним миром, начиная с её ближайших союзников. Ещё до выборов тупиковая ситуация в Ираке, напряжённость в израильско-палестинских отношениях, сложные проблемы переговоров с Ираном и Северной Кореей побудили Буша существенно пересмотреть свои прежние унилатералистские подходы, апелли-

руя к помощи мирового сообщества в лице ООН и дав сигнал о готовности к диалогу с союзниками.

Характерно, что в том же 2004 г. на парламентских выборах в Испании, Индии, а президентских в Уругвае и Панаме победу одержали левоцентристы. Ещё раньше то же произошло в Бразилии. Это усугубило контраст между американским идейно-политическим пейзажем и внешним миром. Сокращение такого разрыва становится одной из важных задач Буша в течение его второго мандата.

В том же направлении толкает его и внутренняя обстановка в стране, прежде всего непомерное разбухание бюджетного и торгового дефицита, падение курса доллара. Получив бесспорную легитимность, укрепив республиканское большинство в Конгрессе, избавившись от необходимости заботиться о своём переизбрании, Буш развязал себе руки для более гибкой по сравнению с первым сроком политики. Именно такая метаморфоза произошла в своё время с его политическим идеалом – Рейганом, второй мандат которого оставил в прошлом крестовый поход против «империи зла» и прошёл под знаком компромиссов как внутри страны, так и вовне.

Многое из этого относится и к исходу президентских выборов в России. Нейтрализовав все конкурирующие центры влияния – думскую оппозицию слева и справа, региональные элиты, олигархов с политическими амбициями и медиаимпериями, целиком замкнув вертикаль власти на Кремль, глава государства взял на себя бремя огромной личной ответственности. В связи с этим возникает главный вопрос: как и на что будет использована в будущем его власть?

В политической программе главы государства на период второго срока президентства фигурируют исключительно общенациональные задачи, не имеющие определённой идейно-политической привязки: удвоение ВВП, борьба с бедностью, продолжение реформ, в частности административной и военной, а главное – сохранение целостности России. Под ними мог бы подписаться любой избиратель, как правый, так и левый, что, собственно, объясняет и высокий личный рейтинг президента Путина и убедительные итоги голосования на президентских выборах. Такие резуль-

таты были вполне достижимы и без широкого использования административного ресурса или монополии на электронные СМИ.

На фоне идеологизированных президентских выборов 1996 г., когда поединок Бориса Ельцина и Геннадия Зюганова во втором туре подавался как сражение между коммунистическим прошлым и демократическим будущим, а избирателя с обеих сторон запугивали призраком гражданской войны, выборы в 2000 г. и особенно в 2004 г. выглядели практически деполитизированными, а тем самым, по существу, безальтернативными.

Но такая крайность выхолащивает саму суть избирательного процесса. По меткому выражению бывшего французского премьера Пьера Мендес-Франса, править – значит выбирать. А природа государственной деятельности такова, что любое решение власти не может удовлетворять всех: оно обязательно отвечает одним интересам и ущемляет другие. В этом и состоит суть соревнования партий, без которого демократия теряет смысл, сводясь лишь к бюрократическому или технократическому администрированию ради передела власти и собственности.

Поэтому возрождение подлинного, а не фиктивного идейно-политического плюрализма левых и правых лагерей, отражающих интересы различных кругов избирателей, имеющих шансы на ротацию власти, рано или поздно должно стать реальностью, без чего диалог власти с обществом останется улицей с односторонним движением, а гражданское общество будет без остатка поглощено всемогущим государством. Цена такого варианта слишком хорошо известна, чтобы позволить ему повториться снова.

Правда, в сегодняшней России понятия «левый» и «правый» остаются пока крайне запутанными и противоречивыми. Правыми называют себя реформаторы, либералы и демократы, которые в последние советские годы считали себя левыми. В то же время левыми именуется теперь национал-патриоты и популисты, государственники и державники, которые на Западе, безусловно, считались бы правыми. Но главное не в терминологии, а в сути дела – свободном соревновании различных систем ценностей, являющемся залогом эффективности любой современной политической системы. Распилить магнит так, чтобы у него остался только один полюс, ещё не удавалось никому.

ЧАСТЬ II.

ЕВРОПА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

ГЛАВА 1. ЕВРОПЕЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ НА ПОРОГЕ ТРЕТЬЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ*

В ушедшем столетии на долю Европы выпали самые тяжёлые испытания за всю её долгую историю. Она пережила небывало кровопролитные войны, глубокие экономические и политические кризисы, гнёт тоталитаризма, ужасы геноцида, раскол на противоположные общественные системы и военные блоки. И всё же Европа сумела в небывало короткие сроки подняться из руин, двинуться к единству и снова стать одним из самых процветающих очагов мировой цивилизации.

Среди континентов Земли Европа – самый скромный по площади (10,5 млн км² – 7% мировой суши), но самый густонаселённый (724 млн человек – 12,3% жителей планеты). По численности населения она далеко уступает Азии, где живёт больше половины человечества (только в Китае и Индии – треть), но всё ещё опережает Африку, Северную и Южную Америку, Австралию.

Место каждого масштабного цивилизационного центра на мировой арене в разные эпохи зависит от факторов двоякого рода. С одной стороны, это объективные материальные параметры: территория, природные ресурсы, климат, народонаселение; с другой стороны, субъективные, мотивационные: способ производства, социальная структура, система духовных ценностей. Роль тех и других не всегда одинакова: значительный материальный потенциал остаётся порой нереализованным, если отсутствуют движущие силы, стимулы для его использования. Последние же, в свою очередь, вполне могут компенсировать ограниченность первых.

* Европа: вчера, сегодня, завтра / Институт Европы РАН; редкол. РАН: Н.П. Шмелёв (пред.) и др.; отв. ред. Н.П. Шмелёв. М., ЗАО «Издательство «Экономика», 2002. – 823 с. – С. 15-36.

Большая часть Европы расположена ниже 35° северной широты. Благодаря этому, а на западе и влиянию Гольфстрима, в ней преобладает умеренный климат с достаточно высокой среднегодовой нормой осадков – от 500 до 1000 мм. Хотя на северо-востоке – в России, Белоруссии, части скандинавских стран – температуры колеблются в более широком диапазоне, а на юге ощущается недостаток влаги, европейской климат, рельеф и почвы благоприятны для развития интенсивного сельского хозяйства.

Небогатая полезными ископаемыми Европа располагает значительными месторождениями угля и железной руды – базовых элементов на начальных этапах развития промышленности, поощрявшегося наличием удобных путей сообщения, в частности водных (37,9 тыс. км побережья морей и океанов, множество судоходных рек).

Многие авторы ищут объяснение выдающейся роли европейской цивилизации в мире на протяжении трёх столетий прежде всего в природных условиях, послуживших, по их мнению, основой быстрого прогресса, который тормозился в других климатических поясах жарой, холодом, тропическими болезнями. В то же время другие ссылаются на использование европейцами интеллектуальных и технических достижений других цивилизаций (известно, например, что бумага, компас, порох, фарфор, шёлк пришли в Европу из Китая, многие математические понятия – из Индии, медицинские – от арабов и т.д.). Эти достижения давали импульс творческой мысли самих европейцев, создавая две необходимые, по мнению А. Бергсона, предпосылки развития цивилизации – «усилия некоторых людей создать новое и усилия остальных принять это новое и приспособиться к нему». Наконец, третьи отдают предпочтение социальным процессам – раннему становлению в Европе рыночной экономики, освобождённой от феодальных препоп, и утверждению на её основе капиталистического способа производства, послужившего мощным катализатором развития науки и техники.

Есть и прямо противоположные мнения: возражая тем, кто связывает подъём европейской цивилизации с благоприятными природными условиями, английский историк и социолог А. Тойнби отнюдь не считал их идилическими и видел главный стимул

развития европейской цивилизации как раз в обратном – в необходимости постоянных усилий, чтобы преодолевать естественные препятствия, успешно отвечать на вызовы врагов, а военная техника, в которой прошедшие через тысячелетие междоусобиц европейцы впервые превзошли жителей других континентов, всегда служила мощным локомотивом развития гражданской. В разнообразном по природным и культурным условиям, но тесно связанном сетью транспортных путей сообщения европейском пространстве стимулировались разделение труда, специализация производства, торговля.

Отдать предпочтение одной из этих версий в ущерб остальным довольно затруднительно. В каждой из них есть своя доля истины. Однако все они сходятся на решающей роли человеческого фактора – не расового или национального, а культурно-психологического. Давая определение самому понятию «цивилизация», известный французский энциклопедический словарь «Большой Ларусс» утверждает, что это – «состояние социального, экономического, политического и культурного развития определённых обществ, считающееся идеалом для других»¹. Из данного определения следует, что на каждом историческом этапе мерилем прогресса мировой цивилизации и её матрицей служит определённая цивилизационная модель со своей системой ценностей, движущими силами, конкретными результатами, призванная служить образцом для всех прочих.

С конца XV по начало XX в. именно на эту роль претендовала Европа, для чего у неё были тогда достаточно веские основания. Выступив на авансцену мировой истории позже великих цивилизаций древнего Востока – Египта, Месопотамии, Индии, Китая, Европа далеко опередила на определённом этапе их наследников, ставших заложниками обветшалых традиций прошлого. О конкуренции с Европой не могли в те времена и мечтать новые цивилизационные центры – Соединённые Штаты в Северной Америке или Япония в Азии. Первые представляли собой в ту пору весьма динамичный, но всё же провинциальный вариант европейской цивилизации, едва отпочковавшийся от неё, вторая только в

¹ Le Grand Larousse en 5 volumes. Tome 2. Paris, 1997. P. 13.

эпоху Мэйдзи (вторая половина XIX в.) стала на путь модернизации по европейскому же образцу.

Европейская цивилизация складывалась на протяжении трёх тысячелетий, пройдя через ряд последовательных этапов, каждый из которых оставил после себя неизгладимый след. Её общими истоками считаются греческая философия и искусство, римское государство и право, христианская религия. Это общее для всех европейцев цивилизационное наследие отнюдь не перечёркивает существенные различия между ними. Все мировые цивилизации, даже относительно однородные этнически, культурно, конфессионально (такие, например, как Китай), сложились в результате длительной борьбы центробежных и центростремительных сил, в ходе которой они то распадались, то объединялись вновь.

Отсюда сочетание единства с многообразием. «Разнообразие в сходном – одна из тайн всех искусств», – отмечал французский писатель Андре Моруа. Очевидное в Индии, Африке, арабском мире или Латинской Америке оно особо присуще Европе, в 47 государствах которой живут этносы чуть ли не вдвое многочисленнее. Хотя большинство европейских народов принадлежит к одной из трёх больших индоевропейских лингвистических групп (германская, романская и славянская), каждая из них распадается на множество национальностей со своими языками, культурой, традициями (угро-финны, албанцы, баски не входят ни в одну из них).

Подобная пестрота является результатом этнических катаклизмов середины I тысячелетия нашей эры – великого переселения народов, двигавшихся с востока на запад, из Азии в Европу. Впоследствии к этому добавились внутриевропейские миграционные потоки, итогом которых стало формирование суверенных государств – моноэтнических (больше на Западе) или полиэтнических (чаще на Востоке). Само понятие «государственный суверенитет» является, кстати, европейским изобретением – оно было впервые юридически оформлено Вестфальским миром 1648 г., завершившим Тридцатилетнюю войну.

Следует подчеркнуть, что в Европе речь идёт не только и не столько об этнической, сколько о психологической и культурной пестроте. Многие политологи и геополитики, в частности П. Кен-

неди, Т. фон Лауэ, Д. Лэндес, выдвигают в связи с этим гипотезу, согласно которой расцвет европейской цивилизации во многом объясняется именно разнообразием составляющих её культур: оно даёт мощный импульс к соревнованию, которое способствует контактам и взаимному обогащению.

XX в. Европа встретила в апогее богатства и могущества. В 1900 гг. пять крупнейших европейских держав – Великобритания, Германия, Франция, Россия и Австро-Венгрия, вместе взятые, опережали Соединённые Штаты в 1,5-2 раза как по населению и территории, так и по ключевым экономическим показателям того времени – выплавке стали (489,9 млн тонн против 218 млн) и потреблению энергии в угольном эквиваленте (359,9 млн тонн против 284 млн). Их удельный вес в мировом производстве обрабатывающей промышленности составлял 51,9% против 26,6 % у США².

Военное превосходство Европы было тогда просто подавляющим: вооружённые силы тех же пяти государств насчитывали в мирное время 3,4 млн человек (всеобщая мобилизация во время войны умножала эту цифру в 6-7 раз), суммарный тоннаж их военных флотов достигал 2319 тыс. регистровых тонн против 96 тыс. солдат в армии США и 333 тыс. тонн их флота³.

Остальные цивилизационные центры планеты с точки зрения баланса сил тогда вообще не принимались в расчёт. Страны Азии (кроме Японии), Африки, Латинской Америки либо являлись частями колониальных империй европейских государств, либо делились ими на сферы влияния (Китай, Персия, Османская империя). Их духовные богатства казались навсегда застывшими, огромные территории, население, природные ресурсы служили источниками богатства Европы.

Наряду с хозяйственными успехами и военным могуществом Европа начала XX в. обеспечила себе мировое первенство по таким важным цивилизационным критериям, как права человека, качество жизни, развитие науки, уровень образования, культурное влияние. Великие европейские учёные – Эйнштейн и Гейзенберг, Кюри и Резерфорд, Планк и Бор, Циолковский и Цандер –

² Kennedy Paul. The Rise and Fall of the Great Powers. London, 1988.

³ Ibid.

совершили революционный прорыв в ключевых областях знания, определивших облик планеты вплоть до конца столетия, – ядерной физике, квантовой механике, реактивной технике.

Родина титанов человеческого духа – Данте и Сервантеса, Шекспира и Гёте, Толстого и Достоевского, Микеланджело и Рембрандта, Бетховена и Моцарта – Европа сумела, не отрекаясь от своего богатейшего наследия, поставить на рубеже XX в. под вопрос традиционные каноны эстетики, начав процесс коренного революционного обновления всех видов искусств. Сезанн и Матисс, Кандинский и Малевич, Пикассо и Дали в живописи, Ле Корбюзье и Гауди в архитектуре, Малер, Шёнберг, Скрябин в музыке, Джойс, Пруст, Рильке, Рембо в литературе и поэзии совершили небывалый со времён Ренессанса переворот в формах художественного творчества и культурного самовыражения человечества.

Неудивительно, что ценностные установки европейской цивилизации воспринимались тогда значительной частью элит других континентов как ключ к будущему. Обе универсалистские идеологические системы – либерализм и социализм, которые родились на европейской почве, завоёвывали умы во всём мире. Различные ветви христианства – католицизм, протестантизм, православие – распространялись из Европы на другие континенты при опоре на военно-административные структуры европейских метрополий и активную миссионерскую деятельность.

Однако после 1914 г. наступил перелом. Соперничество европейских держав за гегемонию на собственном континенте, стремление к переделу колоний, столкновения классов, идеологий, общественных систем, которые вылились в две мировые войны и серию революций, нанесли глобальному преобладанию европейской цивилизации сокрушительный удар. Опустошённая и обескровленная, утратившая заморские владения Европа вступила в полосу затяжного кризиса.

Она не могла более рассчитывать на свои природные преимущества так, как это было в прошлом. Хотя в конце XX в. европейское сельское хозяйство с лихвой обеспечивало континент продовольствием и выступало на мировых рынках в роли крупного экспортёра продукции АПК, Европа была не в состоянии равняться

здесь с США, а отчасти и с Канадой, Австралией, Аргентиной. Потребности в угле и стали (основа промышленной революции XIX в.) резко снизились благодаря ресурсосберегающим и наукоемким технологиям. На первый план выступили иные источники энергии и виды сырья, которыми большинство европейских стран не располагает. Глобализация науки и техники, торговли и финансов на основе информатики лишила европейцев бывшего лидерства и в этих сферах.

Наконец, всё более тревожно складывается для них демографическая ситуация. Низкая рождаемость (1,74 ребёнка на женщину, способную по возрасту к деторождению, в Англии, 1,66 – во Франции, 1,26 – в Германии) ведёт к абсолютному и особенно относительному сокращению численности населения континента. К концу XX в. его ежегодный прирост в Африке достиг 3%, в Латинской Америке – 2,5%, в Азии – 2%, а в Европе – всего 0,3%, да и то в основном за счёт иммиграции. Согласно прогнозам, уже в середине XXI в. удельный вес Европы в мировом населении сократится вдвое, и она будет замыкать глобальную демографическую «табель о рангах». К тому же европейское население неуклонно стареет. Уже через 30 лет число трудоспособных европейцев сравняется с числом иждивенцев.

В 1999 г. пять крупнейших европейских государств – Россия, Германия, Франция, Великобритания и Италия, которая заняла в этом списке место распавшейся в итоге Первой мировой войны Австро-Венгрии, по-прежнему далеко опережали США по площади (18,5 млн км², в том числе 17 млн км² – Россия, против 9,4 млн), но уже ненамного превосходили их по населению (305 млн против 270 млн) и уступали им по объёму совокупного ВВП на треть (5,5 трлн долл. против 7,7 трлн). США, насчитывая всего 4,5% населения планеты, производят в настоящее время около четверти её ВВП. Доллар обслуживает половину мировой торговли. Из 500 крупнейших предприятий в мире 153 – американские, на которые приходится 28% их оборота, но 48% прибылей (соответственно 3221 млрд и 158 млрд долл.). Именно они контролируют большинство транснациональных корпораций, не знающих государственных границ. Через сеть Интернет США господствуют на мировом рынке информатики, которая является мотором

научно-технической революции конца XX в.: на их внутреннем рынке реализуется около половины персональных компьютеров, тогда как в Европе – меньше трети.

Лишившись с распадом СССР единственного достойного соперника в оборонной сфере, США располагают самой мощной военной машиной в мире по основным современным критериям – ракетно-ядерному потенциалу, авиации и флоту, электронным системам раннего обнаружения и точного наведения, в том числе космическим, способности к переброске мобильных вооружённых сил в любую точку земного шара. Военный бюджет США, даже сократившийся с окончанием холодной войны, превышает тем не менее на 40% оборонные расходы всех европейских государств вместе взятых⁴. «Маловероятно, чтобы статус Америки как первой мировой державы мог оспариваться каким-либо единственным соперником на протяжении жизни более чем одного поколения. Ни одно государство не может равняться с Соединёнными Штатами в четырёх ключевых измерениях могущества – военном, экономическом, технологическом и культурном, которые придают глобальный политический формат. Если Америка сама не отречётся от него, то единственной альтернативой американскому лидерству является международная анархия», – утверждает бывший советник президента США Картера по национальной безопасности З. Бжезинский⁵.

Среди факторов, которые определяют место США в современном мире, З. Бжезинский не случайно упомянул культуру. После Первой и особенно Второй мировых войн в Соединённые Штаты эмигрировала немалая часть самых блестящих представителей европейской интеллектуальной элиты. Это в немалой степени способствовало подъёму американской науки и культуры, стимулируя экономическое процветание страны, укрепляя её военную мощь. Американский диалект английского языка прочно утвердился в качестве основного инструмента международного общения, внедрив свои базовые понятия и терминологию в деловую,

⁴ В 2000 финансовом году оборонные расходы США составят 296 млрд долл. *International Herald Tribune*, January 4, 1999.

⁵ Brzezinski Zbigniew. *A Geostategy for Eurasia*. *Foreign Affairs*. September-October 1997. P. 51.

научно-техническую, а отчасти и бытовую лексику других языков. Голливуд и поп-музыка, «Макдональдс» и кока-кола, джинсы «Левис» и сигареты «Мальборо» не просто символизируют коммерческий успех определённых товаров потребительского спроса – с ними американская «массовая культура» стала неотъемлемой частью повседневной жизни большинства стран мира.

Все эти факты легли в основу концепций, согласно которым XX в., начавшийся как «европейский», заканчивается как «американский». Сложившаяся в США модель «общества потребления» подаётся как оптимальный синтез рыночной экономики с плюралистической демократией, безальтернативный образец для всех прочих центров мировой цивилизации. На смену «концерту» европейских держав XVIII–XIX вв. и биполярной системе международных отношений второй половины XX в. предлагается монополярная система с центром в Вашингтоне.

Подобный тезис нашёл отражение, в частности, в известной книге американца японского происхождения Фрэнсиса Фукуямы «Конец истории», вышедшей в свет вскоре после крушения коммунистических режимов на востоке Европы. Эта формула имеет в виду прекращение конфронтации противоположных мировых сил, каждая из которых предлагала свой ответ на стоявшие до сих пор перед человечеством проблемы. С исчезновением одного из антагонистов мировое сообщество получает окончательный ответ на главную загадку истории, которая теряет отныне смысл. Если для родоначальника формулы «конца истории» Гегеля она была связана с прусской монархией как воплощением мирового духа, а для Маркса – с переходом к социализму, который он считал концом предыстории человечества благодаря переходу «от управления людьми к управлению вещами», то для Фукуямы ими оказывается современное американское общество.

Одновременно с америкоцентризмом появилась концепция прогрессирующего перемещения в следующем тысячелетии центра тяжести мировой экономики, политики, а вслед за ними и цивилизации с запада на восток – с Атлантики на Тихий океан.

Основания для подобных утверждений, бесспорно, есть. За последнюю треть XX в. Япония стала второй экономической державой мира – объём её ВВП в 1999 г. составил 4089,9 млрд долл.

против 7921,3 млрд у США при вдвое меньшем населении. Это в 2-3 раза больше, чем у любой отдельно взятой европейской страны из «большой пятёрки», и в 10 раз – чем в России. Япония показала путь другим, географически и цивилизационно близким к ней странам – «драконам» Юго-Восточной Азии (Южная Корея, Тайвань, Сингапур), новым индустриальным государствам АСЕАН (Таиланду, Малайзии, Филиппинам, Индонезии, наконец, КНР). С развёртыванием в конце 1970-х гг. реформ Дэн Сяопина ВВП Китая вырос за 1980-е гг. в 2,4 раза, за первую половину 1990-х гг. – ещё почти вдвое. К 2000 г. Китай вышел на 11-е место в мире по внешнеторговому обороту, его золотовалютные резервы превысили 140 млрд долл.⁶

Соединив внушительные природные ресурсы и неисчерпаемую дешёвую рабочую силу с последними достижениями западной технологии, Азиатско-тихоокеанский регион (АТР) вплоть до 1997 г. демонстрировал небывало высокие темпы экономического роста. Если торговля и движение капиталов между азиатскими странами АТР и США, Канадой, Австралией, Латинской Америкой ещё уступают по объёму трансатлантическим, то по динамике они явно превосходят их. «XX век заканчивается переходом Азии к модернизму. С окончанием колониальной эпохи азиатские страны в целом сумели встать на путь экономического развития. Им остаётся организовать себя между собой (на региональном уровне) и наладить связи с другими (на международном уровне), чтобы избежать новых авантюр, которые вызвали бы будущие трагедии», – писал директор Французского института международных отношений Т. де Монбриаль⁷.

Глубокие сдвиги в соотношении сил между основными регионами планеты на пороге III тысячелетия не могли не отразиться на оценке европейцами их места в мировой цивилизации. Сигна-

⁶ В начале XXI в. тенденция к опережающим темпам роста стран АТР ещё более усилилась: если экономика Японии с конца 80-х гг. XX в. вступила в полосу длительной стагнации, то Китай совершил беспрецедентный модернизационный рывок – он стал промышленной «мастерской мира», выдвинувшись на второе после США место по объёму ВВП и первое по экспорту в мировой торговле. Вслед за ним эстафету приняла Индия, уступающая КНР по объёму ВВП в 5 раз, но опережающая по темпам роста. – Прим. автора.

⁷ de Montbrial Thierry. *Mémoires du temps présent*. Paris, 1996. P. 172.

лом к этому процессу, начавшемуся ещё в первой четверти XX в., послужила нашумевшая книга Освальда Шпенглера «Закат Европы», законченная в декабре 1917 г. – года Октябрьской революции в России и первого в истории вступления США в европейскую войну.

Нельзя не признать, что в идеях Шпенглера было и остаётся немало справедливого. Автор подвёл черту под трёхсотлетним периодом высокомерного «европоцентризма», провозгласив принципиальную равноценность всех образующих мировую цивилизацию культур. «Я называю эту привычную для нынешнего западноевропейца схему, в которой развитые культуры вращаются вокруг нас как вокруг мнимого центра всего мирового свершения, птолемеевской системой истории, и рассматриваю как коперниканское открытие в области истории то, что в этой книге место старой схемы занимает система, в которой античность и Запад, наряду с Индией, Вавилоном, Китаем, Египтом, арабской и мексиканской культурой – суть отдельные миры становления, имеющие одинаковое значение в общей картине истории и часто превосходящие античность грандиозностью душевной концепции, силой взлёта, которые занимают соответствующее и несколько не привилегированное положение»⁸, – писал он.

Вместе с тем Шпенглер впадал в противоположную «европоцентризму» крайность. Само понятие Европы как особого цивилизационного центра вообще ставилось им под сомнение. Более того, проводя параллель между судьбами античной и современной культур в Европе, он склонялся к выводу, что последняя неизбежно обречена на упадок, «закат», подобно тому, как старость и смерть ожидают рано или поздно любое живое существо.

Несколько иную, но сходную концепцию развивал крупнейший английский историк, директор лондонского Королевского института международных отношений Арнольд Тойнби. В своём фундаментальном 12-томном труде «Постижение истории», вышедшем в свет на протяжении 27 лет (1934–1961 гг.), он стремился выстроить картину циклического развития всех цивилиза-

⁸ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Гештальт и действительность, М., 1993. С. 146-147.

ций, каждая из которых проходит последовательные этапы – зарождения, подъёма, расцвета, упадка и гибели. Таких цивилизаций Тойнби насчитал 21, из них он объявил исключением только последнюю – «Западно-христианскую», которая, по его мнению, призвана рано или поздно поглотить обломки всех остальных.

Констатация того факта, что всё человеческое преходяще, достаточно банальна. Об этом говорил Экклезиаст ещё три тысячи лет назад. Однако великие культуры прошлого отнюдь не исчезают бесследно, они сохраняются не только в памятниках, музеях, библиотеках, но также в сознании и бытии их преемниц. Долговечность цивилизационных моделей, в том числе европейской, определяется не их возрастом, а духовным богатством, способностью вдохновлять многие поколения людей на новые великие свершения. Она зависит от возможности сочетать верность традициям с динамизмом постоянного обновления, диктуемого вызовами времени.

Выдающийся русский философ и экономист Кожев (Александр Владимирович Кожевников, умерший в эмиграции во Франции в 1968 г.) задолго до Фукуямы размышлял над гегелевской формулой «конца истории». Однако выводы его были диаметрально противоположны: для Кожева постоянное соревнование цивилизаций, точно так же, как и людей, классов, народов, общественных систем, не может иметь предела во времени, ибо без этого соревнования человечество обречено на физическую и духовную смерть⁹.

После второй мировой войны, в итоге которой Европа оказалась почти на полвека разделённой на сферы влияния двух сверхдержав – США и СССР, «европессимистические» настроения ещё более усилились. Европейская интеллектуальная элита столкнулась с вынужденным выбором не только в экономическом или военно-политическом, но и в цивилизационном плане между несовместимыми моделями общества. Поиски конвергенции противоположных идеологий и общественных систем, которые отвечали бы общеевропейской специфике, наталкивались на жёсткую логику холодной войны.

⁹ А.В. Кожевников был племянником великого русского художника и мыслителя В.В. Кандинского, умершего, как и он, в эмиграции.

Однако по мере подъёма экономики Европы, разрядки напряжённости между Востоком и Западом, диктуемой ядерным «равновесием страха», усложнения структуры международных отношений в связи с деколонизацией «европессимизм» постепенно уступал место «еврооптимизму». Его материальной основой служили, прежде всего, процессы европейской интеграции. Их отправной точкой на Западе стал «план Шумана» (проект слияния угледобычи и чёрной металлургии Франции, ФРГ, Италии, Бельгии, Голландии и Люксембурга), провозглашённый тогдашним французским министром иностранных дел 9 мая 1950 г., на базе которого возникло Европейское объединение угля и стали (ЕОУС). Тем самым, по словам Р. Шумана, войны между Францией и Германией, трижды опустошавшие Европу за $\frac{3}{4}$ века, стали не только бессмысленными, но и материально невозможными.

Основой интеграционных процессов была объективная необходимость создания крупных хозяйственных пространств, выходящих за рамки национальных границ сравнительно небольших европейских государств. Но важную роль сыграли и факторы геополитические: начавшаяся в разгар «холодной войны» западно-европейская интеграция была призвана укрепить экономическую базу Североатлантического союза. Вместе с тем державы – победительницы во Второй мировой войне видели в ней способ контроля над побеждёнными, прежде всего Западной Германией, ставшей из противницы союзницей, а побеждённые – та же ФРГ и Италия – напротив, самый верный путь к равноправию. Наконец, для тех и других интеграция служила противовесом не только Советскому Союзу, но отчасти и США – гаранту безопасности Западной Европы перед лицом потенциальной угрозы с востока. Распад заморских империй в ходе деколонизации также во многом способствовал сосредоточению основных интересов западноевропейских стран на собственном континенте.

За ЕОУС последовало создание на основе Римского договора 1957 г. Европейского экономического сообщества (ЕЭС) и Европейского сообщества по атомной энергии (Евратома), превратившихся 35 лет спустя, с подписанием Маастрихтского и Амстердамского договоров, в Европейский союз. В его рамках сложились прочные институционные структуры – Евросовет, Совет минист-

ров, Комиссия, Европарламент, Европейский суд, способствовавшие созданию общего рынка без таможенных границ, выработке сельскохозяйственной, региональной политики, наконец, переходу к единой валюте – евро. Сделаны первые шаги на пути к согласованию систем соцобеспечения, налогов, выработке общей внешней политики и политики безопасности, созданию вооружённых сил быстрого реагирования. В рамках шенгенского пространства обеспечены свободное передвижение людей через национальные границы, координация борьбы с организованной преступностью («Европол»). Параллельно углублению интеграционного процесса шло расширение его рамок: к первоначальным шести участникам присоединились сначала Великобритания, Ирландия, Дания, затем Испания, Португалия, Греция, наконец, Финляндия, Швеция, Австрия¹⁰.

В Восточной Европе тоже предпринимались попытки создать эквивалент западноевропейской интеграции в виде Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ), основанного по инициативе СССР ещё в 1949 г. Однако они не увенчались успехом: хотя разделение труда стран – участниц СЭВ приносило определённые результаты (совместные отраслевые программы, международная увязка национального планирования, создание системы взаимных расчётов и т.д.), социалистическая интеграция лишь воспроизводила в международном масштабе пороки, органически присущие централизованной административно-распределительной экономике СССР.

Поэтому решающим основанием для «еврооптимизма» стало преодоление раскола континента на противоположные общественные системы и военные блоки. Падение Берлинской стены и «железного занавеса», распад СЭВ, Организации Варшавского договора и самого СССР, крах коммунистических режимов на востоке Европы положили конец полувековой конфронтации несовместимых общественных систем и цивилизационных моделей на континенте. Признание принципов рыночной экономики, плю-

¹⁰ К 2018 г. в ЕС вступили также Польша, Венгрия, Чехия, Словакия, Румыния, Болгария, Литва, Латвия, Эстония, Словения, Хорватия, Кипр, Мальта, но выходит Великобритания. – Прим. автора.

ралистической демократии, правового государства всеми без исключения европейскими странами открыло, казалось бы, путь к созданию общеевропейских структур «от Атлантики до Урала», о необходимости которых генерал де Голль говорил уже с середины 1960-х гг.

Первый шаг на этом пути был сделан ещё в эпоху биполярного мира в 1975 г. созывом Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе и принятием им Заключительного акта в Хельсинки, который установил общие «правила игры» в отношениях между европейскими государствами, а также США и Канадой. Выросшая из хельсинкских договорённостей Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) – это, по словам российского министра иностранных дел И.С. Иванова, «единственная структура общеевропейского формата, практикующая не фрагментарный, а всесторонний и системный подход к проблемам безопасности»¹¹.

Следующим шагом явилось принятие бывших социалистических стран в созданный ещё в 1949 г. Совет Европы, главными целями которого являются соблюдение всеми участниками Европейской хартии прав человека, контроль за исполнением демократических процедур на выборах в странах-участницах, их законодательством и т.д. Распад СЭВ и ОВД, вызвавший резкое сокращение экономических связей между его бывшими членами, привёл к прогрессирующей переориентации последних на Евросоюз, закреплённой серией соглашений об ассоциации, партнёрстве и сотрудничестве с ним, а также с НАТО.

Разумеется, интеграционные процессы протекают далеко не гладко. В 1990–1998 гг. рост ВВП в США составил 27%, а ЕС – лишь 15%. Весьма остро стоит проблема занятости: в 15 странах Евросоюза насчитывается 16 млн безработных, составляющих в среднем 10-12% самодельного населения. Это вдвое больше, чем в США, втрое – чем в Японии. Отставание темпов экономического роста европейских стран от США вызвало трудности в процессе становления евро, курс которого в отношении к доллару

¹¹ Иванов Игорь. Россия в меняющемся мире. Независимая газета. 25 июня 1999 г.

США снизился на 25%. Наднациональные, федеративные принципы в организационных структурах ЕС сталкиваются с межгосударственными, конфедеративными. Оставленные в наследство уходящим тысячелетием взаимные обиды глубоко укоренились в подсознании европейских народов, вызывая межэтнические трения и конфликты, трагическим примером которых стал кровавый распад бывшей Югославии. Между западом и востоком континента сохраняется контраст не только в уровнях экономического развития, но и в культурно-психологическом, ценностном плане, преодоление которого, как показывает пример даже одной ранее расколотой страны – Германии, потребует смены не одного поколения. Налицо очевидная асинхронность далеко продвинутой экономической интеграции и затянувшегося обретения Европой собственной оборонной идентичности.

Тем не менее, общая оценка большинством европейцев своего места в современном мире на пороге третьего тысячелетия значительно изменилась к лучшему. Признание того факта, что США остались после крушения СССР единственной супердержавой, отнюдь не мешает европейской деловой, политической, интеллектуальной элите по-иному оценивать баланс между различными центрами силы планеты и перспективы его эволюции в XXI в.

«Доля Америки в мировом производстве близка сейчас к той, какой она была в 1929 г. Она значительно снизилась после кризиса 1929 г., резко повысилась во время Второй мировой войны, чтобы снова отступить. С 40% в 1945 г. она вернулась на уровень немногим более 25% в 1995 г.», – отмечает французский экономист Ф. Адемар¹².

Дело не только в соотношении объёмов производства и его динамике. «Внешнее процветание США покоится на хрупком фундаменте. Падение сбережений семей приводит к тому, что Соединённые Штаты всё шире прибегают к внешней задолженности, – отмечает эксперт французского банка “Кэсс де депо э де консиньясьон” П. Артюс. – Рост биржевых курсов является следствием не эффективности американской экономики, а увеличения задолженности предприятий. Вследствие этого прибыли базиру-

¹² Le Monde – Economie. 1998. 10 février.

ются на ограниченных собственных средствах, дивиденды акций растут искусственно... Увеличение задолженности семей не компенсируется их доходами от биржевой спекуляции»¹³.

Дефицит платёжного баланса США, выросший с 1995г. в 2,5 раза и достигший 260 млрд долл., неуклонно увеличивает их внешний долг, объём которого достиг 1,5 трлн долл. Этот дефицит компенсируется за счёт двух главных источников – роли доллара как мировой валюты в рамках Бреттон-Вудской системы и притока иностранных, в значительной мере европейских, капиталов. Однако оба эти фактора нельзя считать постоянно действующими.

Созданная в 1944 г. Бреттон-Вудская система перестала существовать в её первоначальном виде уже в 1971 г. с отменой США свободной конвертируемости доллара для центральных эмиссионных банков в золото. На протяжении четверти века её отчасти заменяла т.н. ямайская система, уменьшившая, но в основном сохранившая за долларом роль единственной резервной валюты. Теперь назрели гораздо более радикальные перемены. Коренная перестройка правил функционирования двух основных компонентов системы, контролируемых США, – Международного валютного фонда (МВФ) и Мирового банка (МБ) стоит в повестке дня. Рождение в начале 1999 г. евро, общей денежной единицы 11 из 15 стран Европейского союза, способно рано или поздно потеснить доллар в качестве единственного инструмента международных расчётов. Тем самым подтачивается важнейшая привилегия США – возможность кредитовать самих себя за счёт обращения за рубежом своей национальной валюты.

Падение курса евро по отношению к доллару США по сравнению с исходным не слишком тревожит большинство стран ЕС, особенно ведущую из них – Германию, поскольку Европа получает тем самым дополнительный стимул для экспорта своих товаров, доходы от которого гораздо больше, чем потери на удорожании импорта. «Создание евро открывает перспективу нового биполярного международного экономического порядка, способного заменить гегемонию Америки, которую она обеспечила себе после Второй мировой войны. Глобальная торговая система уже

¹³ Arthus Patrick. Le risque americain. La liberation. 1998. 9 novembre.

управляется совместно с первых дней возникновения Европейского общего рынка, который позволил Европе интегрировать свою торговлю и осуществлять такое же влияние в этой области, как и Соединённые Штаты. Новый Евроленд будет равен Соединённым Штатам или превосходить их по всем ключевым параметрам экономической мощи, он будет всё чаще говорить одним языком по широкому кругу экономических проблем. Евро бросит, видимо, вызов международной финансовой гегемонии доллара», – предупреждает директор американского Института международной экономики С. Фред Бергстен¹⁴.

Так же обстоит дело и со вторым фактором – притоком иностранных капиталов. Именно он во многом объясняет способность американской экономики обеспечить т.н. «Вашингтонский консенсус» – высокие темпы роста, профицит бюджета, низкую инфляцию и почти полную занятость на протяжении длительного периода подъёма, который начался в 1992 г. В основе этого подъёма лежит мощный внутренний спрос, финансируемый за счёт кредита благодаря низкому банковскому проценту. Потребление семей сочетается с массивными инвестициями корпораций в развитие новых, особенно информационных, технологий, вызывая небывалый взлёт курсов акций на Нью-йоркской фондовой бирже. Пассив же торгового баланса компенсируется в платёжном балансе за счёт иностранных средств, привлечённых столь редким сочетанием благоприятных факторов.

Однако такое сочетание не может длиться бесконечно. Профессор международной торговли Гарвардского университета Джеффри Сакс отмечает, что американский биржевой бум 1990-х гг. ведёт к краху ввиду всё большего отрыва курсов акций от их реальной прибыльности. Резкое падение в 2000 г. биржевых курсов отраслей т.н. «новой экономики» – информатики и телекоммуникаций – было воспринято как симптом того, что этот момент приближается. «Потребители США приостановят свой текущий потребительский кутёж и это затормозит экономику США... С одной стороны, экономика Европы, Азии, Латинской Америки и Аф-

¹⁴ Bergsten C. Fred. America and Europe: Clash of the Titans? Foreign Affairs. March-April 1999. P. 20.

рики будет иметь меньший рынок в США, с другой, – не исключено, что настанут хорошие времена для привлечения капитала в их собственную экономику, поскольку меньше глобального капитала будет оттекать в экономику США»¹⁵. Тогда вектор движения капиталов через Атлантику и Тихий океан неизбежно изменится.

Уязвимость валютно-финансовой гегемонии США не компенсируется более военно-политическими факторами. С распадом СССР Вашингтон утратил важнейший козырь в отношениях с Западной Европой, безотказно служивший на протяжении десятков лет, роль гаранта безопасности партнёров по Североатлантическому союзу перед лицом советской «империи зла». Тот же Бергстен, занимавший в прошлом ответственный пост в Совете национальной безопасности США, отмечает: «Конец “холодной войны” резко сократил значение военной мощи Соединённых Штатов для Европы, отбросив одеяло безопасности, которое позволяло обеим сторонам прикрывать или разрешать свои экономические споры на благо сохранения антикоммунистического альянса. Отныне отношения между Соединёнными Штатами и Европейским союзом будут всё больше основываться на виртуальном равенстве. Соединённые Штаты должны будут либо приспособиться к этой новой реальности, либо осуществлять серию арьергардных оборонительных акций, которые окажутся всё более дорогостоящими и бесполезными, подобно тому, как это делали англичане на протяжении многих десятилетий упадка их лидирующей роли»¹⁶. Уступая США дорогостоящую и рискованную роль «мирового полицейского», западноевропейские страны всё менее охотно оплачивают расходы на неё, а главное категорически отвергают любые попытки американцев вписать военный фактор в контекст трансатлантических отношений в финансово-экономической сфере, как это было во времена холодной войны.

Весьма противоречивым процессом оказывается и глобальное распространение американской «массовой культуры». Сочетая утилитарность с доступностью, она, бесспорно, притягательна, особенно для молодёжи, воспринимающей её как вызов условно-

¹⁵ Независимая газета, 13 августа 1999 г.

¹⁶ Bergsten C. Fred. Op. cit.

стям и традициям старших поколений своих стран. В то же время её применимость и, соответственно, «экспортный потенциал» ограничены довольно жёсткими рамками. Поверхностная имитация американских эстетических критериев в отрыве от породивших их образа жизни и системы ценностей нередко вызывает в качественно иных культурных условиях реакцию отторжения, причём далеко не только со стороны фанатичных исламских фундаменталистов. В этом плане характерную мысль высказал видный американский специалист по европейским проблемам У. Пфафф. По его мнению, колониальная эпопея европейских держав, продолжавшаяся четыре с половиной столетия, при всех её жестокостях и несправедливости оставила после себя более глубокий след в жизни народов «третьего мира», нежели сравнительно молодая американская культура, общение которой с внешним миром было гораздо более коротким, поверхностным и ограниченным. «Греция, Рим, великая арабская империя VIII–XI вв., Испания, Португалия, Великобритания, Франция – все они оставили после себя больше следов и культурного влияния на иностранные общества, над которыми они господствовали, чем это когда-либо могли сделать Соединённые Штаты»¹⁷.

События конца 1990-х гг. внесли существенные коррективы и в оценки перспектив развития Азии в XXI в. Тяжёлый финансовый кризис, обрушившийся в 1997–1998 гг. на Таиланд, Индонезию, Южную Корею, другие страны ЮВА, глубоко потряс центр тяжести экономики региона – Японию, где депрессия затянулась на целое десятилетие. Кризис серьёзно ослабил страны АТР, сведя к разумным пропорциям прогнозы установления в III тысячелетии глобального американо-азиатского кондоминиума за счёт Европы. С немалыми трудностями структурного порядка столкнулась и экономика КНР, что отложило превращение страны в супердержаву XXI в. на более отдалённую перспективу. Непосредственные причины этого кризиса – огромная роль «горячих» краткосрочных капиталов на финансовых рынках, отсутствие контроля над рискованными спекулятивными операциями банков, тесно сросшихся с коррумпированными государственными

¹⁷ Bilsh du Monde. Edition 1999. Le Monde. Paris. 1999. P. 22.

структурами, разбухание внутренних и внешних, частных и государственных долгов, манипуляции с курсами валют, резкие колебания цен на сырьё и энергоносители – были результатами не просто конъюнктурных факторов. Под вопросом оказалась «азиатская модель» капитализма, ещё недавно бросавшая вызов европейской не менее решительно, нежели США.

В таких условиях уверенность европейцев в своих силах не могла не возрасти. Однако она отнюдь не равнозначна ностальгии по былому «европоцентризму». Излечившись от амбициозных притязаний на роль всеобщего образца для подражания, страны и народы Европы озабочены сейчас гораздо больше защитой собственной модели, чем навязыванием её другим. Характерно, что уже цитированный «Большой Ларусс» даёт ещё одно определение цивилизации, существенно отличное от первого: «Совокупность характерных черт, присущих интеллектуальной, художественной, моральной, социальной и материальной жизни какой-либо страны или общества»¹⁸. Здесь претензия какой-либо одной цивилизации на то, чтобы служить «идеалом» для других, бесследно исчезает. Её европейская модель утрачивает прежние универсалистские и мессианские притязания: Вторая мировая война навсегда похоронила бредовые мечты немецких нацистов о «тысячелетнем рейхе», холодная война – советскую утопию мировой пролетарской революции, деколонизация – лицемерные лозунги «цивилизаторской миссии» европейских метрополий в их бывших империях.

Защита права всех цивилизационных моделей, в том числе и европейской, на существование, признание уникальности вклада каждой в мировую цивилизацию является естественной реакцией на попытки подогнать разнообразие национальных культур под единый стандарт. Со стороны европейцев эта реакция проявилась, в частности, во время переговоров в рамках ВТО о снижении таможенных тарифов, когда представители ЕС добились, несмотря на упорное сопротивление американцев, признания за Европой т.н. культурного исключения – права отстаивать, в том числе с помощью ограничительных административных мер, интересы на-

¹⁸ Le Grand Larousse en 5 volumes. Tome 2. Paris. 1987. P. 664.

циональных производителей продукции культурного назначения (кинематографической, аудиовизуальной и т.д.) на мировом рынке.

Неизбежность такой реакции признают и некоторые представители интеллектуальной элиты в самих США. Межцивилизационные отношения в XXI в. – центральная тема известной книги профессора Стэнфордского университета Сэмюэля Хантингтона «Столкновение цивилизаций и переустройство мирового порядка», вышедшей в свет в 1996 г. Отвергая схемы мироустройства, основанные на доминировании какой-либо одной, в том числе американской, модели, Хантингтон провозглашает основной движущей силой истории человечества в III тысячелетии культурные конфликты между цивилизационными центрами. Поскольку навязывание одними цивилизациями своих ценностей другим чревато бесконечными локальными конфликтами, а в конечном счёте новой мировой войной, он видит единственный выход в отказе от вмешательства в их внутренние дела и в поисках оптимального равновесия между ними.

Концепция Хантингтона не лишена реалистических аспектов. Это прежде всего прогноз многополярной структуры мира в XXI в.: «Сейчас есть только одна сверхдержава. Но это не означает, что мир стал монополярным... Усилия единственной сверхдержавы по созданию монополярной системы стимулируют ещё большие усилия других крупных держав обеспечить движение к мультиполярности. Потенциально крупные региональные державы всё больше самоутверждаются продвижением собственных интересов, нередко приходящих в конфликт с интересами Соединённых Штатов. Таким образом, мировая политика, которая прошла от биполярной системы времён "холодной" войны через кратковременный момент монополярности, подчёркнутый войной в Персидском заливе, переживает сейчас один-два десятка лет сочетания монополярности с мультиполярностью, прежде чем вступить в подлинно мультиполярный мир XXI в.»¹⁹.

Вместе с тем серьёзной ошибкой С. Хантингтона является

¹⁹ Huntington Samuel P. The Lonely Superpower. Foreign Affairs. March-April 1999. P. 20.

фактическое отождествление понятий геополитического и цивилизационного полюсов (определяемых по конфессиональному признаку). Между тем они далеко не идентичны. Например, во время Второй мировой войны США и СССР, с одной стороны, Германия и Япония – с другой, были геополитическими союзниками, несмотря на коренные отличия их цивилизаций. И наоборот, Франция и Германия в конце XIX – первой половине XX в., бесспорно, принадлежали к европейской цивилизации, что не помешало им трижды воевать между собой.

Более того, идея имманентной конфликтности цивилизаций не только неверна, но и опасна. Она отбрасывает человечество к временам, когда войны считались согласно немецкому теоретику и историку Клаузевицу всего лишь продолжением политики иными средствами, т.е. естественной формой отношений государств. Между тем ситуация теперь изменилась качественно. Основной жертвой военных конфликтов становится гражданское население, поскольку грань между фронтом и тылом практически стёрлась. Применение даже обычного оружия в условиях широкого распространения ядерной энергетики и химических производств грозит нанести непоправимый ущерб окружающей среде как у обоих противников, так и у их соседей, если не во всём мире. В Европе с её высокой плотностью населения и далеко зашедшей урбанизацией это особенно очевидно. Оказавшиеся исходным рубежом, основным полем боя и главной жертвой двух мировых войн, европейские страны осознают данную опасность острее и глубже, чем любые другие.

Глобализация экономики, науки и техники, возникновение всемирного информационного пространства, открывшего простор для невиданно широких контактов людей, народов, культур, делают замыкание цивилизаций в себе, а тем более их противоборство абсурдными и контрпродуктивными. О том же говорят глобальные вызовы человечеству: экологические и техногенные катастрофы, расползание оружия массового уничтожения, эпидемии опасных болезней, международный терроризм, организованная преступность, торговля наркотиками, не говоря уже о проблемах продовольствия, воды, энергии и т.д. Ответ на эти вызовы может быть только всемирным. Любые попытки решить их в рамках не

только одной страны, но и целого континента заведомо обречены на неудачу.

Опыт всей истории человечества, но особенно последнего тысячелетия, убедительно доказал, что то же самое относится к духовной сфере. «Цивилизация – это, прежде всего, воля к сосуществованию», – подчёркивал испанский философ Хосе Ортега-и-Гассет. Утверждение специфики культур, языков, религий происходит не путём их самоизоляции, фатально ведущей к упадку, а через контакты и взаимообогащение. «Цивилизации вступают в отношения сотрудничества и соперничества между собой, но столкновения между ними никогда не были главной пружиной истории... Вопреки утверждениям сторонников цивилизационной теории общечеловеческая цивилизация – неопровержимая реальность. Это не простая сумма отдельных цивилизаций, а субстрат накопленного за всю историю опыта и знаний, выражающий сущность человека и принимаемый всем человечеством в качестве общего достояния», – подчёркивает политолог Г.Х. Шахназаров, полемизируя с С. Хантингтоном²⁰.

Крайней формой агрессивного цивилизационного противостояния является расизм – проповедь генетического превосходства «высших рас» над «низшими». Облечённый порой в псевдонаучную форму («Очерк о неравенстве человеческих рас» графа Жозефа-Артюра Гобино, вышедший в свет во Франции ещё в 1855 г., «Миф XX века» идеолога германского нацизма Альфреда Розенберга), он принёс европейской цивилизации больше несчастий, чем любой другой. Вооружённые конфликты на цивилизационной почве – этнической, культурной, конфессиональной – тем более опасны, что за ними зачастую не стоят, как прежде, конкретные геополитические интересы определённых государств, ввиду чего они имеют тенденцию к выходу из-под рационального контроля (Балканы, Кавказ, Ближний Восток, Индостан, Центральная Африка).

Размышляя над столкновением двух фундаментальных тенденций мирового развития – глобализации международных отношений, создания интегрированных объединений на региональном

²⁰ Pro et Contra. Т. 2, М., 1997. Р. 152.

уровне, с одной стороны, и фрагментации, появления всё более многочисленных моноэтнических государств, зачастую, по существу, нежизнеспособных (их число уже приближается к 200) – с другой, бывший генеральный секретарь ООН Бутрос Бутрос-Гали высказал мысль о том, что эти тенденции тесно связаны. Более того, одна порождает другую: чем больше унифицируются экономика, наука, техника, быт, тем сильнее стремление каждого народа сохранить собственное лицо, отстоять национальную, культурно-цивилизационную идентичность – залог защиты своих интересов на фоне глубоких контрастов между уровнями развития, богатством и военной мощью различных стран и континентов. Выход из этого противоречия, лежащего в основе большинства внутренних и международных локальных конфликтов после окончания холодной войны, может быть найден только путём признания самоценности, взаимозависимости и солидарности всех цивилизационных центров многополярного мира перед лицом общих рисков и шансов третьего тысячелетия.

В решении этой поистине судьбоносной задачи Европа могла бы сыграть особую роль. Тесные связи со всеми другими цивилизационными центрами, оставшиеся в наследство от трёх веков глобального присутствия (Великобритании – с Северной Америкой и Южной Азией, Франции – с Северной и Тропической Африкой, Италии – со Средиземноморьем, Испании и Португалии – с Латинской Америкой, России – с Закавказьем и Средней Азией), но свободные отныне от колониально-имперских амбиций и претензий на универсализм своей модели, дают ей уникальный шанс выступить в качестве посредницы в диалоге между Западом и Востоком, Севером и Югом. Однако реализовать это высокое призвание Европа сумеет лишь в том случае, если преодолеет собственную внутреннюю разобщённость, которая уже не раз оказывалась для неё в прошлом столетии трагической.

ГЛАВА 2. ДВЕ ЕВРОПЫ ИЛИ ОДНА?*

Место Европы в мировой цивилизации на пороге XXI в., как и в более далёкой исторической перспективе, будет определяться не только её экономическим, военным, демографическим потенциалом, но и степенью духовного единства европейских народов. Именно от него решающим образом зависит ответ на судьбоносный вопрос: останется ли Европа самостоятельным центром многополярного мира III тысячелетия или растворится в процессе глобализации, рискуя оказаться разорванной между евроатлантическим и евроазиатским полюсами.

Ответ на данный вопрос пока далеко не очевиден. Развитие европейской цивилизации всегда сопровождалось борьбой двух противоположных тенденций – центристской и центробежной. Они определялись не только этническим разнообразием населяющих Европу народов, их языковой и культурной пестротой, но и особенностями географического положения континента, а в первую очередь – исторических судеб его различных регионов.

Как уже отмечалось, общими истоками европейской цивилизации являются греческая философия и искусство, римское государство и право, христианская религия. Наследием античной Греции стало гармоничное, целостное восприятие человеком природы и самого себя, классические каноны прекрасного и основные формы политической организации общества (тирания, олигархия, демократия). Древний Рим создал детально разработанную систему законов, регулирующую отношения между гражданами, гарантии их соблюдения благодаря состязательному и гласному судебному процессу, эффективную структуру гражданской и военной администрации. Христианство с его проповедью любви к ближнему определило морально-этические ценности европейцев на тысячелетия вперёд. Именно христианская религия, пришедшая в Европу с Востока, создала у самых разных европейских народов чув-

* Европа: вчера, сегодня, завтра / Институт Европы РАН; редкол. РАН: Н.П. Шмелёв (пред.) и др.; отв. ред. Н.П. Шмелёв. М., ЗАО «Издательство «Экономика», 2002. – 823 с. – С. 37-60.

ство принадлежности к единому цивилизационному пространству.

Однако те же самые факторы, которые объединяют Европу, оказывались нередко причинами её раскола.

Невидимая грань, проходящая через Германию, разделяет средиземноморский католический юго-запад Европы, несущий отпечаток латинской цивилизации, и её протестантский северо-восток, англосаксонский или скандинавский, не знавший римского владычества. Культура европейского Севера сохранила традиции более гибкого обычного права. Именно там сформировалась «протестантская этика», о которой писал Макс Вебер, – культ упорного труда, дисциплины и самоограничения, рассматриваемых не только как источник индивидуального успеха и обогащения, но и как моральный долг, осуществление человеком божественного промысла. Кровопролитные религиозные войны между католиками и протестантами, опустошавшие Францию или Германию в XVI–XVII вв., оставили неизгладимые следы в памяти многих поколений. Эти две части Западной Европы до сих пор по-разному воспринимают многие аспекты общего цивилизационного фона: роль государства и церкви, соотношение конфликта и компромисса в социальном диалоге.

Но если грань между европейскими Севером и Югом под воздействием процессов интеграции и глобализации постепенно стирается, то различия между Западом и Востоком Европы остаются гораздо глубже. Речь идёт далеко не только о наследии 73 лет тоталитаризма в постсоветских государствах и 45 лет в странах Центральной и Восточной Европы, контрастах в структурах их экономики, уровне жизни (соотношение ВВП на душу населения в государствах Евросоюза, ЦВЕ и европейских странах – членах СНГ составляет в среднем 4:2:1). Проблема Запад-Восток в Европе имеет гораздо более глубокие цивилизационные корни, уходящие в далёкое прошлое. Её концентрированным выражением являются отношения между культурами западноевропейских стран и России.

Если на западе, севере и юге границы континента чётко очерчены самой природой (Атлантика, Северный Ледовитый океан, Средиземное и Чёрное моря, Кавказский хребет, Каспий), то на востоке они размыты. Урал, фигурирующий в учебниках геогра-

фии как восточный предел Европы, в этом качестве сугубо условен. Не только в государственном, но и в этническом, культурном, конфессиональном отношениях Россия простирается вплоть до Тихого океана. Её азиатская часть, которая лишь на треть уступает всей Европе, включая европейскую часть Российской Федерации, органически входит в великорусский культурный ареал.

Между тем климат России гораздо более континентальный, нежели Западной Европы: зима длится практически полгода. Норма осадков крайне неравномерна. Большая часть бескрайних просторов России находится в зоне «критического» земледелия, 67% – в районах вечной мерзлоты, где сельское хозяйство крайне затратно или вообще невозможно. Огромные расстояния всегда затрудняли создание в Восточной Европе надёжных путей сообщения, особенно дорожной сети, плачевное состояние которой существенно тормозит развитие экономики. В этом одна из причин извечного стремления России к «тёплым» незамерзающим морям, без доступа к которым она оказывается замкнутой континентальной державой, отрезанной от мировых торговых путей.

К природным различиям добавляются психологические и культурные. Россия, Украина, Белоруссия, многие балканские страны – Греция, Болгария, Румыния, Сербия, Македония, Черногория – получили к концу I тысячелетия н.э. христианство не с латинского запада, а с юга, через греческую Византию. Существенные оттенки – далеко не только религиозно-доктринальные и ритуальные – между Римом и Константинополем, восходившие ещё к Римской империи, предопределили в 1054 г. раскол христианской церкви на католическую и православную, каждая из которых претендует на вселенский характер, по-своему выстраивая отношения с государством и обществом.

Этот раскол положил начало духовному отчуждению, усугублённому коренным различием исторических судеб европейских народов. Если после опустошительных, но недолгих нашествий гуннов, готов, вандалов Западной Европе удалось отразить вторжения арабов, монголов, турок, то Русь в XIII–XV вв. оказалась под господством исламизированной Золотой Орды, а народы Балкан в XV–XX вв. – под владычеством мусульманской Османской империи. Монголо-татарское иго на востоке, турецкое на

юго-востоке Европы не только значительно замедлили социально-экономическое развитие этой половины континента, но и внесли существенные особенности в менталитет, культуру, систему ценностей населяющих её народов.

Особенности климата и территории, социально-экономические факторы, этническая гетерогенность предопределили существенные различия между Россией и Западом на уровне даже бытовой культуры, что значительно способствовало их взаимному непониманию.

Длительное господство иноземцев и иноверцев, подневольный труд, отсутствие гарантий личной безопасности и собственности, зависимость от капризов природы ослабляли стимулы к индивидуальной инициативе и ответственности, рождали пассивный фатализм, толкали на поиски всё новых малонаселённых земель, поощряя экстенсивный, а не интенсивный путь развития. «За четыреста лет территория России увеличилась в 36 раз... Постоянный колонизационный разлив России, неустанный прилив хлебородных равнин, которые приходилось наспех заселять и засеивать, лишал русский народ не только необходимости, но и возможности заботливого и тщательного труда на земле», – писал в начале XX в. выдающийся русский мыслитель Ф.А. Степун²¹.

В свою очередь необходимость обеспечить контроль над гигантской территорией из единого центра и защитить её безмерно протяжённые уязвимые границы от вторжений враждебных соседей способствовала становлению авторитарной власти, не ограниченной ни законом сверху, ни свободным гражданским обществом снизу. Если на западе это общество складывалось из относительно автономных групп, уравновешивавших друг друга, то на востоке оно строилось по азиатской вертикально-иерархической модели, цементированной узами патернализма.

Результатом оказывались такие экстремальные поведенческие стереотипы восточноевропейских народов, как способность стойко переносить лишения, неисчерпаемое терпение, перемежающиеся «бессмысленным и беспощадным» кровавым бунтом, социальное иждивенчество и эгалитаризм, мистическая вера во всемогу-

²¹ Степун Ф.А. Мысли о России. Новый мир, № 6, июнь 1991. С. 221.

шество верховной власти и анархическое презрение к её законам, мужество перед внешним врагом и жестокость в междоусобных распрях.

Очевидно, что эти черты существенно отличались от «фаустовского» типа западноевропейца с его культом индивидуальной свободы, частной собственности и личного успеха, активным отношением к жизни, уважением к закону в сочетании с недоверием к носителям власти, стремлением взять их под контроль организованного гражданского общества. Неудивительно, что не только экономические или политические, но и цивилизационные отношения между западом и востоком Европы складывались на протяжении прошлого тысячелетия весьма противоречиво.

Ещё в XVI в. министр французского короля Генриха IV герцог Сюлли в своём проекте организации всех европейских государств утверждал, что, хотя Московия уже 500 лет является христианской страной, она остаётся «варварской» и в случае отказа примкнуть к его «великому замыслу» должна быть вместе с Турцией отброшена в Азию. В начале XIX в. Шатобриан считал, что Европа кончается в Триесте. Столетие спустя О. Шпенглер писал в «Закате Европы»: «Одно только слово “Европа” с возникшим под его влиянием комплексом представлений связало в нашем историческом сознании Россию с Западом в некое ничем не оправданное единство... (На деле же) Восток и Запад суть понятия, исполненные подлинного исторического содержания. “Европа” – пустой звук»²².

Отрицание принадлежности стран Восточной Европы, прежде всего России, к европейской цивилизации мотивировалось многочисленными западными путешественниками – от австрийского посла фон Герберштейна (XVII в.) до французского маркиза Астольфа де Кюстина (1839 г.) – сходными доводами: с одной стороны, неоднородностью огромной страны на стыке Европы и Азии, этнической, культурной и конфессиональной пестротой населяющих её народов, с другой, отсутствием гражданских свобод, произволом неограниченной деспотической власти, опирав-

²² Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. М., 1993. С. 145.

шейся на полицейский террор, недоверием и враждебностью к иностранцам, манией секретности, скрывавшей продажность, казнокрадство и неэффективность бесчисленной бюрократии.

Гигантские масштабы России, её внушительный людской потенциал, военная мощь, отсутствие естественных границ и связанная с этим территориальная экспансия периодически внушали западноевропейцам страх перед призраком русской гегемонии на континенте. Этот страх достигал апогея в первой половине XIX в. от наполеоновских войн до Крымской войны (1853–1856 гг.) и во второй половине XX в. от окончания Второй мировой до конца холодной войны (1945–1989 гг.).

Когда же Россия переживала смутные времена и слабела, а её единство оказывалось под вопросом, опасения вызывала уже иная перспектива – угроза распространения русской или балканской анархии в Западную Европу. После Октябрьской революции и Гражданской войны (1918–1922 гг.) творец Версальской системы Жорж Клемансо пытался окружить Советскую Россию «санитарным кордоном» враждебных ей стран-лимитрофов, более того, требовал возвести на её границах барьер из колючей проволоки, чтобы не дать большевизму обрушиться на «цивилизованную Европу». Участники Парижской мирной конференции 1919 г., завершившей Первую мировую войну, всерьёз обсуждали идею раздела России между собой на сферы влияния подобно Китаю в начале века. Во время Второй мировой войны геббельсовская пропаганда провозглашала вторжение нацистской Германии в СССР крестовым походом «новой Европы» против «азиатского варварства», воплощённого в большевизме.

Даже после крушения советского режима и распада СССР традиция вражды к России в Западной Европе отнюдь не исчезла. В декабре 1993 г. французский публицист праволиберальных взглядов Ален Мэнк приветствовал, как ни парадоксально, относительный успех коммунистов и националистов на выборах в российскую Государственную Думу, видя в нём «спасительное пугало» – стимул дальнейшего прогресса евростроительства, возможность укрепить единство НАТО, прочнее привязать к альянсу объединённую Германию. Подобные настроения подпитывает далеко не блестящий образ «новых русских» за рубежом, отождеств-

ляющийся с организованной преступностью, отмыванием денег, сомнительными финансовыми махинациями («русская мафия»).

В то же время антирусская традиция среди западноевропейцев сталкивалась с русофильской. Энциклопедисты XVIII в. переписывались с Екатериной II, считая её олицетворением «просвещённого абсолютизма». Богатая и оригинальная русская культура вызывала восхищение Теофиля Готье и Александра Дюма. Толстой и Тургенев, Достоевский и Чехов, Чайковский и Мусоргский, русский художественный и театральный авангард стали неотъемлемой частью европейской культурной идентичности. Иоганн Готфрид Гердер и Эрих Мария Ремарк видели в России необходимый компонент европейской культуры, призванный осуществить синтез западного рационализма с гуманистической славянской традицией. Герберт Уэллс и Бернард Шоу, Анатоль Франс и Ромэн Роллан, Бертольд Брехт и Томас Манн с искренним, хотя и несколько наивным интересом относились к советскому эксперименту, закрывая глаза на его тоталитарную природу.

В геополитическом плане Россия рассматривалась многими западноевропейцами не только как щит от вторжений из Азии (например, в XVI в. период неудержимой экспансии Османской империи), но и как надёжный противовес заявкам Наполеона или Гитлера на европейское и мировое господство. На протяжении двух последних столетий отношение к России являлось одним из важных критериев идейно-политического размежевания внутри самих западноевропейских обществ. Со времён Великой французской революции 1789 г. традиционалистская и самодержавная Российская империя представлялась правым, консервативным силам Европы оплотом порядка, гарантом от революционной опасности, а левым, либеральным и радикальным, соответственно, злейшим врагом свободы. Напротив, Октябрьская революция 1917 г. сделала Москву центром мирового, в том числе европейского коммунистического движения, Меккой для левой интеллигенции, но смертельной угрозой в глазах правых.

Контрасты природы, различие исторических судеб, систем ценностей и поведенческих стереотипов формировали в российском национальном сознании столь же двойственное отношение к Западной Европе. На протяжении веков в нём преобладали от-

чужденность, подозрительность, недоверие, подкреплявшиеся болезненными воспоминаниями о вторжениях с Запада – польском (XVII в.), французском (XIX в.), германском (XX в.). Комплекс неполноценности в связи с материальным богатством Западной Европы искал гиперкомпенсации в виде претензии на духовное превосходство носителей истинной христианской веры, а впоследствии «единственно верного» марксистско-ленинского учения. Московские цари, российские императоры, генеральные секретари ЦК КПСС стремились наглухо закрыть границы страны от проникновения из Европы иной веры, взглядов, товаров.

В то же время в духовной и общественной жизни России, как и других восточноевропейских государств, всегда присутствовала не менее сильная проевропейская традиция. Её корни уходят не только в далёкую Киевскую Русь – органическую составную часть христианской Европы раннего Средневековья, но прежде всего в XVI–XVII вв., когда московские государи осознали жизненную необходимость использования европейской науки, техники, военного опыта. Без них России была бы обеспечена участь если не Индии, то Китая, многовековая самоизоляция которого от Запада к середине XX в. привела самую населённую страну мира на грань утраты независимости и вытеснения на обочину мировой цивилизации.

Реформы Петра Великого избавили Россию от подобной судьбы. Сделав ставку на модернизацию промышленности, армии, администрации, пригласив для этого иноземных специалистов и обучив русских за рубежом, прорубив «окно в Европу» победоносной Северной войной, созданием флота и основанием новой столицы, царь-реформатор сделал Россию мощной державой – полноправной участницей «европейского концерта». Императорский дом Романовых связался узами династических браков со многими царствовавшими домами Европы – Германии, Великобритании, Дании.

Однако цена этих реформ, навязанных сверху с беспощадной жестокостью, оказалась чрезвычайно высокой: население страны за годы царствования Петра I сократилось на четверть. Крепостное право, давно исчезнувшее в Западной Европе, ещё более ужесточилось, продержавшись до 1861 г. Европеизация быта, вкусов,

образа жизни затронула лишь узкий слой дворянства, интеллигенции, образованной части буржуазии, особенно в столицах – Санкт-Петербурге, Москве, оставив в стороне подавляющее большинство населения, прежде всего неграмотное, нищее, задавленное повинностями крестьянство.

Блестящий расцвет русской культуры XIX и начала XX вв., расширение её контактов с западноевропейской не затронули, несмотря на либеральные реформы Александра II, устои самодержавной империи, деспотизм которой порождал радикальное революционное движение. Верхи и низы нации оказались разделёнными не только сословными или имущественными привилегиями, но и культурным, даже языковым барьером, чего не было ни в одной другой европейской стране: «Европа наверху, Азия внизу» – так резюмировал ситуацию в России один из иностранных визитёров.

Промышленная революция в России началась (в частности, благодаря притоку иностранных капиталов из Западной Европы) слишком поздно, чтобы сохранить на должном уровне военный потенциал страны, потерпевшей после блестящих побед в XVIII – начале XIX вв. тяжёлые поражения в Крымской войне с Англией, Францией, Сардинией и Турцией, русско-японской (1904–1905 гг.), наконец, Первой мировой войне с Германией, Австро-Венгрией и Турцией.

Следствием этого глубоко противоречивого развития стал раскол российской интеллектуальной элиты в отношении к Европе. Для западников середины XIX в. реформы Петра I или Александра II были необходимы, но недостаточны. Они не завершили исторического дела модернизации страны по европейскому образцу принятием Конституции, гарантией гражданских свобод, упразднением сословных привилегий, выборами всеобщим голосованием парламента с ответственными перед ним министерствами, автономией гражданского общества от власти, что открыло бы путь для быстрого развития экономики и культуры страны, обеспечив ей достойное место в Европе и в мире. Напротив, в глазах славянофилов дело Петра было величайшей трагедией для русского народа: посягательством на его тысячелетние традиции, отрывом государственной власти от её национальных корней ради копирования чуждого европейского образца. Видный русский

историк XIX в. Н.Я. Данилевский безоговорочно относил Россию не к Европе, а к Азии. Трезвому, эгоистичному и меркантильному индивидуализму Запада противопоставлялись якобы органически присущие русской культуре коллективизм, воплощённый в крестьянской общине, гармоническое сотрудничество классов («соборность») под эгидой сильной, но отеческой власти монарха («державность»), освящённой верностью национальной культуре и моральным ценностям православия («духовность»).

Этот спор, который начался ещё в середине XIX в., продолжается в тех или иных формах вплоть до наших дней, затрагивая самую суть цивилизационной идентичности страны, определяя её место в Европе и в мире.

Славянофильский лагерь включал весьма различные течения – от твердолобых великодержавно-шовинистических консерваторов до либералов (А.С. Хомяков, К.И. Аксаков, А.К. Толстой) и социалистов-народников, духовным предтечей которых был А.И. Герцен. По мнению последних, не одряхлевшая Западная Европа, а именно молодая славянская Россия была способна осуществить идеалы социализма.

Столь же неоднородным являлся лагерь западников-европеистов. К нему относилось не только большинство либералов – от П.Я. Чаадаева, мечтавшего о сближении России с Европой через примирение православия с католицизмом, до кадетов во главе с П.Н. Милюковым, – убеждённых сторонников союза с европейскими демократиями как необходимой предпосылкой модернизации страны и решения её традиционных международных задач (Балканы, Черноморские проливы). По одну сторону баррикады с ними оказалось и умеренное крыло российской социал-демократии (Г.В. Плеханов, Ю.О. Мартов), для представителей которого Западная Европа – родина марксизма, центр II Интернационала – должна была стать катализатором экономического и культурного прогресса России, создающего необходимые условия для её будущего социалистического преобразования.

Характерно, что многие крупнейшие фигуры российской духовной жизни (А.И. Герцен или Ф.М. Достоевский) постоянно колебались между западничеством и славянофильством, поддерживая то одно, то другое течение или пытаясь найти синтез между

ними.

Столкновение противоположных подходов в вопросе о принадлежности России к европейской цивилизации прослеживается и в большевизме. Выдающийся русский философ Н.А. Бердяев отмечал, что вначале марксистские идеи, пришедшие из Европы на российскую почву, выглядели «крайней формой западничества». В.И. Ленин полностью подчинял национальные интересы страны императивам классовой борьбы в международном масштабе, рассматривая Октябрьский переворот в России лишь как отправной пункт мировой, прежде всего европейской, социалистической революции. Однако с течением времени, писал Бердяев, созданный большевиками тоталитарный режим приобрёл «русский, восточный стиль» азиатской деспотии, приближая тем самым коммунизм в России к славянофильскому течению (отсюда известное бердяевское сравнение III Интернационала с формулой «Третьего Рима»). При Ленине победа большевиков в гражданской войне, одержанная под флагом права наций на самоопределение, обернулась реставрацией империи почти в прежних границах, хотя и в новой, квазифедеративной форме²³.

Сталин и его преемники, не отказываясь от традиционной интернационалистской риторики марксизма, ещё более усилили азиатско-деспотический характер режима внутри страны, придав одновременно великодержавно-имперские черты его внешней политике. Проведя индустриализацию страны за счёт насильственной коллективизации крестьянства, выиграв Вторую мировую войну и подчинив своему контролю Восточную и Центральную Европу, они осуществили синтез худших черт как западничества (радикальный разрыв с культурной традицией прошлого при форсировании любой ценой технической, особенно военной модернизации по западному образцу), так и славянофильства (поощрение великорусского шовинизма, изоляция страны от внешнего мира, систематическое культивирование недоверия и вражды к Западу).

Вместе с тем борьба между двумя традиционными течениями российской общественной мысли в вопросе о цивилизационной идентичности страны, её принадлежности к Европе или Азии про-

²³ См.: Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 116.

должалась как внутри советского истеблишмента, так и среди его противников (диссиденты, эмиграция): европеизированные либералы сталкивались с националистами-«почвенниками», консерваторы-ортодоксы с коммунистами-реформаторами. К концу 1980-х гг. последние на какое-то время взяли верх. Системный кризис советского режима – застой экономики, блокирование процесса принятия политических решений, ухудшение условий жизни, эрозия официальной идеологии, страх перед опасностью подрыва безопасности в результате отставания в гонке вооружений с Западом – привёл к власти немногочисленное реформаторское крыло в руководстве КПСС, опиравшееся на поддержку прозападной либеральной интеллигенции и части национальной элиты отдельных союзных республик. Выдвинув тезис о примате общечеловеческих ценностей над классовыми, М.С. Горбачёв и его единомышленники попытались реализовать его внутри страны с помощью перестройки и гласности, а вовне – т.н. «новым мышлением». Хотя основой горбачёвского внешнеполитического курса, положившего конец холодной войне (разоружение, политическое урегулирование локальных конфликтов), являлся диалог с США, его важнейшей составной частью стала формула «Европа – общий дом».

Призванная обеспечить условия для гармоничного сосуществования различных общественных систем в Европе, она повлекла за собой совершенно иные последствия: антикоммунистические «бархатные революции» в странах – сателлитах Советского Союза и воссоединение Германии перечеркнули политические итоги Второй мировой войны на Западе. Распад СССР, крушение СЭВ и ОВД поставили в повестку дня вопрос о поисках принципиально новых отношений между членами Европейского и Североатлантического союзов, с одной стороны, странами ЦВЕ и суверенными государствами, возникшими на развалинах империи (Россией, Украиной, Белоруссией, Молдавией, Литвой, Латвией, Эстонией), с другой.

Для т.н. «демократов первой волны», призванных российским президентом Б.Н. Ельциным в правительство в 1991 г., ответ на этот вопрос не вызывал сомнений: Россия должна в кратчайшие исторические сроки интегрироваться в международное сообщество «цивилизованных», то есть промышленно развитых демокра-

тических государств Запада, прежде всего Европы. Только там, в странах т.н. «золотого миллиарда», считали они, Россия могла найти необходимые ей капиталы, современные технологии и управленческие навыки для преодоления кризиса переходного к демократии и рыночной экономике периода.

Именно такая установка, имеющая характер не только политического, но и цивилизационного выбора, во многом объясняла радикальные методы проведённых демократами реформ внутри страны: обвальную либерализацию цен, массированную приватизацию госсобственности, введение внутренней конвертируемости рубля и т.д. Отсюда же их сдержанное отношение к интеграции России с государствами СНГ или сотрудничеству со странами «третьего мира», экономические нужды и авторитарные режимы которых рассматривались как тормоз модернизации России.

Европе сторонниками этого выбора отводилось особое место. Один из активных «демократов первой волны», министр иностранных дел в 1991–1995 гг. А.В. Козырев, подчёркивал, что смысл политики России – полное присоединение к процессу европейской интеграции во имя создания «единой демократической Европы», способной утвердить позиции России на мировой арене на равных с США и Японией. Преимущество подобной стратегии с либеральным западничеством в российской цивилизационной традиции очевидна.

Благодаря закреплению на протяжении 1990-х гг. гражданских свобод, политическому плюрализму, разгосударствлению большей части собственности разрыв России с тоталитарным прошлым действительно стал по существу необратимым.

Вместе с тем общий итог либеральных реформ 1990-х гг. оказался крайне противоречивым, а социальная цена – непомерно высокой. Монетаристская «шоковая терапия», оправдавшая себя при переходе к рынку некоторых стран Центральной Европы (Польша), плохо вписывалась в российские реалии. Полученные в наследство от прошлого глубокие структурные перекосы, усугублённые разрывом традиционных хозяйственных связей на постсоветском пространстве, крайняя милитаризованность экономики, роль естественных монополий – всё это затрудняло формирование в России главного условия нормального функционирования

рынка – конкурентной среды. Важную роль играли и субъективные факторы. Привитая ещё царским режимом и усиленная советской системой иждивенческая психология в отношении государства, отсутствие навыков частного предпринимательства, неуважение к закону поощряли начавшееся с 1960-х гг. бурное распространение теневой экономики.

На этом фоне серьёзным недостатком европейской политики «демократов первой волны» оказалась переоценка ими готовности Запада, в том числе Евросоюза, строить отношения с новой Россией как с полноправным членом сообщества «цивилизованных» стран до тех пор, пока она сама не решит свои внутренние проблемы и не обретёт соответствующий вес в мировых делах. Надежды на приток иностранных капиталов не оправдались – потенциальных инвесторов пугали правовая анархия и политическая нестабильность. Прямые частные инвестиции в российскую экономику в 1990-х гг. были меньше, чем в Венгрию или Польшу, не говоря уже о Китае. Кредиты международных финансовых организаций, участницей которых стала Россия, – МВФ, Всемирного банка, ЕБРР, уходившие в основном на платежи по прежним долгам, предоставлялись на всё более жёстких условиях и далеко не покрывали потребностей гигантской страны, особенно с учётом массивной утечки российских капиталов за рубеж (по разным оценкам порядка 160-200 млрд долл.).

Естественно, что горечь граждан бывшей сверхдержавы, победившей ценой колоссальных жертв во Второй мировой войне, но проигравшей без единого выстрела холодную, не могла не вызвать острой психологической реакции. Под сомнением оказались не просто конкретные действия власти, но и сам либеральный символ веры – применимость западноевропейских цивилизационных стандартов к российским условиям. Этим не замедлила воспользоваться национал-коммунистическая оппозиция, лидеры которой, не рассчитывая более на обветшалый идейный арсенал марксизма-ленинизма, взяли на вооружение концепции т.н. «евразийства».

Это ещё недавно полузабытое философское течение родилось между двумя мировыми войнами среди части русской белой эмиграции (князь Н.С. Трубецкой, Л.П. Карсавин, П.Н. Савицкий и

др.) как прямое продолжение антизападных традиций славянофильства и панславизма XIX в. Его представители рассматривали Россию и другие православные славянские страны как особую цивилизацию, вышедшую из Византии и качественно отличающуюся от Западной Европы с её меркантильным индивидуализмом. Критикуя «евразийский соблазн», выдающийся православный богослов Г.В. Флоренский, сам вначале разделявший эти идеи, писал: «Евразия – это и Европа, и Азия, помесь или синтез двух с преобладанием последнего. Между этими понятиями евразийцы колеблются. Геософически они довольно легко проводят обе границы – и западную, и восточную. Но в дальнейших планах восточная граница оставалась расплывчатой, и в пределы Евразии вводятся слишком много Азии. Всегда есть пафос отращения к Европе и крен в Азию. О родстве с Азией, и кровном, и духовном, евразийцы говорят всегда с подъёмом и даже упоением, и в этом подъёме тонут и русские, и православные черты»²⁴.

Ещё дальше пошёл видный последователь евразийских идей в Советском Союзе 1970–1980-х гг. этнограф Л.Н. Гумилёв – автор теории «этногенеза», который противопоставлял Европе тюркскую и угро-финскую Великую степь. К цивилизации последней он относил и восточных славян, прежде всего русских. Отрицая сам факт монголо-татарского ига, он считал зависимость Древней Руси от Золотой Орды не исторической катастрофой, а благом – союзом родственных народов против общей опасности, грозившей им, якобы, прежде всего из Западной Европы²⁵.

В наши дни тезисы Л.Н. Гумилёва нашли поддержку со стороны лидера КПРФ Г.А. Зюганова, для которого «с точки зрения исторической, Россия являет собой особый тип цивилизации, nasledующей и продолжающей тысячелетнюю традицию Киевской Руси, Московского царства, Российской империи и Союза ССР; с точки зрения геополитической, Россия – стержень и главная опора евразийского континентального блока, интересы которого противостоят гегемонистским тенденциям “океанской державы”

²⁴ Флоренский Георгий. Евразийский соблазн. Новый мир, № 1, М., 1991. С. 206.

²⁵ См.: Гумилёв Лев. Мифы и реальность этносферы. «Дружба народов», № 11, М., 1989.

США и атлантического «большого пространства»»²⁶.

Развивая идеи Александра Дугина, современного последователя британского родоначальника геополитики Хальфорда Макиндера, насчёт союза «народов суши» против «народов моря», данная концепция перекликается с призывами некоторых российских востоковедов к созданию тройственного блока России с Китаем и Индией для борьбы с американским гегемонизмом, причём не только на геополитической, но и на цивилизационной почве. «Как Россия, так и Китай во второй раз после XIX в. осознают свою культурную несхожесть с Западом. В обеих странах традиционалисты сходным образом критикуют западные индивидуализм, материализм и рационализм. Вполне возможно, что в поиске конструктивных ответов на вызовы времени русско-православная и синоконфуцианская цивилизации вступят в диалог и значительно обогатятся в процессе взаимного познания, – пишет, например, А.В. Ломанов. – ... Если страны Запада изучают Китай и постконфуцианскую Восточную Азию как своих активизирующихся конкурентов на мировых рынках, то Россия обращается к этому региону, прежде всего, в поисках оптимального пути модернизации, наиболее подходящей модели рыночной экономики и собственной культурно-цивилизационной идентичности»²⁷.

Главный изъян подобных концепций – отсутствие в них элементарного реализма. На протяжении тысячелетней истории своего государственного существования Россия отличалась от Азии гораздо больше, чем от Европы, по основным цивилизационным параметрам – этническому, культурно-лингвистическому, конфессиональному. Несмотря на весьма тесные связи с Китаем, не говоря уже о Турции или Иране, евроазиатский характер географического положения страны, её культурные контакты с великими цивилизациями Азии всегда оставались гораздо более ограниченными, нежели с христианской Западной Европой.

Напротив, присутствие западноевропейцев – португальцев, голландцев, англичан, французов – на Ближнем и Среднем Восто-

²⁶ Зюганов Г. Россия и современный мир. М., 1995. С. 20.

²⁷ Ломанов А. На периферии «столкновения цивилизаций». Pro et Contra. Т. 3. 1998. № 1. М. С. 22.

ке, в Южной и Юго-Восточной Азии, причём не только экономическое и политическое, но и культурное, было несравненно шире российского. Со времён Великих географических открытий XV–XVI вв. и на протяжении четырёх с половиной столетий колониального периода именно Западная, а не Восточная Европа интенсивно взаимодействовала с Азией. Модернизм пришёл в Японию, Китай, Индию, арабский мир, Иран, Турцию не из России, а с Запада. Между тем их культурное взаимовлияние, каким бы глубоким оно ни было, никогда не ставило вопроса о цивилизационном родстве. К России это относится ещё более очевидно.

То же применимо к экономическому и геополитическому измерению проблемы. Россия, чей ВВП уступает китайскому в 2,5 раза, а численность населения – в 8 раз, может вступать в отношения с ним лишь как один из многих партнёров, но никак не в качестве ведущего союзника, как это бывало в конце 1940–1950-х гг.

«Для России жизненно важно обеспечить свою роль как равноправного участника создающейся на рубеже веков новой европейской системы. Коренные интересы Российской Федерации в экономике и сфере безопасности связаны с Европой. Само развитие нашей страны как демократического государства с рыночной экономикой будет невозможным, если Россия окажется “вытолкнутой” из Европы, если мы окажемся вне “общеевропейского дома”, – констатирует директор Института США и Канады РАН С.М. Рогов. – Поворот к Азии не может компенсировать последствий возможного краха нашей западной политики. Именно с Европой и США связаны почти $\frac{2}{3}$ нашей внешней торговли, только от Запада Россия может получить инвестиции и технологии, от западных кредиторов зависит решение вопроса о реструктуризации российских внешних долгов. Запад определяет условия нашего вступления во Всемирную торговую организацию»²⁸.

Российская империя и её правопреемник – Советский Союз – включали весьма значительный азиатско-мусульманский компонент, составлявший не менее $\frac{1}{4}$ населения страны (70 млн из 289 млн человек в 1989 г.), причём демографически он был наиболее

²⁸ Рогов С. Наша страна может оказаться на задворках Европы. Независимая газета, 16 июня 1999 г.

динамичным. Распад СССР, обретение независимости республиками Средней Азии и Закавказья круто изменили ситуацию. Оставаясь полиэтнической и многоконфессиональной страной, Российская Федерация состоит отныне на 80% из русских, культура которых имеет европейско-христианские корни (остальные 20% принадлежат в основном к тюркской или угро-финской этнолингвистическим группам в республиках Северного Кавказа, Поволжья, отчасти Сибири). Чечня наглядно показала масштаб национальных и цивилизационных проблем, возникающих в этой связи.

Если $\frac{2}{3}$ территории России находятся в Азии, то $\frac{3}{4}$ её населения – в Европе. К тому же русскоязычное население азиатской части России под давлением экономических трудностей неуклонно мигрирует с Дальнего Востока и Крайнего Севера в европейскую часть. Одним из следствий этого оказывается просачивание этнических китайцев в российские пограничные районы Восточной Сибири и Приморья. Некоторые специалисты утверждают, что сам по себе данный процесс может иметь позитивные последствия – расширение российско-китайского и российско-японского сотрудничества в освоении природных богатств Сибири, тем более что пограничные споры с Китаем урегулированы, а с Японией будут наверняка улажены в XXI в. Но необходимым условием обеспечения при этом государственных интересов, сохранения территориальной целостности страны является перелом к лучшему нынешней демографической динамики и расширение экономического присутствия России на Дальнем Востоке, что трудно представить себе без финансового участия Запада, прежде всего Евросоюза.

Этот очевидный факт признаётся даже теми российскими аналитиками, которые убеждены в преимущественно азиатском призвании страны: «На саммите Азиатско-Тихоокеанского экономического совета (АТЭС) в Ванкувере (ноябрь 1997 г.) Россию приняли в состав этой организации, формально признав тем самым её принадлежность к экономическому пространству АТР. Но это ещё не гарантирует, что она сможет стать его органической частью и вступить в глубокий культурно-цивилизационный диалог со странами региона... Хотя Россия и граничит со странами Дальнего Востока, она отстоит от них в культурно-цивилизационном

диалоге намного дальше, чем расположенные за тысячи миль страны Запада», – констатирует А.В. Ломанов²⁹.

Азиатский цивилизационный вариант означал бы для России отход не только от Западной, но и от Восточной Европы, как от стран ЦВЕ, так и от бывших советских республик европейской части СССР, в том числе входящих ныне в СНГ. Речь идёт в первую очередь об Украине – крупнейшем славянском государстве христианско-православной культурной традиции после самой России. Разрыв между ними был бы геополитической катастрофой для обеих и для Европы в целом, что облегчило бы гегемонистские устремления некоторых американских политиков. Недаром З. Бжезинский откровенно заметил как-то, что влияние США в Евразии XXI в. зависит от того, где будет проходить рубеж Европы – по западной или по восточной границе Украины. Если для России, с её евроазиатской географией и историей, цивилизационный выбор между Востоком и Западом на пороге третьего тысячелетия достаточно труден, то для стран Западной и Центральной Европы он очевиден: её народы однозначно избрали Запад.

Взаимодействие европейской цивилизации с тюркской, иранской, арабо-мусульманской, индостанской, сино-конфуцианской всегда останется на межцивилизационном уровне. Главная проблема в другом: будет ли Европа в целом рассматривать себя в XXI в. как автономный центр мировой цивилизации в географических, исторических и культурных границах всего континента «от Атлантики до Урала» (точнее, даже до Владивостока) или же её западная часть будет постепенно интегрироваться в евроатлантическое цивилизационное пространство с США и Канадой, оставляя Россию и другие восточноевропейские страны в стороне?

Вплоть до конца «холодной войны» второй вариант представлялся гораздо более вероятным, чем первый. Выбор Западной Европы определялся биполярностью тогдашнего мира. Ни периодическая разрядка напряжённости, ни появление на международной арене «третьего мира», ни европейская интеграция не могли ослабить теснейшие экономические связи Западной Европы с США, сложившиеся со времён «плана Маршалла», как и её зависимость

²⁹ Ломанов А. Указ. соч. С. 23.

от американских гарантий военной безопасности и НАТО. Главное же – они не могли перечеркнуть водораздел между двумя противоположными общественными системами, который в течение почти полувека разрезал европейский континент «железным занавесом», олицетворявшимся с 1961 г. Берлинской стеной.

Судьбоносный выбор западноевропейскими странами после Второй мировой войны трансатлантического партнёрства с США в противостоянии Восток–Запад подкреплялся объективной солидарностью промышленно развитых стран между собой в отношениях Север–Юг. Деколонизация бывших европейских империй не остановила процесс поляризации богатства и бедности в мире, усугублённый контрастами демографической динамики. «Разница в доходах на душу населения между богатейшей промышленной нацией – например, Швейцарией – и беднейшей непромышленной страной – Мозамбиком – составляет примерно 400 к 1. Двести пятьдесят лет назад разрыв между богатейшими и беднейшими был, видимо, 5 к 1, а между Европой и, скажем, Восточной или Южной Азией (Китай или Индия) составлял примерно 1,5 или 2:1», – отмечает английский политолог Дэвид Лэндес³⁰. Принадлежность Западной Европы к «золотому миллиарду» населения богатых стран – участниц Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) перед лицом подавляющего большинства населения планеты, сосредоточенного в развивающихся странах Азии, Африки, Латинской Америки, укрепляет у западноевропейцев сознание общности интересов их государств и США, Канады, Австралии, Новой Зеландии, а также Японии.

Наконец, трансатлантическое партнёрство имеет несомненное цивилизационное измерение. В основе его лежат такие глубинные факторы, как европейское, прежде всего англосаксонское или ирландское происхождение предков большинства американцев, их языковая и конфессиональная общность с Европой, близость систем ценностей.

Многие из этих факторов остаются в силе сейчас и сохраняются, видимо, в XXI в. Принадлежность почти всех стран – членов

³⁰ Landes David. The Wealth and the Poverty of Nations. Why Some Are So Rich and Some Are So Poor. London. 1998. P. 20.

ЕС к Североатлантическому союзу, вступление в него стран Центральной Европы, принятие НАТО новой стратегии на XXI в. остаются долговременными реалиями. Европейцы упрекают американцев в экспансионистском вмешательстве во все мировые дела, но в то же время опасаются исторически присущей США тенденции к изоляционизму, склонности к сосредоточению на внутренних проблемах, отречению от своей международной ответственности. Поэтому разрыв Западной Европы с США крайне маловероятен, а прогнозы А. Дугина насчёт формирования в третьем тысячелетии континентального «внутреннего полумесяца» от Китая и России до Франции, противостоящего океанскому «внешнему полумесяцу» от США и Канады до Австралии, выглядят, по меньшей мере, несерьёзно.

Вместе с тем, нельзя не видеть и другой стороны медали – постепенного дистанцирования Европы от Северной Америки. Объективные причины этого очевидны: с окончанием холодной войны исчезли страх западноевропейцев перед угрозой с Востока и их зависимость от американских гарантий безопасности, служившие полвека фундаментом НАТО. Экономические потенциалы Евросоюза и НАФТА – североамериканской зоны свободной торговли (США, Канада, Мексика) – отныне сопоставимы, а их интересы далеко не всегда совпадают; центр тяжести экономики США неуклонно смещается от Атлантики к Тихому океану, в сторону АТР.

Мысль о том, что соревнование между Европой и Соединёнными Штатами в экономике, технологии, науке управления выходит в конце XX в. за рамки конкурентной борьбы, приобретая цивилизационное измерение, развивал экономист Мишель Альбер, бывший руководитель Генерального комиссариата планирования при правительстве Франции. В своей книге «Капитализм против капитализма» он выдвинул тезис о качественном различии между «англосаксонским» и «рейнским» (континентально-европейским) типами постиндустриального общества. Согласно М. Альберу, их разделяют не только разные экономические доктрины – ультралиберальный монетаризм у одного или неокейнсианство у другого, но и поведенческие мотивы хозяйственной деятельности. Если «рейнский» предприниматель мыслит категориями дол-

госрочной производственно-инвестиционной стратегии при известной регулирующей роли государства, то «англосаксонский» исходит прежде всего из задачи немедленного получения наибольшей финансовой отдачи благодаря свободной игре частных экономических агентов³¹.

«Рейнский» капитализм свойственен старым цивилизациям, способным использовать фактор времени в длительной перспективе, тогда как «англосаксонский» – сравнительно новым, для которых время, по известному американскому выражению, – это прежде всего деньги. Поэтому первый больше восприимчив к императивам структурной политики и социальным требованиям, тогда как второй более гибко реагирует на колебания конъюнктуры финансовых рынков, значение которых в условиях информатизационной глобализации мировой экономики значительно возрастает.

Развитие мировой экономики оставило пока без ответа вопрос о том, какой из двух описанных типов капитализма эффективнее. В 1990-е гг. по темпам роста, уровню занятости, финансовой стабильности и особенно биржевым показателям США обошли страны Евросоюза, на что Б. Клинтон обращал внимание своих европейских коллег во время очередного саммита «семёрки» в Денвере (1997 г.). В ответ тогдашний канцлер ФРГ Г. Коль и президент Франции Ж. Ширак подчёркивали, что Европа предпочитает собственную модель социальной рыночной экономики, более подходящую к европейским реалиям, тогда как попытка имплантации там американской модели чревата непредсказуемыми последствиями. Их позицию наглядно подтвердили события: попытка стран ЮВА во главе с Японией, традиционно склонной к имитации чужого опыта, обеспечить «догоняющее развитие» на базе американской модели после первоначальных впечатляющих успехов привела к азиатскому кризису 1997–1998 гг.

Франко-германский аналитический центр «Кофремка–Сосьовизион» видит в финансовом кризисе 1997–1998 гг. убедительное подтверждение гипотезы М. Альбера. По оценке авторов обзора этого центра за 1998 г., кризис «поставил под вопрос тесно пере-

³¹ См.: Albert Michel. *Le Capitalism contre le capitalist*. Paris, 1989.

плетённые модели предприятия и экономики в целом, для которой центральной задачей предприятия является краткосрочная прибыль и рациональность, ограниченная экономикой и техникой... В этой модели экономика управляется финансами». Отсюда, считают аналитики «Кофремка–Сосьовизион», Европа должна сделать далеко идущие выводы. «Всё более вероятным становится основанный на новой парадигме устойчивого развития сценарий, который мог бы дать Европе возможность вновь сыграть роль лидера цивилизованного процесса, включающего внутреннее регулирование. Для того чтобы взять на себя это культурное лидерство, Европе необходимо реализовать социально-экономическую форму устойчивого развития, сочетающую экономическую эффективность, расцвет социально-человеческих факторов и сохранение окружающей физической среды»³².

Не менее важны этнокультурные моменты. Как бы далеко ни зашёл процесс европейской интеграции, его основа – национальные государства, сложившиеся на протяжении уходящего тысячелетия, вряд ли сольются в следующем тысячелетии в Соединённые Штаты Европы: чем больше они будут сближаться в экономическом, политическом, оборонном плане, тем ревнивей их народы будут отстаивать свою идентичность. Американский образ жизни, быт и нравы, система моральных ценностей сформировались в уникальных условиях, воспроизвести которые где-либо ещё (кроме разве что других бывших переселенческих колоний Англии континентального масштаба – Канады и Австралии) практически невозможно. Современное общество США – продукт двух столетий суровой борьбы за существование многих поколений иммигрантов, воодушевлённых идеалом свободы и «американской мечтой» о личном успехе любой ценой. Она воспитала в них культ силы, воли, инициативы, не ограниченных свойственными Европе национальными, социальными и цивилизационными лимитами – уроками драматической истории её народов на протяжении последнего тысячелетия.

В результате «прометеевский» западноевропейский тип чело-

³² См.: Vers un nouveau «modèle» qui serait europeen? La lettre de Confremca Sociovision, № 47, 1998. P. 19-20.

века нашёл за Атлантикой столь концентрированное воплощение, что его генетическая связь с европейским предком постепенно слабеет. Он представляется Европе слишком жёстким, агрессивным, уверенным в себе и в то же время чересчур примитивным, инфантильным, циничным и одновременно ханжески-политкорректным, чтобы безоговорочно вверить ему судьбы Старого Света. «Истина по одну сторону Пиренеев становится заблуждением по другую», – говорил Паскаль в XVII в. Это замечание ещё более приложимо сегодня к двум берегам Атлантики.

Наконец, кровное родство западноевропейской цивилизации и североамериканской становится менее очевидным и в этнокультурном плане. По прогнозам специалистов, различия демографической динамики отдельных этнических компонентов населения Соединённых Штатов, неуклонный приток иммигрантов (в основном нелегальных) из Латинской Америки и Восточной Азии ведут к тому, что уже в первой трети XXI в. около половины жителей страны будут неевропейского происхождения (12% – африканского, 8% – азиатского, 32% – латиноамериканского). В таких условиях американский «плавильный тигель», в котором ассимилировались на протяжении двух веков выходцы со всех континентов, прежде всего, из Европы, грозит застыть, что сделает сосуществование разных сообществ центральной проблемой страны, уже знавшей в связи с ней немало острейших кризисов в прошлом, вплоть до гражданской войны Севера и Юга в XIX в.

В Европе, как Западной, так и Восточной, миграции с юга из развивающихся стран Азии и Африки тоже идут (общая численность мигрантов только в странах Евросоюза составляет, по разным оценкам, 12-15 млн человек). Однако они наталкиваются на неизмеримо более жёсткую реакцию отторжения не только на этнической, но и на ценностной, в частности, конфессиональной почве (христианство – ислам), не говоря уже о социальной (проблема занятости), ввиду чего общий культурный знаменатель Европы имеет больше шансов сохраниться.

Все перечисленные факторы говорят в пользу усиления в третьем тысячелетии цивилизационной автономии Европы. Однако в каких границах этот процесс будет происходить? Если страны Центральной Европы, Балтии, в более отдалённой перспективе

Балканского полуострова рано или поздно интегрируются в Евросоюз, то вопрос о Восточной Европе – России, Украине, Белоруссии – остаётся открытым.

Лидеры государств ЕС единодушно подчёркивают сегодня, что как минимум в среднесрочной перспективе евростроительство должно остановиться на границах бывшего СССР (кроме Балтийского региона). Они ссылаются, прежде всего, на объективные факторы – континентальные масштабы России, её евроазиатскую географию, структурный кризис экономики, непредсказуемость внутривосточного развития, а также и на субъективные различия цивилизационного плана (социально-политические, этнокультурные, конфессиональные). Поэтому полноправное вхождение России, Белоруссии, Украины, Молдавии в ЕС даже в самом отдалённом будущем считается заведомо исключённым: такая перспектива расценивается как угроза самому существованию Евросоюза, расширение которого на страны Центральной Европы уже сейчас ставит перед ним почти неразрешимые задачи.

Тем не менее, считать подобную ситуацию геополитической и тем более цивилизационной константой вряд ли обоснованно. Одной из главных причин, обусловивших успех евростроительства в западной части континента на протяжении второй половины прошлого столетия, была сопоставимость экономического, военного и демографического потенциалов участвовавших в нём государств, которая заведомо исключала гегемонию одного из них над другими. Именно такая опасность обрекала на провал все прежние планы объединения Европы. Сейчас то же относится к балансу сил между Западной Европой и Восточной. Если до 1989 г. СССР и его союзники в СЭВ и ОВД были сравнимы с ЕС по ряду фундаментальных экономических показателей, то спустя 10 лет ситуация в корне изменилась: в 1999 г. Россия уступала Евросоюзу по ВВП в 15 раз. В итоге призрак «угрозы с востока» рассеялся. В то же время грандиозные пространства России, её неисчерпаемые природные и всё ещё значительные людские ресурсы, в том числе интеллектуальные, представляют собой незаменимый козырь Европы в соревновании с другими ведущими полюсами XXI в. – североамериканским и восточноазиатским.

Главные препятствия для становления единого европейского

полюса имеют не столько материальный, сколько цивилизационный характер: сумеют ли обе половины Европы преодолеть барьеры, оставленные в наследство уходящим тысячелетием, не отрекаясь от своей национальной и культурной специфики?

Мнения на этот счёт расходятся. Уже упомянутый профессор Стэнфордского университета (США) С. Хантингтон, автор нашумевшей книги «Столкновение цивилизаций и переустройство мирового порядка», точно так же, как и современные российские сторонники «евразийских» концепций, отвечает на данный вопрос отрицательно, выделяя Россию, Украину, Белоруссию, некоторые государства Восточной Европы, особенно Балкан, в особую славянско-православную цивилизацию.

Иной точки зрения придерживается председатель Парламентской ассамблеи ОБСЕ, бывший министр иностранных дел Румынии А. Северин, который считает необходимым, чтобы завтрашняя Европа была Европой не ассимиляций, а синтезов. «И Восток, и Запад континента имеют свой исторический опыт и свои специфические ценности, и невозможно, чтобы процесс расширения (ЕС) означал перенос правил Запада в восточные районы континента. Нет, расширение должно представлять собой, и я не упускаю случая это утверждать, примирение Европы с самой собой, воссоединение Европы и таким путём синтез ценностей и исторического опыта всех европейских государств и народов», – подчёркивает он³³.

Такой подход – не просто благое пожелание. Он имеет под собой объективную почву. Увлечение ультралиберальной монетаристской моделью экономики американского типа, характерное для государств Евросоюза в 1980-х гг., а для стран ЦВЕ и России – в 1990-х гг. XX в., в начале XXI в. постепенно уходит в прошлое. Как Западная, так и Восточная Европа ищут, каждая по-своему, сбалансированную модель социальной рыночной экономики, которая была бы более адекватна европейскому цивилизационному призванию. Одновременно продолжаются поиски европейской оборонной идентичности. Какими бы глубокими ни бы-

³³ Северин А. Воссоединяясь, континент примиряется сам с собой. Дипкурьер НГ, № 11, 22 июня 2000 г.

ли различия между европейцами, их роднит общность судьбы, совместимость, более того, взаимодополняемость их богатейшего культурного наследия. Общий цивилизационный знаменатель, с которым европейские народы вступают в XXI в., является более значительным, нежели геополитические связи Восточной Европы с Азией, а Западной – с Америкой. Поэтому процесс сближения систем ценностей на континенте приобрёл необратимый характер: альтернативы ему нет ни на западе, ни на востоке.

ГЛАВА 3. ГОСУДАРСТВО, ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО*

Государство

Вступление Европы в XXI в. сопровождается существенной эволюцией составляющих её многочисленных государств. Глубокие изменения затрагивают все их основные параметры – институты власти, партийно-политический механизм, распределение полномочий центра с регионами, отношения государств с гражданским обществом и между собой. По мнению многих политологов и юристов, суть этой эволюции сводится к неуклонному сужению властных функций государства внутри страны и размыванию его национального суверенитета вовне.

Данный тезис не лишён оснований. Последнее десятилетие XX в. было отмечено приватизацией значительной части государственной собственности, всё более тесной взаимозависимостью экономики европейских стран в рамках интеграционных структур, волной слияний мощных транснациональных корпораций, стимулируемой глобализацией мирового информационного пространства. Руководящим органам европейских организаций, особенно Евросоюза, передаются многие полномочия, являвшиеся прежде

* Европа: вчера, сегодня, завтра / Институт Европы РАН; редкол. РАН: Н.П. Шмелёв (пред.) и др.; отв. ред. Н.П. Шмелёв. М., ЗАО «Издательство «Экономика», 2002. – 823 с. – С. 61-106.

исключительной компетенцией национальных правительств и парламентов. Решениям этих органов (Комиссии, Совета Министров, Европарламента, Европейского Суда) отдаётся приоритет перед нормами права стран – участниц ЕС, они принимаются всё чаще не консенсусом, а большинством голосов. Одновременно происходит расширение прав выборных органов самоуправления на местах – на уровне регионов, земель, муниципалитетов, располагающих благодаря местным налогам немалыми собственными финансовыми средствами.

Наконец, внутри европейских стран растёт влияние автономных от государства частных ассоциаций, а вне их – международных неправительственных организаций самого различного профиля: предпринимательских, профсоюзных, фермерских, экологических, правозащитных, культурных, конфессиональных и т.д. «Группы давления» не только лоббируют интересы своих членов в национальных парламентах и администрации, в органах Евросоюза, но и служат автономными рамками экономической, политической, культурной жизни.

Роль таких ассоциаций, составляющих в условиях плюралистической демократии ткань гражданского общества, многократно увеличивается влиянием «четвёртой власти» – средств массовой информации, формирующих общественное мнение и во многом определяющих результаты выборов на всех уровнях.

Все эти факты побуждают некоторых аналитиков делать вывод о том, что Европа начала XXI в. стоит на пороге «нового Средневековья». Речь идёт, разумеется, не о возврате к религиозному фанатизму и обскурантизму. Дело в том, что средневековая Европа не состояла ещё из национальных государств (само слово «нация» родилось только в эпоху Великой Французской революции 1789 г.), а была конгломератом рыхлых, слабо связанных узами вассалитета феодальных образований. В их состав входили разные языковые и этнические общности, границы постоянно менялись вследствие междоусобных войн или династических браков.

Не меньшую роль играло и формирование центров ремесленного производства типа Северной Италии, Фландрии, обменивавших свои товары через общеевропейские торговые пути, которые пересекали государственные границы. В итоге появлялись регио-

нальные полюсы экономического развития, не совпадавшие с территориально-политической конфигурацией государств: «В Европе и Северной Америке эрозия государства происходит сверху и через Европейский союз, и в результате появления таких процветающих торговых районов, как Каталония в северо-восточной Испании и Каскадия в северо-западной части Тихого океана, связывающая воедино Сиэтл и Ванкувер. Вместе с тем в большей части “третьего мира” эрозия государства происходит снизу вследствие бурного роста численности населения, недостатка ресурсов и скваттерского захвата земель, подрывающего власть правительств. Этот процесс усугубляется миграцией рабочей силы, нанимаемой транснациональными корпорациями, потоками экспатриантов и беженцев», – пишет американский политолог Роберт Каплан³⁴.

В восточной части Европы дают о себе знать одновременно обе отмеченные тенденции, причём последняя выливается зачастую в кризисы многонациональных государств, раздираемых межэтническими и межконфессиональными конфликтами. Распад таких государств происходит, в частности, под влиянием контрастов между уровнями экономического развития составляющих их регионов. Например, в 1991 г. выход Словении и Хорватии из СФРЮ, положивший начало процессу распада федеративного югославского государства, во многом объяснялся нежеланием сепаратистов делиться своим относительным материальным благополучием с более бедными республиками страны и облегчить своё вступление в Евросоюз. Вековые ссоры между православными, католиками и мусульманами играли при этом лишь роль детонатора центробежных сил, приглушавшихся ранее авторитарным режимом Тито, но прорвавшихся наружу после его смерти. Та же причина во многом предопределила распад Чехословакии.

Аналогичные явления наблюдаются и в ряде западноевропейских государств: в Северной Ирландии, испанской Стране Басков и Каталонии, в Бельгии между фламандцами и валлонами, на Корсике, в Бретани, в Италии.

³⁴ Каплан Роберт. Грядёт средневековье. Эрозия национальных государств. Новое время, № 33, 1998.

Конфликт между принципами территориальной целостности суверенных европейских государств, неприкосновенности их границ, невмешательства во внутренние дела, с одной стороны, и правом наций на самоопределение, с другой, родился не вчера. В XIX в. явно преобладал последний – наполеоновские войны, объединение Германии и Италии, освобождение народов Балкан от турецкого владычества оказали огромное влияние на весь комплекс международных отношений в Европе. В XX в. национальные проблемы способствовали развязыванию войн, итогом которых стало крушение Австро-Венгерской, Османской, Российской империй. Отсюда вытекали концепции преодоления этнических антагонизмов в Европе путём демонтажа национального суверенитета составляющих её государств, растворения их в наднациональных структурах – экономических, политических и даже военных.

Классическое определение государственного суверенитета как исключительной компетенции государственной власти в пределах её территории, сформулированное ещё в XVI в. французским юристом Жаном Боденом и закреплённое Вестфальским договором 1648 г., бесспорно нуждается сегодня в определённых коррективах. После окончания холодной войны международные конфликты возникают, как правило, внутри отдельных стран, вызывая вмешательство мирового сообщества. В наши дни суверенитет государств может ограничиваться принимаемыми ими на себя обязательствами или делегироваться в определённых рамках международным организациям на основе добровольно подписанных и ратифицированных национальными парламентами договоров.

Вместе с тем концепции К. Охмэ о «конце национального государства», М. Мак-Лугана о «мировой деревне» или Н. Элиаса о «мировом обществе», стирающие всякую грань между внутренней и внешней политикой, не выдерживают критики, особенно в Европе. Эрозия суверенитета европейских государств никоим образом не означает, будто они вообще сходят с исторической сцены, уступая место Соединённым Штатам Европы, вокруг лозунга которых кипели ожесточённые споры на протяжении всего XX в. Национальный суверенитет для подавляющего большинства ев-

ропейцев был и остаётся единственным источником легитимности любой публичной власти, независимо от её формы и природы (монархической или республиканской, демократической или авторитарной). Никакая международная структура такой легитимностью не обладает, что жёстко лимитирует эффективность принятия ею политических решений. Несмотря на то что европейские границы становятся всё более прозрачными, особенно в Шенгенском пространстве, любая их ревизия по-прежнему чревата взрывоопасными последствиями. Да и иммиграционная политика большинства стран Европы скорее ужесточается, чем либерализуется.

Чем больше расширяется состав Евросоюза, тем сложнее оказывается поиск равновесия между наднациональными, федеративными и межгосударственными, конфедеральными принципами функционирования его институтов. «Государство-нация остаётся наиболее эффективным и действенным органом самоуправления сообщества людей, объединённых совместной историей и единой культурой, то есть иными словами, для нации, – подчёркивает У. Пфафф. – Добровольное сообщество типа Европейского союза является чем-то новым в современной истории, хотя у него есть средневековые прецеденты. Однако оно остаётся лишь инструментом своих участников. Они могут объединять свой суверенитет в некоторых областях, но сохраняют право вновь вернуть его себе... Некролог государства-нации ещё далеко не написан»³⁵.

Столь же иллюзорны концепции растворения государств Европы в гражданском обществе, которые в XIX в. отстаивали представители обоих основных течений европейской общественной мысли – либерализма и социализма.

Равенство граждан перед законом, ликвидация сословных привилегий, замена абсолютизма конституционной монархией или республикой, разделение властей, всеобщее избирательное право, светский характер государства и образования были основой политической программы либералов эпохи расцвета капитализма XIX в. Решительно осуждая этатистские меры, характерные для предыдущего, мануфактурного периода развития капитализма, –

³⁵ Pfaff William. Look again, the Nation-State Isn't going Away. International Herald Tribune, January 11, 2000.

поощрение государством отечественного производства, защиту им таможенными барьерами внутреннего рынка, создание монополий на заморскую торговлю, они выступали за последовательное проведение в жизнь основополагающего принципа фритредерства – *laissez passer, laissez faire*. Свобода торговли и предпринимательства, низкие налоги, минимум законодательных или административных (в том числе социальных) норм были символом веры европейского либерализма XIX в., оплотом которого являлась Англия, страна первой промышленной революции, «мастерская мира» и владычица морей. Для классических британских экономистов той эпохи государство должно было ограничиваться скромной ролью «ночного сторожа» – гаранта национальных интересов вовне, общественного порядка и правосудия, собственности и безопасности граждан внутри страны, предоставляя остальное благотворному действию «невидимой руки» рынка.

Со своей стороны приверженцы различных социалистических доктрин XIX в. от Сен-Симона, Фурье, Оуэна до Маркса были твёрдо убеждены в том, что любое, даже самое демократическое государство лишь охраняет имущественные права буржуазного меньшинства, способствуя эксплуатации трудящегося большинства. Упразднение частной собственности на средства производства должно было сделать любое государство излишним: в бесклассовом обществе будущего управление людьми сменится управлением вещами, которое-де окажется настолько простым, что с ним сможет легко справиться «любая кухарка». В итоге государство изживёт себя и отомрёт.

Жизнь развеяла мечты адептов обеих этих доктрин – бóльшая часть XX в. прошла в Европе под знаком не ослабления, а беспрецедентного усиления роли государства во всех сферах жизни общества. Этому способствовали мировые войны, социально-экономические кризисы, революции, раскол континента на противоположные общественные системы, столкнувшиеся в непримиримом противоборстве.

Уже в ходе Первой мировой войны 1914–1918 гг. милитаризация экономики европейских стран навязала их правительствам принятие ряда мер, шедших вразрез с канонами экономического либерализма: подчинение производства нуждам фронта через обя-

зательные казённые заказы, централизованное распределение сырья и энергоресурсов, административное регулирование цен и зарплаты, рационализация продовольствия и товаров первой необходимости, мобилизация рабочей силы не только в армию, но и в промышленность.

Одновременно обстановка военного времени вызвала даже в самых демократических европейских странах жёсткое ограничение гражданских прав. Цензура ограничила свободу печати, военная юстиция – неприкосновенность личности, забастовки и демонстрации были запрещены, антивоенные политические партии и пацифистские движения поставлены вне закона.

Современникам могло казаться, что эти чрезвычайные меры, продиктованные военным положением, являются сугубо временными и с окончанием войны отпадут. Отчасти так и произошло, но далеко не всегда и не везде. Небывалые бедствия войны, в которую было втянуто большинство населения стран-участниц не только на фронте, но и в тылу, её катастрофические последствия вызвали глубочайший социально-экономический и политический кризис. Он особенно болезненно затронул побеждённые государства – Россию, Германию, Австро-Венгрию, Оттоманскую империю, чьи режимы были сметены революциями. Пришедшие им на смену демократические республики оказались недолговечными, уступив место тоталитарным или авторитарным диктатурам.

Феномен европейского тоталитаризма изучали на Западе столь видные политологи, как Х. Арендт, Э. Эссе, К. Фридрих, К. Брахер, М. Лукс, М. Кертис, Р. Арон, Ж.-Ф. Ревель. В конце 1980-х и в 1990-е гг. дискуссия на эту тему развернулась и в России, где в ней приняли участие А.А. Галкин, Э.В. Самойлов, А.М. Салмин, Ю.И. Игрицкий, М.Б. Корчагин, Б.С. Орлов. На первый план в ней выдвинулся вопрос о качественном различии или фундаментальном сходстве «левых» и «правых» разновидностей тоталитаризма. Немалое влияние на эту полемику оказали литературно-публицистические антиутопии ряда талантливых европейских писателей 1930–1940-х гг. – Е. Замятина, О. Хаксли, Дж. Оруэлл. Сейчас, когда проблема тоталитаризма приобрела в основном ретроспективный характер, появилась возможность для более взвешенных её оценок.

С идеологической, ценностной точки зрения коммунизм и фашизм (точнее его наиболее законченная форма – германский нацизм) бесспорно выглядят антиподами. Первый апеллировал к гуманистическим ценностям интернационализма, к социальной справедливости, общему благу, второй проповедовал национальную исключительность, расовое превосходство, ницшеанский идеал «сильной личности». Один требовал ликвидации частной собственности, другой провозглашал себя самым надёжным её защитником. Коммунисты призывали довести классовую борьбу до конца, ликвидируя буржуазию и создавая бесклассовое общество, фашисты – примирить классы в рамках корпоративных структур во имя национального и имперского величия.

Вместе с тем и коммунизм, и фашизм, несмотря на глубокие идеологические различия, вышли из «одной шинели» – военной. Мобилизационная государственно-монополистическая экономика, свёртывание политической демократии во время войны послужили образцом как для «левого» казарменного социализма советского образца, так и для корпоративной системы «правых» тоталитарных диктатур с принудительным картелированием частного сектора, упразднением профсоюзов, запретом забастовок. Для обоих видов тоталитаризма общепринятые этические категории полностью исключались – моральным объявлялось только то, что способствовало решению политических задач.

Неудивительно, что средства достижения даже, казалось, противоположных целей у обоих оказывались достаточно сходными. Главным из них являлась централизованная бюрократическая машина государства, построенного по строго иерархическому вертикальному принципу. Стержнем вездесущего и всеильного государства служила дисциплинированная единая партия во главе с вождём, окружённым безудержным культом и располагавшим неограниченной властью. Эта партия устраняла со сцены всех своих конкурентов, включая потенциальных (в том числе инакомыслящих в собственных рядах), с помощью тотальной слежки, концлагерей и кровавого террора всеильной политической полиции. Монополизировав средства массовой информации, поставленные на службу пропаганде официальной идеологии, правящая партия подчиняла себе все без исключения структуры граждан-

ского общества, заменяя их своими филиалами. Общим знаменателем для всех видов тоталитаризма оказывалась ликвидация гражданских свобод, разделения властей, правового государства.

Этатистская тенденция проявлялась в Европе на протяжении XX в. не только в предельно концентрированной тоталитарной, но и в относительно более умеренной авторитарной форме. Авторитарные режимы, как традиционалистские, так и модернистские, провозглашавшие своей целью «наведение порядка» в стране и предотвращение катастрофических революционных потрясений, чреватых анархией, сохраняли формальный декорум выборных институтов, избегали ломки старого госаппарата, терпели существование некоторых традиционных институтов гражданского общества, порой даже оппозиционных партий и печати. Однако деятельность последних подчинялась жёсткому контролю сверху, а вся полнота реальной власти сосредоточивалась в её исполнительной ветви, опиравшейся на силовые структуры – армию, полицию, спецслужбы, которые без колебаний пускали в ход насилие против любой попытки подлинной демократизации.

Авторитаризм нередко оказывался промежуточной, переходной формой политического режима, рано или поздно уступая место либо тоталитарной диктатуре, либо плюралистической демократии. Примером первого варианта могут служить Италия 1920-х гг., страны «народной демократии» в Центральной и Восточной Европе 1945–1948 гг.; второго – Испания времён позднего франкизма, Греция конца 1960-х – начала 1970-х гг., Венгрия и Польша после событий 1956 и 1981 гг. (авторитарные режимы в Латинской Америке, Азии, Африке, как правило, военные диктатуры, имеют собственную специфику, далеко не всегда совпадающую с их аналогами в Европе).

Наконец, даже в самых либеральных странах Западной Европы между двумя мировыми войнами и в первые годы после Второй мировой войны также наблюдались сильные этатистские тенденции. Великая депрессия 1929–1933 гг., хозяйственная реконструкция после окончания военных действий, милитаризация экономики, гонка вооружений в период холодной войны требовали широкого использования государственных рычагов для мобилизации средств и сосредоточении их на ключевых стратегических

направлениях. Расширился сектор национализированной госсобственности, кое-где даже функционировала система индикативного планирования. Необходимость смягчения напряжённости в обществе способствовала созданию разветвлённой системы социальной защиты, во многом использовавшей опыт соцстран.

Перелом наметился только в последней четверти прошлого столетия. Разгром держав «оси» в ходе Второй мировой войны нанёс по «правому» тоталитаризму сокрушительный удар, от которого он уже не оправился. Хотя этим воспользовался СССР, который установил силой своё господство в странах Центральной и Восточной Европы, навязав им режимы советского типа, «левый» тоталитаризм также не выдержал испытания временем. Подточенный системным кризисом экономики, идейным склерозом, одряхлением номенклатурных элит, он рухнул под давлением растущего недовольства внутри общества и холодной войны извне.

Если тотальное огосударствление частной собственности, диктуемое идеологическими догмами и необходимостью модернизации средств в военное время, ушло из Европы в прошлое, удельный вес публичного и частного секторов в экономике современной Европы колеблется в широком диапазоне. То же относится к выбору государствами оптимальной экономической политики их правительств и центробанков, колеблющихся между либерал-модернизмом и неоконсерватизмом.

Политический авторитаризм оказался более живучим. Социальные издержки, контрасты уровней экономического развития, трудности перехода к рынку, инерция исторических традиций и психологических стереотипов, наконец, неудачи попыток механического копирования западных моделей способствовали формированию более или менее авторитарных режимов во многих государствах постсоветского пространства, а отчасти и за его пределами. Речь идёт о т.н. «нелиберальных демократиях», в конституциях которых закреплены основные принципы народовластия – разделение властей, формирование законодательных органов путём свободных выборов, гарантии гражданских свобод и прав человека.

Однако на практике эти принципы в значительной мере выхолащиваются органическим сращиванием власти и собственности,

контролем «партий власти» над ключевыми звеньями бюрократического аппарата, включая юстицию, их влиянием на СМИ и т.д. (т.н. «клановый капитализм»).

На этом фоне цель формирования единого экономического и правового пространства континентального масштаба, выдвинутая в конце XX в. с распадом биполярного мира, отодвигается в неопределённое будущее³⁶.

Ключевым звеном развития европейского общества является человеческий фактор. Наука, образование, здравоохранение, демографическая политика, борьба с безработицей и нищетой, обустройство территории, градостроительство требуют самого пристального внимания государства. Несмотря на кризис «государства всеобщего благоденствия» (Welfare State), сложившегося в первые послевоенные годы, внебюджетные социальные расходы через общественные фонды всё ещё составляли в странах Евросоюза в 1996 г. в среднем 26,6% ВВП, а в ряде государств были ещё выше – в Швеции 34,8%, Нидерландах 30,9, Франции – 30,8, Германии – 30,5%.

Ограниченность территории и ресурсов Европы, высокая плотность её населения по сравнению с другими континентами делают её особо уязвимой для глобальных вызовов, с которыми столкнулось человечество на пороге третьего тысячелетия н.э. Речь идёт о сохранении окружающей среды, борьбе с международным терроризмом, торговлей наркотиками, организованной преступностью, этническим и религиозным экстремизмом. Здесь европейским государствам, всё теснее согласующим свои действия на международном уровне, принадлежит решающая роль, ибо только публичная власть располагает монополией на разработку соответствующих правовых норм и принуждение к их соблюдению: вооружёнными силами, судебной системой, правоохранительными органами, спецслужбами. Эти т.н. «королевские права» государства (*les droits régaliens*), которые при тоталитарных режимах превращаются в орудия полицейского произвола, в условиях демократии служат необходимой гарантией прав человека и гражданских свобод.

³⁶ Fareed Zakaria. *The Future of Freedom*. S.S. Norton and C°, Washington, 2003.

Иными словами, государство в современной Европе не возвращается ни к роли «ночного сторожа», о чём мечтали либералы XIX в., ни к подчинению общества бюрократии, характерному для тоталитарных режимов XX в., а ищет синтез между порядком и свободой, равенством и справедливостью, абсолютным суверенитетом и международным сотрудничеством. Постепенно сокращая ряд своих безмерно расширившихся социально-экономических функций, передавая их гражданскому обществу или международным организациям, государство берёт на себя ещё более значительные обязанности в том, что касается обеспечения безопасности личности, общества и нации. Речь идёт о том, чтобы надёжно гарантировать соблюдение закона всеми гражданами, обуздать преступность, проводить адекватную национальным интересам внешнюю и оборонную политику. А это предполагает выработку в экономике, политике, социальной сфере, на международной арене правил игры, приемлемых для всех участников, и справедливое разрешение споров между ними, в том числе в случае необходимости с применением силы.

В свою очередь, эффективное выполнение этих функций предполагает прозрачность процесса принятия государственных решений, чёткое распределение ответственности между всеми эшелонами вертикали власти, наконец, подотчётность носителей власти обществу через демократические выборы и представительные учреждения.

Разумеется, подобная идеальная схема является конечной целью, к которой государства XXI в. могут лишь стремиться. В реальной жизни адаптация их роли внутри отдельных стран, в интегрированных региональных организациях к новым реалиям происходит через постоянные дисбалансы. Исполнительная власть в большинстве случаев берёт верх над законодательной, в том числе в бюджетных вопросах. Гипертрофированный административный механизм разъедается коррупцией, борьба против которой сопровождается дискредитацией властных структур и втягивает судебную систему в политическую борьбу.

Острота этой борьбы определяется тем, что ставкой в ней оказываются не только власть и связанные с ней высокооплачиваемые престижные посты, но прежде всего влияние на законодатель-

ный процесс и принятие административных решений, от которых зависят бюджетная (т.е. налоговая) политика, кредитная сфера, социальные вопросы, иными словами, распределение огромных финансовых средств, проходящих через государственные каналы (37,5% ВВП в Германии, 44,9% в Италии, 46,1% во Франции и даже 53,3% в Швеции). Интересы соперничающих за более значительную долю в их разделе социальных групп так или иначе выражают политические партии. Поэтому дальнейшая эволюция роли государства в Европе во многом зависит от партийно-политических систем, также претерпевающих на рубеже XXI в. глубокие изменения.

Партийно-политические системы

В начале XXI в. эффективность партийно-политического механизма европейских государств оставляет желать лучшего. Она всё менее удовлетворяет рядовых граждан, что отражается в неуклонном падении активности на выборах и крайне слабом интересе к деятельности партий вне избирательных кампаний. Несмотря на высокие рейтинги отдельных харизматических политиков, результаты опросов общественного мнения почти повсюду говорят о нарастающем кризисе доверия европейцев к политическим элитам независимо от их политической принадлежности, а порой и к самим выборным институтам. Очевидно, что подобная ситуация чревата в более или менее отдалённой перспективе опасностью для демократии.

В основе этого кризиса лежат факторы двоякого рода – идейные и функциональные. Само понятие «партия» неразрывно связано в Европе с развитием парламентаризма, основой которого является процесс плюралистических выборов. Даже единые партии тоталитарных режимов стремились обеспечить свою легитимность организацией формальных «выборов» с едиными кандидатурами в сугубо декоративные законодательные институты или проведением плебисцитов.

Однако основной функцией таких партий являлись не избирательные кампании, а безраздельный контроль над государством и гражданским обществом извне и изнутри, если не их подмена, что требовало создания мощного, разветвлённого и строго дисципли-

плинированного партаппарата, из которого рекрутировались руководящие кадры для всех властных структур сверху донизу. Подобные аппараты, опиравшиеся на непартийные массовые организации (профсоюзные, молодёжные и др.), а иногда и на военизированные формирования, создавались уже в процессе борьбы за власть. Недаром раскол российских социал-демократов на большевиков и меньшевиков произошёл по организационным вопросам (обязанности членов партии, соотношения центра и нижестоящих инстанций, парламентских фракций или редакций партийных газет и партаппарата).

Сейчас, когда европейские тоталитарные диктатуры ушли в прошлое, а демократические партии концентрируют свою деятельность на подготовке выборов, их ядром служат фракции в парламентах и органах местного самоуправления. Вместе с тем партийные структуры сохраняются и вне выборных учреждений, решая пропагандистские и организационные задачи, особенно в период пребывания в оппозиции. В данной связи европейские партии принято делить на «массовые», стремящиеся иметь значительное число рядовых членов, и «кадровые», которые ограничиваются сравнительно небольшим активом, состоящим главным образом из профессиональных политиков. Первый вариант больше присущ левым, второй – правым. Судя по всему, в конце XX – начале XXI вв. кадровые партии становятся правилом, а массовые – исключением, что объясняется атомизацией постиндустриального общества, усилением индивидуализма, ролью СМИ.

Родиной политических партий, в современном смысле этого слова, является «мать парламентов» – Англия, где уже в XVIII в. тори (консерваторы) и виги (либералы) боролись на выборах за места в палате общин. Первые выражали тогда интересы землевладельческой аристократии, вторые – городской торгово-промышленной буржуазии, а соперничество между ними концентрировалось на таких вопросах, как соотношение прав парламента и королевской власти, выборной палаты общин и наследственной палаты лордов, избирательная система, политика протекционизма или свободы торговли.

На континенте партии начали формироваться значительно позднее – во время Великой Французской революции 1789 г. До

неё этот термин применялся лишь к феодально-династическим кланам, боровшимся за престол, к соперничавшим религиозным течениям христианства (католики, протестанты) или придворным камарильям, которые добивались благосклонности монарха. В ходе заседаний французских Генеральных Штатов впервые появилось деление на правых и левых, закреплённое впоследствии за более или менее радикальными революционными клубами (кордельеры, фельяны, жирондисты, якобинцы). С тех пор оно стало общепринятым.

В середине XX в. известный политолог Ф. Гогель определил правых как защитников существующего порядка, а левых как сторонников «движения», т.е. прогрессивных реформ. Правоконсервативные партии придерживались традиционалистских ценностей защиты закона и порядка, семьи и собственности, религии и нации, выступая под авторитарно-патриотическим флагом; левые отстаивали идеи демократии, республики, социальной справедливости, мира между народами.

После Октябрьской революции 1917 г. в России, осуществлённой под руководством ленинской «партии нового типа», и особенно после Второй мировой войны этот водораздел приобрёл новые критерии. Главным из них стало отношение к СССР, его внутренней и внешней политике, режимам «реального социализма», созданным по советскому образцу в странах Центральной и Восточной Европы, где власть сосредоточилась в руках целиком контролируемых Москвой компартий (сохранившиеся там некоммунистические партии играли сугубо формальную роль безгласных статистов). На протяжении четырёх десятилетий холодной войны антикоммунизм и «атлантизм» решающим образом определяли расклад политических сил в Западной Европе – даже там, где местные компартии оставались мелкими сектами. «Системными» партиями прочно стали тогда социал-демократы или лейбористы слева, христианские демократы, либералы и консерваторы справа, причём и те и другие единодушно поддерживали НАТО и евростроительство. Даже там, где западноевропейские компартии пользовались немалым влиянием, собирая на выборах до $\frac{1}{3}$ голосов, они оставались в «политическом гетто», исключавшем участие в правительствах.

Падение в 1989 г. берлинской стены, «бархатные революции» в странах советского блока, распад СССР круто изменили ситуацию. Влияние компартий резко упало, они либо трансформировались в разновидность левой социал-демократии, принимая участие в левоцентристских коалиционных кабинетах (Италия, Франция, Бельгия, Венгрия), либо были вытеснены на обочину политической жизни.

Лозунги революционного свержения капитализма остались уделом маргинальных внепарламентских группировок – троцкистов или анархистов. Их экстремистские фракции создали в 1970–1980-х гг. в ФРГ, Франции и Италии нелегальные террористические организации типа итальянских «Красных бригад» или западногерманских «Фракций Красной армии», сравнительно быстро обезвреженные полицией.

К методам террора прибегают до сих пор подпольные группировки национал-сепаратистов в испанской Стране Басков (ЭТА), Северной Ирландии (ИРА), на Корсике, создавшие в своих регионах атмосферу ползучей гражданской войны. Однако их влияние остаётся сугубо локальным, тогда как умеренные националисты ограничивают свои требования расширением местной автономии и включаются в политическую жизнь соответствующих государств (каталонцы в Испании, шотландцы и уэльсцы в Великобритании, шведы в Финляндии, бретонцы или эльзасцы во Франции и т.д.).

Более прочные позиции на крайне левом фланге политического спектра многих европейских стран заняли движения защитников окружающей среды. Кое-где «зелёные» превратились в партии, которые привлекают значительную часть левого электората требованиями не только экологического, но и политического, в частности, пацифистского характера. В конце 1990-х гг. их представители вошли в состав левоцентристских правительств таких крупных государств, как Франция и Германия.

Доминирующее положение в левом секторе европейских политических партий отныне прочно заняли социал-демократы. Взяв верх в вековом споре с коммунистами, оттеснив либералов вправо, социал-демократия оказалась единственной «системной» альтернативой господству правых консерваторов. Посткоммунистические левые партии стран Центральной и Восточной Европы

поспешили примкнуть к Социнтерну. Исключением являются лишь государства постсоветского пространства, где социал-демократическое движение остаётся пока раздробленным и маргинальным, а левый фланг занимают преемницы коммунистических партий времён тоталитарного режима. Однако и в их рядах идут процессы постепенной внутренней дифференциации между сторонниками возврата в прошлое и превращения в своего рода институционную «оппозицию её величества», если не врастающая в структуры нового режима вплоть до участия в правительстве.

Если в 1980-е и начале 1990-х гг. в большинстве стран Западной, а после крушения СССР и Восточной Европы у власти стояли правые партии (консерваторы, либералы, христианские демократы), то с середины 1990-х гг. ситуация изменилась. В XXI в. Европа вступила «левой ногой»: в 11 из 15 стран-участниц правительства возглавили социалисты, социал-демократы или лейбористы, в том числе в трёх крупных западноевропейских державах – Великобритании, Германии, Франции. Ещё в двух они принимали участие в коалиционных левоцентристских кабинетах. Однако эти внушительные успехи не могут скрыть давно разъедающий европейскую социал-демократию изнутри кризис идентичности, который затрагивает сами основы её традиционного кредо.

Изначально спор между социал-демократами и коммунистами шёл о формах и методах борьбы за социализм, её тактике, принципах построения партии (реформа или революция, парламентская демократия или диктатура пролетариата, оппозиция буржуазным правительствам или участие в них, фракционный плюрализм или демократический централизм). К концу XX в. столетия этот спор был решён самой жизнью: итоги существования режимов советского образца наглядно доказали, что путь, избранный в начале века партией большевиков, зашёл в тупик.

Вместе с тем, крах тоталитаризма лишил социал-демократов важнейшего компонента их прежней политической платформы: социал-демократы утратили возможность претендовать на выигрывающую роль главных защитников демократии, ставшей общим знаменателем всех сколько-нибудь влиятельных политических сил Европы, в том числе правых.

К началу XXI в. политические аспекты программных доку-

ментов европейских социал-демократов ограничиваются частичными реформами, касающимися совершенствования демократических институтов и т.н. «проблем общества» (обеспечение плюрализма СМИ, независимости судебной власти, реальное равноправие женщин, защита прав человека, дискриминируемых национальных и сексуальных меньшинств, борьба против расизма и антисемитизма и т.д.). В этой сфере отличие их от умеренных правых партий либерального толка становится всё менее очевидным.

Одновременно европейская социал-демократия столкнулась с гораздо более серьёзной проблемой. В прошлом сама идея социализма не вызвала сомнений – она сводилась прежде всего к замене частной собственности на средства производства общественной. Теперь речь идёт не столько о выборе оптимальных средств достижения этой конечной цели – перехода от капитализма к социализму, сколько о сути самого социализма, понятие которого становится всё более зыбким, туманным, противоречивым.

Неутешительные результаты тотальной национализации частной собственности и создания административно-командной системы централизованного планирования в бывшем СССР, странах Центральной и Восточной Европы убедили социал-демократов в том, что альтернативы рыночной экономике не существует. О том же говорил опыт их собственной деятельности в правительствах западноевропейских стран, который выбивал почву из-под основополагающего марксистского тезиса об обобществлении частной собственности на средства производства как необходимом условии перехода к более справедливому и процветающему обществу. К началу XXI в. социал-демократические партии Европы не только отказались от национализации, но и взяли курс, вслед за своими правыми конкурентами, на приватизацию основных отраслей промышленности и банков, ограничив госсектор главным образом малорентабельными или убыточными общественными службами.

Между тем, по мере снижения доли промышленного рабочего класса в социальной структуре постиндустриальных обществ и неуклонного роста средних слоёв, занятых главным образом в сфере услуг, распространении среди них через инвестиционные, страховые, пенсионные фонды акционерной формы собствен-

сти голоса именно этих слоёв всё больше определяют отныне исход любых выборов. Концентрация на уровне финансовых групп сопровождается тенденцией к рассредоточению производства среди сотен тысяч динамичных мелких и средних предприятий, идущих зачастую в авангарде технического прогресса и создающих основную массу рабочих мест.

В таких условиях европейская социал-демократия оказалась перед необходимостью коренной переоценки прежних ценностей. Уже в 1959 г. на съезде СДПГ в Бад-Годесберге западногерманские социал-демократы объявили об окончательном разрыве с марксизмом. Ещё дальше пошли британские лейбористы, для которых марксистская идеология всегда была чуждой. Т. Блэйр, который возглавил лейбористскую партию во второй половине 1990-х гг. и привёл её к власти после долгого господства консерваторов, призвал к переходу на «третий путь» между традиционной социал-демократией и либерализмом.

Его поддержал лидер СДПГ Г. Шрёдер, который после 18-летнего пребывания германских социал-демократов в оппозиции стал канцлером ФРГ под лозунгом «нового центра». 8 июня 1999 г. они опубликовали перед очередными выборами в Европейский парламент программный документ, ставший своего рода манифестом «социал-либерализма». «Идея о том, что государство должно исправлять недостатки рынка и компенсировать связанные с ним убытки, слишком часто вела к безмерному расширению прерогатив государства и, следовательно, к бюрократии. Равновесие между индивидуальным и коллективным было нарушено. Близкие сердцу граждан ценности – личный успех, дух предприимчивости, персональная ответственность и чувство принадлежности к сообществу слишком часто считались второстепенными по отношению к социальным мерам, касающимся всего населения», – подчёркивали авторы³⁷.

Хотя вплоть до конца XX в. европейская социал-демократия, формально не отказывалась от социалистического идеала, её задачей провозглашалась не борьба классов вплоть до свержения ка-

³⁷ Blair-Schroder. Le texte du manifeste. Les analyses critiques. Les notes de la Fondation Jean-Jaures. № 13, 1999. P. 18.

питализма, а их партнёрство ради постепенного улучшения существующего общества с помощью реформ в рамках демократического государства, призванных если не устранить полностью, то хотя бы смягчить несправедливости рыночной экономики. Через систему обязательного соцстраха государство гарантировало минимальную зарплату, боролось с безработицей и бедностью, удовлетворяло нерентабельные общественные потребности путём перераспределения ВВП через налоговую систему.

Эти цели достигались долгое время с помощью неокейнсианской политики повышения темпов экономического роста за счёт финансирования общественной инфраструктуры, увеличения спроса, не исключая использования инфляционных методов и бюджетного дефицита ради решения проблемы занятости. Налицо был по существу возврат социал-демократов к лозунгу основателя ревизионистского течения II Интернационала начала XX в. Э. Бернштейна: «Движение – всё, конечная цель – ничто», решительно осуждённого тогда марксистскими ортодоксами от К. Каутского и А. Бебеля до Г.В. Плеханова и, разумеется, В.И. Ленина.

Однако уже к началу 1980-х гг. «шведская модель» социализма, с наибольшим успехом использовавшаяся скандинавскими социал-демократами, начала исчерпывать себя. Дефицит бюджета вёл к разбуханию госдолга и сохранял высокую инфляцию, демографическая динамика – к сокращению рождаемости. Рост средней продолжительности жизни нарушал баланс между самодеятельным населением и иждивенцами, ухудшая финансовое положение системы социальной защиты. Результатом оказывались утяжеление бремени налогов и обязательных отчислений от прибылей предприятий в фонды соцстраха, утечка капиталов за рубеж, стагнация инвестиций и темпов роста производства и, следовательно, рост безработицы, уровень которой в странах Евросоюза достиг к концу 1990-х гг. в среднем 10-12% самостоятельного населения.

Авторы манифеста Блэра–Шрёдера уверяли, что в их глазах такие ценности, как социальная справедливость, свобода и равенство шансов, солидарность и ответственность перед другими людьми, являются «вечными», которые социал-демократия не принесёт в жертву никогда. Однако в современном мире, подчёркива-

ли они, социал-демократическая политика требует далеко идущей модернизации с учётом новых реалий XXI в.

Смысл её заключается в том, чтобы не подменять деятельностью правительств через госсектор частные предприятия, а всячески поддерживать их, положить конец отождествлению социальной справедливости с уравнительностью в доходах, постепенно заменить или хотя бы дополнить перераспределительный принцип пенсионного обеспечения накопительным, решительно сократить расходы бюджета, облегчив налоговое бремя и снизив тем самым издержки производства, стимулировать инвестиции, повысить конкурентоспособность европейской продукции на внутреннем и внешнем рынках. Только так, считали они, можно положить конец инфляции, бьющей, прежде всего, по интересам наименее обеспеченных слоёв, добиться устойчиво высоких темпов экономического роста, решить главную социальную проблему Европы – проблему безработицы – не путём административной гарантии занятости, а напротив, приданием большей гибкости трудовому законодательству.

Иными словами, речь идёт о переходе от неокейнсианства с его приоритетом спроса к либерал-монетаризму, отдающему первенство предложению. Столь радикальная смена вех оправдывается ссылками на пример «новой экономики» США, переживших на протяжении 1990-х гг. беспрецедентный экономический подъём без инфляции и безработицы: за этот период в стране было создано 20 млн рабочих мест, производство и доходы выросли на четверть, а бюджетный дефицит сменился профицитом, который высвободил средства для значительных социальных программ помощи наиболее обездоленным слоям населения.

Характерно, что основные идеи, содержащиеся в манифесте, были впервые озвучены 25 апреля 1999 г. на коллоквиуме в Вашингтоне, проведённом филиалом демократической партии США – Советом демократического руководства с участием как Т. Блера и Г. Шрёдера, так и американского президента Б. Клинтона, где авторы говорили о «новых демократах», «новых лейбористах», «новом центре».

Декларация лидеров британской лейбористской партии и СДПГ вызвала глубокое брожение в европейской социал-демо-

кратии. Ряд влиятельных её лидеров, в том числе О. Лафонтен, ушедший в знак протеста с поста председателя СДПГ, не только отказались присоединиться к этому документу, но и прямо осудили многие из содержащихся в нём тезисов. Основная претензия к ним сводилась к тому, что полный демонтаж государственного регулирования рыночной экономики усугубит такие органически присущие ей черты, как поляризация социальной структуры в ущерб среднему классу, усилит необеспеченность положения экономически уязвимых слоёв, подорвёт гарантии равенства в доступе к общественным услугам (образование, здравоохранение и т.д.). «Да» – рыночной экономике, «нет» – рыночному обществу», – заявил премьер-министр Франции социалист Л. Жоспен.

Позицию французов поддержали многие другие социалистические партии Южной Европы, которые в недалёком прошлом были вынуждены постоянно «оглядываться через левое плечо», учитывая конкуренцию влиятельных тогда компартий, других крайне левых группировок, и даже сейчас должны считаться с необходимостью поддержки ими коалиционных левоцентристских правительств. Давала о себе знать и прочная государственническая, дирижистская традиция, свойственная средиземноморским странам с их латинскими корнями, уходящими в писанное римское право, которая контрастировала с прагматичными подходами, издавна свойственными и англосаксам.

На очередном конгрессе Социнтерна в Париже 8-10 ноября 1999 г., где его председателем вместо француза П. Моруа был избран лидер португальских социалистов А. Гутьереш, двум течениям европейской социал-демократии удалось достичь компромисса. Спор между традиционалистами и «обновленцами» был временно приглушён. Но позиция последних, несмотря на их неудачи на местных, парламентских и европейских выборах, явно усиливает своё влияние, поскольку именно она лежит в основе политики левоцентристских правительств большинства государств Евросоюза.

Дрейф социал-демократии в сторону центра подтвердили результаты семинара «Прогрессизм XXI в.», проведённого во Флоренции 20-21 ноября 1999 г. по инициативе Европейского университетского института и Нью-Йоркского университета с участием

не только Т. Блера, Г. Шрёдера и Б. Клинтона, но также Л. Жоспена, тогдашнего итальянского премьера, «посткоммуниста» М. д'Алемы и бразильского президента Ф.Э. Кардозо. В июне 2000 г. в Берлине прошла конференция 14 социал-демократических партий под лозунгом «нового управления в XXI в.», в которой принял участие Б. Клинтон.

Таким образом, смещение влево оси партийно-политических систем большинства европейских стран во второй половине 1990-х гг. в значительной мере компенсируется обратной тенденцией – поправлением программ и особенно практической деятельности всех социал-демократических партий Европы, стоящих у власти.

Казалось бы, по логике вещей подобная тенденция объективно шла на пользу правому флангу европейского политического спектра: коль скоро идеи и политику правых в той или иной мере вынуждены были брать на вооружение их левые конкуренты, это толкало избирателя к естественным защитникам правых ценностей. Кое-где правые партии действительно сумели воспользоваться «моральным износом» левых и вернуться к власти в Испании, Австрии, Польше, Венгрии, Болгарии, Румынии.

Однако «консервативная революция» М. Тэтчер, под знаком которой прошли 1980-е гг., к началу XXI в. не повторилась. Это объясняется не столько притягательностью изрядно девальвированных левых ценностей, сколько морально-политическим кризисом самих правых. Его истоки относятся ещё к концу 1940-х гг., когда классические правоконсервативные партии оказались «рикошетом» дискредитированными в связи с крушением ультраправых тоталитарных режимов держав «оси». Прибежищем для консерваторов в странах континентальной Западной Европы, особенно католических, тогда стали партии христианско-демократического толка – Народно-республиканское движение (МРП) во Франции, Христианско-демократическая партия (ХДП) в Италии, Христианско-демократический союз (ХДС), выступавший в блоке с более консервативным баварским Христианско-социальным союзом (ХСС) в ФРГ. Аналогичное положение сложилось в Австрии, Бельгии и т.д.

В отличие от традиционных правоконсервативных партий христианские демократы в принципе признавали ограниченную роль

государства в «социальной рыночной экономике», необходимость создания системы соцстраха путём реформ в духе доктрины, сформулированной ещё в конце XIX в. в энцикликах папы Льва XIII. Это была не только тактика, вызванная стремлением перехватить у левых популярные лозунги (в ФРГ, например, ХДС немало способствовал участию профсоюзов в управлении предприятиями).

Выдвинув из своей среды столь крупных государственных деятелей европейского масштаба, таких как К. Аденауэр, Л. Эрхард или Г. Коль в ФРГ, А. де Гаспери, А. Моро или А. Фанфани в Италии, христианские демократы сыграли значительную роль в восстановлении и модернизации экономики своих стран, преодолении ими последствий поражения во Второй мировой войне, развитии евростроительства. Тем не менее, со временем долгое пребывание у власти привело к всё более заметному «моральному износу» их наследников. Прибрав к рукам основные рычаги государственной власти и связанные с этим материальные выгоды, они погрязли в коррупции, дискредитировав в какой-то мере саму идею христианской демократии. В ходе антикоррупционной кампании «Чистые руки» в Италии, вскрывшей тесные связи верхушки ХДП с мафией, христианские демократы были по существу сметены с политической арены страны, хозяевами которой они оставались полвека. К концу 1990-х гг. была отброшена в оппозицию и ХДС-ХСС, а её лидер Г. Коль, несмотря на заслуги в объединении Германии, оказался дискредитированным громким скандалом в связи с незаконным финансированием его партии.

Со своей стороны либералы, давно перекочевавшие из левого в правый центр, оставались принципиально враждебными вмешательству государства в экономику, в том числе в социальные дела, по-прежнему выступая за его последовательную политическую демократизацию – расширение прав парламента, выборных органов местного самоуправления, децентрализацию, строгое разделение властей. Коль скоро, однако, на аналогичные позиции перешли многие консервативные партии, поднявшие вслед за М. Тэтчер в Великобритании 1980-х гг. знамя ультралиберализма, то влияние традиционных «чистых» либералов резко снизилось. Потеряв вместе с монополией на либеральные ценности значительную часть своего традиционного электората среди городской бур-

жуазии, лиц свободных профессий, они оказались обречёнными на роль «довесков» христианских демократов или консерваторов в правоцентристских коалициях, вне которых они рисковали полностью маргинализироваться и уйти из политической жизни. В таком положении оказались британские либералы, слившиеся с умеренной фракцией лейбористов, германские «Свободные демократы», французские радикалы, расколовшиеся в конце концов на две мелкие партии, одна из которых примкнула к союзу левых сил с социалистами и коммунистами, тогда как другая влилась в либерально-центристский «Союз за французскую демократию» (СФД).

Разумеется, базовые консервативные ценности – защита закона и порядка, семьи и собственности – остаются неотъемлемой частью символа веры любой европейской правой партии, точно также как бескомпромиссная враждебность «коллективизму». Однако такой фундаментальный аспект традиционной правой идеологии, как национализм, некоторое время оставался в тени. Запятнанный воспоминаниями о преступлениях фашистских диктатур в годы Второй мировой войны, он был к тому же плохо совместим с интеграцией стран Западной Европы в атлантические и европейские структуры, предполагавшей отказ от части национального суверенитета. Именно атлантизм и особенно европеизм служили в годы холодной войны краеугольным камнем блока христианских демократов с либералами и умеренными консерваторами.

Сплав традиционных национал-патриотических лозунгов с призывами восстановить авторитет государства путём расширения полномочий исполнительной власти, положив конец неустойчивости правительств, впервые осуществил генерал де Голль во Франции. Основанные им партии – «Объединение французского народа» (РПФ) в 1947–1953 гг., затем «Союз за новую республику» (ЮНР), «Союз демократов за Пятую республику» (ЮД-V), наконец, «Объединение в поддержку республики» (РПР) в 1960–1990-е гг. стали крупной политической силой. Сумев прийти в 1958 г. к власти, голлисты осуществили радикальную реформу Конституции, возглавили правый лагерь и осуществляли в нём бесспорное лидерство как в большинстве, так и в оппозиции, оттеснив блок либералов с христианскими демократами на вторые роли.

Особенностью голлизма было то, что он, несмотря на определённые авторитарные тенденции, не ставил под вопрос основы плюралистической демократии и охотно прибегал поначалу к социал-реформистской фразеологии, привлекавшей часть «народного» электората. Однако лозунги «ассоциации капитала и труда» не получили сколько-нибудь ощутимого подкрепления в практической плоскости. Поэтому несомненные заслуги де Голля в решении назревших проблем деколонизации, модернизации экономики страны, укрепления её обороны и повышения престижа на международной арене не помешали острому социально-политическому кризису, потрясшему Францию в мае-июне 1968 г. и ускорило уход генерала с политической арены. После него неоголлистское движение, возглавленное Ж. Помпиду, затем Ж. Шираком, довольно скоро утратило свою прежнюю специфику, став одной из разновидностей правоконсервативных партий с креном к либерализму.

Если голлизм исторически вырос из движения Сопротивления гитлеровским оккупантам во время Второй мировой войны, восприняв многие его демократические и социальные идеи, то крайне правые ультранационалистические партии, возникшие во многих европейских странах, начиная с 1960-х гг., напротив стали прямыми наследниками нацизма и его коллаборационистских прислужников в оккупированных Германией европейских странах. Хотя проводить прямые исторические параллели было бы вряд ли корректно – ситуация в Европе после Второй мировой войны изменилась качественно, идейно-политическая и социальная преемственность между фашистскими движениями прошлого и их современными наследниками не подлежит сомнению.

Основой пропагандистского арсенала неофашистов, как и их предшественников, служит националистическая и расистская демагогия. Однако ныне она подпитывается новым явлением, свойственным Европе последней четверти XX в., – массовым притоком иностранной рабочей силы из стран «третьего мира» (турок – в Германии, Австрии, Швейцарии; арабов, африканцев, вьетнамцев – во Франции, Бельгии, Италии, Испании; индийцев и пакистанцев – в Англии и т.д.). Их численность достигает, по разным оценкам, 15-16 млн человек (5-6% самодеятельного населения).

Хотя иммигранты заняты на самых грязных, тяжёлых, низкооплачиваемых работах, обострение проблемы занятости после энергетических кризисов 1970-х гг. вызвало растущую межэтническую и межконфессиональную напряжённость в странах приёма, которая выливается порой в откровенную дискриминацию, сегрегацию и даже кровавые инциденты. Им способствует сосредоточение основной массы рабочих-иностранцев в пригородах крупных промышленных центров, становящихся рассадниками нищеты, болезней, наркомании, преступности. Отсюда требования ультраправых предельно ужесточить иммиграционную политику вплоть до принудительной высылки иностранцев, законодательно ввести «национальное предпочтение» при приёме на работу и т.д.

Расистские тенденции в отношении иммигрантов оживили старые антисемитские предрассудки, дали пищу попыткам отрицания фактов геноцида евреев во время Второй мировой войны или преуменьшения его масштабов.

Однако сводить феномен неонацизма в Европе начала XXI в. только к реакции на присутствие иммигрантов было бы неверно. Факты говорят о том, что ультраправые движения находят немало сторонников даже в тех регионах и государствах, где такое присутствие было прежде незначительным (например, в Австрии или Швейцарии). Дело в том, что крушение коммунистических режимов и упадок влияния компартий, с одной стороны, сближение идеологии и политики «системных» партий левого и правого центров, с другой стороны, создало определённый вакуум для протестного электората, которым и воспользовались ультраправые.

Праворадикальные популистские партии отвергают ценности обоих основных политических течений современной Европы – как социализма, так и либерализма. В их пропагандистском арсенале широко представлены такие притягательные для протестного электората темы, как критика налогового бремени, раздутой бюрократической машины, неэффективности парламентских институтов, беспринципности и продажности профессиональных политиков. В международном плане акцент делается на негативные последствия глобализации и евростроительства, защиту национального суверенитета, осуждение американизированной «массовой культуры».

Ультраправое движение в Европе конца XX – начала XXI вв. затронуло европейские государства неодинаково, что объясняется различиями в их истории и политической культуры. В Северной Европе (Великобритания, Скандинавские страны) оно долго оставалось на уровне маргинальных группировок деклассированной молодёжи типа банд «бритоголовых» с их показной нацистской символикой и хулиганскими расистскими выходками. В то же время в некоторых странах Южной, Центральной и Восточной Европы, где издавна существуют традиции политического экстремизма, как левого, так и правого, это движение приобрело формат влиятельных политических партий. Примерами могут служить Национальный фронт Ж.-М. Ле Пена во Франции, движение Дж. Альмиранте в Италии, Национал-демократическая партия М. Муссунга в ФРГ, Партия свободы Й. Хайдера в Австрии, Датская народная партия П. Кьерсгаарда и т.д. Их аналогом в государствах постсоветского пространства служат радикал-националистические группировки в странах Балтии, на Украине, наконец, в России (Либерально-демократическая партия В. Жириновского, Русское национальное единство в России, УНА-УНСО на Украине и т.д.). Собирая на выборах в некоторые моменты до 15-20% голосов, ультраправые получают возможность шантажировать умеренные консервативные группировки расколом правого лагеря, навязывая себя в качестве партнёров сначала на местном, региональном (Франция, Италия), а затем кое-где даже на национальном уровне («чёрно-синяя» коалиция, пришедшая к власти в Австрии в 2000 г. или в Италии в 2001 г. во главе с С. Берлускони).

Несмотря на относительные успехи праворадикальных партий, в нормальных условиях Европе XXI в. вряд ли грозит перспектива сползания к неофашизму – соотношение основных политических сил делает такой вариант маловероятным. Характерно, что в конце 1990-х гг. французский Национальный фронт раскололся на две соперничающие фракции, Итальянское социальное движение сменило название и программу, дистанцировавшись от фашистского прошлого, германские национал-демократы остались мелкой, изолированной группировкой, которой грозит запрет, влияние ЛДПР и РНЕ в России не выходит за пределы более или менее маргинальных слоёв. Ситуация может измениться лишь в

случае крупных экономических потрясений и межнациональных конфликтов.

Пока же главным козырем экстремистов на обоих флангах европейского политического спектра и источником опасности для демократии является, как уже отмечалось, кризис идентичности, переживаемый всеми «системными» партиями без исключения. По мере того, как умеренные консерваторы или христианские демократы смягчают крайности своих либеральных принципов, а социал-демократы обновляют каноны социализма, понятия «левые» и «правые» постепенно размываются. Например, в вопросах демонтажа систем социальной защиты правые партии объявляют себя модернистами-реформаторами, а своих левых конкурентов – твердолобыми консерваторами, стоящими на страже отживших корпоративных привилегий, несовместимых с вызовами глобализации.

Тот факт, что Европа, преодолевшая за последнее десятилетие XX в. раскол на противоположные общественные системы в международном плане, уходит теперь от былой идеологической конфронтации на уровне каждого из составляющих её государств, вполне логичен. Процессы глобализации и евростроительства придают внутривнутриполитическим проблемам новое измерение, требующее большего прагматизма. К тому же, электораты левых и правых партий, которые делят между собой избирательный корпус примерно поровну, утрачивают чётко выраженный некогда социальный профиль. Хотя правые по-прежнему в большей степени опираются на собственников, в левые – на людей наёмного труда, результаты выборов решающим образом зависят от голосов представителей среднего класса, более или менее равномерно распределяющихся между всеми политическими течениями. Естественно, что борьба за их симпатии способствует сближению партийных программ.

Вместе с тем тенденция к поискам «системными» партиями левого и правого центров минимального общего знаменателя по основным проблемам, стоящим перед соответствующими странами, сопряжена с определёнными издержками. Чем меньше становится роль идеологических факторов в общественной жизни Европы, тем сильнее искушение публичных политиков снизить уро-

вень своего диалога с конкурентами, использовать в борьбе за власть приёмы «грязных технологий» обработки общественного мнения – компромат, скандалы, личную дискредитацию соперников и т.д. Этому способствует колоссальное влияние СМИ, особенно электронных: в погоне за сенсациями они нередко превращают предвыборную борьбу в рекламное шоу, исход которого в значительной степени определяется контролем мощных финансовых групп над основными источниками информации.

Налицо, таким образом, признаки определённой американизации форм политической жизни большинства европейских государств, тесно связанной с аналогичными процессами в сфере бизнеса, массовой культуры, быта. Однако то, что за Атлантикой опирается на прочно устоявшиеся 200-летние традиции, в Европе вызывает болезненные последствия. Если в Великобритании сохранилась прочная двухпартийная система, послужившая некогда образцом для США (просто либералов ещё в начале XX в. сменили лейбористы), то в странах континентальной Европы она так и не привилась. Её функции более или менее успешно выполняют многопартийные системы, в рамках которых происходит периодическая ротация у власти право- и левоцентристских коалиций. Но по мере того, как различия в их программах и практической деятельности постепенно стираются, эффективность данного механизма падает. Поскольку системообразующие партии (с одной стороны, консерваторы, христианские демократы, либералы и, с другой, социал-демократы, социалисты, лейбористы) редко добиваются самостоятельного абсолютного большинства в парламентах и органах местного самоуправления, им приходится выторговывать поддержку либо небольших «шарнирных» партий либерального толка в центре (типа «Свободных демократов» в ФРГ), либо крайних группировок справа или слева (коммунистов во Франции или Италии, неонацистов в Австрии) в обмен на министерские портфели и корректировку политики.

Когда же подобные комбинации оказываются неспособными обеспечить парламентское большинство, умеренные правые партии и социал-демократы идут на компромисс, создавая правительства «большой коалиции». Так бывало во Франции конца 1940-х – начала 1950-х гг. («Третья сила»), в ФРГ конца 1960-х гг., Бель-

гии, Голландии, Скандинавских странах, Австрии и т.д. Очевидно, что эффективность такого рода правительств весьма относительна. Кроме того, несовпадение по срокам президентских и парламентских выборов приводит к тому, что главы государств и правительств нередко представляют разные партии, вынужденные к более или менее конфликтному «сожительству» (ФРГ, Франция, Италия, Португалия, Австрия, Польша).

Оба варианта – как блоки умеренных партий с экстремистами, так и левого центра с правым – подрывают эффективность решения назревших проблем и дискредитируют политическую систему в целом в глазах избирателя. Утрачивая привычную систему координат, определяемую не только материальными интересами различных категорий граждан, но и ценностными ориентирами, он теряет интерес к выборам, относится с растущим скептицизмом, если не цинизмом, к политическим элитам. Многочисленные коррупционные скандалы, связанные с незаконным финансированием политических партий (ХДП в Италии, ХДС в Германии и т.д.) укрепляют его в этом мнении.

В целях смягчения подобных негативных явлений применялись различные меры – реформы избирательных законов, регламентация финансирования партий и предвыборных кампаний и т.д. На основе их опыта можно подвести предварительные итоги попыток модернизировать многопартийные механизмы европейских государств и сделать некоторые прогнозы на будущее.

Подтвердилась зависимость партийно-политической структуры от системы выборов. Пропорциональное представительство в принципе является более справедливым, обеспечивая представительство всех партий в соответствии с их влиянием и к тому же выбор граждан не между людьми, а между программами. Вместе с тем серьёзными недостатками этой системы является то, что она способствует дроблению партий, затрудняя формирование в парламенте прочного большинства, и даёт анонимным аппаратчикам решающее слово при составлении списков кандидатов, первые места в которых гарантируют избрание «номенклатурных» политиков. Наиболее убедительным примером недостатков этой системы может служить Италия, где она во многом предопределила неустойчивость партийных коалиций и частую смену прави-

тельств.

Диаметрально противоположная ситуация сложилась в Великобритании, где действует последовательная мажоритарная система. Давая победу в одномандатных округах кандидату, получившему в единственном туре голосования даже относительное большинство, она способствует консолидации двухпартийной системы и приближает депутата к избирателям, расширяет возможности оценить его личные качества при решении местных проблем. Вместе с тем столь жёсткая система, при которой даже незначительный перевес на выборах обеспечивает крупное большинство мест в Палате общин, ущемляет оппозицию и полностью отсекает от законодательных органов политические меньшинства.

Поэтому в остальных странах Европы применяются обычно смешанные системы, сочетающие пропорциональный и мажоритарный принципы. Их задача – создать устойчивое работоспособное большинство в представительных учреждениях и в то же время обеспечить представительство оппозиционных меньшинств. В Германии это достигается двойным голосованием – за кандидата и за партийный список (данная система послужила образцом для России), во Франции двумя турами, где в первом для победы необходимо абсолютное большинство, а во втором – достаточно относительного, что заставляет левые и правые партии заключать предвыборные блоки. Одним из способов противодействия чрезмерному дроблению партий является также минимальный процент голосов, необходимый для участия в разделе выборных мандатов.

«Морализации» политической жизни призвано способствовать принятие законов, жёстко ограничивающих размеры и источники пополнения партийных касс, вводящих нормы финансирования предвыборных кампаний из госбюджета в соответствии с числом полученных партиями голосов, с возвратом авансов, полученных неудачниками, с обязательной декларацией об имуществе и доходах кандидатов и т.д.

Наконец, в ряде случаев носители верховной власти – главы европейских государств, как правило, парламентских, играют роль арбитров в конфликтах между партиями и, соответственно, ветвями власти. Их легитимность в этом качестве обеспечивает-

ся избранием президентов всеобщим прямым голосованием, хотя объём их реальных полномочий весьма различен – от самых широких, приближающих режим к президентскому (Франция) или даже авторитарному, до представительских, подкрепляемых лишь личным моральным авторитетом (Австрия, Португалия, Польша, Чехия, Венгрия).

Тем не менее, реальная отдача подобных реформ в разных европейских странах оказалась неодинаковой. Снижение остроты идеологического противоборства между системообразующими партиями, формирование их негласного консенсуса по основным проблемам, стоящим перед обществом, безусловно, выглядят привлекательно. Однако эта тенденция имеет и оборотную сторону, сопровождаясь обострением борьбы между фракционными группировками внутри отдельных партий, их дестабилизацией. Закулисные интриги, кулуарные комбинации, кризисы руководства ведут к частым расколам и образованию новых партий не столько на принципиальной, сколько на сугубо персональной основе соперничества лидеров за руководство.

Ни одна, даже самая хитроумная система выборов и контроля над партийными финансами не в состоянии пока ввести политическую игру в рамки общепринятых норм этики. Даже в тех европейских странах, где существуют кодексы аполитичной гражданской службы (Великобритания, Франция, Германия), высшие административные посты оказываются объектом борьбы партий по известному американскому правилу «добыча – победителю». Процесс сращивания власти и денег через коррупцию верхушки политического персонала продолжается, законодательный процесс в парламентах и деятельность партийных лидеров на государственных постах подвержены лоббистским давлению. Всё это ведёт к отрицательным последствиям – усиливает чувство отчуждения граждан от политической элиты, толкает их к абсентеизму на выборах или множит протестный электорат, отдающий голоса экзотическим или экстремистским группировкам. Если сложить число воздержавшихся и избирателей, голосующих за кандидатов самых различных оппозиционных партий, не способных создать альтернативное большинство, то окажется, что даже самые легитимные правительства Европы выступают от имени максимум

трети избирательного корпуса, что не может не отражаться на их авторитете.

Издержки функционирования западноевропейского варианта многопартийной системы на национальном уровне воспроизводятся в более масштабном формате на уровне Евросоюза.

С самого начала процесса европейской интеграции отношение к ней раскололо оба традиционных политических лагеря, как левый, так и правый. Партии левого и правого центров – социалисты и социал-демократы, либералы, христианские демократы, часть консерваторов – решительно поддержали этот процесс в его наиболее продвинутом – федеративном – варианте. Крайние же фланги – коммунисты, левые социалисты, с одной стороны, правые националисты голлистского толка и большинство британских и скандинавских консерваторов («евроскептики»), с другой, резко критиковали наднациональные формы интеграции, предпочитая им сотрудничество суверенных государств («Европа отечеств»).

Этот водораздел неуклонно углубляется по мере расширения состава ЕС, необходимой предпосылкой которого европейцы считают усиление наднациональных полномочий руководящих органов Евросоюза. Бывший председатель Комиссии ЕС, французский социалист Ж. Делор, создал для борьбы за общественную поддержку наднациональной интеграции международный комитет, в который вошли представители всех проевропейских партий стран-участниц (прецедентом для него послужил Комитет за Соединённые Штаты Европы, созданный в 1956 г. одним из главных вдохновителей евростроительства Ж. Монне, деятельность которого содействовала подготовке Римского договора 1957 г. о создании Общего рынка). Выступая 12 мая 2000 г. в Университете им. Гумбольта (Берлин), министр иностранных дел ФРГ Й. Фишер, представляющий партию «зелёных», призвал к созданию на базе ЕС Европейской федерации. Его поддержал и канцлер Шрёдер.

Сходства и различия подходов тех или иных политических группировок к путям евростроительства имели двоякие последствия: создавая платформу для сотрудничества «системных» партий левого и правого центров внутри отдельных стран, они придают в то же время конфликтам вокруг них международное измерение, ещё более запутывающее рядового избирателя. Не случай-

но на выборах в Европарламент абсентеизм является более высоким, чем на национальных – удельный вес воздержавшихся в ряде стран превышает 50%, что не может не отражаться на демократической легитимности ЕС.

Проблему не решает и интернационализация партий в рамках ЕС. Попытки создания международных объединений политических партий родственного профиля начались на левом фланге ещё с середины XIX в. (I, II, III Интернационалы, Социнтерн). Во второй половине XX в. их примеру последовали правые (Консервативный, Христианско-демократический, Либеральный Интернационалы). С развёртыванием евростроительства эти объединения приобрели новое качество, став основой единых фракций в Европейском парламенте, который с 1979 г. избирается всеобщим прямым голосованием во всех странах ЕС.

Так, в Европарламенте, избранном 13 июня 1999 г., составляющие его 626 депутатов делятся не по национальному, а по партийно-политическому признаку на фракции, которые именуют себя «европейскими партиями». Левое крыло заняли «Объединённые европейские левые и левые экологи северных стран» (42), «Европейская социалистическая партия» (180), «“Зелёные” и регионалисты» (48), центр – «Либералы, демократы и реформаторы» (51), правое крыло – «Европейская народная партия и европейские правые» (демохристиане и консерваторы – 233), «Европа демократий и различий» (правые регионалисты – 16), независимые – 26.

Если после выборов 1991 г. большинство в Европарламенте прочно удерживали левые, прежде всего социалисты, то пять лет спустя оно перешло к правым. Между тем исполнительные органы ЕС – Евросовет, Совет министров, Комиссия, назначенные правительствами государств-участников, сохраняли левоцентристскую ориентацию, поскольку в 11 из 15 стран ЕС у власти были социал-демократы. Это ещё более осложнило отношения между различными институционными звеньями ЕС, и без того крайне деликатные после вынужденной отставки прежнего состава Комиссии ЕС, обвинённого в коррупции.

В государствах ЦВЕ, особенно постсоветского пространства, проблемы становления многопартийного политического механиз-

ма как необходимой предпосылки перехода от тоталитаризма к демократии во многом воспроизводят трудности, переживаемые этим механизмом в Западной Европе, придавая им гипертрофированные, а порой и карикатурные формы.

На первых порах после антикоммунистических «бархатных» революций и крушения Советского Союза предпринимались попытки либо возродить довоенные структуры, а в России – даже существовавшие до 1917 г., либо копировать западноевропейские партии (христианско-демократические, либеральные, правоконсервативные, социал-демократические и т.д.). Однако вскоре выяснилось, что реалии переходного периода делают такие попытки малопродуктивными. Налицо, прежде всего, крайнее дробление партий, число которых в некоторых странах перевалило за несколько десятков, и довольно заметные отличия их идейно-политических характеристик, организации, места в государственной системе от общепринятых на Западе.

Хотя деление на левый и правый лагери сохраняется, а в основе его лежат многие традиционные критерии (степень демократизации политического режима и либерализации экономики), важнейшую роль играют также специфические проблемы: выбор между разрывом с прошлым или сохранением какой-то степени преемственности с ним, определение оптимального пути перехода к рыночной экономике и его социальной цены, соотношение центра и регионов, прав нацменьшинств, отношения с евроатлантическими структурами и т.д.

Ядром левого фланга почти везде остаются посткоммунистические партии, правого – либералы, консерваторы и крайние националисты. Если, однако, в ЦВЕ бывшие коммунисты сравнительно безболезненно сменили вывески и программы в социал-демократическом духе, примкнув к Социнтерну, то в государствах СНГ они остались в основном на традиционалистских позициях.

Столь же заметные различия наблюдаются в правом лагере. В странах Центральной Европы его общим знаменателем служат бескомпромиссное отторжение коммунистического прошлого, приверженность либеральным методам формирования рыночной экономики и парламентской демократии, вхождение в НАТО и ЕС, что создаёт определённый консенсус с левыми, сделавший

возможными усиление роли парламентов и ротацию власти (Польша, Венгрия, Болгария, Румыния, Словения, Словакия). В то же время в европейских странах СНГ правый фланг и центр оказались занятыми эфемерными «партиями власти», созданными за счёт «административного ресурса» президентами, премьер-министрами, губернаторами в качестве опоры своей власти при материальной и медиатической поддержке тесно сросшихся с ней олигархических финансово-промышленных группировок. Это нередко приводило к противостоянию между ветвями власти и девальвации роли парламентов, блокируя ротацию партий в высших эшелонах власти и приводя порой к острым конфликтам между ними, чреватых опасностью авторитаризма.

В целом становление многопартийной системы на востоке Европы более или менее соответствует степени их продвижения к рыночной экономике и, соответственно, к сближению с западноевропейскими стандартами. Вместе с тем, очевидно, что сами эти стандарты пока далеки от совершенства. Дальнейшая эволюция партийно-политических механизмов в Европе зависит от их отношений не только и не столько по вертикали с государственными структурами, сколько по горизонтали с гражданским обществом, роль которого приобретает в XXI в. решающее значение для судеб демократии на континенте.

Гражданское общество

Термин «гражданское общество» восходит к классическому труду Гегеля «Основы философии права», вышедшему в свет в 1821 г. Великий немецкий философ впервые отделил «гражданскую жизнь» от политической, видя в гражданском обществе комплекс правовых и экономических связей, объединяющих людей узлами взаимозависимости вне политических, государственных структур.

Это понятие закрепилось в период Июльской монархии во Франции (1830–1848 гг.), где избирательными правами пользовалась лишь весьма ограниченная часть населения, отвечавшая критериям налогового и, следовательно, имущественного ценза. Эту часть называли «легальной» страной, тогда как большинство, лишённое избирательных прав, – страной «реальной». Естественно,

что последняя стремилась компенсировать своё отсутствие в политических структурах созданием «параллельной иерархии» общественных организаций для борьбы за свои интересы (клубов, обществ и т.д.). Всеобщее избирательное право было введено во Франции – стране, считающей себя родиной прав человека, – лишь после Февральской революции 1848 г., а женская половина населения получила его столетием спустя (1944 г.).

Становление гражданского общества в Европе следовало за процессом политической демократизации, хотя иногда отставало от него. Так, вожди Великой французской революции 1789 г., полные решимости сломать во имя свободы и равенства архаические структуры средневековых цехов, мешавшие развитию промышленности, запретили любые профессиональные организации, как работодателей, так и людей наёмного труда (закон Ле Шапелье 1791 г.). Свобода ассоциаций была провозглашена лишь полувеком позднее после революции 1848 г., запрет «коалиций» отменён в 1864 г. и только закон Вальдека–Руссо от 21 марта 1884 г. окончательно легализовал профсоюзы. Сегодня все французские неприбыльные организации (их насчитывается в стране несколько сотен тысяч) действуют на основе одного и того же закона 1901 г., который ввёл заявительный, а не разрешительный порядок их создания (для регистрации требуется лишь сдать в местную префектуру устав организации, список её руководителей и указать источники финансирования). Казалось бы, грань между «легальной» страной и «реальной» стёрта, наконец, навсегда. Однако следы отчуждения между гражданским обществом и государством сохранились.

Несмотря на то, что пример Франции с её централизаторскими и административно-бюрократическими устоями государства может показаться скорее исключением, чем правилом, более или менее аналогичная картина наблюдается почти во всех остальных западноевропейских странах (кроме, возможно, Швейцарии). Даже в Англии, колыбели представительных учреждений, расширение избирательного права и легализация общественных организаций шли медленно, поэтапно, заняв полтора столетия и сопровождаясь острой социально-политической борьбой, а структура гражданского общества – от профсоюзов до обществ любителей садо-

водства или закрытых элитных клубов – и поныне сохраняет отпечаток старых аристократических перегородок.

Ещё более значительная асимметрия между гражданским обществом и государством в пользу последнего налицо во многих странах Восточной Европы, особенно в государствах постсоветского пространства, по очевидной причине исторического отставания процесса их демократизации. В России выборные органы самоуправления на местах появились в результате либеральных реформ Александра II лишь во второй половине XIX в., а первое представительное собрание национального масштаба после древних Земских соборов – Государственная дума – после революции 1905 г. Соответственно, общественные структуры в самодержавной монархии (дворянские собрания, земства, купеческие гильдии, просветительские общества и т.д.) носили сословный характер, располагали крайне ограниченными правами и находились под бдительным контролем администрации. То же относилось и к деревенской общине («миру»), ставшей инструментом сбора налогов на основе круговой поруки, средством контроля землевладельцев, сельской верхушки, полиции над крестьянством и тормозом в развитии интенсивного сельского хозяйства. В период же существования тоталитарного режима автономные структуры гражданского общества вообще исчезли – их место заняли «приводные ремни» правящей партии.

Формы гражданского общества в Европе представляют собой своего рода переходный этап между азиатским и американским вариантами.

В странах Азии, не только развивающихся, но и относительно развитых, порой даже постиндустриальных, отношения внутри различных компонентов гражданского общества, между ними и с государством во многом строятся на базе клановой солидарности и патерналистской традиции. В основу её положен вертикально-иерархический принцип. Такая структура, присущая Европе времён Средневековья, абсолютных монархий и частично сохранившаяся на востоке континента до сих пор, не исключает борьбы за более выгодные условия общественного договора, принимающей порой крайне острые формы, но неизбежно сохраняет сильный отпечаток авторитарности даже там, где утвердились пришедшие

с Запада атрибуты плюралистической демократии (Япония, Южная Корея, Индия). Очевидно, что государство в таких условиях первично, а гражданское общество – вторично.

Напротив, в Соединённых Штатах баланс между государством (особенно федеральным центром) и гражданским обществом изначально складывался по-иному. В своей известной книге «О демократии в Америке» (1835 г.) А. де Токвиль убедительно показал, что после войны североамериканских колоний в Англии за независимость их новое государство могло вырасти только на базе уже давно существовавших, но слабо связанных между собой сообществ эмигрантов из различных европейских стран или их потомков, объединявшихся на локальной, религиозной, этнической, профессиональной почве. Выживание этих сообществ в суровой борьбе с девственной природой, коренным населением и, конечно, друг с другом зависело не только и не столько от законов, принятых государством, сколько от соотношения сил и неписаных правил поведения людей, проникнутых жёсткой пуританской моралью (пусть даже достаточно ханжеской)³⁸.

Естественно, что в таких условиях гражданское общество в США оказалось первичным, определяющим элементом, а политическое, государственное устройство – вторичным, подчинённым. К тому же все официальные должности в США долгое время являлись, а в ряде случаев остаются выборными даже после формирования слоя кадровой бюрократии, которая тесно связана с частными структурами.

Американская концепция отношений между гражданским обществом и государством уходит своими корнями в каноны классического либерализма и протестантской этики, согласно которым каждый человек преследует собственные эгоистические цели, но благодаря «невидимой руке рынка» в рамках децентрализованной демократической республики итогом их бесчисленных столкновений оказывается общее благо. По этой логике, успех более сильного, умного, умелого индивида – главный двигатель прогресса, необходимое условие процветания всего общества. Вме-

³⁸ Токвиль Алексис де. О демократии в Америке. Пер. с фр. М.: «Прогресс», 1994.

шательство извне в конкурентную борьбу ведёт к эгалитаризму и способно только нарушить естественные законы рынка, подорвав частную инициативу и предприимчивость в ущерб всем, даже проигравшим. Если же общее богатство растёт, то заботу о последних можно обеспечить за счёт публичной или частной благотворительности.

Разумеется, речь идёт не просто о совокупности атомизированных свободных индивидов, а о структурированном сообществе, состоящем из организованных ассоциаций. Основатели американской школы социологов, посвятивших себя данной проблематике (А. Бентли, Г. Трумэн, Д. Блесдейл и др.), подчёркивали, что в наши дни отдельная личность утверждает себя только внутри одной или нескольких групп и через них. Если это так, то функция государства сводится к роли полицейского – регулировщика уличного движения или судьи на футбольном поле, который следит за соблюдением игроками и командами правил игры, наказывая нарушителей и обеспечивая безопасность проведения матча. От государства требуется, следовательно, минимум регламентации и максимум гибкости.

Именно такие, по сути, социал-дарвинистские установки до сих пор остаются краеугольным камнем американской цивилизации. Несмотря на значительное развитие после Великой депрессии 1929–1933 гг. системы социального обеспечения и достаточно активное вмешательство государства в экономику (особенно при президентах-демократах от Рузвельта до Клинтона), ставить под вопрос базовые либеральные ценности никто в США не собирается. Напротив, сейчас, в условиях глобальной информационной революции, именно они предлагаются всему человечеству в качестве оптимальной модели общества для XXI в.

Между тем в Европе, где эти принципы впервые сформулировал ещё Адам Смит, отношение к ним в наши дни является двойственным, противоречивым. Крушение тоталитарных режимов в восточноевропейских странах и бывшем СССР, кризис государства «всеобщего благоденствия» (Welfare State) в Западной Европе, процессы глобализации вызвали бесспорный рост популярности идеи отхода от остатков азиатского варианта и подтягивания отношений между гражданским обществом и государством к аме-

риканскому образцу. «В либеральной традиции пространство «гражданской жизни» должно быть настолько широким, насколько это возможно, а вмешательства государства сведены к строгому минимуму, необходимому для поддержания национальной сплочённости. Государство отнюдь не располагает монополией на общие интересы. Они могут также, и ещё лучше проявляться через частные организации, формированию которых государство должно содействовать, особенно с помощью налоговых мер», — пишет директор Французского института международных отношений Т. де Монбриаль³⁹. По его мнению, именно разветвлённое гражданское общество, способное более гибко адаптироваться к меняющимся условиям, чем бюрократические структуры государства, позволили США успешнее встретить вызовы глобализации, нежели это удалось Европе с её консервативными этатистскими традициями.

Сама по себе такая постановка вопроса, которая перекликается с теориями эрозии суверенных национальных государств, вполне закономерна. Без крепкого гражданского общества не может быть сегодня ни жизнеспособной политической демократии, ни эффективной рыночной экономики. В свою очередь без демократии и рынка нет и гражданского общества. Однако столь общие тезисы являются чересчур абстрактными. Любая частная организация не может автоматически рассматриваться как воплощение свободы и общего блага лишь на том основании, что её деятельность исходит снизу — от граждан, а не сверху — от власти. Дело в том, что вполне законные интересы людей и соответственно их групп гораздо чаще сталкиваются, чем совпадают. Между тем возможности отстаивать свои интересы в борьбе с конкурентами далеко не одинаковы — они зависят от финансовых ресурсов, доступа к информации, влияния на различные ветви власти, на общественное мнение через СМИ и т.д. Значительная часть европейцев в отличие от американцев убеждена, что идеально однородной конкурентной среды, где все участники абсолютно равны между собой, не может быть в принципе, что стартовые шансы

³⁹ Montbrial Therry de. Le monde au tournant du siècle. RAMSES-IFRI, Dunod, 1999. P. 15.

игроков и их команд заведомо неодинаковы, ввиду чего результат матча рискует оказаться фальсифицированным.

Отсюда противоречивые требования к арбитру, т.е. государству: сохранять максимальное беспристрастие, но в тоже время не ограничиваться только судьейскими функциями, а активно воздействовать на ход игры, дабы сделать результат более сбалансированным и тем самым приемлемым для всех участников. Иными словами, императивы экономической эффективности должны смягчаться соображениями социальной справедливости во имя поддержания политического равновесия.

Естественно, что каждая социальная категория и связанное с ней звено гражданского общества склонны отождествлять свои частные интересы с всеобщими, оспаривая беспристрастие государства и обвиняя его представителей в дискриминации. Крайним выражением этой тенденции в европейской общественной мысли является марксистская концепция государства как инструмента господствующего в экономике класса, чьи привилегии вытекают из частной собственности на средства производства. Опыт «реального социализма» советского образца, при котором упразднение такой собственности не принесло социальной справедливости, сделав носительницей квазифеодальных статусных привилегий партийно-государственную номенклатуру, но подорвало зато эффективность экономики и свободы граждан, достаточно красноречив.

В то же время ультралиберальный идеал экономической свободы американского образца как необходимого и достаточного условия социальной гармонии в условиях динамичной рыночной экономики и плюралистической демократии также с трудом вписывается в реалии Европы порога XXI в. Дело в том, что мощь гражданского общества в тех же Соединённых Штатах распределяется крайне неравномерно. Например, ассоциации промышленников гораздо влиятельнее, нежели профсоюзы. Завоевав со второй половины XIX в. в острой борьбе прочное положение в обществе, навязав работодателям принцип «закрытого предприятия» (обязательного согласия профсоюза при найме работников, чего не было даже в Европе), профсоюзное движение США к концу XX в. пришло в упадок. Охватывая ограниченную часть числа лиц наёмного труда, страдая от раздробленности, нередко контроли-

руемое изнутри мафиозными структурами, ведущее общенациональное профобъединение АФП-КПП играет всё менее заметную роль в балансе общественных сил страны.

Этот пример оказался заразительным для ряда европейских стран. «Консервативная революция» М. Тэтчер в Великобритании 1980-х гг. началась жёсткой пробой сил с профсоюзом горняков, из которой правительство вышло победителем. Значительно ослабели некогда крепкие позиции профсоюзов в странах Южной Европы – Франции, Италии, Испании, Португалии, Греции, чему способствовал их раскол по политическому признаку. Дискредитация компартий, которые контролировали радикальное крыло профдвижения (ВКТ, ВИКТ, испанские рабочие комиссии и т.д.), свёртывание крупных предприятий традиционных отраслей промышленности (угледобыча, горная металлургия, тяжёлое машиностроение, текстиль), составлявших основную базу левых профсоюзов, ускорили падение членства. Оно охватывает ныне не более 10-15% общего числа лиц наёмного труда.

Данные тенденции активно поощряются частью предпринимательского сообщества, чьи общенациональные организации, напротив, заметно укрепились. Добиваясь от государства более гибкого трудового законодательства, их представители ссылаются на то, что система коллективных договоров работодателей с профсоюзами на отраслевом и тем более национальном уровне, гарантирующая рабочие места и условия оплаты труда, изжила себя, став в условиях глобализации тормозом технического прогресса, стимулом к утечке капитала в развивающиеся страны и росту безработицы. В итоге удельный вес заработной платы в ВВП большинства европейских стран на протяжении 1990-х гг. заметно снизился по сравнению с долей прибылей предприятий и акционеров.

В странах Центральной и Восточной Европы, включая постсоветское пространство, наблюдаются те же явления, но в ещё более широких масштабах. Если на первых порах после крушения тоталитарных режимов прежние официальные профсоюзы – филиалы правящих коммунистических партий, почти повсеместно распались, уступив место независимым профдвижениям, то к концу 1990-х гг. массовость и эффективность последних резко упали. Характерным примером может служить польская «Солидарность».

Проиграв борьбу за сохранение своей колыбели – обанкротившихся судостроительных верфей в Гданьске, она превратилась в одну из небольших правоцентристских политических партий.

Таким образом, признаки определённого параллелизма в ходе эволюции гражданского общества по обе стороны Атлантики очевидны, что отражает общие тенденции экономики и политики постиндустриального мира. Общественные организации в Европе пытаются не только освободиться от опеки государственной администрации, но и по примеру США использовать её в своих целях с помощью самых различных форм воздействия. Среди них – поддержка тех или иных кандидатов или партий на выборах в обмен на обязательства с их стороны, лоббирование принятия выгодных юридических норм, в том числе с помощью коррупции и проталкивания своих людей на ответственные посты, обработка общественного мнения через кампании СМИ, сбор подписей, наконец, «прямое действие» (митинги, забастовки, демонстрации).

Теории «групп давления» или «групп интересов», появившиеся впервые в США, начали активно разрабатываться в Европе с середины 1950-х гг. Французский социолог Ж. Мейно определил такие группы, как «совокупность лиц, выражающих на основе общности интересов требования, выдвигающих притязания или занимающих позиции, которые прямо или косвенно затрагивают других участников общественной жизни»⁴⁰. Это определение лишь частично распространяется на финансово-промышленные группы и политические партии, хотя и те, и другие прибегают к аналогичному набору приёмов лоббистской деятельности. У одних преследуемые цели являются обычно узкими, продиктованными сугубо корпоративными, фирменными соображениями, а у других – чересчур широкими, связанными с борьбой за власть. «Группа вмешивается в процесс принятия решений, но сама не берёт на себя ответственность за них. Более того, она не стремится осуществлять правительственную деятельность вместо соответствующих властей. Она оказывает давление на власти, но не хочет заменять их», – отмечает Мейно⁴¹.

⁴⁰ Meynaud Jean. Les groupes de pression en France. Armand Colin, Paris, 1958. P. 21.

⁴¹ Ibid.

Хотя сам термин «лоббизм», который в его современном понимании родился в США, и практикуется в Европе не менее широко (о чём говорят многочисленные коррупционные скандалы), американский и европейский подходы к данному явлению далеко не идентичны. Это связано, прежде всего, с ролью государства. Если в XVI–XVIII вв. во многих европейских абсолютных монархиях доходные государственные посты официально продавались за деньги частным лицам, то сейчас подобные случаи рассматриваются как особо опасный вид уголовных преступлений. «Приватизация» государства путём мафиозного сращивания финансово-промышленных группировок с государственной властью, которая долгое время широко практиковалась, например, в Италии и приобрела значительный размах в ряде посткоммунистических, особенно постсоветских, стран, в частности в России, выглядит в Европе не нормой, а отклонением от неё, требующим решительного противодействия. Между тем в США до сих пор считается вполне нормальным, что во время президентских выборов солидные шансы на победу имеет кандидат, собравший больше частных финансовых взносов на его кампанию, чем другие. Одержав победу, он самым легальным образом рассчитывается со своими спонсорами назначением их на ответственные должности, в том числе политические.

Дело не только в сугубо этической стороне дела: сама роль государства в отношении гражданского общества рассматривается в США и в Европе под разными углами зрения. Несмотря на эволюцию этого общества в Европе за последнюю четверть XX в., баланс сил между его основными компонентами, а главное между ними и государством сохраняется лучше, чем в США, ибо слишком резкий крен в пользу одних групп за счёт других чреват неприемлемой для всех дестабилизацией социально-политической системы. Так, Британский конгресс тред-юнионов (БКТ), даже ослабленный в эпоху господства консерваторов и отодвинутый от принятия многих ответственных решений левоцентристским правительством Т. Блера, разделяющим либеральные идеи, остаётся ядром правящей лейбористской партии в качестве её коллективного члена и кадровой базы. То же относится к Германскому объединению профсоюзов ФРГ (ДПГ), сохраняющему тесные связи с

СДПГ, в том числе при «розово-зелёном» правительстве Г. Шрёдера, не говоря уже о мощных и влиятельных профсоюзах Скандинавских государств, особенно Швеции и Финляндии, где они стали на протяжении почти полувекового пребывания социал-демократов у власти квазиинституционной структурой.

Наиболее ёмкое и точное определение сути отношений между гражданским обществом и государством в Европе сформулировал известный политолог А.А. Галкин: «Для полноценного развития и функционирования гражданское общество нуждается в государстве, олицетворяющем публичный интерес. Только через взаимодействие с государством оно способно влиять на политический процесс, привнося в него гражданскую активность населения. Политическая система обретает в гражданском обществе устойчивые связи с жизненными интересами населения, т.е. социальную базу. В свою очередь гражданское общество получает в лице властных политических структур гаранта устойчивого развития общественной системы»⁴².

Постоянно нарушаемое в ходе многочисленных кризисов, но вновь восстанавливаемое на базе относительного социального консенсуса равновесие сил внутри гражданского общества в Европе, а также между ним и государством, получает качественно новое измерение в рамках интеграционных процессов. Экономические, социальные, идеологические, конфессиональные и прочие общественные организации стран – участниц Евросоюза всё чаще создают, подобно политическим партиям, международные структуры для совместной борьбы за свои интересы, в частности в руководящих органах ЕС, особенно Европарламента или кулуарах Европейской комиссии.

Подводя итоги, можно констатировать, что на пороге XXI в. европейское общество находится на переходном этапе. Расставшись с всеильным государством тоталитарных режимов левого и правого толков, подавлявших демократию и подменявших гражданское общество диктатурой единых партий, оно в то же время отнюдь не вернулось к либеральной идеологии столетней давно-

⁴² Галкин А.А. Социальные устои общества под натиском перемен. «Полития», зима 1999–2000, № 4(14). С. 141.

сти.

Европа наших дней упорно ищет собственный ответ на связанные с научно-технической революцией и глобализацией вызовы. Этот ответ призван органически сочетать сохранение суверенных государств с всё более интенсивными интеграционными процессами, разделение властей с эффективностью их исполнительного звена, гарантии прав человека с его индивидуальной и коллективной ответственностью, создание в условиях многопартийности прочного большинства с гарантиями свободы демократической оппозиции и периодической ротации власти, наконец, баланса интересов различных групп в избавленном от бюрократической опеки гражданском обществе. Найти такой синтез будет нелегко. Но любой другой путь был бы отречением Европы от её уникального призвания в мире третьего тысячелетия.

ГЛАВА 4. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И МИГРАЦИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЕВРОПЫ*

Среди многих проблем, с которыми сталкивается Европа в начале XXI в., одной из наиболее серьёзных, безусловно, является неблагоприятная демографическая ситуация. Это со всей очевидностью вытекает из динамики численности европейцев и их удельного веса в мировом населении.

В 1900 г. их общее число составляло 390 млн человек – четверть тогдашнего населения планеты, в 1940 г. – 525 млн (23%), в 1950 г. – 549 млн (менее 22%), в 1975 г. – 676 млн (19,6%), в 2000 г. – 728 млн (12%). На протяжении XX в. мировое население выросло вчетверо – с 1,57 млрд человек в 1900 г. до 6,2 млрд в 2000 г., а Европы – только вдвое. По оценке демографических служб ООН к 2025 г. оно уменьшится не только относительно, но и абсолютно – до 713 млн (9,1%)⁴³.

К середине XXI в. эта тенденция может ещё более усилиться.

* Современная Европа, № 4 (28), октябрь-декабрь 2006 г. С. 22-34.

⁴³ Включая азиатскую часть России. *Géopolitique*, № 74, juin 2001. P. 3.

Согласно прогнозу статистической службы Евросоюза (Евроста-та), с 1 января 2004 г. по 1 января 2025 г. население стран – членов ЕС увеличится примерно на 13 млн человек – с 456,8 до 470,1 млн, но рост будет происходить в основном за счёт притока иммигрантов из Азии и Африки. После 2025 г. этот фактор уже не будет более компенсировать превышение смертности над рождаемостью: ожидается, что к 2050 г. население ЕС составит 499,8 млн человек, то есть на 20 млн меньше, чем четвертью века ранее⁴⁴.

В то же время удельный вес других континентов в мировом населении обещает заметно увеличиться. В 2025 г. доля Латинской Америки вырастет с 6,6 до 8,5%, Азии – с 55 до 60%, Африки – с 8,9 до 13,2%⁴⁵. При общей численности населения мира в 2025 г. порядка 7,9 млрд человек в Азии будут жить 4776,6 млн, в Африке – 1358,1 млн, в Латинской Америке – 694,8 млн, в Европе – 683,5 млн, в Северной Америке – 383,7 млн, в Океании – 40 млн⁴⁶.

Существенные сдвиги демографической динамики налицо и в самой Европе. Сокращение рождаемости началось уже в конце 1960-х гг. в Северной Европе – скандинавских странах (Дании, Норвегии, Швеции, Финляндии). В середине 1970-х гг. оно распространилось на Западную Европу – Германию, Великобританию, Францию, в 1980-х гг. на Южную – Италию, Испанию, Португалию, Грецию, в 1990-х – на Восточную.

В 2005 г. численность населения уже сокращалась в абсолютном выражении в семи странах – членах ЕС – Чехии, Эстонии, Латвии, Литве, Венгрии, Польше и Словакии. До 2025 г. она начнёт уменьшаться ещё в шести – Италии (с 2013 г.), Германии и Словении (с 2014 г.), Португалии (с 2018 г.), Греции (с 2020 г.) и Испании. Всего к 2025 г. отрицательный рост будет наблюдаться в 20 из 27 членов ЕС. Последней на этот путь встанет Великобритания (с 2040 г.)⁴⁷.

Во второй половине XXI в. европейское население будет продолжать расти только в Ирландии, Франции, на Кипре, в Люксем-

⁴⁴ Европа. Журнал Европейского Союза, № 5 (50), май 2005. С. 16.

⁴⁵ Géopolitique, № 74, juin 2001. P. 10.

⁴⁶ La Population du monde. Géant démographiques et défis internationaux. INED, Paris, 2002. P. 761.

⁴⁷ Европа. С. 16.

бурге, на Мальте и в Швеции. В 2040–2050 гг. самые большие потери понесут новые страны – члены ЕС: Латвия (-19,2%), Эстония (-16,6%), Литва (-16,4%), Чехия (-12,9%), Венгрия и Словакия (по -11,9%), Польша (-11,8%). Напротив, население возрастет в Люксембурге (+42,3%), Ирландии (+36,0%), на Кипре (+33,5%), на Мальте (+27,1%), во Франции (+15%)⁴⁸.

В абсолютных цифрах за тот же период больше всего ожидается сокращение населения в Германии (-7,9 млн человек), Италии (-5,2 млн) и Польше (-4,5 млн). Наибольшее увеличение прогнозируется во Франции (+15 млн), Великобритании (+4,7) и Ирландии (+1,5)⁴⁹.

Среди европейских стран, не входящих в ЕС, самые большие потери может понести Россия, население которой, по оценкам ООН, сократится за следующие полвека почти на треть – с 145,5 млн в 2000 г. до 125,7 в 2005 г. и 104,3 в 2050 г.⁵⁰ Столь же тревожно выглядит демографическая ситуация и в остальных европейских странах постсоветского пространства – Украине, Беларуси, Молдове.

Ещё до Второй мировой войны французский демограф Адольф Ландри отметил, что рост населения во всех странах проходит три стадии.

Первая характеризуется высокой рождаемостью и почти столь же высокой смертностью: из пяти-шести детей год спустя выживают максимум два-три, а средняя продолжительность жизни едва превышает 30 лет. Эта стадия характерна для статичных патриархально-традиционалистских обществ, основой экономики которых служит натуральное сельское хозяйство. Уровень образования и просто грамотности у них крайне низок, женщины в семье и обществе полностью подчинены власти мужчин, а смертность усугубляется постоянными войнами и массовыми эпидемиями – чумы, холеры, оспы и т.д., во время которых погибает значительная часть жителей. Так случилось в Европе в 1346–1353 гг., когда от чумы вымерла треть всего населения. Результа-

⁴⁸ Там же. Уточнённый прогноз по Франции см. в Figaro économie, Jeudi 12 mai 2005. P. III-IV.

⁴⁹ Европа. С. 16.

⁵⁰ La Population du monde. P. 761.

том оказывается крайне медленный прирост – для удвоения числа жителей страны требуется около столетия, то есть четыре поколения, если не больше.

В Европе первая стадия охватывает Средние века и начало Нового времени вплоть до разложения феодализма. В Азии, Африке, Латинской Америке она сохранялась до европейской колонизации, подорвавшей устои традиционных обществ, но порой с большими колебаниями. Например, вызываемыми взрывами рождаемости у азиатских скотоводов-кочевников (арабов, монголов, турков), толкавшими их из-за нехватки пастбищ к завоевательным походам на территории более развитых, богатых земледельческих цивилизаций – Китай, Индию, Европу.

Вторая стадия отличается резким сокращением смертности (особенно детской), благодаря прогрессу медицины при сохранении высокой рождаемости. В ходе этой стадии прирост населения значительно ускоряется: его удвоение или даже утроение происходит в среднем за полвека, то есть вдвое быстрее, чем раньше. Такой демографический взрыв был характерен для европейских стран в эпоху начального развития капитализма и первых промышленных революций.

Европа далеко опережала тогда по рождаемости остальные континенты. Массовый исход из деревни крестьян, не находивших работы в городе из-за кризиса ремесла, питал после Великих географических открытий мощные волны европейских переселенцев в Новый Свет – Северную и Южную Америку.

Прецеденты европейского колониализма XVIII–XX вв. бывали и раньше – от торговой экспансии греков в Средиземноморье, завоеваний Александра Македонского и Римской империи до Крестовых походов Средневековья. Наряду с социально-экономическими причинами в числе важнейших их предпосылок всегда числились демографические дисбалансы, периодически подрывавшие внутреннюю стабильность рабовладельческих и феодальных обществ. Вместе с тем европейские переселенческие потоки имели важную цивилизационную, особенно конфессиональную составляющую: подобно тому, как завоевательные походы арабов или турок проходили под зелёным знаменем ислама, европейская колониальная экспансия оправдывалась не только расистскими

теориями («Эссе о неравенстве человеческих рас» графа Жозефа-Артюра Гобино, вышедшее в 1855 г.), но прежде всего распространением христианства и глобальной цивилизаторской миссией⁵¹.

Вторая стадия продолжается до сих пор во многих развивающихся странах, причём обычно самых бедных и отсталых, где смертность снизилась, а рождаемость остаётся чрезвычайно высокой. В Западной Африке на тысячу жителей в 2003 г. приходилось 41 рождение и 15 смертей (в Нигере даже 55 и 20).

На третьей стадии, в которую Европа окончательно вступила в последней трети XX в., происходит падение как рождаемости, так и смертности. При такой демографической модели рост населения замедляется, наступает его стагнация, а затем и абсолютное сокращение. В 13 странах Южной Европы на тысячу жителей в 2003 г. приходилось 10 рождений и 9 смертей, в 11 странах Восточной Европы – 9 и 14, а в 25 странах Евросоюза естественный прирост составил всего 0,5, а с иммиграцией – 2,5 человека на тысячу⁵².

Объективные социально-экономические и субъективные психологические причины этих тенденций хорошо известны. Индустриализация и урбанизация сопровождаются значительным повышением жизненного и особенно образовательного уровня большинства населения, в том числе женщин, которые всё шире включаются в производственную, общественную и культурную жизнь. Этому способствует развитие общественного питания, механизация быта и прочих традиционно семейных обязанностей женщин. В современной Европе они составляют 40-50% самодеятельного населения, а с учащимися – половину. В результате средний возраст европейских женщин, создающих семью и принимающих решение о рождении детей, повысился за последние полвека с 19-20 до 27-28 лет, что неизбежно отражается на плодовитости.

К этому добавляются широкое распространение семейного планирования благодаря эффективным противозачаточным средствам, кризис моногамной семьи (в Европе на три брака прихо-

⁵¹ Классическим образцом цивилизаторской мифологии европейцев может служить творчество певца Британской империи Редьярда Киплинга («Бремя белых»).

⁵² Population et Sociétés, Numéro 392, Juillet-Aout 2003.

дится один-два развода), значительное увеличение в связи с этим числа одиноких мужчин и женщин, семей с одним родителем.

Давно ушло в прошлое использование крестьянами, удельный вес которых в населении большинства европейских стран упал до нескольких процентов, взрослых детей как даровой рабочей силы в хозяйстве. С другой стороны, создание пенсионной системы подорвало прежнюю взаимозависимость поколений – содержание престарелых родителей детьми встречается всё реже, что также снижает стимул к увеличению их числа в семьях.

Наконец, присущие западному «обществу потребления» индивидуализм и гедонизм делают тяготы, неизбежно связанные с рождением и воспитанием нескольких детей, всё менее привлекательными.

Упорное сопротивление христианских церквей планированию семьи, абортам, расширению прав сексуальных меньшинств оказывается всё менее успешным на фоне общего упадка религиозных этических ценностей в повседневной жизни европейцев. Среди наиболее традиционалистских католических стран Европы только Ирландия сохраняет относительно более благоприятную динамику рождаемости, тогда как в Италии, Испании, Португалии, Литве, Польше она ещё ниже, чем в протестантских или православных государствах.

В этом плане ислам оказался значительно более эффективным: рождаемость среди 15-17 млн иммигрантов-мусульман в Европе остаётся в 3-4 раза выше, чем среди коренного населения. Из европейских государств высокий прирост численности населения сохраняет только мусульманская Албания и албанские диаспоры на Балканах – в Косово, Македонии, Боснии.

Все перечисленные факторы, вместе взятые, не могут не отражаться на главном для демографической динамики показателе – коэффициенте фертильности (плодовитости), то есть среднем числе детей на женщину, способную по возрасту к деторождению (16-54 года). Порог этого показателя, необходимый для замены выбывающих поколений, составляет 2,1 – ниже его рождаемость уже не компенсирует смертность.

С начала 1970-х гг. XX в., когда завершился период высоких темпов роста экономики первых послевоенных десятилетий, свя-

занных с восстановлением производства на новой технической основе, а главную роль в постиндустриальных обществах приобрела сфера услуг, где высок удельный вес работающих женщин, Европа переступила этот порог – средний коэффициент фертильности достиг у неё 1,4. Самый низкий коэффициент наблюдался в 2003 г. в Чехии (1,17), самый высокий – в Ирландии и во Франции (1,9). В результате рождаемость европейцев сократилась за последние полвека почти наполовину – с 12,6 млн в 1950 г. до 7,3 млн в 2000 г.⁵³

Негативное влияние спада рождаемости на численность населения Европы отчасти смягчается уменьшением смертности и значительным ростом средней продолжительности жизни (на языке демографии – «надежды на дожитие» при рождении).

Особенно резко упала детская смертность: если, например, во Франции в середине XX в. умирали 60 детей в возрасте до года из тысячи, то в 2003 г. – всего 4, то есть в 15 раз меньше. За полвека среднегодовая смертность в стране стабилизировалась – 544 тыс. в год в 1950–1955 гг., 533 тыс. в 1970–1975 гг., 549 тыс. в 1995–2000 гг., тогда как численность населения выросла с 41,8 до 62,7 млн человек (включая заморские департаменты и территории). В результате француз, родившийся в 1961 г., мог рассчитывать прожить до 65 лет, француженка – до 71 года, а родившиеся в 2003 г. соответственно до 76 и 83 лет. Таким образом, средняя продолжительность жизни за четыре десятилетия увеличилась у мужчин на 11 лет, а у женщин – на 12⁵⁴.

Более благоприятные показатели отмечались лишь в Японии (81 год в среднем у мужчин и женщин); в Европе – в Швейцарии, Швеции и Италии – 80 лет при средней продолжительности жизни по ЕС порядка 78 лет, а в США – 77 лет.

Если, однако, рождаемость в Европе повсюду опустилась ниже уровня смертности, а прирост продолжается, хотя и в основном благодаря иммиграции, то по смертности и соответственно средней продолжительности жизни налицо значительные различия. В бывших соцстранах Центральной и Восточной Европы и

⁵³ Les naissances ralentissent la cadence. Libération, 5 octobre 2004.

⁵⁴ Jacques Marseille. La guerre des deux France. Perrin, Paris, 2005.

на постсоветском пространстве средний уровень смертности составляет 14 на тысячу – на треть выше, чем в Западной Европе.

Самое тяжёлое положение со смертностью сложилось в России: в 2003 г. она достигла 16 на тысячу жителей – уровня Центральной Африки. Средняя продолжительность жизни российских мужчин составила 59 лет, женщин – 72 года. Это ниже, чем в Китае, большинстве арабских стран, в Латинской Америке и выше только по сравнению с самыми бедными странами планеты.

В поисках причин этой национальной катастрофы демографы Александр Авдеев и Ален Блюм отмечали не только исторические трагедии – огромные потери в двух мировых и гражданской войнах, коллективизацию, голод в 1921, 1932, 1947 гг., массовые политические репрессии советского периода, несколько волн эмиграции, но и негативные явления современности: алкоголизм, наркоманию, преступность, самоубийства (второе место в мире на 1000 населения), производственный, транспортный и бытовой травматизм, ухудшение медицинского обслуживания и т.д.

Эти причины объясняют, в частности, столь значительный разрыв средней продолжительности жизни у российских женщин и мужчин, которых они затронули в первую очередь. Он усугубил гендерный дисбаланс, восходящий к ещё первым послевоенным десятилетиям из-за колоссальных людских потерь и не смягчившийся даже полвека спустя⁵⁵. Естественно, что такой дисбаланс неизбежно отражается на числе браков и рождаемости³.

Увеличение средней продолжительности жизни в Западной Европе является бесспорно крупнейшим историческим завоеванием. Однако оно имеет оборотную сторону, которая беспокоит европейцев не меньше, если не больше, чем снижение рождаемости, – прогрессирующая эволюция возрастной пирамиды в пользу старших поколений за счёт молодёжи.

Если в 1945 г. удельный вес европейцев старше 65 лет составлял менее 10%, то полвека спустя он повысился более чем наполовину – до 16%⁵⁶. Вплоть до середины 1950-х гг. эта тенденция

⁵⁵ La Population du Monde. P. 388. Ещё больший дисбаланс образовался только в КНР, где он связан с жёсткой государственной политикой ограничения рождаемости.

⁵⁶ Géopolitique, № 74, juin 2001. P. 11.

компенсировалась всплеском рождаемости после окончания Второй мировой войны, когда возврат мужчин из армии и надежды на лучшее будущее, а в ряде стран и целенаправленная государственная политика помощи многодетным семьям, вызвали значительный рост коэффициента фертильности. В 1950–1955 гг. его среднегодовой уровень во Франции повысился до 2,73, в Италии – до 2,32, в Великобритании – до 2,18, в Германии – до 2,16⁵⁷.

Однако этот «бэби-бум» оказался непродолжительным. С начала 1970-х гг. он прекратился, сменившись стагнацией, а затем сокращением («бэби-крах»). В 1995–2000 гг. среднегодовой прирост населения снизился по сравнению с 1959–1955 гг. во Франции с 830 до 730 тыс., в Великобритании с 808 до 706 тыс., в Италии с 877 до 525 тыс., в Германии с 1106 до 763 тыс.⁵⁸ Удельный вес детей и подростков до 15 лет, составлявший в конце «бэби-бума» 25% населения Европы, упал четверть века спустя на треть – до 17%, почти сравнявшись с долей пожилых возрастов старше 65 лет⁵⁹.

Причём в XXI в. тенденция к расширению верхушки возрастной пирамиды и сужению её основания будет, видимо, усиливаться. В 25 странах Евросоюза доля людей старше 65 лет должна увеличиться с 16,4% в 2004 г. до 29,9 в 2050 г., а в абсолютных цифрах – с 75,3 до 134,5 млн. Наиболее высокая доля старших возрастов в населении окажется в Испании (35,6%), Италии (35,3) и Греции (32,5), наименьшая – в Люксембурге (22,1) и Нидерландах (23,5)⁶⁰.

Значительно увеличится численность самых пожилых людей т.н. «четвёртого возраста», которым перевалило за 80. Если в 2004 г. в 25 странах ЕС их было только 4%, то в 2050 г. она почти утроится, достигнув 11,4. Самой высокой она будет в Италии (14,1%), Германии (13,6) и Испании (12,8)⁶¹.

Если все эти прогнозы сбудутся, то возрастная пирамида населения Европы грозит опрокинуться с основания на вершину,

⁵⁷ La Population du Monde. P. 766.

⁵⁸ Ibid.

⁵⁹ Géopolitique, № 74, juin 2001. P. 11.

⁶⁰ Европа. Журнал Европейского Союза № 15(50), май 2005. С. 16.

⁶¹ Там же.

что повлечёт за собой далеко идущие последствия. В самом деле, по мере того как численность вступающей в трудовой возраст молодёжи будет сокращаться, а выбывающих из него пенсионеров увеличиваться, самодеятельное население неизбежно уменьшится. В 25 странах – членах Евросоюза доля работоспособного населения в возрасте от 15 до 64 лет, в 2004 г. составлявшая 306,8 млн человек (67,2%), сократится в 2050 г. на 56,7 млн, достигнув 254,9 млн (56,7%).

В результате, делает вывод демограф В. Шашков, уровень зависимости лиц пенсионного возраста (процентное соотношение числа людей старше 65 лет к числу людей в возрасте от 16 до 64 лет) увеличится с нынешних 24,5 до 52,8% в 2050 г. Принимая во внимание уровень детской зависимости (соотношение людей работоспособного возраста и детей моложе 15 лет), общий уровень зависимости в 25 странах ЕС вырастет за этот период с 48,9 до 76,5%. Это означает, что если сегодня на двух работоспособных приходится один ребёнок или престарелый, то к 2050 г. эта пропорция составит 4 к 3⁶².

Сокращение самодеятельного населения – сначала относительное, а теперь и абсолютное – влечёт за собой ряд весьма важных последствий социально-экономического, а отчасти и политико-психологического плана.

Самое очевидное из них – растущий дефицит системы социального обеспечения. Раньше она финансировалась достаточно успешно за счёт взносов всех предпринимателей и людей наёмного труда в кассы соцстраха (пенсионную, страхования по болезни, инвалидности, от безработицы и т.д.), а в известной мере и из госбюджета, то есть налогов. Тем самым дети и учащаяся молодёжь получали как бы аванс на будущее, а пенсионерам возвращался долг за годы их трудового периода.

Однако в последней четверти XX в. демографические сдвиги привели к тому, что общие (не только пенсионные) обязательные отчисления от прибылей предприятий и заработной платы превысили во многих европейских странах треть, а с прочими налого-

⁶² Валерий Шашков. Перспективы не обнадеживают. Европа, № 5 (50), май 2005. С. 16.

ми – половину ВВП. Это отразилось на себестоимости, конкурентоспособности европейских товаров и усилило аутсорсинг – отток капитала в развивающиеся страны, тормозя темпы экономического роста и обостряя проблему занятости.

Результатом стал глубокий кризис европейской модели социальной рыночной экономики, сложившейся в первые послевоенные десятилетия. Сначала Великобритания, а за ней (хотя и гораздо менее решительно) Германия, Франция, Италия ищут выход в увеличении взносов, сокращении пособий, продлении возраста выхода на пенсию или периода работы, необходимого для её начисления, наконец, они становятся на путь дополнения перераспределительных механизмов накопительными по образцу американских пенсионных фондов. Однако этот процесс протекает в Европе крайне болезненно, он вызывает продолжительный паралич исполнительной власти (Германия, Италия), а порой вообще выходит за рамки правового поля, выливаясь в уличные беспорядки (Франция).

Причём, как отмечает французский академик Жак Дюпакье, «поколения, родившиеся в первой половине XX века, приобретают всё больший политический вес. Государство, которое должно осуществлять трансферты, не осмеливается затронуть привилегии, постепенно сложившиеся почти повсюду»⁶³. По мере роста доли старших возрастов в избирательном корпусе европейских стран они становятся более консервативными, заинтересованными больше в сохранении существующего положения вещей, чем в реформах, неизбежно сопряжённых с риском для статус-кво.

Социальные проблемы усугубляются экономическими. Повышение удельного веса пожилых людей пенсионного возраста, на которых приходится всё более значительная доля общих доходов населения, существенно меняет объём и структуру потребительского спроса. Если молодёжь остаётся, несмотря на ограниченные финансовые средства, локомотивом спроса на новые высокотехнологичные товары (бытовая электроника, информатика, телекоммуникации), то у старших возрастов он концентрируется на тра-

⁶³ Jacques Dupâquier. Vers une dépopulation de l'Europe. Géopolitique, № 74, juin 2001. P. 6.

диционных – недвижимости, медицинских услугах, фармацевтике, что тормозит научно-технический прогресс. Да и по объёму этот спрос меньше. Сбережения пенсионеров, составляющие всё более значительную часть денежной ликвидности и банковских депозитов, не используются для перспективных, но рискованных вложений в акции отраслей «новой экономики», предпочитая невысокий, но зато гарантированный доход от облигаций, полисов страхования жизни и т.п.

Это неизбежно ограничивает мобильность европейских финансовых рынков и назревшие структурные сдвиги, особенно по сравнению с «всплывающими» экономиками азиатских гигантов – Китая, Индии, стран АСЕАН, где возрастная структура населения гораздо моложе и, следовательно, динамичнее, чем в Европе, а система социальной защиты развита меньше, если она существует вообще.

Причём в будущем эти тенденции имеют шансы нарастать. В 2006 г. начался массовый уход на пенсию поколений послевоенного «бэби-бума», место которых занимают их менее многочисленные дети и внуки. В таких условиях неизбежно усилится миграционное давление на Европу с юга. В начале XXI в. численность иммигрантов из стран Азии и Африки, особенно из бывших колоний европейских держав в их прежние метрополии (Магриба и Тропической Африки во Францию, Пакистана и Индии в Великобританию, Индонезии в Нидерланды, а также из Турции в Германию) составляла 15-17 млн человек, то есть от 5 до 10% коренного населения. По подсчётам демографических служб ООН, для сохранения нынешнего баланса между общим и самодеятельным населением Европа должна будет принять до 2025 г. в десять раз больше – 159 млн иммигрантов, а до 2050 г. – 700 млн. Иными словами, на каждого работающего коренного европейца придётся иммигрант.

В Соединённых Штатах такая перспектива выглядит вполне реально: к 2050 г. доля в населении людей европейского происхождения опустится ниже 50%-ной планки, а неевропейского превысит её. Среди них треть латиноамериканцев, четверть азиатов, 12% афроамериканцев (коэффициент фертильности у первых составляет сейчас 3,0, у вторых и третьих – от 2,1 до 2,3, а у «бе-

лых» – только 1,8).

Эта перспектива уже сейчас вызывает острую политическую борьбу вокруг иммиграционной политики вплоть до требований построить «стену» наподобие берлинской или израильской вдоль всей границы с Мексикой – от Атлантики до Тихого океана, чтобы прекратить нелегальную иммиграцию. Среди сторонников подобных радикальных идей выступает, в частности, консерватор и националист Патрик Бьюкенен, который бьёт тревогу по поводу угрозы «вымирания европейской расы»⁶⁴.

Пока такая угроза не слишком тревожит большинство американцев, каждый из которых является в каком-то поколении иммигрантом. Большинство их всё ещё верит в эффективность модели «плавильного котла», который до сих пор справлялся, пусть порой не без издержек, с нелёгкой задачей «переваривания» пришельцев со всех континентов, разного этнического происхождения, культурно-языковой и конфессиональной принадлежности на основе общей системы ценностей – «американской мечты».

«Доводы г-на Бьюкенена слишком упрощены. Они не допускают того, что иммигранты могут быть ассимилированы, причём именно западная культура привлекает так много их на Запад», – отмечает Реджинальд Дэйл в «Интернэшнл геральд трибюн». Тем не менее, он признаёт, что просто отмахнуться от аргументации Бьюкенена нельзя – это означало бы «прятать голову в песок перед вполне реальной и нешуточной проблемой»⁶⁵.

В Европе, состоящей в основном из прочно устоявшихся монациональных государств, двойной вызов депопуляции и массовых миграций из стран иного цивилизационного профиля приобрёл гораздо более болезненный характер. Он провоцирует, с одной стороны, реакцию отторжения пришельцев у коренного населения, выливающуюся в голосование за ультраправые группировки расистского толка – Национальный фронт Ле Пена во Франции или Народную партию Й. Хайдера в Австрии, а с другой – в бунты иммигрантских «этнических гетто», распространение там исламистского фундаментализма и международных террористи-

⁶⁴ Patrick Buchanan. *The Death of the West*. Washington – New York, 2001.

⁶⁵ Reginald Dale. *Population Trends Predict Decline of Democracies*.

ческих сетей типа «Аль-Каиды».

Отсюда «евроскептики» приходят к мрачным выводам о кризисе всей европейской цивилизации, которая, как до неё многие другие великие цивилизации прошлого, прошла этапы подъёма, процветания и клонится ныне к неотвратимому упадку. Подобная концепция, восходящая к Освальду Шпенглеру и Арнольду Тойнби, вновь получила ныне хождение благодаря работам Дэвида Хантингтона об угрозе «столкновения цивилизаций».

Однако факты не подтверждают эту схему. Хотя демографические и цивилизационные тенденции бесспорно связаны, их взаимозависимость отнюдь не линейна – бывали случаи, когда слишком высокие темпы роста населения тормозили развитие экономики и культуры, а его ограничение разумными пределами оказывалось необходимым условием общественного прогресса. Наиболее ярким примером могут служить гиганты Азии: Китай, где проводится жёсткая политика ограничения рождаемости («одна семья – один ребёнок»), вдвое опережает по темпам роста ВВП и его объёму на душу населения Индию, где эта политика по ряду политических и культурных причин провалилась.

Более того, все статистические прогнозы говорят о том, что к середине XXI в. дальнейший рост населения планеты достигнет предела, после чего рождаемость и смертность в глобальном масштабе стабилизируются на приблизительно равном уровне. Иными словами, человечество в целом вступит в третью стадию демографической динамики (низкая рождаемость – низкая смертность), в которую Европа вступила просто прежде других континентов и цивилизаций из-за более раннего развития у неё процессов урбанизации, индустриализации и эмансипации женщин.

За последние полвека коэффициент фертильности в мире сократился в среднем вдвое – с 5,4 до 2,7. Причём даже этот уровень колеблется в весьма широком диапазоне не только между Европой и развивающимися странами, но и внутри них самих. В ряде государств «третьего мира» данный показатель уже сейчас ниже порога простого замещения выбывающих поколений, в том числе в таких густонаселённых странах, как Китай, Бразилия, Таиланд. В Иране он составляет 2,1 – ровно столько же, сколько у его злейшего врага США. Высокая фертильность и, соответственно, рож-

даемость сохраняется лишь в двух десятках самых бедных, главным образом африканских стран, застрявших на второй стадии.

К середине XXI в. тенденция к выравниванию уровня плодородности приобретёт всемирный характер. В 2045–2050 гг. её среднегодовой уровень составит, по прогнозам ООН, в Африке 2,39 (вместо 5,27 в 2000 г.), в Азии 2,08 (2,7), в латинской Америке 2,1, в Европе 1,81, в Северной Америке 2,08. Очевидно, что такой разрыв нельзя более считать слишком драматичным.

Главным фактором, способствующим такому нивелированию, является не столько повышение уровня экономического развития, сколько распространение образования и просто грамотности среди женщин «третьего мира». Это очевидно даже в мусульманских странах, где их роль в семье и обществе оставляет желать лучшего⁶⁶.

Та же тенденция даёт о себе знать в отношении смертности и средней продолжительности жизни. В 1995–2000 гг. европеец мог рассчитывать при рождении дожить до 73,2 лет, азиат – до 65,8, латиноамериканец – до 69,3, африканец – до 51,4. Полвека спустя эти цифры должны составить соответственно 80,8 лет у первого, 77,1 – у второго, 77,8 – у третьего, и 69,5 – у четвёртого. В таких условиях равновесие между младшими и старшими поколениями в мире будет постепенно выравниваться⁶⁷.

Динамика народонаселения в Европе за длительные периоды времени свидетельствует о том, что там действовали те же самые закономерности, которые сегодня дают о себе знать за её пределами. Это опровергает тезис о примате биологических или антропологических факторов в демографии перед социокультурными и цивилизационными.

Наиболее убедительным примером может служить Франция. Число французов, обосновавшихся в канадской провинции Квебек в XVIII в., увеличилось с тех пор в 100 раз – с 60 тыс. до 6 млн,

⁶⁶ Emmanuel Todd. *Après l'Empire. Essai sur la décomposition du système américain*. Gallimard, Paris, 2002. P. 42.

⁶⁷ Если ещё недавно демографы предсказывали, что к 2100 г. численность населения планеты достигнет 15 млрд человек, то сейчас они снизили свой прогноз на треть – до 10 млрд. Это немногим больше, чем ожидается в 2050 г. См.: *La Population du monde*. P. 765; *Libération*, Mardi 5 octobre 2004. P. 11.

тогда как численность их соотечественников на исторической родине только втрое. Дело в том, что именно во Франции, являвшейся до революции 1789 г. самой населённой страной Европы (в период царствования Людовика XIV и наполеоновских войн каждый четвёртый европеец был французом), уже в первой трети XIX в. началось неуклонное сокращение рождаемости.

Создание в результате революции компактного слоя мелкособственнического крестьянства и городской мелкой буржуазии – торговцев, ремесленников, составлявших большинство населения страны и не желавших дробить наследство, привело к сознательному ограничению числа детей в семьях. В результате Франция отстала по населению сначала от России, затем от Германии, оказавшись на одном уровне с Англией и Италией, которых ранее превосходила по населению вдвое-втрое. В конце 1930-х гг. XX в. во Франции смертность впервые в истории Европы превысила рождаемость.

Однако после Второй мировой войны крутые сдвиги в экономике и социальной структуре страны в сочетании с активной государственной политикой помощи многодетным семьям переломили эту мальтузианскую практику. Темпы роста, как экономики, так и рождаемости во Франции в 1946–1973 гг. оказались выше, чем в большинстве западноевропейских стран. Даже после окончания «бэби-бума» коэффициент фертильности у французов до сих пор остаётся самым высоким в Европе (наряду с Ирландией), он составляет 1,9 против 1,7 в Великобритании, 1,33 в Германии, 1,23 в России, 1,20 в Италии.

Столь значительные колебания в одной и той же европейской стране на фоне постепенной стабилизации динамики народонаселения за пределами Европы говорят о том, что нынешний демографический упадок континента вовсе не является фатальным. Для его смягчения и тем более преодоления потребуются, конечно, немалое время, а главное – осознание важности решения данной проблемы как элитами, так и общественностью всей Европы от Атлантики до Урала и дальше вплоть до Тихого океана, куда простираются границы европейской цивилизации. Тот факт, что президент России В.В. Путин включил констатацию демографического кризиса в своё ежегодное Послание Федеральному Собра-

нию 2006 г. и предложил некоторые, пока ещё весьма ограниченные меры по стимулированию рождаемости, – признак того, что внимание к этой судьбоносной для всех европейцев проблематике растёт.

Характерно, что если вплоть до конца 1980-х гг. коэффициент фертильности в США отставал от европейского, то с начала 1990-х гг., когда американская экономика вступила в десятилетнюю полосу устойчивого высокого роста, рождаемость тоже последовала за ней, обогнав Европу. Причём это произошло не только в семьях недавних иммигрантов или «цветных» диаспор, но и американцев европейского происхождения. В связи с этим лондонский еженедельник «Экономист» утверждает, что к 2050 г. США опередят по численности населения Евросоюз, в США будет 400-500 млн жителей, а средний возраст американцев составит 35,5 лет против 52,7 в Европе⁶⁸. Независимо от того, сбудется это предсказание или нет, очевидно, что рождаемость по обе стороны Атлантики следует за экономическим ростом, а не наоборот.

Поэтому важнейшим средством смягчения демографического кризиса Европы должно стать, прежде всего, резкое повышение темпов роста и конкурентоспособности экономики Евросоюза и постсоветского пространства на основе наукоёмких высоких технологий. К сожалению, стратегия ЕС по достижению этой цели, намеченная на саммите в Лиссабоне в 2000 г., пока не принесла ощутимых результатов.

Не менее важно и то, что поиски решения демографической проблемы тесно связаны с проблемой международных миграций, которая приобрела в Европе наибольшую остроту.

В 2012 г. в мире было официально зарегистрировано 265 млн мигрантов, в том числе 15-17 млн в странах ЕС, по 11-12 млн в США и России (не считая десятков миллионов нелегалов). Очевидно, что в основе этого явления лежат, прежде всего, контрасты жизненного уровня и демографической динамики между промышленно развитыми и развивающимися странами (Север – Юг).

В таких условиях управление миграционными потоками становится одной из самых острых проблем глобальной и прежде

⁶⁸ The Economist, August 24th, 2002. P. 21.

всего европейской повестки дня. Решить проблему только административными мерами в рамках одного национального государства практически невозможно, особенно там, где пограничный контроль ослаблен или вообще отменён, как между странами – участницами Шенгенской зоны ЕС. Регулирование трансграничных перемещений огромных масс людей осложняется криминальной составляющей этого процесса – контрольные процедуры сплошь и рядом обходятся сетями международной преступности, финансируемых торговлей людьми, оружием, наркотиками. Важнейшей стороной управления миграционными процессами является поэтому не только пограничный контроль, но и чёткий выбор целей, условий, методов сосуществования коренных жителей стран-реципиентов и иммигрантских общин.

Если близкие в лингвистическом, культурном, конфессиональном отношении к среде страны приёма мигранты во втором-третьем поколении обычно ассимилируются (как это бывало, например, с итальянцами или испанцами во Франции), то ныне ситуация значительно осложнилась. Основная масса беженцев и трудовых иммигрантов в страны Евросоюза прибывает теперь из регионов с иными цивилизационными параметрами, главным образом из азиатских или африканских стран (Алжир, Тунис, Марокко, Турция, Индия, Пакистан, Мали, Сенегал и т.д.), где господствующей религией является ислам.

Государства ЕС привлекают мигрантов из этих регионов в поисках работы не только ввиду более высокого уровня и качества жизни по сравнению с их собственными странами, но и сохранением исторических связей с бывшими метрополиями после деколонизации (язык, образование), наличие там многочисленных диаспор соотечественников, создающих для них благоприятную среду приёма. Представители иммигрантских общин второго-третьего поколения, родившиеся уже в странах приёма, получившие там образование, а зачастую и гражданство, утрачивают связь с исторической родиной, исключая возврат туда. В то же время их ассимиляция с коренным населением затрудняется различиями уровня профессиональной подготовки, ментальности, фактической дискриминацией при приёме на работу и социальном продвижении, особенно в условиях экономического кризиса и высокой без-

работицы.

В результате иммигрантские общины уходят в себя, образуя в пригородах крупных промышленных центров замкнутые анклавны – этнические «гетто» с собственными порядками, правами, обычаями. Уровень образованности там оказывается ниже, а безработицы, наркомании, болезней – выше, чем в среднем по стране. Это превращает их в рассадники правонарушений, неконтролируемых правоохранительными органами, ибо любой мелкий инцидент рискует вызвать массовые беспорядки. Такие стихийные взрывы насилия, грозящие дестабилизировать обстановку (погромы школ, грабежи магазинов, поджоги автомашин) уже не раз происходили во Франции, Великобритании, Италии, Швеции и других странах.

На фоне ослабления в странах приёма традиционных семейных ценностей на первый план в качестве цементирующего фактора субкультурной идентичности иммигрантских диаспор выступает религия, прежде всего ислам. Мусульманские медресе и мечети, где преподают имамы, прошедшие подготовку за рубежом – в Саудовской Аравии, Катаре, Иране, нередко становятся рассадниками фундаменталистских взглядов и экстремистских лозунгов джихада – «священной войны» – против неверных во имя сознания всемирного исламского халифата.

Проблема международного терроризма властно выдвинулась на повестку дня мировой политики после событий 11 сентября 2001 г. – масштабных терактов в США, организованных экстремистским движением «Аль-Каида». Реакцией тогдашнего президента США Дж. Буша-младшего стало провозглашение «глобальной войны против терроризма» во имя демократизации Большого Ближнего Востока. Однако эта стратегия полностью провалилась, несмотря на колоссальное превосходство вооружённых сил США и их союзников, которые нанесли тяжёлые удары по сетям «Аль-Каиды» и убийство её лидера Усамы бен Ладена, военные действия в Ираке и Афганистане затянулись на целое десятилетие, зайдя в тупик и вынудив западные державы фактически признать своё поражение.

Этот провал усугубила мощная волна революционных потрясений, развернувшихся с весны 2011 г. в арабском мире. Крушение авторитарных, коррумпированных, но светских режимов Бен-

Али (Тунис), Мубарака (Египет), Салеха (Йемен), Каддафи (Ливия), затяжная гражданская война в Сирии привели к власти, вопреки надеждам Запада, не образованный либеральный средний класс, а представителей фундаменталистского ислама, неспособных решить острейшие проблемы модернизации региона. Результатом оказалась новая мощная волна политических беженцев и трудовых мигрантов в постиндустриальные страны Евросоюза, причём как раз в тот момент, когда они переживают системный кризис прежней социально-экономической модели, затормозивший темпы роста ВВП, обостривший проблемы занятости, особенно среди молодёжи. Трудности поисков приезжими работы и их адаптации к чуждой цивилизационной среде значительно возросли. Это способствует изоляции диаспор неевропейского происхождения в странах приёма, усиливая среди их молодёжи протестные настроения. Они выливаются в массовые беспорядки, погромы, а порой и терроризм, как вдохновляемый международными исламскими джихадистами, так и индивидуальный, подпитываемый социальными сетями экстремистского характера.

С другой стороны, усиливаются ксенофобские, антиисламские, порой даже расистские тенденции среди коренного населения европейских стран приёма, направленные против иммигрантов из Азии и Африки. Их активно и небезуспешно используют в политических целях ультраправые национал-популистские движения – Партия свободы в Нидерландах, Национальный фронт во Франции, Золотой рассвет в Греции и т.д. На президентских выборах 2012 г. во Франции лидер Национального фронта Марин Ле Пен получила 18% голосов, а её лозунги, по данным опросов, разделяют в той или иной мере до трети всего избирательного корпуса. Логика политической борьбы заставляет умеренные системные партии правоцентристского толка учитывать в своих предвыборных программах и правительственной практике антииммигрантские настроения «народного» электората.

Все эти факторы поставили под вопрос традиционные подходы промышленно развитых стран, прежде всего европейских, к проблемам национальных отношений вообще и политике иммиграции в частности. Исторически западноевропейские государства строились чаще всего как мононациональные с доминирова-

нием одного народа, язык и культуру которого принимали представители иных этносов. Полиэтнические федерации или конфедерации (Швейцария, Бельгия) были исключением.

В период формирования западноевропейских колониальных империй их заморские владения были географически, юридически и культурно отделены от метрополий, их цивилизационная специфика не слишком отражалась на национально-гражданской, политической и культурной идентичности европейцев (Великобритания, Франция, Испания, Португалия и т.д.). Напротив, на востоке и юго-востоке Европы государства изначально создавались как полиэтнические, многонациональные. Эта особенность усугублялась созданием территориально единых империй, не разделённых географически, где государствообразующая нация в той или иной мере смешивалась с другими этническими группами. Национальная принадлежность их подданных нередко определялась не этносом, а отношением к господствующей религиозной конфессии.

История Европы XIX–XX вв. прошла под знаком борьбы народов за национальное самоопределение, завершившаяся, как правило, успехом – формированием всё новых государств-наций (объединение Германии, Италии, независимость Польши, Ирландии, балканских и прибалтийских стран). В этнически более пёстрой Центральной и Восточной Европе проблему пытались решить также путём создания национальных автономий или федеративных государств. По тому же пути пошли и другие регионы планеты, где в результате крушения колониальной системы родились десятки новых национальных государств. Логика глобализации открыла перед многими из них путь к выходу из вековой отсталости и нищеты, способствовал сближению если не уровней, то образа жизни в планетарной «мировой деревне». Однако опыт показал, что проблема поисков оптимальной модели межэтнических отношений отнюдь не решена ни внутри отдельных государств, ни их интегрированных региональных объединений. Более того, в условиях неуклонного роста миграционных потоков она имеет тенденцию к обострению.

Традиционно считалось, что развитие рыночной экономики и демократизация политических режимов сами по себе способствуют преодолению этнических барьеров между разными категория-

ми граждан. Принцип равенства перед законом был одним из основополагающих в Декларации прав человека и гражданина, провозглашённой во время Великой Французской революции 1789 г. Он вошёл с тех пор в конституции всех цивилизованных государств и был объявлен Организацией Объединённых Наций универсальным.

Реализация этого принципа на практике прошла через ряд исторических этапов, в ходе которых принимала в разных странах различные формы. В Европе долгое время преобладал двойкий подход – ассимиляция большинства граждан путём усвоения ими законов, языка, культуры, обычаев титульной нации при сохранении за национальными меньшинствами права на сохранение собственной идентичности, подкрепляемое в ряде случаев территориальной автономией или федеративными структурами.

В США, изначально являвшихся страной иммигрантов из других частей света, прежде всего, из Европы, основой их сожительства стала формула «плавильного котла» – растворения всех этнических категорий в более или менее однородную среду с общими ценностями, законами, языком, причём федерализм штатов никогда не носил национально-этнического характера. Важнейшими вехами в истории формирования единой нации в США стали отмена рабства, вызвавшая гражданскую войну Севера с Югом, а столетием спустя – преодоление (пусть далеко незавершённое) фактического неравенства цветного населения политикой обеспечения его гражданских прав путём «позитивной дискриминации».

Эти модели – европейская и североамериканская – были так или иначе учтены и использованы государствами Азии, Африки, Латинской Америки после их деколонизации (Индия, Мексика, Бразилия и т.д.), хотя и с переменным успехом. В конце XX в. обе модели вступили в полосу системного кризиса. Уже Первая мировая война привела к массовым перемещениям сотен тысяч людей по национальному признаку (Греция – Турция), а иногда и к геноциду (армяне в Османской империи). Во время и после Второй мировой и деколонизации подобные катастрофы приобрели ещё более широкий размах (Холокост, депортация ряда народов СССР, выселение немцев из Восточной Европы, размежевание Индии с Пакистаном).

Вместе с тем, во многих государствах сохранились крупные этнические и конфессиональные анклав, отделённые от соплеменников и единоверцев за рубежом (курды, палестинцы, баски и т.д.). Это провоцировало пограничные конфликты между сопредельными государствами (индо-пакистанские, арабо-израильские войны), межэтнические конфликты и гражданские войны.

Попытки создать альтернативную модель решения национального вопроса на основе «пролетарского» или социалистического интернационализма в форме квазифедеративного устройства, в конечном счёте, не увенчались успехом, завершившись распадом СССР, Чехословакии и Югославии.

Ненамного более убедительным оказался в этом плане и опыт Европейского союза, где высокая степень экономической интеграции не помешала росту национализма, ирредентизма и сепаратизма, поставив прочно устоявшиеся государства-нации на грань раскола (Каталония и Страна Басков в Испании, фламандцы и валлоны в Бельгии, Шотландия и Северная Ирландия в Великобритании, Корсика во Франции).

Естественно, что в таком контексте массовый приток с Юга на Север мигрантов из иных цивилизационных ареалов потребовал радикального пересмотра прежних моделей межэтнических отношений. В этих условиях становится необходимой разработка новых, более гибких и эффективных моделей, отходящих от общепринятого прежде «политкорректного» в Западной Европе мультикультурализма. Под этим термином, впервые получившим хождение и практическое применение в Великобритании во второй половине XX в., имелось в виду сосуществование этнических диаспор, сохраняющих собственные автономные, культурные и конфессиональные структуры, которые могли бы выступать в роли полномочных представителей интересов своих членов перед лицом государственных институтов страны проживания. Подобная практика явно не оправдала себя – она привела не к мирному диалогу и взаимному обогащению культур, а к жёстким конфликтам, чреватым расколом общества и государства.

Выступив с совместным заявлением об осуждении мультикультурализма, президент Франции Н. Саркози, канцлер ФРГ А. Меркель и премьер-министр Великобритании Д. Камерон не су-

мели, однако, предложить приемлемую для всех альтернативную модель, которую настойчиво ищут, каждый с учётом своей специфики, ведущие центры многополярного мира XXI в. – ЕС, США, Россия, Китай, Индия. Речь идёт, разумеется, не о единой универсальной схеме. Она должна быть достаточно гибкой, чтобы адаптироваться к самым различным конкретным ситуациям. Тем не менее, её некоторые общие черты уже очевидны. К ним относятся такие меры, как договорная кодификация права убежища в международном масштабе; законодательное регулирование квот миграционных потоков по численности, возрасту, полу, уровню образования, профессиональной квалификации; согласование иммиграционной политики между реципиентами и донорами в рамках многосторонних организаций; увязка объёма и условий перемещения рабочей силы через границы с экономической помощью промышленно развитых стран беднейшим развивающимся, включая совместное пресечение нелегальной иммиграции, криминальной «торговли людьми».

ГЛАВА 5. ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ ЕВРОПЫ*

Смещение центра тяжести глобальной экономики и политики с Северной Атлантики в Азиатско-Тихоокеанский регион, ставшее одной из главных тенденций мирового развития в начале III тысячелетия н.э., влечёт за собой далеко идущие последствия не только материального плана. Сдвиги в расстановке экономических и военных сил на планете сопровождаются эволюцией её духовного ландшафта.

Беспрецедентный модернизационный рывок ряда крупнейших развивающихся стран, прежде всего Китая, Индии, Бразилии, Южной Африки, побуждает их элиты добиваться морального реванша за века гнёта и унижений, пережитых ими в эпоху господства колониальных держав Европы. Это вполне объяснимое стремле-

* Рубинский Ю.И. Ценностные ориентиры Европы. М., Ин-т Европы РАН, 2013. 56 с. Доклады Института Европы РАН № 297.

ние ведёт к культурному самоутверждению стран Юга и Востока, отвергающему пришедшие с Запада стандарты массового потребления, быта и нравов, диктуемые неписаными законами глобализированного постиндустриального общества.

Оно ещё более усилилось после глубокого финансово-экономического кризиса 2008–2010 гг., который начался в основных центрах силы Запада – США, Евросоюзе, Японии, дискредитируя их модели в качестве единственного образца для подражания на пути модернизации.

В той мере, в какой эта перебалансировка находит выражение в пробуждении великих древних цивилизаций, она естественна и оправдана, возвращая человечеству многие духовные богатства, забытые или утраченные за 400-летний период гегемонии Запада. Тем не менее, порой она приобретает утрированный, реваншистский характер. «Возврат к истокам» превращается тогда в разжигание национальной и религиозной розни, нетерпимости, попытки реставрировать силой, в том числе террором, архаичные формы духовной и общественной жизни.

Результатом может оказаться катастрофическое «столкновение цивилизаций», об опасности которого предупреждал Самюэль Хантингтон⁶⁹. Бурные, нередко трагические события «арабской весны» – волны социально-политических потрясений, прокатившихся по мусульманским странам Ближнего Востока, Северной Африки – вылились в революции и гражданские войны, вызвавшие в ряде случаев вооружённое вмешательство извне.

Характерной чертой этих событий оказалось тесное переплетение материальных интересов участников и их ценностных ориентаций. Провести грань между теми и другими, определить степень их влияния на мотивы государств и общественных сил оказывается весьма сложной задачей. Поскольку события «арабской весны» непосредственно затронули как интересы, так и ценности европейских государств, анализ их сущности приобретает несомненный интерес.

⁶⁹ Samuel P. Huntington. The Clash of Civilizations and the remaking of World Order. London, 1996.

Европейские ценности

Смысл понятия «ценности» как формы общественного сознания зависит от сферы его приложения. В экономике под этим термином имеется в виду определённый вид и объём материальных благ – товаров, капиталов, услуг, движимой и недвижимой собственности, цена которой зависит от колебаний спроса и предложения на рынке. Значение культурных ценностей (произведений искусства, литературы, поэзии) измеряется не столько их рыночной стоимостью, сколько эстетическими достоинствами – талантом и мастерством творца, находящими отклик в сердцах зрителей, слушателей, читателей. Наконец, в философии и её специальном разделе аксиомике под ценностями имеются в виду оптимальные условия для достижения человеком его целей в жизни, способы достижения этих целей и их последствия для других людей, определяемые в нравственных категориях добра и зла.

На индивидуальном, личностном уровне семьи, близких, соседей ценностями могут считаться любовь, уважение, доверие, дружба; на коллективном – легитимность власти, верховенство закона, равенство шансов, свобода выбора и т.д. Закреплённые традицией, правовыми нормами, религиозными канонами ценности служат своего рода сеткой координат, кодексом правил поведения людей в обществе, нарушение которых влечёт за собой санкции – моральные или правовые.

Ценностные ориентиры, присущие определённому социуму (народу, клану, партии, корпорации), образуют единую систему, имеющую свою внутреннюю логику. Тем не менее, приоритеты их могут меняться, сталкиваясь различные нравственные императивы – чувство и долг, стремление к миру и необходимость отпора агрессии, уважение к частной собственности и социальную справедливость. В таких случаях возникают коллизии, преодоление которых требует от человека не только ума и силы воли, но и совести, моральной ответственности за себя и других.

В разные эпохи и у различных народов эти приоритеты, как и сами ценности, могут значительно отличаться и эволюционировать: достаточно привести пример принципа равноправия женщин, этнических, конфессиональных или сексуальных меньшинств, к

которому под разными широтами относятся весьма неоднозначно. «Истина по одну сторону Пиренеев оказывается заблуждением по другую», – иронически отмечал французский философ XVII в. Блез Паскаль.

В связи с этим возникает проблема принадлежности той или иной ценностной системы к региональному цивилизационному ареалу или же к их общему знаменателю – мировой цивилизации в целом, определить контуры которой всегда было весьма сложно. Бывали времена, когда самые крупные очаги цивилизации – Римская и Китайская империи – развивались независимо друг от друга, причём каждая считала себя островом культуры, за пределами которого царил варварство (отсюда термин «Срединная империя», как до сих пор иногда называют материковый Китай).

За прошедшие с тех пор два тысячелетия мир изменился до неузнаваемости. Развитие торговых путей и великие географические открытия, завоевательные походы и колонизация, прозелитизм и миссионерство религий постепенно расшатывали границы национальных государств. К началу XXI в. колоссальные потоки товаров, капиталов, людей превратили планету в «мировую деревню», каждый из 7,2 млрд обитателей которой в чём-то зависит от другого. Технически он способен постоянно общаться в реальном времени со своим антиподом. Стандартизация производства, потребления, массовой культуры ведёт к неуклонной эрозии самобытности цивилизационных ареалов и их ценностных систем.

Между тем те же самые процессы порождают и обратный эффект. Опасности утраты культурной идентичности, размывания традиционных ценностей провоцируют всплески национализма и ксенофобии, религиозной нетерпимости и фанатизма, принимающих порой экстремистские формы. Они могут выражаться в попытках повернуть время вспять, решить проблемы настоящего и будущего апелляцией к традиционным, порой отжившим, ценностям прошлого. Их олицетворением служат мифологизированные образцы великих предков – государственных деятелей и полководцев, культ которых призван оправдать амбиции современных политиков. Отсюда призывы к протекционизму в экономике, самоизоляции в духовной сфере, ссылки на происки внешних врагов и их местных пособников как главной причины трудностей.

Они оборачиваются порой и претензиями на превосходство собственной системы ценностей над всеми прочими, а иногда и попытками агрессивного навязывания её другим как единственного идеального образца.

Под знаком такой манихейской дихотомии, подпитывавшейся непримиримо враждебными идеологиями, прошла по существу почти вся история XX столетия, отмеченная двумя мировыми войнами, революциями, господством тоталитарных режимов, которые сделали своим принципом циничную формулу: «цель оправдывает средства» – моральным объявлялось всё, что отвечает интересам той или иной социально-политической системы.

С окончанием холодной войны могло казаться, что перед лицом беспрецедентных вызовов, с которыми столкнулось человечество на рубеже III тысячелетия н.э. (демография, ресурсы, климат), ценностный абсолютизм навсегда уйдёт в прошлое. К сожалению, эти надежды не оправдались. Противоборство «Аль-Каиды» Усамы бен Ладена и американских неоконсерваторов при президентстве Дж. Буша-младшего, объявивших глобальную «войну террору» путём насаждения демократии в исламском мире вооружённой силой, изуверский фанатизм ИГИЛ снова придали международным конфликтам ценностное измерение. Хотя окончательную победу не одержал никто из них, а поражение потерпели по сути дела все стороны, ту же тенденцию продолжают кризисы, связанные с реакцией на последствия «арабской весны» (Ливия, Сирия, Мали).

Помимо непосредственных участников подобных конфликтов, их издержки приходится во многом оплачивать всему человечеству, в том числе Европе, которая издавна служила своего рода опытным полем, лабораторией, где рождаются, проходят проверку и становятся всеобщими или отмирают многие ценностные категории современного многополярного мира.

Единство и плюрализм

Спецификой Европы всегда было и остаётся противоречивое сочетание различий этнического происхождения, языков, культуры, религиозных конфессий населяющих её народов с глубокой общностью системы их основополагающих ценностей.

Евросоюз недаром называют порой Вавилонской башней. В самом деле, каждая из трёх основных групп индоевропейских языков, на которых говорят в Европе – германская, романская и славянская, в свою очередь распадается на множество ветвей. На германских языках говорят немцы, австрийцы, голландцы, англичане, скандинавы – шведы, датчане, норвежцы, исландцы. На романских – итальянцы, французы, испанцы, португальцы, румыны. Славянская семья распадается на западных славян (поляки, чехи, словаки, словенцы), южных (сербы, хорваты, болгары) и восточных (русские, украинцы, белорусы).

Этнолингвистическая карта Европы не совпадает с политическими границами государств. В Ирландии, Шотландии, Уэльсе, французской Бретани ещё пользуются кельтскими языками (гэльский, бретонский). Треть венгров живёт за границей, в Бельгии валлоны говорят по-французски, а фламандцы на нидерландском, в Швейцарии разные кантоны на немецком, французском, итальянском и ещё рето-романском.

Особняком от них всех стоят угро-финские языки (финны, эстонцы, венгры, мордва, мари, черемисы на Волге), прибалты (литовцы, латыши), а языки басков и албанцев вообще не имеют аналогов.

Хотя религиозными корнями всех европейских народов (за исключением албанцев-мусульман) является христианство, оно распадается на три ведущие конфессии – католицизм, православие и протестантизм, причём последний включает множество течений и сект – лютеранство, кальвинизм, англиканство и т.д.

Верующие испанцы, португальцы, итальянцы, французы, южные немцы, австрийцы, а также чехи, поляки, словаки, литовцы, венгры, словенцы, хорваты в подавляющем большинстве католики; северные и восточные немцы, англичане, голландцы, скандинавы, финны, латыши, эстонцы – протестанты. Православие, возникшее в Византии, приняли вслед за греками сербы, болгары, румыны, русские, украинцы, белорусы.

Этнолингвистическая и конфессиональная чересполосица во многом способствовала тому, что история Европы была, прежде всего, историей войн за передел территорий, населения, ресурсов – сначала европейских, а в колониальную эпоху и заморских. Ев-

ропа стала исходным рубежом и основным полем битвы двух мировых, а затем холодной войн, которые раскалывали континент на противостоящие общественные системы, выступавшие под флагами враждебных религиозных или идеологических учений, и военные блоки. Закономерным результатом колоссальных потерь и разрушений в этих войнах стала утрата Европой роли центра тяжести мировой экономики и политики, переместившегося сначала на запад – в Северную Америку, а затем на восток, в Азиатско-Тихоокеанский регион.

В то же время в ценностном отношении европейцы всегда сохраняли, несмотря на раздиравшие их конфликты, чувство принадлежности к одному и тому же цивилизационному ареалу⁷⁰. «Все народы Европы имеют общую физиологию, некоторое общее сходство. Вопреки огульному разделению их на латинскую и тевтонскую расы, на южан и северян – всё же есть общая связь, соединяющая всех их в одно целое и хорошо видимая каждому, кто поглубже вник в их общую историю. Вы знаете, что ещё сравнительно недавно вся Европа называлась христианским миром, и это выражение употреблялось в публичном праве. Кроме общего характера, у каждого из этих народов есть ещё свой частный характер, но и тот, и другой всецело сотканы из истории и традиции, – писал выдающийся русский мыслитель XIX в. П.Я. Чаадаев. – ... Это идеи долга, справедливости, права, порядка. Они родились из самих событий, образовавших там общество, они входят необходимым элементом в социальный уклад этих стран. Это и составляет атмосферу Запада; это – больше, чем история, больше, чем психология, это физиология европейского человека»⁷¹.

Основой этой общности служит, прежде всего, культурное наследие Античности – древних Греции и Рима. «На берегах и островах Эгейского моря возникла цивилизация, имеющая исключительное значение не только для своего времени и географических рамок, но и уникальная по интенсивности своего влияния на традиции культуры, в которой мы живём до сих пор», – писал

⁷⁰ См. Ю.И. Рубинский. Европейские ценности. М., 2007 г. Доклады Института Европы РАН № 189.

⁷¹ П.Я. Чаадаев. Статьи и письма. Современник, М., 1989. С. 44, 45.

историк Европы Дж. М. Робертс⁷².

Древние греки передали современным европейцам представление об окружающем мире как гармоничном целом, фундаментальные категории философии, этики и эстетики, Платон и Аристотель изучили основные формы государственного строя – автократию, аристократию и демократию, предупредив об опасности вырождения их при определённых обстоятельствах в тиранию, олигархию или анархию. Хотя демократические Афины потерпели поражение в войне против аристократической Спарты, после чего вся Греция подпала под власть Македонии, затем Рима, афинская демократия, даже ограниченная рабовладением, навсегда осталась в сознании европейцев символом народовластия – решения стоящих перед государством и обществом проблем по воле большинства при уважении прав меньшинств.

В древней Элладе родились и достигли расцвета основные виды и жанры европейской культуры – литература, драматургия, театр, скульптура, живопись, наконец, спорт, о чём до сих пор напоминают Олимпийские игры.

Не менее важным компонентом в формировании системы ценностей современной Европы стало право Древнего Рима. «Нередко говорят, что римское право является одним из устоев европейской цивилизации. Это действительно так», – констатирует британский историк Норманн Дэвис⁷³.

Само латинское слово «lex» («закон») переводится как «связь», т.е. взаимозависимость между членами общества. Хотя своды законов были уже гораздо раньше в деспотиях Древнего Востока – от Хаммурапи до Моисея, именно римское право впервые юридически отделило гражданскую сферу жизни от публичной, закрепило понятие частной собственности, ввело в качестве способа решения гражданских споров открытый состязательный процесс между равноправными сторонами, где суд выносит приговор на основе писаного законодательства. «Dura lex sed lex» («Суров закон, но он закон») гласит латинская формула, украшающая до сих пор судебные учреждения многих европейских стран.

⁷² Roberts J.M. The Penguin History of Europe. Penguin Books, 1997. P. 23.

⁷³ Norman Davies. Europe. A history. Oxford University Press, Oxford-New-York, 1996. P. 821.

Римская правовая культура стала основой самой эффективной для своего времени гражданской и военной администрации – чётко структурированной системы управления государством по принципу субсидиарности, где каждый носитель власти имел строго определённый круг полномочий и ответственности. Она продолжала бесперебойно функционировать даже при правлении императоров-тиранов вроде Калигулы или Нерона.

Важнейшим истоком европейских ценностей стало христианство. Придя в Европу с Ближнего Востока и превратившись за три столетия из гонимой иудейской секты в государственную религию Римской империи, оно принесло Европе основу её нравственной и духовной культуры. 10 заповедей Ветхого завета и евангельская проповедь любви к ближнему, милосердия, покаяния служили на протяжении двух тысячелетий моральным компасом в житейском море для десятков поколений европейцев.

Это особенно характерно для Европы Средних веков, когда христианская вера была безраздельно господствующей формой общественного сознания. С христианством тесно связаны такие кардинальные ценности европейского феодального общества, как кодекс рыцарской чести, верности вассала сеньору, куртуазного служения Прекрасной даме, легенда о мистическом Граале – кубке с обращённой в вино кровью Спасителя, символизировавшего вечные поиски недостижимого идеала. Романтическую ностальгию по этим ценностям, тронутую грустной иронией, олицетворяет «рыцарь печального образа» – Алонсо Кихана Добрый, известный под именем Дон Кихот.

В истории европейского христианства было немало мрачных страниц – жестокие преследования еретиков, охота на ведьм, кистры инквизиции, иступление крестовых походов и кровавых религиозных войн, обскурантизм и фанатичное мракобесие. Они послужили суровыми уроками, включив в систему ценностей европейцев такое фундаментальное понятие, как веротерпимость (которой не хватает, к сожалению, ныне многим другим великим монотеистическим религиям).

Вековая борьба за первенство между светской и духовной властями – императорами и папами на Западе, басилевсами или царями и патриархами на востоке Европы – завершилась, в конеч-

ном счёте, отделением в большинстве европейских стран церкви от государства и школы от церкви, закреплением в Конституциях секулярного принципа свободы совести, не допускающего дискриминации за религиозные убеждения или их отсутствие.

Если культурное наследие Античности и христианство стали достоянием всех европейцев, способствовав формированию ими единой системы ценностей, то это могло произойти, как ни парадоксально, только благодаря тому, что в них изначально был заложен внутренний плюрализм, многовариантность.

Культура республиканского, затем имперского Рима сформировалась в соревновании с греческой, заимствуя одни её элементы (религию, искусство) и отторгая другие. Навязанное Римом провинциям империи писаное право конкурировало с обычным, прецедентным правом завоёванных народов, особенно германских, до тех пор, пока между ними не образовался относительный компромиссный синтез. Тем не менее, немалые различия между англосаксонской и континентальной правовыми системами, между массовым правосознанием на западе и востоке в результате длительного господства азиатских завоевателей (монголов, турок) сохраняются поныне.

Это тем более очевидно в отношении христианства. Священное писание толкуется в отдельных частях Европы с учётом местных культурных традиций. Наряду с теологическими и ритуальными вопросами, церковные расколы были связаны с различными подходами к нравственным и социальным проблемам. Протестанство появилось на европейской арене там и тогда, где католическая церковь, связанная общностью интересов с феодальным прошлым, стала помехой для дальнейшего развития рыночной экономики и её мотора – городской торгово-ремесленной буржуазии. Если в католическом вероучении частная собственность и прибыль сохраняют морально ущербную печать греховности, то в протестантском пуританизме они оказываются инструментом Божьего промысла, а вера не нуждается в церковных посредниках. Аналогичные ценностные нюансы присутствовали и в православии (недаром значительная часть русского купечества была старообрядцами). Тем не менее, фундаментальные нравственные основы христианского вероучения были и остаются общими для

всех европейцев.

Если Античность и христианство послужили истоками европейских ценностей, то решающими вехами в их дальнейшей исторической эволюции стали Ренессанс и Просвещение. Обе эти эпохи были временами острейшей борьбы нового со старым, разрыва традиции с модерном. Традиционный уклад, присущий деревне, всегда базируется на неизменном циклическом повторении времён года, использовании одних и тех же привычных способов и орудий производства. Ему присущ вертикально-иерархический, патерналистский принцип построения семьи, общины, государства, где домочадцы, крестьяне, подданные безропотно подчиняются авторитету отца, хозяина, монарха, гарантирующих им взамен безопасность и покровительство.

Напротив, культура модерна, родившаяся в европейском городе, всегда была и остаётся неразрывно связана с идеей постоянного обновления, прогресса – материального и духовного. Вертикальная структура общественных связей, присущая консервативной традиции, волей-неволей отступала под нажимом горизонтальной. Будучи центрами торговли, ремесла, услуг, города, окружённые крепостными стенами, добивались от феодальной аристократии и монархов в обмен на займы и уплату налогов выборного самоуправления. Оно опиралось порой на собственную вооружённую силу. Крепостной, проживший в европейском городе год и один день, становился его гражданином: «Воздух города делает свободным».

Апеллируя к античным образцам, мыслители-гуманисты Ренессанса – Эразм, Брант, Рабле (XIV–XVI вв.) существенно обновили ценностную систему Европы. Они поставили человека в центр мироздания, провозгласили его мерой всех вещей. Широко раздвинув горизонты Европы в ходе великих географических открытий, а Земли – во Вселенной, Колумб, Магеллан, Коперник помогли европейцам осознать безграничные возможности человеческого ума и воли, Леонардо да Винчи или Микеланджело – величия его творческого гения⁷⁴.

⁷⁴ Эразм Роттердамский. Философские произведения. М., Наука, 1987 г.; Себастьян Брант. Корабль дураков. Избранные сатиры. М., «Художественная литература», 1965 г.

К эпохе Ренессанса и Реформации относится формирование такой характерной черты психологии западноевропейцев, как индивидуализм. Под этим термином, имеющим обычно негативные коннотации, подразумевается отнюдь не просто эгоистическое равнодушие к окружающим людям и готовность жертвовать чужими интересами ради собственных. Речь идёт о чувстве собственного достоинства, независимости от чужих милостей, инициативе и готовности к риску, личной ответственности за свои поступки. Именно эти «прометеевские» качества, воспетые впоследствии романтиками, побудили европейцев отправиться вслед за Марко Поло, Плано Карпини, Афанасием Никитиным в далёкие странствия к иным цивилизациям, за Кортесом, Писарро, Эрмаком – на завоевание горстками конкистадоров или вольных казаков целых континентов.

К тому же индивидуализм в системе европейских ценностей не исключал, а напротив, предполагал и поощрял связи между людьми не только по вертикали (господство – подчинение), но и по горизонтали (семейные, общинные, религиозные и т.д.). Впоследствии именно эта солидарность легла в основу структур европейского гражданского общества – партий, профсоюзов, ассоциаций по интересам, которые стали посредниками между государством и гражданами, условием существования и опорой политической демократии.

Материальными предпосылками Ренессанса стало бурное развитие торговли, банковского дела, теснивших свойственное феодализму натуральное хозяйство. Средневековая культура деревни, замка, монастыря уступала городской с её ремесленными цехами, купеческими гильдиями, выборными магистратами и коммунальными свободами. Мануфактурное, затем фабричное производство на основе наёмного труда брало верх над крепостничеством и земельной рентой.

«Традиция частной собственности подготовила подъём рыночной экономики, являющейся одной из характерных черт европейского континента. Со времён Ренессанса обмен товарами между ведущими европейскими странами, путешествия ради торговли, отправление в путь судов, гружённых тканями, продовольствием, винами или инструментами, становится повседневной практикой,

– пишет бывший премьер-министр Франции Доминик де Вильпен. – ... Появление капитализма лишь ещё более углубит связь между европейским индивидуализмом и торговой традицией континента. Принимая термины Вебера, можно считать, что развитие капитализма опиралось на дух протестантизма – религии, которая обещает своим верующим спасение души с учётом их успеха, являющегося плодом не столько их личного труда, сколько божественного избрания»⁷⁵.

Не менее значительный, поистине капитальный вклад в формирование системы европейских ценностей внесло Просвещение. Блестящая плеяда философов XVIII в. – Вольтер, Руссо, Дидро, д'Аламбер, провозгласила критический разум, не признающий ни предрассудков, ни традиционных авторитетов, единственным инструментом познания законов окружающего мира и его перестройки на рациональных началах. Среди интеллектуальных элит Европы наука начала постепенно теснить религию как ведущая форма общественного сознания, знание стало не менее важной ценностью, нежели вера. Вековая борьба между ними за первенство привела, в конечном счёте, Европу к признанию необходимости признания обеих как органически присущих человеку неразрывных сторон его духовной и материальной жизни.

Именно энциклопедисты впервые в мире ввели понятие естественных прав человека и гражданина, нашедших выражение в бессмертном лозунге Великой Французской революции 1789 г. – Свобода, Равенство, Братство. Нанеся сокрушительный удар по сословным привилегиям дворянства и духовенства, по неограниченной власти абсолютных монархов, она стала решающим этапом в утверждении демократии как непреходящей ценностной категории европейцев.

Ренессанс, Реформация и Просвещение утверждали свои идеалы в упорной борьбе с архаическими традициями прошлого, радикально обновляя как сами ценности, так и их приоритеты. Однако традиции не исчезали бесследно. Даже лишённые былой безраздельной власти над умами и душами прежние элиты долго

⁷⁵ Jorge Semprun, Dominique de Villepin. L'Homme européen. Plon, Paris, 2005. P. 36-37.

сохраняли сторонников. Некоторые традиционные взгляды, принципы, структуры выживали, причудливо переплетаясь с новыми и образуя с ними противоречивый синтез. Это помогало смягчать болезненные последствия революционных разрывов экономической, политической и культурной ткани общества, сохраняя при обновлении элит преемственность поколений. Главной характеристикой системы европейских ценностей стал их плюрализм. Хотя в принципе плюрализм мнений, признание права на существование и диалог с политическими противниками, возможности ротации власти с ними в ходе свободных выборов является основой системы европейских общественных ценностей в целом, соблюдается далеко не всегда без проблем⁷⁶.

В этом плане имеет смысл сравнить различные пути обновления общественно-политического сегмента ценностных систем, избранные двумя ведущими державами Западной Европы – Англией и Францией.

Первая в Европе английская революция XVII в. прошла через достаточно драматические этапы – гражданскую войну, казнь короля, диктатуру Кромвеля, но завершилась, в конце концов, компромиссом между прежней и новой элитами – консервативной земельной аристократией и либеральной городской буржуазией. Политической формой этого компромисса стала монархия, где права короля были ограничены парламентом с аристократической Палатой лордов и преимущественно буржуазной Палатой общин, баланс между которыми обеспечивала относительно независимая судебная система.

Создание такой системы облегчалось постепенной интеграцией прежних элит в рыночную экономику и использованием буржуазией в своих интересах таких позитивных элементов старого порядка, как гарантия неприкосновенности личности Великой хартией вольностей (*Magna carta*), вырванная некогда феодалами у короны. Залогом ценностной стабильности общества послужил тот факт, что английская революция проходила под флагом протестантского пуританства, но в лоне господствующей англиканской

⁷⁶ См. Ю.И. Рубинский (отв. ред.). Франция в поисках новых путей. М., «Весь мир», 2007 г. С. 319.

церкви.

По-иному сложились судьбы Великой Французской революции 1789 г. Жёсткая вертикаль власти абсолютной монархии, опиравшейся на союз двух привилегированных, освобождённых от налогов сословий – дворянства, которое контролировало высшие эшелоны власти, и католического духовенства с его монополией на образование, исключила межэлитный компромисс с «третьим сословием» – буржуазией. Интеграция части буржуазии в структуры системы через откупы, займы короне, продажу государственных должностей и дворянских грамот не меняла дела: крайняя централизация процесса принятия решений лишь создавала почву для коррупции, блокируя модернизационные реформы Тюрго.

На фоне хронического дефицита государственных финансов, связанного с содержанием пышного версальского двора, многочисленного, продажного и неэффективного чиновничества, огромной армии для дорогостоящих военных походов, напряжённость во французском обществе между верхами и «Третьим сословием» неуклонно росла, вызвав, в конечном счёте, раскол элит. Сформированные просветителями идеи разделения и равновесия властей, договора между государством и гражданским обществом завоевали умы большинства французского, а затем и европейского общественного мнения⁷⁷.

Утрата дворянскими элитами идейно-ценностной гегемонии усугублялась глубокой дискредитацией их союзницы и духовной опоры – католической церкви. В отличие от более ранних английской, затем нидерландской, Великая Французская революция произошла под знаменем не протестантского пуританства, а воинствующего свободомыслия и антиклерикализма.

Это во многом объясняет радикальные формы революции 1789 г., прошедшие за сжатые сроки от отмены феодальных привилегий высших сословий в рамках конституционной монархии к поджогам крестьянами помещичьих замков, продаже собственности эмигрантов, гражданскому устройству клира, наконец, массовому террору якобинской диктатуры, отправившей на гильотину не только королевскую чету и тысячи аристократов, но и це-

⁷⁷ Mare Ferro. Histoire de France. Odile Jacob, Paris, 2003. P. 266-267.

люю череду самих революционеров по обвинению в измене.

Распространённое в своё время в советской историографии мнение, согласно которому идейно-политический и ценностный радикализм французской революции 1789–1793 гг. расчистил почву для коренного обновления общественной жизни страны, выглядит сегодня спорным. Как раз террористические эксцессы Робеспьера, Сен-Жюста, Марата в сочетании с крайним централизмом якобинцев во многом способствовали их падению – Термидору и откату революционной волны вспять. Сменивший якобинцев коррумпированный режим Директории открыл путь бонапартистской военной диктатуре и империи Наполеона, завершившейся, несмотря на блестящие победы на полях сражений, её крахом и реставрацией Бурбонов.

В результате на протяжении большей части XIX в. Франции пришлось ещё пройти через три новые революции – 1830, 1848, 1870 гг., перепробовать пять режимов – Реставрацию, конституционную Июльскую монархию, парламентскую, затем президентскую Вторую республику, Вторую империю Наполеона III, по существу повторявших разные этапы первой революции 1789 г., прежде чем республиканский строй установился в стране в 1875 г. окончательно. Однако поиски оптимального баланса между властями продолжались до середины XX в., когда на смену парламентским Третьей и Четвёртой республикам пришёл полупрезидентский режим нынешней – Пятой. Один из крупнейших политических мыслителей Франции XIX в. Алексис де Токвиль убедительно доказал, что радикализм революционных перемен не мешал возрождению многих элементов старого режима в недрах его преемников и даже способствовал их живучести.

Столь различные исторические пути модернизации двух соседних европейских стран имели серьёзные причины как объективного, социально-экономического, так и субъективного, культурно-ценностного характера. Именно в Англии произошла первая в мире промышленная революция, запоздавшая во Франции более чем на полстолетия. Между тем Великобритания до сих пор остаётся парламентской монархией, тогда как Франция – полупрезидентской республикой.

Психологические, в том числе ценностные, различия в подхо-

дах к традиции и модерну по обе стороны Ла-Манша удачно определил известный французский публицист, главный редактор газеты «Монд» в середине XX в. Жак Фовэ: «Консерватизм может служить плотиной, которая сдерживает напор потока допущенных ошибок. Если бы поток протекал свободно, он снёс бы всё на своём пути. Определённый механизм может упорядочить течение, использовать его силу, если нужно профильтровать. Это консерватизм по-английски. В противном случае плотина поднимается с уровнем воды до тех пор, пока её однажды не прорвёт. Это консерватизм по-французски. Революции вспыхивают только потому, что эволюции слишком запаздывают»⁷⁸.

Консерватизм как образ мыслей и ценностная тенденция остаётся и поныне основой общественных взглядов значительной части европейцев. Именно он служит краеугольным камнем той части европейского политического спектра, которую принято называть правой.

Сам этот термин, как и противоположное ему понятие левый, появился в начале Великой Французской революции. В августе 1789 г. депутаты Законодательного собрания, выступавшие за сохранение королём в тексте будущей Конституции права вето на принятые народными представителями законы, разместились справа от председателя (это были дворяне и большинство духовенства), а его противники, представители «Третьего сословия» – слева. С тех пор эти термины прочно вошли в мировой политический лексикон.

Хотя их смысловая нагрузка варьировалась в разные времена и в различных странах в весьма широком диапазоне, правые ценности, в принципе, означают предпочтение существующего порядка рискованным переменам во имя сохранения стабильности, а то и возврат к идеализированному прошлому. Ценностное кредо европейских консерваторов всегда базировалось на доверии к иерархии элит, чей авторитет вытекает из их происхождения, образования, богатства, культуры, навыков управления. Основными задачами государства правые считают обеспечение общественного порядка при минимальном вмешательстве в экономику.

⁷⁸ Jacques Fauvet. *La France déchirée*. Paris, Fayard, 1957. P. 31-32.

В духовной сфере правые защищают традиционные моральные ценности – семью, религию, частную собственность, нацию, в искусстве ценят классические традиции, не доверяя модернистским крайностям.

Наконец, в международных делах представителям право-консервативной традиции свойственны тенденция к преимуществу национально-государственных или имперских интересов перед многосторонними обязательствами, склонность к изоляционизму, жёсткие методы решения спорных проблем, в том числе силовыми способами.

Правые ценности разделяют не только представители социально привилегированных слоёв, но и значительная часть обывательской массы, боящейся любых перемен и воспитанной в духе уважения к патерналистской власти. Если основное ядро правого электората – верхняя страта среднего класса, остаётся обычно умеренно-консервативным, то в периоды кризисов часть его оказывается восприимчивой к популистской демагогии ультраправых радикалов во главе с харизматическими вождями, апеллирующими к люмпенизированным маргиналам. Они призывают не сохранить, а наоборот, сломать существующую систему, заменив её режимом авторитарного типа. Однако такой оборот событий неизменно ведёт к разрыву с основами европейских ценностей, в том числе правых, катастрофические последствия чего наглядно продемонстрировали тоталитарные диктатуры в Европе между двумя мировыми войнами.

Противоположный, левый фланг европейского политического спектра имеет свой набор ценностных ориентиров. Для него характерны критическое отношение к статус-кво, существующему положению вещей, стремление улучшить его путём модернизации общественных структур, вера в прогресс, социальную справедливость, защита демократии, прав человека, равноправие женщин, осуждение дискриминации представителей этнических, религиозных и сексуальных меньшинств.

В конституционных вопросах сторонники европейских левых ценностей склонны поддерживать расширение полномочий выборных законодательных органов (парламент, местное самоуправление) как гарантии против авторитарных поползновений ис-

полнительной власти, защищать независимость правосудия, гражданское общество от бюрократии, отстаивать светский характер государства. В сфере культуры сторонники левых ценностей сочувствуют новаторским исканиям, модернизму и постмодерну, раскрепощению нравов.

Наконец, во внешней политике левые в принципе поддерживают мирное решение международных споров, разоружение, усилия по защите окружающей среды – свёртывание атомной энергетики, борьба с потеплением климата, помощь развивающимся странам (хотя это принимает порой утрированные формы гуманитарного мессианства – призывы к внешнему вмешательству, в том числе силовому, для предотвращения массовых нарушений прав человека авторитарными режимами).

В социальном плане левые ценности характерны для менее обеспеченной, но более образованной части среднего класса и интеллигенции, нижних звеньев, управленцев, инженерно-технических кадров, квалифицированных рабочих и служащих, особенно представителей сферы образования и здравоохранения.

На протяжении XVIII–XIX вв. наиболее влиятельным идейно-политическим течением в Европе, разделявшим левые ценности, являлся либерализм, сторонники которого позиционировали себя как альтернатива традиционалистскому консерватизму и тем более феодально-аристократической реакции.

Слово «либерал» происходит от латинского *liber* – «свободный». Символом веры либералов всегда считается свобода личности, несовместимая с наследственными статусными привилегиями и авторитаризмом. Гарантиями индивидуальной свободы для либералов всегда были и остаются частная собственность, разделение и равновесие ветвей власти, верховенство закона, независимость судей в правовом государстве. Либерализм всегда отвергал насильственные формы борьбы за свои ценности, предпочитая путь постепенных реформ⁷⁹. Подобная стратегия определялась социальной принадлежностью его сторонников, которыми явля-

⁷⁹ Слово «либерал» приобрело, в конечном счёте, более широкое применение – под ним обычно имеют в виду просто человека любых взглядов, склонного при решении конфликтов к терпимости, поискам компромиссной «золотой середины», снисходительности к уклонению от чересчур жёстких правил.

лись обычно более или менее обеспеченные слои, не склонные рисковать достигнутым общественным положением и собственностью в ходе революционных потрясений.

Родиной европейского либерализма считается Англия, где первая в мире буржуазно-демократическая революция XVII в. завершилась компромиссом элит в форме ограниченной парламентской монархии. В верхней Палате лордов доминировали консерваторы – тори, в нижней Палате общин им противостояли либералы – виги. Одни представляли интересы наследственной земельной аристократии, другие – городской торгово-промышленной буржуазии, политическое влияние которой нарастало по мере расширения избирательных прав, ставшего действительно всеобщим (включая женщин) только в XX в. Виднейшим представителем английской либеральной политической мысли был Дж. Стюарт Милль, её практиками – премьер-министры конца XIX – начала XX вв. Гладстон и Ллойд-Джордж.

Британский политический либерализм находил экономическое продолжение во фритредерстве – свободе торговли от таможенных барьеров, облегчении налогового бремени, отказе от административного регулирования государством рынка, в том числе рабочей силы и социальных отношений вообще. Он нашёл обоснование в классических трудах А. Смита и Д. Рикардо, которые стали фундаментом либеральной экономической мысли на два столетия вперёд – вплоть до Ф. фон Хаека, В. Рёпке и М. Фридмана в XX в. Его сторонники исходят из базового постулата, согласно которому свободная конкуренция производителей товаров и услуг на рынке является единственным способом примирить узкорыстные эгоистические частные интересы с общими. Поощряя прибылями наиболее эффективных, динамичных игроков, наказывая убытками и банкротством косных, архаичных, «невидимая рука рынка» обеспечивает, по убеждению либералов, оптимальную структуру и объём производства, нацеленного на всё большее разделение труда, и стимулирует путём «созидательного разрушения» технические инновации (Дж. Шумпетер).

В ценностном отношении рыночный механизм освящался «протестантской этикой» М. Вебера, для которой успех в делах являлся не плодом греховного корыстолюбия, а исполнением мо-

рального долга перед Богом и людьми.

Достижения либералов на определённом историческом этапе развития экономики и демократизации политической жизни Европы XIX в. трудно отрицать. Именно под их руководством Великобритания пережила первую в истории промышленную революцию – отправной рубеж современного капитализма, стала «мастерской мира», его главным торгово-финансовым центром, метрополией величайшей в истории империи, а Европа – ведущим цивилизационным центром в глобальном масштабе.

Однако в XX в. либеральный сегмент системы европейских ценностей значительно сузился, а сам либерализм утратил былую роль авангарда в обновлении общества, сместившись с левого фланга политического спектра Европы на правый. В ведущих государствах ЕС – Великобритании, Франции, Германии, Италии, Испании, сравнительно небольшие либеральные партии типа свободных демократов в ФРГ или либерал-демократов в Великобритании играют роль довесков, младших партнёров в правоцентристских коалициях с консерваторами или христианскими демократами.

Добившись внушительных успехов на волне научно-технических революций, экономика мирового капитализма не смогла избавиться от имманентно присущих любому рыночному хозяйству издержек – циклического развития, безработицы, имущественного неравенства. В ходе двух самых масштабных системных кризисов – Великой депрессии 1929 и Великой рецессии 2008 гг., стали неизбежными меры государственного вмешательства в экономику – стимулирование спроса через финансирование бюджетом крупных инфраструктурных проектов, антициклическое и антикризисное регулирование с помощью гибкой денежно-кредитной политики, использование смешанных – частных и государственных форм собственности, создание всеобщей системы социальной защиты. Хотя эффективность этих инструментов имела определённые пределы, а монетаристский неолиберализм неоднократно и безуспешно переходил контраступление, оно выглядит теперь как «консервативная революция».

В постиндустриальных странах Европы политическая программа традиционных либералов – смена абсолютных монархий

конституционными или республиками, развитие парламентаризма, гарантии основных гражданских свобод, отделение церкви от государства была реализована ещё в начале XX в., а модернизация нравов или культуры стала общим достоянием. В итоге либерализм стал по существу идеологией элит, заменивших сословные статусные привилегии имущественными и культурными под флагом меритократии («власти достойных»). Одержав окончательную победу над феодально-абсолютистской аристократией, либерально-буржуазные элиты Европы заимствовали у вчерашних оппонентов – консерваторов значительную часть их традиционалистских ценностей – семейных, религиозных, этических и эстетических⁸⁰.

Эта эволюция стала очевидной уже с середины XIX в. во Франции, запоздалое вступление которой в эпоху промышленного капитализма сопровождалось острыми коллизиями между трудом и капиталом (восстания лионских ткачей, июньские дни 1848 г., Парижская Коммуна). Поэтому именно во Франции, а не в экономически более передовой Англии, рабочее движение впервые выдвинуло лозунги социализма, которые противопоставили либеральной системе ценностей собственную, основанную на идее социальной справедливости. Равенству в ней отдавался приоритет перед свободой, коллективизму перед индивидуализмом, общему интересу перед частным⁸¹.

Принимая поочередно утопические (Сен-Симон, Фурье, Кабе), анархо-синдикалистские (Прудон), гуманистические (Жорес), наконец, марксистские (Гед) формы, французский социализм отражал издавна присущие политической культуре Франции этатистские и эгалитаристские традиции, существенно отличные от англосаксонского либерализма. Именно синтез их обоих лёг на протяжении XXI в. в основу европейской модели капитализма, реализованной наиболее эффективно не в Великобритании и Франции, а скорее в Германии и Скандинавских странах.

Получив широкое распространение далеко за пределами Ев-

⁸⁰ См. Robert B. Talisse. *Pluralism and liberal politics*. London, 2012; Melvin L. Fein. *Post-liberalisme*. N.-Y., 2012; Olivia Leboyer. *Elites et libéralisme*. Paris, 2011.

⁸¹ D. Ligon. *Histoire du socialisme en France (1871–1961)*. Paris, 1962.

ропы, международное социалистическое движение распалось в начале XX в. на два основных потока – реформистскую социал-демократию и коммунизм, ценностные установки и политические пути которых расходились всё дальше. Первое доминировало в более развитой экономически Северной и Центральной Европе (Германия, скандинавские страны, Великобритания), второй – в Южной и Восточной Европе (Франции, Италии, Испании, а затем и в России), где доля крестьян и мелкособственнических городских слоёв населения долго оставалась выше.

Окончательный разрыв между ними не только в идейно-политическом, но в ценностном плане произошёл в результате Первой мировой войны и Октябрьской революции в России. Судьбы обоих течений оказались весьма различными, хотя ни одно не оправдало первоначальных ожиданий их сторонников.

Заслугой западноевропейской социал-демократии стала, прежде всего, её способность перехватить у либералов миссию защиты и дальнейшего развития народовластия, соединив его с социальными реформами. Приходя к власти в результате свободных выборов, партии Социал-демократии сыграли решающую роль в становлении европейской модели социального рыночного хозяйства. После Второй мировой войны социал-демократы вместе с христианскими демократами и либералами внесли значительный вклад в развитие европейской интеграции, результатом которой стало создание Евросоюза 28 государств, совокупный экономический потенциал которого не уступает США и доминирует в мировой торговле.

Однако эти достижения потребовали от социал-демократов принесения жертву значительной части не только исходных программных установок, но и ряда основополагающих для них ценностей. Лозунги полной ликвидации частной собственности на средства производства, несовместимые с рыночной экономикой и правительственной ответственностью, были отправлены в архив. Убыточный госсектор резко сокращён или приватизирован не только правыми консерваторами и либералами, но и самими социал-демократами, перераспределительное соцобеспечение и трудовое законодательство приводятся в соответствие с жёсткими требованиями обеспечения финансового равновесия, диктуе-

мыми интеграцией экономики стран ЕС и глобализацией.

К началу XXI в. европейская социал-демократия окончательно отказалась от марксистских лозунгов «разрыва с капитализмом», ограничившись управлением обществом и государством в соответствии с универсальными законами рыночной экономики. Центр тяжести её деятельности сместился к защите левых ценностей в социальной и общественно-политической областях (соцстрах, трудовые отношения, права меньшинств, защита окружающей среды, образование, здравоохранение и т.д.). Она фактически заняла покинутую либералами нишу основного противовеса правым консерваторам на ценностном уровне.

Всё более значительное место в программном обеспечении партий Социнтерна стали занимать «проблемы общества» – борьба против дискриминации женщин, защита прав этнических, религиозных и сексуальных меньшинств, сохранение окружающей среды, борьба с коррупцией и морализация политической жизни (хотя левые политики, в том числе социалисты, далеко не всегда показывали более убедительные образцы моральной безупречности, нежели правые).

Половинчатые итоги деятельности европейских социал-демократов с ценностной точки зрения выглядят, однако, гораздо позитивнее, нежели судьбы другой ветви мирового социалистического движения – коммунизма⁸².

Придя к власти в России путём вооружённого переворота под лозунгами, далёкими от социализма (мир, земля крестьянам), партия большевиков провозгласила своей конечной целью победу мировой пролетарской революции, а до неё – построение социализма в одной стране, призванной стать примером для всех остальных. Инструментом достижения этих целей стало всемогущее государство с единой партией, располагавшей безраздельной монополией на политическую власть и СМИ при опоре на официальную идеологию и репрессивный аппарат. Тотальное огосударствление экономики с централизованным директивным планиро-

⁸² США либералами именуют представителей левого крыла демократической партии, разделяющих, по сути, социал-демократические ценности, что создаёт определённую терминологическую путаницу.

ванием дало возможность мобилизовать ресурсы для форсированной индустриализации с приоритетом военно-промышленного комплекса и создать мощные вооружённые силы, одержавшие победу в войне против нацистской Германии, а после её окончания превратить СССР в одну из двух ядерных сверхдержав.

Тем не менее, в конечном итоге советская модель «реального социализма» оказалась несостоятельной. Лишённая внутренних стимулов к модернизации, она проиграла научно-техническое соревнование с Западом, а вместе с ним и холодную войну. Распад сферы влияния СССР, а затем и его самого нанёс по мировому коммунистическому движению смертельный удар, оттеснив его на сугубо маргинальную роль в жизни Европы.

Причём главное поражение режим советского типа потерпел не в экономике или гонке вооружений, а в духовной, ценностной сфере. Колоссальная цена – миллионы жизней, унесённых плохой подготовкой в войне, голодом, коллективизацией, массовыми репрессиями, не только подорвала жизненные силы советского народа, но и дискредитировала саму идею социализма. Хронический дефицит потребительских товаров, низкий жизненный уровень трудящихся масс в сочетании с привилегиями номенклатурной верхушки глубоко деморализовали как народ, так и сами элиты, утратившие веру в справедливость, эффективность и историческое будущее системы. Разрыв коммунизма с европейскими ценностями не мог быть компенсирован пропагандистскими штампами, утратившими под конец всякое доверие как внутри страны, так и за рубежом.

На протяжении XIX–XX вв. значительное место среди европейских ценностей, наряду с консерватизмом, либерализмом и социализмом, занял национализм.

Естественное чувство привязанности к родной стране и её народу, гордости её историей и культурой присущи человеку с глубокой древности. Оно особенно обостряется в периоды национальных катастроф и бедствий, когда тревога за судьбы Отечества сплачивает народ вокруг харизматических персонажей, чьи образы становятся олицетворением национального единства (Жанна д'Арк во Франции, Минин и Пожарский в России и т.д.).

Однако в определённых обстоятельствах эти чувства могут

приобретать утрированный характер, находя выражение в притязаниях на превосходство своего народа над другими, презрения и враждебности к ним. Тогда патриотизм перерождается в национализм, ксенофобию, а порой даже расизм.

Превращение патриотизма и национализма из этнокультурного феномена коллективной психологии в политический, а главное – ценностный, началось в Европе со времён Великой Французской революции 1789 г. Именно тогда подданные монархов, принадлежавшие порой к различным народам и говорившие на разных языках, были провозглашены гражданами с равными правами и обязанностями, независимо от их происхождения, взглядов или вероисповедания. Якобинцы даже заявили, что гражданином Французской республики может считать себя любой человек, преданный идеалам свободы и преследуемый за это.

Новые импульсы пробуждению национально-патриотических чувств европейских народов дали наполеоновские войны и «весна народов» – революции 1848 г., в ходе которых борьба за освобождение от иностранного господства переплелась с лозунгами объединения раздробленных народов, прежде всего Германии и Италии, в государства-нации на демократических основах.

Родившиеся на левом фланге европейского политического спектра национально-патриотические ценности перекочевали во второй половине XIX в. на правый, где его взяли на вооружение консервативные, а затем и реакционные силы. Особенно зловещие формы крайний национализм приобрёл в Европе в период между двумя мировыми войнами, когда он стал основой идеологии итальянского фашизма, германского нацизма, периферийных авторитарных диктатур (Испания, Португалия, Греция, Венгрия, Румыния и т.д.).

Чудовищные преступления против человечества, в том числе геноцид миллионов невинных людей – евреев, цыган и представителей иных народов, совершённые гитлеровцами во имя господства арийской «высшей расы», получили должную квалификацию всего цивилизованного человечества в приговоре Международного трибунала в Нюрнберге. Трагический опыт межвоенного периода оказал значительное влияние на европейскую систему ценностей. После распада колониальной системы европейские

страны сыграли важную роль в падении расистского режима апартеида в ЮАР, оказавшегося в экономической, политической и моральной изоляции. Тем не менее, рецидивы крайнего национализма дают о себе знать вплоть до наших дней, причём имеют тенденцию к учащению. Питательной почвой для них в конце XX в. стали проблемы иммиграции.

Негативная демографическая динамика коренного населения в Европе, которая вызывает сокращение её трудовых ресурсов, привела к массовому притоку мигрантов из развивающихся стран, составивших в начале XXI в. порядка 8-10% самостоятельного населения государств Евросоюза. Завоевав политическую независимость в ходе деколонизации, страны-доноры остаются в большинстве экономически отсталыми, но сохраняют высокую рождаемость. Если в послевоенный период т.н. «славного тридцатилетия» быстрый экономический рост приток трудовых мигрантов не вызывал особых проблем, то с развёртыванием структурного кризиса мировой экономики и обострением проблемы занятости положение изменилось, заставив европейские правительства принять меры по ужесточению иммиграционной политики.

Они диктовались не только экономическими причинами. Большинство иммигрантов в Европу составляют отныне выходцы из регионов с радикально иной этнокультурной и конфессиональной спецификой (арабы из Магриба – Алжира, Туниса, Марокко, уроженцы Тропической Африки во Франции, индийцы и пакистанцы в Великобритании, турки в Германии, выходцы из Средней Азии в России и т.д.). Второй религией Европы стал ислам.

Значительная часть иммигрантов сосредоточена в пригородах крупных промышленных центров ЕС, где они могут надеяться на поддержку соотечественников и единоверцев. Испытывая серьёзные трудности с интеграцией в цивилизационно чужую среду, нередко дискриминируемые, часть иммигрантов образует «этнические гетто», где уровень безработицы, преступности, наркомании выше, а образования ниже, чем в среднем по странам приёма, даже во втором-третьем поколениях. Некоторые иммигранты поддаются под влияние проповедников фундаменталистского ислама, джихадизма, вовлекающих молодёжь в сети международного терроризма.

Реакцией коренного европейского населения оказывается рост отчуждения и враждебности к иммигрантам, активно и небезуспешно используемые на фоне кризиса ультраправыми популистскими партиями типа Партии свободы в Голландии, «Золотого рассвета» в Греции или Национального фронта во Франции. Требования прекращения иммиграции, высылки нелегалов, предоставления коренному населению преимуществ при приёме на работу, распределении жилья и социальных льгот принесли кандидату Национального фронта Марин Ле Пен 18% голосов в первом туре президентских выборов во Франции (2012 г.), а сочувствие её лозунгам выразила в ходе опросов треть респондентов. Это оказывает влияние и на умеренные правительственные партии правого центра, лидеры которых отказываются от мультикультурализма, противопоставляя ему меры по утверждению национально-культурной идентичности граждан.

Национал-популистская волна не могла не отразиться на системе европейских ценностей. Ещё недавно воспоминания об ужасах гитлеровского геноцида, тяжёлый психологический осадок, оставшийся от заморских войн периода деколонизации (Вьетнам, Алжир и т.д.), а в немалой степени и постколониальных (Ирак, Ливия, Афганистан, Сирия), вызывали у большинства европейцев, особенно левых взглядов, синдром морального осуждения любой дискриминации людей с иным цветом кожи, культурой, религией. Ныне эта обязательная политкорректность постепенно сдаёт позиции.

Наряду с проблемой иммиграции, национализм даёт о себе знать и в подъёме сепаратистских движений, способных привести к расколу ряда европейских государств, где сохраняются заметные различия отдельных регионов, как в экономическом, так и в культурно-лингвистическом отношениях. После распада федеративных государств – СССР, Чехословакии, Югославии, на очереди оказались Бельгия (валлоны – фламандцы), Испания (баски, каталонцы), даже Великобритания (Северная Ирландия, Шотландия).

Одним из важных последствий подъёма националистических настроений среди части (в основном правой) европейского общества оказалось падение популярности идеологии и ценностей ев-

ропеизма. Процесс европейской интеграции, начавшийся в середине XX в., был подготовлен широким общественным движением, вдохновители которого (христианские демократы, либералы, социал-демократы) апеллировали не только к экономическим или политическим факторам, но и к ценностным категориям. Объединение государств, передающих часть своих суверенных прав наднациональным органам, изображалось историческим шагом к миру, призванным сделать новую войну в Европе не только морально недопустимой, но и материально невозможной (речь министра иностранных дел Франции Р. Шумана 9 мая 1950 г. в пятую годовщину окончания Второй мировой войны на европейском театре).

Такое объединение изначально должно было строиться на основе общих европейских ценностей – рыночной экономики, демократии, прав человека. Признание этих ценностей («копенгагенские критерии») стало обязательным юридическим условием вступления в Евросоюз новых членов, число которых увеличилось за полвека с 6 до 28. Более того, мониторинг уважения этих ценностей объявлен обязательным в переговорах о других формах сотрудничества с ЕС (ассоциация, «соседство» и т.д.).

Ценностный аспект евростроительства внутри ЕС не раз подвергался испытаниям, но сохранялся с переменным успехом вплоть до развёртывания структурного кризиса мировой экономики, начавшегося в 2008 г. На фоне серьёзных экономических трудностей, с которыми столкнулся Евросоюз в целом и особенно его южная периферия, средиземноморским странам становилось всё труднее соблюдать в полном объёме основополагающий принцип евростроительства – свободное передвижение товаров, капиталов и людей. В ходе революций т.н. «арабской весны» потоки беженцев из Северной Африки заставили ряд ведущих европейских стран временно приостановить действие Шенгенских соглашений о безвизовом режиме и потребовать их пересмотра. Это способствовало дальнейшему ужесточению иммиграционной политики ЕС. Критику инстанций ЕС в Брюсселе вызвали жёсткие меры Франции по принудительной высылке тысяч румынских и венгерских цыган, прибывших на её территорию в поисках лучшей жизни.

В условиях тяжёлого долгового кризиса средиземноморских

государств – членов ЕС, прежде всего Греции, а отчасти и Италии, Испании, Португалии, оказания им финансовой помощи через европейский Центробанк стали предметом острых столкновений между должниками и кредиторами, прежде всего ведущей экономической державой Евросоюза – Германией.

В итоге притягательность «европейской мечты» начала снижаться, уступая «евроскептицизму», охватившему значительную часть избирателей и вызвавшему раскол элит.

Советник генсека Совета Европы Александр Гессель утверждает в данной связи, что растущие трудности соблюдения фундаментального принципа солидарности, связанного с христианскими корнями Европы, даёт основания говорить о «кризисе европейских ценностей». Определённые основания для подобных оценок бесспорно есть.

На рубеже III тысячелетия н.э. ценности европейцев, не только индивидуальные (равноправие женщин, этнических, религиозных и сексуальных меньшинств, легализация однополых браков и т.д.), но и коллективные, общественные, заметно эволюционировали.

Во второй половине XX в. в Западной, а затем и Центральной Европе сложилась достаточно эффективная, казалось, модель плюралистической демократии – парламентской или полупрезидентской, основанная на регулярной ротации у власти умеренных партий правого и левого центра при опоре на консенсус подавляющего большинства избирателей по базовым ценностям. Принципиальные различия между их программами и особенно практической деятельностью в условиях далеко зашедшего процесса интеграции минимизировались. В сфере экономики основные споры между левыми и правыми партиями свелись к поиску оптимального сочетания государственных и рыночных инструментов, стимулирования темпов роста и распределения его плодов с помощью систем социальной защиты: социал-демократы предпочитали неокейнсианские подходы, правые партии – неолиберальные.

Результатом оказывалась постепенная эрозия традиционных ценностных критериев принадлежности партий и их избирателей к левым или правым. Консерваторы становились по существу либеральными, либералы – консервативными, социал-демократы –

либеральными. Если ось партийно-политических систем смещалась влево, то сами левые ценности утрачивали прежний реформаторский характер и всё более правели. В итоге между двумя традиционными лагерями складывалось примерное равновесие сил, а результаты выборов зависели от смещения нескольких процентов голосов «текущего» электората – небольших центристских группировок.

Однако с начала XXI в. эта стабильность начала заметно расшатываться. Глобализация, обострение конкурентной борьбы на мировых рынках, резкие колебания цен на природные ресурсы, прежде всего энергетические, падение темпов роста, безработица, сузили поле для манёвра системообразующих партий. С развёртыванием в 2008 г. мирового финансово-экономического кризиса, особенно болезненно затронувшего южную периферию еврозоны, этот процесс резко ускорился, подрывая не только материальное положение, но и привычные ценностные ориентиры ядра европейского общества – среднего класса. В таких условиях вектор общественной жизни Европы начал постепенно смещаться слева направо, а центростремительные тенденции уступают центробежным. Консерваторы оказываются всё более реакционными, либералы консервативными, социалисты ещё более либеральными.

Между тем на крайних флангах политического спектра растёт влияние группировок ультраправого или левацкого толка, оперирующих популистской националистической и социальной демагогией. В таких условиях формирование и деятельность умеренных коалиционных правительств левого или правого центра становятся всё более затруднительными. Не видя существенной разницы между ними, избиратели «голосуют ногами», отказываясь идти на выборы или отдавая в знак протеста свои бюллетени радикалам. Более того, политические конфликты нередко выходят за рамки правого поля – на улицу в виде массовых движений протеста, перекликающихся с аналогичными событиями в развивающихся странах («арабская весна», Турция, Бразилия и т.д.).

Между тем стремительный рост объёма финансовых операций на мировых рынках в ущерб реальному сектору (производству) вело к перемещению промышленного производства в развивающиеся страны и «деиндустриализации» большей части Европы

(кроме Германии и Скандинавских стран). В погоне за огромными бонусами топ-менеджеры европейских банков шли на всё более рискованные операции с ценными бумагами, способствуя раздуванию спекулятивных пузырей, крах которых вёл к разорению миллионов мелких вкладчиков, что и привело к мировому кризису.

Ценностные устои европейцев расшатываются под натиском безудержного консюмеризма – культа потребления, стимулируемого вездесущей рекламой и финансируемого искусственно раздутым кредитом. Уход от налогов в «фискальные оазисы» офшорных зон усугубляет бюджетные дефициты и тяжесть суверенных государственных долгов. Коррупционные и сексуальные скандалы нанесли тяжёлый ущерб авторитету экономических и политических элит Европы, символами моральной деградации которых стали фигуры С. Берлускони и Д. Строс-Кана. Молодое поколение европейцев, наиболее пострадавшее в ходе мирового кризиса, всё чаще ставит под вопрос лицемерное «единое мышление», выходя порой на массовые акции протеста («возмущённые» в Испании).

Эти тенденции ведут к рецидивам упадочных настроений, которые не раз давали о себе знать в Европе прошлого столетия. «Мы, цивилизации, – мы знаем теперь, что мы смертны, – с горечью писал вскоре после окончания Первой мировой войны французский эссеист Поль Валери. – ... Мы видим, что бездна истории достаточно вместительна для всех. Мы чувствуем, что цивилизация наделена такой же хрупкостью, как жизнь»⁸³. В межвоенный период Освальд Шпенглер и Арнольд Тойнби выступили против европоцентризма, признав культурное, а следовательно, и ценностное равноправие всех цивилизаций, неизбежно проходящих, по их мнению, через одни и те же последовательные циклы с фазами зарождения, подъёма, расцвета и упадка⁸⁴.

Некоторые аналитики усматривают в этих тревожных явлениях даже опасность возврата к ситуации 1930-х гг. прошлого века, когда Европа стала жертвой тоталитарных режимов, а затем Вто-

⁸³ Поль Валери. Об искусстве. Пер. с фр. М., изд-во «Искусство», 1976. С. 105.

⁸⁴ Освальд Шпенглер. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Гештальт и действительность. Пер. с нем. М., изд-во «Мысль», 1993.

рой мировой войны. Однако подобные мрачные сравнения вряд ли можно считать обоснованными. Европа живёт сегодня во взаимозависимом мире, где дестабилизация одного региона угрожает жизненным интересам международного сообщества в целом. Это побудило многих авторитетных представителей европейских интеллектуальных элит, церковных кругов, да и самого бизнеса поставить вопрос о необходимости возврата европейского капитализма к его моральным ценностям сочетания индивидуальной и социальной ответственности. Эти призывы адресованы не только бизнесу, но и европейскому обществу в целом. В нынешнюю эпоху коренной ломки глобального баланса сил, а вместе с ним и многих традиционных представлений о границах добра и зла в отношениях между цивилизациями, народами, отдельными людьми становится особенно очевидным непреходящее значение европейских ценностей как одного из основных компонентов духовного наследия всего человечества.

Европа для себя или для всех?

На рубеже III тысячелетия н.э. мир стал свидетелем крушения системы ценностей по образцу СССР, предлагавшейся человечеству коммунистическим движением и рухнувшей в итоге холодной войны. Два десятилетия спустя плачевный исход войн в Ираке и Афганистане на фоне структурного экономического кризиса – Великой рецессии, в свою очередь нанёс тяжёлый урон престижу либерального капитализма по модели США, которую поспешили провозгласить венцом мировой цивилизации, «концом истории»⁸⁵. В итоге ни одна из соперничавших ценностных систем лидеров бывшего биполярного мира так и не стала универсальной.

Между тем, беспрецедентный подъём экономики ряда развивающихся стран, прежде всего Китая и Индии, а также Бразилии, ЮАР, Южной Кореи, Турции, Индонезии породил надежды на создание ими качественно новой, более динамичной и перспективной модели развития, которая стала бы основой не только более сбалансированного многополярного миропорядка, но и новой системы ценностных координат, приемлемой для всех.

⁸⁵ Fareed Zakaria. The Post-American World. Allen Lane, London. 2008. P. 5.

Однако «всплывающие» страны отнюдь не создали принципиально иную модель социально-экономического развития, которая представляла бы альтернативу как советскому «реальному социализму», так и западному, в частности, американскому либеральному капитализму. Составляющие их «экономического чуда» известны – это дешёвая рабочая сила, импорт западных технологий и капиталов, огромная доля накопления и инвестиций в ВВП, наконец, значительная роль государства в определении стратегических приоритетов, обеспечении благоприятного для инвесторов налогового, социального и экологического законодательства.

Успешно соединить эти элементы в странах бывшего «Третьего мира» мог, как правило, жёсткий режим авторитарного характера, отвечавший историко-культурным традициям и реалиям большинства стран, сравнительно недавно добившихся независимости от колониального господства. Атрибутами таких режимов обычно оказываются несменяемость лидеров, всё более резкий разрыв в уровне доходов верхов и низов, глубокие региональные и отраслевые диспропорции, запредельная коррупция бюрократии и, как следствие, рост социально-политической напряжённости, рано или поздно чреватой серьёзными потрясениями.

Этап ускоренного догоняющего развития, подкреплённого в ряде случаев сырьевой рентой в виде экспорта природных ресурсов, но лишённого стимулов для создания оригинальных, а не импортных или скопированных с чужих образцов технологических решений, имеет вполне определённые пределы во времени и пространстве. Трудовые ресурсы по мере демографического перехода сокращаются и дорожают, природные богатства испытывают резкие ценовые колебания, тогда как источники инвестиций из постиндустриальных стран Запада в условиях кризиса, как и их рынки, сокращаются.

Спекулятивные «пузыри» в Китае или Индии на рынке недвижимости, питаемые рискованными финансовыми инструментами, рост задолженности региональных властей, экологические катастрофы показали, что те же самые кризисные тенденции, начавшиеся в постиндустриальных странах, не чужды и развивающимся. Причём они сопровождаются вполне аналогичными негативными последствиями и на ценностном уровне, т.е. углублением соци-

ального неравенства, «моральным износом» правящих элит и т.д.

Единственным способом, способным предотвратить крушение исчерпавшей свой ресурс прежней модели, может быть лишь своевременное реформирование её устаревших структур. Недаром новое, пятое после революции поколение руководства КНР, пришедшее к власти в 2012 г., провозгласило своей стратегической целью переход к новой модели развития, сочетающей сокращение госсектора, расширение внутреннего спроса и модернизацию производственной структуры на основе инновационных технологий будущего. Решение этих задач вписывается в контекст глобализированной мировой экономики, которую КНР и поддерживает, а протекционистские тенденции осуждает.

Если в социально-экономической сфере речь не идёт более, как это было во времена холодной войны, о соперничестве двух моделей общества как взаимоисключающих универсальных эталонов, то в области культуры, особенно систем ценностей, такая конкуренция исключена по определению. Ни одна из держав бывшего «Третьего мира», ни все они вместе взятые не могут, да и не стремятся распространять свои собственные ценностные категории вовне, навязывая их силой другим. Будучи наследниками великих древних цивилизаций, культур, религий, каждая из них озабочена, прежде всего, сохранением собственных ценностей, которым грозит глобализация, нежели приведением их к единому стандарту или проекцией во вне. «Китайская политическая модель никогда не упразднит выборную демократию, ибо она, в отличие от последней, не претендует на универсальность – она не может быть экстраполирована», – отмечает китайский политолог и предприниматель Э. Ли⁸⁶.

Исключением из этого общего правила являются лишь представители фундаменталистского ислама, выступающие под флагом террористической «священной войны» (джихада) во имя создания мирового халифата, основанного на ценностях тысячелетней давности. Однако мусульманский мир глубоко расколот изнутри, а значительная часть его предпочитает искать свои пути к

⁸⁶ Eric X. Li. The Post-democratic Future Begins in China. *Foreign Affairs*, Volume 92, № 1, January-February 2013. P. 34.

модернизации.

Пример Японии – первой из неевропейских держав, блестяще преуспевшей в модернизации экономики и общества по западным образцам при ревностном сохранении своей национальной идентичности, особенно показателен. Став третьей после США и КНР экономикой мира, Япония остаётся больше, чем какая-либо другая современная страна верной своим собственным ценностям, «экспортный потенциал» которых не может сравниться с торговым. Между тем японская демография оказалась одной из самых проблемных в мире, а экономика с конца 1980-х гг. уже два десятилетия подряд переживает хроническую стагнацию. Это побудило правительство С. Абе приступить к коренному пересмотру прежней экономической стратегии (резкое увеличение Центробанком объёма денежной массы, фактическая девальвация йены с тем чтобы стимулировать внутренний спрос и экспорт). Не исключено, что японский сценарий может рано или поздно повториться и у других «всплывающих» держав Азии, Африки, Латинской Америки, включая Китай, Индию, Бразилию, ЮАР, по мере преодоления ими разрыва по уровню развития от постиндустриального Запада.

Тяжёлый долговой кризис стран южной периферии еврозоны, отразившийся на экономике и функционировании Евросоюза в целом (низкие темпы роста, высокая безработица и т.д.), нанёс немалый ущерб репутации европейской социально-экономической и политической модели, сложившейся за последние полвека и основанной на интеграции. Характерно, однако, что даже после брекзита очередь кандидатов на вступление в ЕС на Балканах не сокращается, а «копенгагенские критерии» для них остаются в силе.

Европейские ценности, точнее, та их часть, которая получила некогда глобальное измерение, сохраняют шансы быть востребованными, прежде всего, благодаря многообразию, плюрализму, позволяющему адаптироваться к самым различным условиям. Основные течения европейской политической мысли и практики – консерватизм, либерализм, социализм, национализм, существуют в том или ином виде повсюду. Однако именно в Европе их сторонникам удалось наладить между ними цивилизованное конкурентное сосуществование, отказ от которого чреват угрозой экстремистских перекосов.

Российский философ Т.В. Скородумова высказала в своё время справедливую мысль о том, что стержнем системы европейских ценностей является положение человека в обществе, определяемое договором, контрактом – формальным или нет – между верхами и низами, управляющим и управляемыми, идея которого была впервые выдвинута Ж.-Ж. Руссо. Исполнение такого контракта достигается по-разному с учётом различного уровня экономического развития, культурных особенностей каждой страны, но он в любом случае он предполагает конструктивный диалог между государством и гражданским обществом, исполнительной и законодательной, светской и духовной, экономической и политической властями. Альтернативой ему неизбежно оказываются социально-политические потрясения с высокими издержками для общества в целом, причём их масштаб прямо пропорционален жёсткости вертикально-иерархических авторитарных режимов, что наглядно показала серия «цветных революций».

Суровые уроки мировых войн и тоталитарных диктатур заставили европейцев искать и находить компромиссы между категориями, которые выглядели ещё в недавнем прошлом противоречивыми, а порой даже несовместимыми: веры и разума, индивидуализма и солидарности, свободной конкуренции и социальной защиты, рынка и государственного регулирования, наконец, национально-культурной идентичностью и сознанием принадлежности к единому цивилизационному центру с общей судьбой. Именно этот синтез, пусть далеко не идеальный, объясняет сохранение европейской системой ценностей универсального измерения. «Хотя того или нет, но евростроительство осуществляется *de facto* на базе ценностей, которые подаются как универсальные», – отмечает директор Французского института международных отношений (ИФРИ) Тьерри де Монбриаль⁸⁷.

Попытки хоронить систему европейских ценностей не только бесперспективны, но и контрпродуктивны. Даже тогда, когда она порой изменяет сама себе, даёт временные сбои, становится особенно очевидной её незаменимость для народов не только самой

⁸⁷ Thierry de Montbrial. Il est nécessaire d'espérer pour entreprendre. Penseurs et bâtisseurs. Editions des Syrtes, Paris, 2006. P. 281.

Европы в её географических границах, но и далеко за их пределами. В данной связи возникает естественный вопрос о значении европейских ценностей для России, который неизменно оставался в центре её общественно-политической и духовной жизни на протяжении многих столетий⁸⁸.

Со времён крещения св. Владимиром киевлян в 988 г. восточное славянство, точно так же, как южное или западное, являлось органической составной частью христианской Европы, полностью разделяя систему её средневековых ценностей. Дочери великого князя Ярослава Мудрого были замужем за королями Франции, Венгрии и Норвегии, купеческие республики Великого Новгорода и Пскова фактически входили в Ганзейский союз на Балтике с немецкими и скандинавскими городами.

Церковный раскол, но особенно вторжение в середине XIII в. татаро-монголов, за которым последовало 240-летнее господство Золотой Орды, существенно изменили ситуацию. Русь оказалась надолго отрезанной от Западной и Центральной Европы, оставшись в стороне от важнейших этапов формирования её культурной идентичности – Ренессанса, Реформации. Даже после того, как русские княжества преодолели усобицы, сплотились вокруг Москвы и сбросили монголо-татарское иго, последствия этой изоляции ещё долго давали о себе знать.

Именно тогда возник спор о пределах Европы, который продолжается до сих пор. На западе ими со всей очевидностью считаются Атлантический океан, на севере – Северное и Балтийское, на юге – Средиземное моря. Между тем на востоке эта граница, формально проходящая по Уралу, крайне размыта и сугубо условна. Уже в XVI в. Московское царство завоевало Сибирь, раздвинув свои пределы далеко вглубь Азии до Тихого океана, а на некоторое время даже до Аляски и побережья Северной Америки вплоть до Калифорнии. Причём это гигантское евроазиатское пространство оказалось, ввиду крайней малочисленности коренного населения и его ассимиляции, в цивилизационном отношении практически однородным. В связи с этим вопрос о границе

⁸⁸ См. Ю.И. Рубинский. Европейские ценности. М., 2007. Доклады Института Европы РАН № 189.

Европы перерос из географического в культурный и политический – о принадлежности России к европейской цивилизации вообще и системе её ценностей в частности.

Мнения на этот счёт разделились. Представление об имманентной цивилизационной несовместимости Европы и России из-за её континентальных масштабов, евроазиатской географии, сложной истории, наконец, этно-конфессиональной неоднородности прочно укоренилось в сознании значительной части западноевропейских элит. Со своей стороны Московское царство, сплотившее русские земли и освободившее их от власти татаро-монгольской Золотой Орды, ревниво оберегало недавно обретенную независимость, как политическую, так и духовную. Её оплотом служила православная церковь, видевшая в католической и её авангарде на востоке Польско-литовской державе опасного врага, особенно в период Смутного времени (начало XVII в.).

Вместе с тем в московских верхах постепенно зрело понимание того, что в условиях изоляции от западного образования, науки, техники, товаров, специалистов страна неизбежно обречена на маргинализацию, оставаясь провинциальными задворками европейской цивилизации. Именно это сознание подготовило почву для беспрецедентных по решительности, а порой и варварской жестокости реформ Петра Великого, прорубивших России «окно в Европу».

Однако петровская «революция сверху» оказалась сопряжённой с огромными издержками, не только людскими и материальными (население страны сократилось на четверть), но также духовными. Между европеизированным, причём долгое время весьма поверхностно, тонким слоем служилого дворянства, бюрократии, нарождавшейся городской буржуазии и интеллигенции, с одной стороны, и народными массами, прежде всего закрепощённым неграмотным крестьянством, образовался глубокий разрыв не только в культуре, образе жизни, быте и нравах, но даже в языке. По существу в послепетровской России сложились две разные, во многом даже противоположные системы ценностей. Такого разрыва в Западной Европе не бывало нигде.

Отрыв российских элит от народа усугублялся не менее глубоким расколом самих элит на тех, кто стремился довести мо-

дернизацию общества до европейских стандартов – отмены крепостного права, гарантий основных гражданских свобод в Конституции, создания выборных представительных учреждений, и их противниками, упорно сопротивлявшимися переменам во имя защиты исконных национальных традиций. В западных ценностях они видели, прежде всего, торжество чёрствого меркантильного эгоизма и распушенности нравов, угрожавших духовным ценностям православия.

Хотя борьба между консерваторами и либералами, затем либералами и социалистами была общей чертой общественно-политической жизни всех европейских стран, выливаясь порой в революционные потрясения, именно в России культурный раскол элит приобрёл характер жёсткого противоборства несовместимых систем ценностей. По существу это был конфликт между двумя путями развития страны – азиатским и европейским, чёткий выбор между которыми крайне затруднялся двойственностью её географии, истории и культуры.

Причём оба лагеря в этом конфликте всегда были крайне неоднородными: эстафета европеизма переходила от Новикова и Радищева к либеральному окружению молодого Александра I, затем к декабристам, «западникам» Грановского, творцам реформ Александра II, кадетам Милюкова, социал-демократам Плеханова. Лагерь традиционалистов был идейно не менее разношёрстным и противоречивым, нежели западников: он включал отнюдь не только твердолобых реакционеров – охранителей или черносотенных националистов-погромщиков. В нём фигурировали и либеральные славянофилы (Киреевский, Хомяков, братья Аксаковы), революционные и либеральные народники, искавшие путь к социализму через крестьянскую общину, их преемники – эсеры, идейным предтечей которых был Герцен.

Двойственность отношений между Западной Европой и Россией, вызывавшая раскол внутри элит, давала о себе знать и в советский период. Партия большевиков пришла к власти как сугубо «западническая» сила – революционное крыло международной, прежде всего европейской, социал-демократии под флагом родившихся в Европе марксистских идей пролетарского интернационализма. В глазах Ленина и Троцкого октябрьский переворот

1917 г. должен был стать началом мировой социалистической революции, для которой Россия была лишь отправной точкой, подтолкнув её в Германии.

Поэтому на протяжении первого десятилетия советской власти СССР выступал в роли знаменосца универсалистских, мессианских идей глобального масштаба, свойственных тогда европейской интеллектуальной традиции. Прошлое России осуждалось как сплошное «тёмное царство» реакции, православная церковь подвергалась гонениям, а из национально-культурных традиций принималось только то, что выглядело прологом революции. При этом жёсткое противостояние капиталистическому Западу, включая Европу, сочеталось с поддержкой мирового коммунистического движения под руководством Коминтерна, обосновавшегося в Москве.

Однако по мере того, как мечты о мировой революции рассеивались, а Сталин приступал к строительству «социализма в одной стране», идейное кредо режима претерпевало существенные изменения. Сбылось предвидение философа-эмигранта Н. Бердяева, считавшего, что Третий, Коммунистический Интернационал на российской почве рано или поздно станет советским изданием идеи «Третьего Рима». Модернизационный пафос индустриализации подкреплялся мотивами советского патриотизма, в истории России подчёркивалась позитивная роль царей-строителей империи (Ивана Грозного, Петра I).

Эта смена вех получила мощный стимул в период Второй мировой войны, когда Сталин апеллировал к патриотическим ценностям русского народа, памяти «великих предков» – Дмитрия Донского, Александра Невского, Суворова и Кутузова. В официальной советской идеологии победа в Великой Отечественной войне оттесняла на задний план поблёкшие воспоминания о революционной романтике Октября в качестве главного источника легитимации режима.

С расколом антигитлеровской коалиции и началом холодной войны национал-патриотические мотивы советской пропаганды переросли в агрессивный антизападный, в том числе антиевропейский шовинизм и ксенофобию. Кампании против «безродного космополитизма», за утверждение «отечественного приорите-

та» во всех науках способствовали самоизоляции СССР от внешнего мира, в том числе Западной Европы, где начавшийся процесс евростроительства изображался как симптом возрождения германского реваншизма под эгидой США.

Однако открытый разрыв руководства СССР с интернационалистскими истоками марксизма-ленинизма был невозможен. Только коммунистическая идеология, даже окостеневшая и потерявшая кредитоспособность, оправдывала ценностями социализма провалы экономики, подавление инакомыслия, привилегии номенклатуры внутри страны. Она же обосновывала навязывание странам Центральной и Восточной Европы режимов советского образца, обеспечивала, наряду с материальной помощью, контроль КПСС над международным коммунистическим движением (несмотря на диссидентство троцкистов, а затем компартий Китая, Югославии, Албании), наконец, распространяла влияние Москвы на ряд стран «Третьего мира» благодаря поддержке антиколониальных, затем просто любых антизападных движений.

Двойственность ценностного багажа Советского Союза – национал-изоляционистского и в то же время великодержавно-имперского с революционно-прогрессистским – объясняла контрастность образа СССР в представлении европейских элит вплоть до 1970-х гг. Для коммунистов и их попутчиков из числа представителей левой интеллигенции СССР представлялся если не идеальным воплощением светлого будущего человечества, то во всяком случае мощным оплотом в борьбе против несправедливостей буржуазного общества, угрозы фашизма и войны. Напротив, в глазах их противников (от консерваторов и правых либералов до социал-демократов) он выглядел «империей зла», смертельной опасностью для европейской цивилизации и всех её традиционных ценностей.

В конечном счёте, именно внутренняя противоречивость советских ценностей, разрывавшихся вместе с внешней политикой послесталинского СССР между интернационалистским мессианством и великодержавно-имперским мышлением биполярного мира, сыграла важную роль в крахе режима.

Традиционная дихотомия между Европой и Азией как на духовном, цивилизационно-ценностном уровне, так и в поисках оп-

тимальной социально-экономической модели, государственного строя, внешнеполитического курса, сохранялась и в постсоветской России.

С середины 1980-х гг., когда заканчивалась холодная война, в политико-интеллектуальных кругах перестроечного СССР преобладали западнические, особенно европейские настроения. «Мы – европейцы. С Европой Древнюю Русь объединило христианство, – утверждал первый и последний президент СССР М.С. Горбачёв. – ... Европа “от Атлантики до Урала” – это и историко-культурная целостность, объединяемая общим наследием эпохи Возрождения и Просвещения, великих философских и социальных учений XIX–XX вв.»⁸⁹. Отсюда вытекала горбачёвская формула «Европа – наш общий дом», которой так и не было суждено обрести сколько-нибудь конкретное содержание.

Данная инерция ещё более усилилась в первой половине 1990-х гг., когда в коридоры власти правопреемницы бывшего СССР – Российской Федерации, на короткое время пришла группа молодых представителей либеральной, западнической интеллигенции. Её целями были провозглашены решительный разрыв с советским прошлым, создание в кратчайшие сроки основ рыночной экономики и плюралистической демократии, сближение с евроатлантическими структурами по самому широкому кругу международных проблем (Е.Т. Гайдар, А.Т. Чубайс, А.В. Козырев и др.).

Определённые реальные результаты на этом пути были достигнуты. Однако их экономическая эффективность оказалась недостаточной, а социальная цена – чрезвычайно высокой. Между тем значительное ослабление военного потенциала России, зависимость её экономики от кредитов международных финансовых институтов (МВФ, Всемирный банк), контролируемых США, серьёзно подорвали позиции Москвы на международной арене, что вылилось в серию унижительных внешнеполитических неудач, в частности, в ходе распада бывшей Югославии, расширения НАТО и т.д.

Результатом оказался уже в конце 1990-х гг., но особенно в

⁸⁹ Горбачёв М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. Изд-во политической литературы, М., 1987. С. 200-207.

начале XXI в. крутой перелом настроений в российском общественном мнении, тяжело переживавшем болезненный постимперский синдром утраты роли мировой сверхдержавы. В официальном дискурсе представителей правящих кругов, среди которых преобладали выходцы из спецслужб и военно-промышленного комплекса, всё сильнее звучали великодержавные, национал-патриотические мотивы.

Они находили идеологическую подпитку в подъёме антизападных, клерикальных и почвеннических течений, представители которых отстаивали для России особый «евразийский» путь, представляющий отдельный от Европы и Азии цивилизационный ареал с собственной системой ценностей. Она резюмировалась формулой «Державность, духовность, соборность» – слегка обновлённым вариантом известной триады графа Уварова в XIX в. («Самодержавие, православие, народность»). Эти мотивы оборачивались эволюцией режима в сторону усиления авторитарно-бюрократических методов «ручного управления», плодящих коррупцию, преобладанием централизма над федерализмом, усилением роли государства в экономике, ограничением независимости правосудия и СМИ.

Между тем выросшее в нулевые «тучные годы» высоких мировых цен на энергоносители, составляющие основные статьи российского экспорта и доходов бюджета, поколение представителей среднего класса крупных российских городских центров – средоточия современных видов производства, услуг, информации – проявляло растущую неудовлетворённость положением дел в стране. В конце 2011–2012 гг. оно вылилось в массовые уличные демонстрации, участники которых мотивировались не столько конкретной экономической или политической программой, сколько требованиями морально-ценностного порядка (протесты против фальсификации результатов выборов, осуждение коррупции чиновничества и т.д.). Хотя в протестном движении приняли участие отдельные националисты и левые радикалы, большинство их разделяло либерально-западнические, европейские ценности.

Ответом власти стала серия репрессивных законов, ограничивающих формы уличного протеста, деятельность НКО и т.д. под флагом борьбы с подрывной деятельностью Запада. В итоге неси-

стемная оппозиция, расколотая на идейно неоднородные соперничающие между собой группировки, не смогла выйти за рамки своей основной социальной базы – представителей средних слоёв, интеллигенции, учащейся молодёжи, крупных городских центров, и осталась маргинализированной.

Этому значительно способствовали последствия острого международного кризиса в связи с событиями на Украине и присоединением Крыма к РФ, вызвавших в стране мощную волну великодержавно-патриотических, антизападных настроений, которые обеспечили власти с помощью СМИ широкую электоральную поддержку.

Эти противоречивые тенденции в общественной жизни России начала XXI в. не являются принципиально новыми – они лишь продолжают издавна присущую стране внутреннюю неоднозначность культурно-ценностных ориентиров, связанную с её уникальной географией и сложной, порой трагичной историей. В данной связи необходимо уточнить грань между геополитическими или экономическими интересами России, с одной стороны, и системой её ценностей, с другой.

Первые, безусловно, требуют многовекторного, сбалансированного подхода. «Поворот на восток», в сторону динамично развивающегося Азиатско-Тихоокеанского региона бесспорно является объективным императивом для всех центров силы глобализованного многополярного мира. О таком повороте официально объявили лидеры США и многих других крупных государств от Турции до Индии и Пакистана.

Для России проблема интенсивного обустройства Сибири и Дальнего Востока, занимающих $\frac{3}{4}$ её территории, но лишь 20% населения, стала вопросом выживания как великой державы. Поэтому вполне естественно активное развитие экономического и политического сотрудничества РФ с государствами АТР, прежде всего, с великим соседом Китаем. Преодолению глубокого демографического и экономического разрыва между европейской и азиатской частями единой страны могло бы способствовать укрепление Евразийского экономического союза, основанного, подобно ЕС, на свободе движения товаров, капиталов, людей, услуг. Этапом на этом пути служит Таможенный союз России,

Белоруссии, Казахстана с участием других государств СНГ – первый этап на пути формирования в более или менее отдалённом будущем единого экономического пространства «от Владивостока до Лиссабона».

Однако попытки придать этому общему геополитическому тренду цивилизационное измерение, представить его как выбор между европейскими и азиатскими ценностями в пользу последних или претензии на роль особой евразийской цивилизации – «моста» между ними, по меньшей мере, наивны. Они могут вести Россию либо к самоизоляции, либо к раздвоению собственной духовной идентичности.

Пример Украины, которая за 20 лет независимости уже дважды оказывалась на грани раскола между Западом и Востоком, чреватой национальной катастрофой, убедительно подтверждает это. Последний конфликт между Россией и ЕС вокруг места Украины в глобальном раскладе сил – не только экономическом или политическом, но и ценностном, сделал выход украинского государства из затяжного системного кризиса гораздо более трудным, дорогостоящим и потенциально взрывоопасным для обеих сторон, а тем более для самих украинцев.

Суровые вызовы нашей эпохи властно диктуют европейцам нынешнего и грядущих поколений необходимость создания единого цивилизационного пространства. При всём различии культурных традиций народов, живущих на огромном континенте Евразии, в этнокультурном, конфессиональном, а главное ценностном отношении Россия всегда была, есть и будет своеобразной, но органической и к тому же незаменимой составной частью европейской цивилизации – другого ей просто не дано.

**ГЛАВА 6. НАМ НЕ НУЖНЫ
ЕВРОПЕЙСКИЕ ЦЕННОСТИ?***

Диалог с историком, дипломатом Юрием Рубинским

«Европейские ценности существуют, и они нам не могут быть чужды, Россия – европейская страна», – говорят одни. «Европейские ценности» – плод западной пропаганды. Европа не вправе навязывать суверенной России свой образ жизни», – утверждают другие. Компромиссную точку зрения в этом споре, который длится уже несколько столетий, изложил в своё время один из духовных отцов российского западничества Пётр Чаадаев: «Уже триста лет Россия стремится слиться с Западной Европой, заимствует оттуда все наиболее серьёзные свои идеи, наиболее плодотворные свои познания и свои живейшие наслаждения. Но вот уже век и более как она не ограничивается этим».

Истина по одну сторону Пиренеев становится заблуждением по другую.

– Давайте сначала ответим себе на вопрос: эти самые европейские ценности – они вообще-то существуют?

– Безусловно, существуют. Я всю жизнь профессионально привязан к Европе, в частности, занимаюсь историей Франции, и мне интересно, какое место европейские ценности занимают в системе общечеловеческих ценностей.

– Европейские и общечеловеческие ценности как-то соотносятся между собой? Это, по сути, не одно и то же?

– Нет, это не одно и то же. Потому что есть цивилизации, создающие для себя систему ценностей. Иногда эти ценности они навязывают другим, что, как правило, плохо кончается и для них, и для других. Я очень люблю одну фразу Декарта. Когда французская монархия неустанно старалась посадить Бурбона на испанский престол и в конце концов добилась этого, он заметил:

* Нам не нужны европейские ценности? Интервью в кн.: Выжutowич В.В. Другой разговор: диалоги с умными людьми. М., АИРО-XXI, 2018. – 476 с. – С. 93-100.

«Истина по одну сторону Пиренеев становится заблуждением по другую». Это для меня убедительный ответ на вопрос, существуют ли общечеловеческие ценности и есть ли такие цивилизационные установки, которые для одних хороши, а для других – нет. Культура вообще национальна, она является условием самоидентичности народа, а ценности – это уже часть цивилизации, к которой могут принадлежать несколько народов. Вообще взаимоотношения разных цивилизаций не надо представлять в виде коперниковской схемы концентрических кругов с общим ядром и разными орбитами. Здесь скорее подойдет эмблема Олимпийских игр, где все пять колец пересекаются, имея общее и собственное. Так вот у России и Европы общий сегмент гораздо больше, чем остающийся зазор.

– *Если в нескольких словах, европейские ценности – это что?*

– Под ценностями обычно понимаются основные принципы устройства семьи, общества и государства, разделяемые большинством граждан. Вводя нравственные критерии в оценки отношений не только между людьми и их сообществами, но и государствами, система ценностей служит сеткой координат, вне которой утрачивается идентичность (если не сам смысл существования) любой цивилизации. Ценности – это ещё и этическая, моральная оценка поведения человека в разных сферах его существования и деятельности. И прежде всего оценка его отношений с другими людьми, группами людей, представителями других конфессий, народов... Ведь ценности не только объединяют, но, к сожалению, и разъединяют людей.

– *Европейские ценности, наверное, претерпели какую-то эволюцию. Они менялись в течение времени?*

– Они, конечно, менялись в каких-то частностях, но их основа всегда была стабильна. Эти ценности закреплены в нравах и обычаях, догматах и ритуалах религиозных конфессий, нормах законодательства. Их олицетворяют образы подлинных или мифологизированных героев прошлого – пророков и святых, гениев науки и культуры, великих государственных деятелей и полководцев. Чаадаев писал: «Все народы Европы имеют общую физиологию, некоторое семейное сходство. Вопреки огульному разделению их на латинскую и тевтонскую расы, на южан и северян – всё

же есть общая связь, соединяющая их всех в одно целое и хорошо видимая всякому, кто поглубже вник в их общую историю. Вы знаете, что ещё сравнительно недавно вся Европа называлась христианским миром, и это выражение употреблялось в публичном праве. Кроме общего характера, у каждого из этих народов есть ещё свой частный характер, но и тот и другой всецело сотканы из истории и традиции. Они составляют преемственное идейное наследие этих народов. Это – идеи долга, справедливости, права, порядка. Они родились из самых событий, образовавших там общество, они входят необходимым элементом в социальный уклад этих стран. Это и составляет атмосферу Запада; это – больше, чем история, больше, чем психология: это физиология европейского человека».

– *«Физиология европейского человека», ставшая социальной генетикой, диктует современному гражданину Германии или Франции некие нормы поведения?*

– Да. И прежде всего – толерантность, терпимость к инакомыслящим, инакочувствующим, инаковерующим.

– *А тип государственного устройства, практикуемый в большинстве стран Европы, он тоже диктуется «физиологией европейского человека»?*

– Дело в том, что Европа пережила разные исторические периоды. Она была колыбелью таких типов государственного и общественного устройства, как, например, демократическая республика, но она же была родиной тоталитарной диктатуры. Именно тоталитарной. Потому что азиатская деспотия – это не тоталитарная диктатура. Даже само понятие «тоталитаризм» родилось в Европе. Я хочу сказать, что весь набор демократических ценностей не всегда является обязательным ассортиментом ценностей европейских.

– *Что для вас главная европейская ценность?*

– Уважение к праву, закону. Осознание того факта, что соблюдение закона выгодно во всех отношениях – и материально, и морально. Хотя бывает так, что в одних европейских странах уважение к праву и закону – незыблемое условие существования, а других, особенно на юге, – нет. Тем не менее, европейская цивилизация в целом – это, в первую очередь, признание правовой основы

взаимоотношения людей. Ну и конечно уважение к меньшинствам, понимание, что демократия – это не только воля большинства.

– *Что заставляет Европу быть толерантной, терпимой к меньшинствам?*

– В данном случае это вопрос её будущего. Потому что Европа вся состоит из меньшинств, и не только приезжих. Если их не уважать, не принимать такими, какие они есть, – не будет Европы. Принимаешь ли ты человека, группу людей, народ, государство, для которых добро и зло не обязательно совпадает с твоим пониманием добра и зла, принимаешь ли ты этих людей, этот народ, это государство как партнёров, с которым надо поддерживать нормальные отношения? Хотя тут есть и другая опасность – когда меньшинство, требуя толерантного отношения к себе, начинает навязывать большинству свои стандарты жизни и правила поведения.

– *А свобода? Она разве не стоит в ряду самых главных европейских ценностей?*

– Стоит, конечно. Я бы даже сказал, что она открывает этот ряд. Но осознание свободы как первой ценности было присуще Европе не всегда. Не зря же есть такое понятие, как «феодалная Европа». Свобода как ценность сложилась в Европе постепенно. Так что не надо считать её европейским изобретением. Это результат эволюции, а не генетическое свойство европейцев.

Для русского человека правда важнее, чем истина

– *У России и Европы общие ценности?*

– Российские ценности и европейские – это и сообщающиеся сосуды, и скрещивающиеся круги. У них есть несовпадение, но есть и общее. Общего гораздо больше. Я считаю, было бы принципиальной ошибкой противопоставлять фундаментальные ценности Европы российским. Да, исторически так сложилось, что Россия веками была страной бесправия и произвола. При том, что законы в ней существовали. Но в России истина и правда – не одно и то же. Истина – это «дважды два – четыре». А правда – она выше. Правда для русского национального сознания – это ещё и справедливость. Справедливость, которая часто оправдывала и покрывала произвол. Вот придет барин, барин нас рассудит. А в

суд подавать – зачем? Это всего лишь поиск истины. Правда – важнее. Решить по правде – это не обязательно решить по закону. Нельзя сказать, что вся Европа живёт иначе. Нет. Сравните Север и Юг Европы. Для итальянцев, испанцев, греков, в отличие от скандинавов, человеческие отношения важнее закона. В этом мы, русские, с южными европейцами очень похожи. Или возьмём отношение к государству. Скажем, англосаксами государство воспринимается как инструмент, помогающий гражданам решить их проблемы или ограничивающий их в чём-то. А для француза государство – злейший враг, когда оно покушается на его доход. И кормилец, когда государство надо доить.

– *А для российского человека государство – это что?*

– Это хозяин, который отвечает за безопасность, за величие страны и одновременно за твоё личное благополучие. Между прочим, осознание величия державы – оно необходимо и европейцам, не только нам. Великобритания, Франция, Германия на разных исторических этапах были пронизаны имперским духом. Де Голль говорил: «Без величия нет Франции». И это как раз те вещи, которые вполне приложимы к российской системе ценностей.

– *Тем не менее, сейчас принято говорить, что Россию с Европой абсолютно ничто не роднит и роднить не может.*

– Эти разговоры возникли отнюдь не сейчас. Они начались ещё на рубеже XVII – XVIII вв. Защитники особого, отличного от Европы пути для России, резко осуждали деятельность Петра I, обвиняли его в разрыве с духовными ценностями русского народа, в насильственном навязывании ему чуждых порядков. Причём лагерь традиционалистов был идейно не менее разношёрстен, чем лагерь западников. Он включал в себя не только твердолобых реакционеров-охранителей типа графа Уварова с его знаменитой триадой «самодержавие, православие, народность» или черносотенных погромщиков-националистов. В нём пребывали и либеральные славянофилы (Киреевский, Хомяков, братья Аксаковы), революционные и либеральные народники, искавшие путь к социализму через крестьянскую общину, их преемники-эсеры. Русские путешественники от Карамзина до Салтыкова-Щедрина, а порой даже непримиримые по отношению к царизму политэмигранты, в

своих заметках о европейских порядках зачастую бывали не менее суровы в их оценке, нежели европейцы в отношении России. Восхищаясь европейским уровнем жизни, комфортом, культурой, они резко осуждали мещанское самодовольство многих европейцев, их меркантильную расчётливость, чёрствый эгоизм, вседозволенность (разумеется, по российским меркам) нравов, лицемерие. А европейцы с гордостью продолжали утверждать, что обладают системой, представляющей собой совокупность общечеловеческих ценностей, а, следовательно, вершину мировой цивилизации.

Европейский выбор не есть выбор геополитический

– Что собой представляли советские ценности? Почему они оказались такими живучими в российском массовом сознании?

– Ценностный багаж Советского Союза – это сочетание консервативно-охранительных, национал-изоляционистских идеологических установок внутри страны и международного комдвижения с его революционным прогрессизмом – вовне. Для коммунистов и их попутчиков из числа представителей левой интеллигенции СССР был если не идеальным воплощением светлого будущего человечества, то, во всяком случае, единственным оплотом в борьбе против несправедливостей буржуазного общества, угрозы фашизма и войны. Напротив, в глазах консерваторов и правых либералов он выглядел смертельной опасностью для европейской цивилизации и всех её традиционных ценностей. В конечном счёте, именно внутренняя противоречивость советских ценностей, разрывавшихся вместе с политикой послесталинского СССР между интернационалистским мессианством и имперским высокомерием, сыграла немалую роль в крахе режима.

– Но даже после его краха европейские ценности не очень-то приживаются у нас. Почему?

– Попробую объяснить. В первой половине девяностых в коридоры власти на короткое время пришла группа молодых представителей либеральной интеллигенции. Их целью был решительный разрыв с советским прошлым, создание в кратчайшие сроки основ рыночной экономики и плюралистической демократии, а также сближение с евроатлантическими структурами по самому широкому кругу международных проблем. Определённые результаты на этом пути были, безусловно, достигнуты. Однако их эко-

номическая эффективность оказалась ограниченной, а социальная цена чрезмерно высокой. Поэтому уже в конце 1990-х и особенно в начале 2000-х в российском обществе, тяжело переживавшем национальное унижение, произошёл коренной перелом настроений. В официальных речах представителей власти зазвучали национал-патриотические мотивы. Они находили идеологическую подпитку в подъёме антизападных, клерикальных и почвеннических течений, отстаивающих для России особый «евразийский» путь и свою систему ценностей по формуле «державность, духовность, соборность». На фоне всё более частых конфликтов между ЕС и Россией по широкому кругу экономических и политических вопросов – от условий энергодиалога до войны в Чечне, прав человека, демократии и свободы СМИ – могло показаться, что европейская ориентация России, в том числе на ценностном уровне, надолго снята с повестки дня.

– *Сейчас так тоже кажется. Причём сейчас европейская ориентация России ещё серьёзней поставлена под вопрос.*

– Некоторые российские политики предлагают своеобразную гипотезу, согласно которой ценности России и Европы по существу идентичны, а западная критика России за отступления от демократии или нарушение прав человека отражает всего лишь банальные споры «хозяйствующих субъектов», в частности, продавцов и покупателей энергоресурсов. Такое мнение выглядит явно противоречиво – если ценности одни и те же, то нет и необходимости приспособливать их к тем или иным противоречивым интересам. Но звучат и другие оценки. Например, можно услышать, что объективные реалии глобализированного многополярного мира начала XXI в. властно диктуют России и Евросоюзу поиск общего знаменателя, в том числе и на уровне ценностных установок. Хотя попытки обусловить компромиссы по политическим и экономическим вопросам предварительными уступками России по ценностным подходам, на мой взгляд, заведомо контрпродуктивны.

– *Всё-таки нужны нам европейские ценности или нет?*

– Безусловно, нужны. Но они не являются принудительным ассортиментом. Нельзя рассуждать так: ЭТА свобода нам подходит, а ЭТА – нет. Или: однополые браки нам не нужны, а вот гра-

жданское самосознание и уважение к закону – всегда пожалуйста. Есть вещи, без которых вообще цивилизация невозможна и без которых наступает варварство. Что именно входит в ценностный минимум, а что в него не входит – это показывает сама жизнь. Но, в принципе, европейский выбор не есть выбор геополитический. Это лишь выбор неких правил в отношениях между людьми. Между гражданами и государством. Между разными странами, которые защищают свои интересы и ценности, но учитывают интересы и ценности других.

ГЛАВА 7. ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ КАК ПАРТНЁР В МЕЖДУНАРОДНЫХ ПЕРЕГОВОРАХ*

Попытки распространить процесс европейской интеграции от экономики на внешнюю политику и оборону начались ещё в середине XX в., когда был разработан проект Европейского политического сообщества (ЕПС), тесно связанный с аналогичным проектом Европейского оборонительного сообщества (ЕОС). В обоих случаях речь шла о поисках оптимальной формы перевооружения ФРГ, гарантирующей контроль над ней со стороны западноевропейских стран, которые были в ходе Второй мировой войны жертвами агрессии гитлеровской Германии. В этом отношении оба проекта были во многом построены на принципе наднациональной федерации, где руководящие органы принимают решения большинством голосов.

Отказ Национального собрания Франции 30 августа 1954 г. ратифицировать договор о ЕОС повлёк за собой крушение и ЕПС. На протяжении последующих двух десятилетий евростроительство сосредоточилось главным образом на экономике – со-

* Перспективы развития отношений между Россией и ЕС: право, политика, энергетика. Материалы международных конференций, посвящённых 10-летию юбилею Института европейского права, новому в развитии европейского права и европейской интеграции, вопросам энергетики и проблемам обучения, проведённых в МГИМО (У) МИД России в 2006–2007 гг. – СПб.: СКФ «Россия-Нева», 2008. – 544 с.

здании общего, а затем единого рынка, выработке общей сельскохозяйственной, региональной политики, строительстве валютно-экономического союза и т.д. Политические и военные проблемы решались в рамках НАТО.

Структура органов экономической интеграции ЕЭС представляла собой компромисс между двумя во многом противоположными подходами: наднациональным – федеративным, и межгосударственным – конфедеративным. Один из них олицетворялся Комиссией, Европарламентом, Судом, другой – Советом министров, а затем и Европейским советом на высшем уровне, причём решающими инстанциями остаются последние. Если в первых некоторые решения могли приниматься квалифицированным или даже прямым большинством, то во вторых – только консенсусом⁹⁰.

С тех пор борьба между наднациональными и межгосударственными путями развития является главным противоречием процесса евростроительства в целом. Если в экономике федеративные подходы, преобладающие в Комиссии и Европарламенте, постепенно начинают преобладать, то в проблемах внешней политики и обороны, являющихся исключительной прерогативой Совета министров (прежде всего на уровне министров иностранных дел) и Европейского совета, по-прежнему господствует принцип консенсуса.

Эта двойственность Европейского союза неуклонно усиливается по мере расширения его географических рамок от 6 до 9, 10, 12, 15,25, наконец, нынешних 27 стран-участниц. Важнейшими этапами на этом пути стали вступление Великобритании, Ирландии, Дании (конец 1960-х гг.), затем средиземноморских государств – Испании, Португалии, Греции, и скандинавских – Швеции, Финляндии (а также Австрии). Наконец, ЕС пополнился странами Центральной и Восточной Европы. В него вошли Польша, Чехия, Венгрия, Словакия, Словения, Литва, Латвия, Эстония, Болгария, Румыния, Мальта и Кипр.

Если ядро из 6 стран-основательниц (Франция, ФРГ, Италия,

⁹⁰ Право требовать принятия решений консенсусом страны ЕС получили по итогам Люксембургского компромисса 1966 г.

Бельгия, Голландия, Люксембург) изначально цементировалось сопоставимостью уровней развития экономики и близостью геополитических интересов, то с каждым этапом расширения контрасты по этим параметрам углублялись, что неизбежно снижало эффективность механизма выработки и принятия совместных решений.

Между тем, такой механизм всё же постепенно выстраивался. С начала 1970-х гг. ряд ведущих участников Европейского политического сотрудничества, прежде всего Франции, приложили немало усилий по созданию системы органов и внедрению неформальной практики обмена информацией и предварительного согласования национальных внешнеполитических решений.

Под эгидой Совета министров иностранных дел начал функционировать комитет высших должностных лиц (директоров политдепартаментов МИД стран-участниц), готовивших всё более частые встречи на министерском уровне. В каждом МИДе в составе подразделений, занимавшихся европейскими делами, возглавлявшихся госсекретарями, а иногда даже министрами по делам ЕС, были назначены корреспонденты, которые отвечали за регулярный обмен информацией. Между ними установилась постоянная телексная, а затем электронная связь, по каналам которой проходили по несколько сотен телеграмм в год. Повседневной практикой стали рабочие встречи постоянных представителей стран-участниц и Комиссии ЕС в Брюсселе, их послов в ведущих государствах, при ООН и других межправительственных организациях.

Между тем, в аппаратах Комиссии и Совета сложились две параллельные структуры директоратов, специализированных на отношениях с третьими странами как по региональному, так и по функциональному признакам. По своей структуре они весьма напоминали национальные министерства иностранных дел. Главы делегаций Европейской комиссии в странах-участницах и третьих странах получили дипломатический ранг, статус послов и подчинённый им соответствующий дипсостав.

Однако реальная эффективность этого внушительного механизма оставляла желать лучшего, как бывает всегда, когда бюрократическая структура оказывается разделённой, в том числе на

уровне её верхнего эшелона. Соответствующие директораты Комиссии возглавляются комиссаром ЕС по внешним сношениям Бенитой Ферреро-Вальднер, Совета – Высоким представителем Совета ЕС по общей внешней политике и политике безопасности Хавьером Соланой.

В принципе между ними существует определённое разделение обязанностей: одна занимается внешнеэкономическими связями, второй – внешнеполитическими проблемами. Однако проекты коллективных документов принимаются Комиссией (точнее, предлагаются ею Совету на утверждение) большинством голосов, тогда как решения Совета по внешней политике как таковой – только консенсусом. Очевидно, что коэффициент полезного действия этой двойственной, противоречивой конструкции невысок, не говоря уже о необходимости обоих исполнительных звеньев внешнего измерения аппарата ЕС учитывать мнение Европарламента, а главное – национальных правительств и парламентов.

Первая попытка подвести внешнеэкономические и внешнеполитические функции ЕС под одну крышу была предпринята ещё в 1986 г. принятием Единого европейского акта. Следующими, более значительными шагами стали Маастрихтский (1992 г.) и Ниццкий (2000 г.) договоры, заложившие основы сначала Общей внешней политики и политики безопасности ЕС (ОВПБ), затем европейской политики безопасности и обороны (ЕПБО), входящей в ОВПБ. Консультативная структура, занимавшаяся этими проблемами в прошлом – Западноевропейский союз (ЗЕС), интегрирована в Евросоюз.

Одновременно активизировалось строительство элементов, составляющих систему европейской обороны, тесно связанной с интегрированными структурами Североатлантического альянса, но располагающей определённой степенью автономии при выполнении т.н. «Петерсбергских миссий» миротворческого и гуманитарного характера. Ими стали Военный, Военно-штабной комитеты, командование Еврокорпуса, Сил быстрого реагирования и т.д.

Тем не менее, все эти усилия так и не преодолели органический дефект, который подрывал кредитоспособность ЕС с самого начала процесса евростроительства – противоречие между принципами конфедерации суверенных национальных государств

и наднациональной федерации, имеющей общую международно-правовую правосубъектность. Если переговоры по вопросам торговли с третьими странами и организациями типа ВТО или АСЕАН ведутся соответствующим членом Комиссии на основе коллективного мандата, то в политическом диалоге Евросоюз представляет «тройка» из нынешнего, предыдущего и следующего председателей ЕС, полномочия каждого из которых не превышают полугода⁹¹.

Высокий представитель ЕС по внешней политике и обороне Х. Солана выполняет лишь функции координатора при подготовке официальных заявлений Евросоюза по тем или иным международным вопросам и выработке коллективного мандата «тройки» при переговорах о заключении международных соглашений Союза, которые утверждаются затем Советом и подлежат ратификации Европейским и национальными парламентами.

При этом каждое из государств – членов ЕС полностью сохраняет суверенные права на проведение национальной внешней политики в отношении третьих стран. Оно поддерживает дипломатические отношения и ведёт переговоры с ними на двусторонней основе, в связи с чем процесс составления ими коллективного мандата для «тройки» и тем более для Высокого представителя или комиссара по внешним связям требует строгого соблюдения принципа принятия решений консенсусом.

Столь сложная, громоздкая конструкция предельно сужает возможности для манёвра ЕС как партнёра в международных переговорах до минимума. Общий мандат его представителей, будь то Солана, Ферреро-Вальднер или «тройка», любое отступление от которого требует бесконечных новых согласований, является лишь наименьшим общим знаменателем позиций стран-участниц, каждая из которых упорно отстаивает свои национальные интересы, угрожая заблокировать переговоры в случае их ущемления.

Естественно, что партнёры ЕС – суверенные национальные государства, столкнувшись со столь негибким собеседником, ста-

⁹¹ После вступления в силу в 1999 г. Амстердамского договора «тройка» ЕС состоит из государства-председателя, Генерального секретаря / Высокого представителя по ОВПБ и комиссара по внешним связям. Будущее государство-председатель по необходимости оказывает помощь «тройке». – Прим. ред.

раются обойти его с помощью двусторонних контактов со странами – членами Евросоюза, играя на их противоречиях, или лоббировать продвижение своих позиций в брюссельских структурах изнутри.

Убедительным доказательством ограниченной внешнеполитической дееспособности структур ЕС, не отвечающей его весу в мировой экономике, служит комплекс проблем Ближнего Востока – Ирак, Иран, израильско-палестинский конфликт и т.д. По Ираку внутри ЕС произошёл глубокий раскол, последствия которого до сих пор дают о себе знать. Несмотря на участие ЕС, наряду с США, Россией и ООН в ближневосточном «квартете», из Брюсселя не исходила ни одна сколько-нибудь перспективная, яркая дипломатическая инициатива, хотя именно ЕС несёт основные расходы на финансирование гуманитарных операций в регионе.

С расширением состава ЕС на 10 стран Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы, а также Кипр и Мальту, трудности проведения Евросоюзом общей внешней политики значительно усугубились. Новые члены увеличили экономический потенциал ЕС всего на несколько процентов, тогда как потребности их экономики, ещё не завершившей полностью переход от планово-государственной к рыночной, весьма велики. Уровень ВВП на душу населения колеблется там от трети до половины среднего по ЕС.

В таких условиях у правящих кругов восточноевропейских стран возникает соблазн набить себе цену, повысив влияние на экономическую политику ЕС за счёт политических факторов, например угрожая блокировать развитие автономной европейской ОВПБ и ЕПБО. В тот же контекст вписываются попытки ряда стран ЦВЕ оказывать в рамках политики «Восточного соседства» содействие «цветным революциям» на постсоветском пространстве (Украина, Грузия), которые способны ещё более осложнить и без того непростой диалог между Москвой и Брюсселем, отягощая его конфронтационной риторикой.

Новой точкой отсчёта в развитии внешнеполитической деятельности ЕС должна была стать смена 1 ноября 2014 г. на посту Верховного представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности Х. Соланы Федерикой Могерини.

Её предшественник на этом посту, экс-генсек НАТО, был из-

начально обречён играть сугубо вспомогательную, по существу техническую роль связующего звена между Брюсселем и Вашингтоном, где баланс сил давал последнему решающее преимущество. Приход на этот пост бывшего министра иностранных дел Италии должен был обеспечить более эффективное взаимодействие партнёров в рамках евроатлантических структур.

Определённые шаги в этом направлении были предприняты: получив официальную должность министра иностранных дел и став заместителем председателя Комиссии ЕС Ф. Могерини увеличила свой центральный аппарат, укрепила полномочные представительства в столицах большинства стран – членов ООН и при международных организациях. Она приняла активное участие в поисках выхода из острых международных кризисов на Ближнем Востоке, на Украине, где пыталась играть роль посредника. Тем не менее, пока эти попытки не принесли достаточно убедительных результатов.

Глава 8. ВОЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ*

Первые попытки придать процессу евростроительства не только экономическое, но и военно-политическое измерение относятся ещё к середине XX в. Статс-секретарь МИД ФРГ В. Хальштейн сравнивал тогда интеграцию с трёхступенчатой ракетой, в которой первая ступень является экономической, вторая – политической, а третья – военной. Если, однако, нижняя ступень закончена в целом успешно, превратив Евросоюз в крупнейший полюс мировой экономики, торговли, финансов, то верхние, особенно последняя, достраиваются до сих пор, что тормозит вывод всей ракеты на глобальную орбиту.

Необходимым условием, а отчасти и смыслом запуска всего процесса интеграции было примирение крупнейших континен-

* Безопасность Европы. Под ред. В.В. Журкина. М., изд-во «Весь Мир», 2011. – 752 с.

тальных государств Западной Европы – Франции и Германии, долгая конфронтация которых была одной из главных причин обеих мировых войн. Хотя с окончанием последней раскол мира, Европы и Германии на противоположные общественные системы во главе с двумя сверхдержавами США и СССР отбросил как французов, так и большинство немцев на западную сторону «железного занавеса», восстановление доверия между ними потребовало немало времени.

Началось оно с экономики. Взаимодополняемость угля германских бассейнов Рура и Саара с железной рудой французской Лотарингии, служивших в конце XIX и первой половине XX вв. ядром европейской тяжёлой индустрии, не раз толкала каждого из соседей к попыткам объединить под своей эгидой эти базовые тогда ресурсы с помощью силы. Последствия оказались катастрофическими для обоих.

Тем больший резонанс получила историческая речь Р. Шумана, в то время французского министра иностранных дел, 9 мая 1950 г. – в пятую годовщину окончания Второй мировой войны в Европе – с призывом объединить производство и сбыт угля и стали Франции, ФРГ, а также Италии, Бельгии, Голландии и Люксембурга, подчинив контролю общих руководящих органов, что сделало бы новую войну между ними не только беспредметной, но и материально невозможной. Эта идея легла в основу первой интеграционной структуры – Европейского объединения угля и стали (ЕОУС), Верховный орган которой возглавил главный архитектор евростроительства – француз Ж. Монне, которого сменил затем немец В. Хальштейн.

Создание ЕОУС изначально диктовалось не только экономическими, но и политическими причинами. Подписав 4 апреля 1949 г. Вашингтонский договор о Североатлантическом союзе с США, Франция, ставшая одним из их ключевых европейских партнёров в холодной войне с СССР, была вынуждена расстаться со своими прежними планами расчленения Германии и волей-неволей следовать за американско-британским курсом на слияние оккупационных зон трёх западных держав, а затем создание ФРГ.

Однако Париж продолжал упорно сопротивляться дальнейшим шагам, ведущим к равноправию Бонна, опасаясь подрыва

равновесия между соседями по обе стороны Рейна, где экономическое превосходство западных немцев уравнивалось военно-политическими козырями Франции как одной из четырёх великих держав – победительниц во Второй мировой войне, ответственных за решение германской проблемы. Естественно, что Бонн был заинтересован в обратном – преодолении ущербного морально-политического статуса ФРГ как правопреемницы Третьего рейха⁹².

Наиболее эффективным способом преодоления этого конфликта интересов стало франко-германское примирение в рамках процесса европейской интеграции: французы видели в нём гарантию контроля над бывшим «наследственным врагом», а западные немцы – путь к равноправию.

Если ЕОУС дал старт интеграции лишь в сфере экономики, то неуклонное обострение холодной войны не замедлило изменить ситуацию. Начавшиеся в июне 1950 г. военные действия в Корее привели к переброске значительной части вооружённых сил США и их союзников на Дальний Восток, что побудило Вашингтон ультимативно поставить перед своими атлантическими союзниками вопрос о перевооружении ФРГ.

С тем, чтобы смягчить негативную реакцию французского общественного мнения, ещё далеко не забывшего о разгроме 1940 г. и нацистской оккупации, тогдашний министр обороны Франции Р. Плевен предложил воспользоваться опытом ЕОУС, распространив интеграционный процесс на военно-политическую сферу. «План Плевена», который призван был стать продолжением «плана Шумана», предусматривал создание Европейского оборонительного сообщества (ЕОС) в составе тех же шести стран. Их военные контингенты на уровне сначала батальонов, а затем и дивизий должны были образовать «европейскую армию» с общими командными и штабными структурами, подчинёнными контролю законодательных, исполнительных и судебных органов Европейского политического сообщества (ЕПС). Коль скоро его решения принимались преимущественно большинством голосов, оно

⁹² См.: Alfred Grosser. La IVe République et sa politique extérieure. Armand Colin, Paris, 1961. P. 303-308.

носило бы в основном наднациональный характер.

Однако проекты ЕОС и ЕПС вызвали решительное сопротивление во Франции. Их критики ссылались на то, что французские вооружённые силы окажутся расколотыми на национальные, занятые защитой распадавшейся колониальной империи в Индокитае, и «европейские». В результате Франция утрачивала традиционную опору своего государственного суверенитета – армию, тогда как ФРГ приобретала её под европейской этикеткой. Серьёзные опасения высказывались и в связи с непредсказуемой реакцией СССР на создание военной структуры с участием ФРГ, способной поставить под вопрос статус-кво в Европе, сложившийся в рамках Ялтинско-Потсдамской системы, спровоцировав Москву на жёсткие контрмеры, в том числе военные.

После острой борьбы Национальное собрание Франции провалило 30 августа 1954 г. ратификацию договора о создании ЕОС, против которого голосовали представители оппозиционных сил как слева, так и справа – коммунисты и голлисты, к которым примкнула часть центристских партий, стоявших у власти. Вскоре был похоронен и потерявший смысл проект ЕПС⁹³.

Хотя неудача первого проекта «европейской армии» вызвала немалый резонанс в Европе и в мире (госсекретарь США Д.Ф. Даллес даже пригрозил Франции «мучительным пересмотром» трансатлантических союзнических связей), она отнюдь не помешала перевооружению ФРГ, которое было вскоре проведено иным путём – принятием Западной Германией в НАТО на основе Парижских соглашений 1955 г.

Крах ЕОС и ЕПС повлёк за собой далеко идущие последствия для процесса европейской интеграции. В сфере экономики он продолжал неуклонно углубляться и расширяться. 25 марта 1957 г. представители шести стран – членов ЕОУС подписали договоры о создании Европейского экономического сообщества (ЕЭС) и Европейского сообщества по атомной энергии (Евратом). На протяжении полувека в рамках ЕЭС был создан общий, затем единый рынок, выработана совместная сельскохозяйственная и региональ-

⁹³ Aron Raymond, Lerner Daniel (dir.). *La Querelle de la C.E.D.* Librairie Armand Colin, Paris, 1956. P. 205-216.

ная политика. Руководящие органы трёх европейских сообществ – межгосударственные (Европейский совет глав государств и правительств, Совет министров) и наднациональные (Европейский парламент, Европейский Суд) слились воедино. К шестёрке основателей примыкали все новые страны – Великобритания, Ирландия, Дания на севере, Испания, Португалия, Греция на юге.

В то же время в политической области интеграция ограничилась в 1960–1980-х гг. лишь механизмами сотрудничества на сугубо консультативной основе, а военная сфера оказалась, по сути дела, монополизированной НАТО, где решающую роль играли США.

Это долго придавало трансатлантическим отношениям асимметричную структуру, отражавшую объективные реалии биполярного мира в условиях холодной войны. Западная Европа, лежавшая после войны в руинах и остро нуждавшаяся в американских средствах, поступавших по плану Маршалла, сравнительно быстро восстановила и модернизировала свою экономику, став не только равноправным партнёром, но порой и конкурентом США. Зато в сфере безопасности она по-прежнему целиком зависела от ядерных гарантий США перед лицом призрака «угрозы с Востока». Отсюда требования Вашингтона к европейцам увеличить их военные бюджеты и долю в расходах НАТО, не подкреплявшиеся, однако, готовностью перераспределить в их пользу контроль над структурами альянса, ввиду чего эти споры не приводили к реальным последствиям.

Правда, формально некое подобие, зародыш европейских оборонных структур всё же существовало, хотя их эффективность была крайне низкой. Традиционная французская архитектура требует, чтобы окна на фасаде здания обязательно были парными. Если одно почему-либо отсутствовало, его заменяли фальшивым, чисто декоративным, которое не открывалось ни наружу, ни внутрь, но создавало иллюзию симметрии.

Именно такую декоративную роль играл Западноевропейский союз (ЗЕС), созданный в 1955 г. одновременно с принятием Парижских соглашений о перевооружении ФРГ и принятии её в НАТО. В него вошли тогда 7 государств – Франция, ФРГ, Италия, Бельгия, Голландия, Люксембург, а также Великобритания.

На первых порах создание ЗЕС, основой которого послужил договор 1948 г. о Западном союзе тех же государств, но ещё без ФРГ, было дополнительной гарантией на случай выхода западных немцев из-под контроля (постоянное присутствие британских войск на континенте, соблюдение бундесвером некоторых ограничений вооружения, впрочем, очень быстро отменённых).

Впоследствии смысл существования ЗЕС существенно изменился. Поскольку после крушения проектов ЕОС и ЕПС европейская интеграция ограничилась экономикой, возникла потребность в автономной структуре, где европейцы могли бы изучать, обсуждать между собой и представлять вовне свои интересы в сфере обороны и безопасности без прямого участия США. Такой структурой и стал ЗЕС.

Его руководящие органы – Совет министров, Парламентская ассамблея, Секретариат, разместившиеся в Лондоне и Париже, воспроизводили типовую структуру европейских сообществ и НАТО, между которыми он служил своеобразным мостиком, промежуточным звеном. Однако в отличие от них высшие инстанции ЗЕС оставались как бы подвешенными в воздухе. Будучи юридически единственной организацией западноевропейских стран, компетентной в военных вопросах, ЗЕС не имел ни командных и штабных структур, ни, тем более, собственных вооружённых сил, предоставленных государствами-членами по образцу НАТО. В результате механизм ЗЕС вращался по существу на холостом ходу, ограничиваясь принятием сугубо формальных заявлений и публикацией аналитических докладов научно-исследовательского института в Париже.

Попытки вдохнуть жизнь в эту бюрократическую структуру предпринимались неоднократно, но безуспешно. В основе таких попыток был постоянный, хотя и скрытый кризис доверия между участниками НАТО по обе стороны Атлантики, принимавший форму многочисленных планов создания «второй» (европейской) опоры альянса.

Даже самые убеждённые атлантисты в глубине души не могли полностью избавиться от опасений, что в случае глобальной термоядерной войны американцы не пойдут на риск уничтожения миллионов жителей своих мегаполисов ради спасения Бер-

лина, Парижа, Лондона, а предпочтут ограничить военные действия, в том числе с применением ОМУ, европейским и азиатским театрами, чтобы, в конечном счёте, искать на компромисс с Москвой за счёт союзников («супер-Ялта»).

Вместе с тем их тревожил и противоположный вариант – опасность втягивания американцами своих союзников по НАТО против их воли в периферийные конфликты с СССР и его сателлитами или в «Третьем мире», не затрагивающие жизненные интересы стран Западной Европы, типа вьетнамского или ближневосточного.

Подобные сомнения особенно усилились с тех пор, как между двумя сверхдержавами биполярного мира установился асимметричный, но вполне реальный стратегический паритет по соотношению ракетно-ядерных потенциалов. Именно он побудил Великобританию, затем Францию обзавестись собственным ядерным потенциалом сдерживания. Причём если британский был создан в кооперации с США, особенно по части средств доставки, то французский, впервые испытанный в 1960 г., был и остаётся сугубо национальным. Их задачей являлась не замена «атомного зонтика» американских гарантий безопасности в рамках Североатлантического союза, а дополнения их, своего рода добавочная страховка, призванная к тому же подчеркнуть принадлежностью к «атомному клубу» статус великих держав – постоянных членов СБ ООН.

С конца 1950-х гг. качественно изменились и отношения между Францией и ФРГ, перешедших от взаимного недоверия к привилегированному партнёрству, которое превратило «ось Париж – Бонн», затем «тандем Берлин – Париж» в мотор европейской интеграции. С возвратом де Голля в мае 1958 г. к власти он твёрдо взял курс на сближение с канцлером ФРГ К. Аденауэром, скреплённое спустя 5 лет – в январе 1963 г. Елисейским договором. Франко-германское сближение было призвано решить двоякую задачу – создать дополнительные гарантии безопасности к уже имеющимся со стороны США и в то же время исключить соблазн для немцев сговора с Москвой путём обмена нейтрализации на воссоединение.

Когда же бундестаг ФРГ добавил к Елисейскому договору преамбулу, подтверждавшую решающую роль НАТО, де Голль по-

шёл в ответ на диалог с СССР под лозунгом «разрядки, сближения и сотрудничества» в Европе «от Атлантики до Урала» и вывел Францию из интегрирования командно-штабных органов Североатлантического союза (отнюдь не ставя, однако, под вопрос членство в нём)⁹⁴.

К 1970–1980 гг. относятся и первые попытки по реанимации ЗЕС. Соответствующее решение приняла сессия Совета министров иностранных дел и обороны семи стран – членов Западноевропейского союза в Риме 26–27 октября 1984 г. Спустя год они же одобрили в Гааге «Платформу европейских интересов в области безопасности», подчёркивавшую европейскую оборонную идентичность в рамках НАТО.

Первая военная акция под эгидой ЗЕС была предпринята в 1987–1988 гг. во время ирано-иракской войны, когда пять европейских стран направили эскадру для траления мин в Персидском заливе. С началом войны в Персидском заливе из-за нападения Ирака на Кувейт (операция «Буря в пустыне», проведённая в августе 1990 г. международными силами под руководством США на основании мандата СБ ООН) семь стран ЗЕС направили в зону конфликта 45 боевых судов, а ВМФ и ВВС Великобритании, Франции и Италии приняли участие в авиаударах по иракским объектам.

Крутой поворот в судьбах военного измерения европейской интеграции произошёл на рубеже 1990-х гг. в связи с тектоническими сдвигами в Европе и в мире – окончанием холодной войны, объединением Германии и распадом сначала зоны советского влияния, затем и самого СССР. Крушение биполярного мира, превратившее США на какое-то время в единственную глобальную сверхдержаву, с одной стороны, исчезновение признака «угрозы с Востока» со стороны советской «империи зла», с другой стороны, не могли не отразиться на всём комплексе трансатлантических отношений, в том числе в военной сфере.

«Конец холодной войны резко сократил значение военной мо-

⁹⁴ Возвращение французских представителей в интегрированную структуру НАТО произошло только 40 лет спустя – в 2009 г., когда холодная война давно осталась позади (см. ниже).

щи Соединённых Штатов для Европы, отбросив одеяло безопасности, которое позволяло обеим сторонам прикрывать или разрешать свои экономические споры на благо сохранения антикоммунистического альянса, – признавал директор американского Института международной экономики Ф. Бергстед. – Отныне отношения между Соединёнными Штатами и Европейским союзом будут всё больше основываться на виртуальном равенстве. США должны будут либо приспособиться к этой новой реальности, либо осуществлять серию арьергардных оборонительных боёв, которые окажутся всё более дорогостоящими и бесполезными, подобно тому, как это делали англичане на протяжении многих десятилетий упадка их лидирующей роли»⁹⁵.

Дальнейшие события показали, что Вашингтон избрал сначала второй вариант, тогда как их европейские союзники продолжали уже начатый курс на утверждение своей виртуальной оборонной идентичности на основе ЗЕС, хотя по-прежнему в рамках НАТО.

19 июня 1992 г. в Петербурге близ Бонна сессия Совета ЗЕС приняла декларацию, которая сформулировала задачи будущих многонациональных военных сил стран-участниц. «Петербургские миссии» включали три типа операций – гуманитарные и спасательные, по поддержанию мира и по управлению кризисами. Для решения миротворческих задач, требовавших использования вооружённых сил, в ЗЕС были созданы специальные органы – Военный комитет, Центр планирования и Спутниковый центр в Торрехоне (Испания). Аналитическая работа продолжалась научно-исследовательским Институтом ЗЕС в Париже.

Тогда же получили продолжение и попытки подвести под этот механизм определённую оперативную базу. В 1992 г. франко-германская бригада, созданная четырьмя годами ранее, была преобразована в Еврокорпус со штабом в Страсбурге, к которому присоединились также Бельгия, Испания и Люксембург (50 тыс. человек, в том числе две танковые дивизии – французская и германская). Появились и другие многонациональные соединения: в 1995 г. сухопутное (ЕВРОФОР) и военно-морское (ЕВРОМО-

⁹⁵ La Lettre de Cofremca Sociovision № 47, Paris, 1998. P. 19-20.

ФОР) в составе Франции, Италии, Испании и Португалии, в 1997–1998 гг. англо-нидерландская и испано-итальянская части морской пехоты, германо-нидерландский корпус и др. Единый акт 1986 г. стал первой попыткой объединить экономические аспекты евростроительства интеграции с политическими и военными.

Ситуация, сложившаяся в трансатлантических отношениях после окончания холодной войны, дала новый ощутимый импульс углублению и расширению процессов европейской интеграции во всех областях, не только в экономике и политике, но и в военной сфере. В международно-правовом плане основными вехами на этом пути стали важные документы, которые дополняли основополагающий Римский договор 1957 г. о создании ЗЕС – Маастрихтский (1992 г.), Амстердамский (1997 г.), Ниццкий (2000 г.). После неудачной попытки слить их воедино и заменить европейской Конституцией, проект которой был отвергнут на референдумах во Франции и Нидерландах (2005 г.), эта роль была отведена более сжато тексту Лиссабонского договора. Несмотря на оппозицию ирландских избирателей, проваливших проект договора на первом референдуме, его ратификация и вступление в силу завершились до конца 2009 г.

Первый из этих договоров – Маастрихтский – означал выход интеграции на качественно новый уровень созданием к концу 1990-х гг. валютно-экономического союза с общей валютой (евро), заменившей у большинства стран-участниц национальные, и учреждением общего банка во Франкфурте-на-Майне. Следующим важным шагом к достижению изначальной цели интеграции – свободному передвижению через границы стран – членов Евро-союза товаров, капиталов, услуг и людей, стало Шенгенское соглашение 1996 г. об отмене визового режима.

Углубление интеграционного процесса сопровождалось дальнейшим расширением его состава – вступлением сначала Швеции, Финляндии и Австрии в 1995 г., а в 2004 г. восьми стран Центральной и Восточной Европы, а также средиземноморских Кипра и Мальты.

Эта эволюция происходила на разных скоростях, придавая ЕС в различных сферах его деятельности «переменную геометрию»: Великобритания, Дания, Ирландия, Швеция уклонились от всту-

пления в валютную еврозону и не подписали Шенгенских соглашений, а большинство новых членов союза на Востоке оказались ещё не готовыми к этому.

Тот же принцип применяется и в сфере военно-политического сотрудничества, которая была наряду с валютно-экономическим союзом принципиально новым компонентом Маастрихта. Порывая после крушения проекта ЕОС с принципом отделения экономики от политики, авторы договора обязались выработать Общую внешнюю политику и политику безопасности (ОВПБ). Она включала постановку единых целей и поиск оптимальных средств их достижения путём выработки общих позиций и проведения совместных действий. Если первая задача более или менее успешно решалась уже давно в рамках консультативной системы Европейского политического сотрудничества (ЕПС), то вторая являлась определённым шагом вперёд.

Вместе с тем в Маастрихтском договоре ещё не уточнялось соотношение политико-дипломатической и военно-силовой составляющих в будущих совместных действиях. Имелось в виду, что их суть сводится к миротворческим «Петерсбергским миссиям», одобренным одновременно с вступлением в силу Маастрихтского договора, а инструментом – ЗЕС.

К 1995 г. в ЗЕС насчитывалось уже 10 членов, в него вступили Испания, Португалия, Греция, а также 3 ассоциированных члена (Исландия, Норвегия, Турция), 5 наблюдателей (Австрия, Дания, Ирландия, Финляндия, Швеция) и 9 ассоциированных партнёров – Болгария, Венгрия, Латвия, Литва, Эстония, Польша, Румыния, Чехия, Словакия, а с 1998 г. и Словения. Для последних ЗЕС служил лишь промежуточным этапом к вступлению в основные евроатлантические организации – Евросоюз и НАТО.

Однако «часом истины» для ЗЕС оказался кризис в Югославии – первый крупный вооружённый конфликт в Европе после окончания Второй мировой и холодной войн. Вначале могло казаться, что миротворчество в Югославии станет «боевым крещением» ЗЕС, а через него – и Евросоюза: «Это – час Европы. Если какая-то проблема может быть решена европейцами, то именно югославская. Югославия – европейская страна, и американцам нечего там делать», – уверял в 1991 г. тогдашний председатель

Евросовета премьер-министр Люксембурга Жак Поос⁹⁶. Некоторые конкретные акции под эгидой ЗЕС в Югославии действительно предпринимались, например по решению его Совета министров от 10 июня 1992 г. объединённая европейская эскадра ВМФ участвовала в соблюдении эмбарго в Адриатическом море, затем и на Дунае.

Тем не менее, основную роль в решении югославской проблемы путём насильственного расчленения страны сыграли США. Сокрушив инфраструктуру Сербии ракетно-бомбовыми ударами (в чём европейцы участвовали на вторых ролях в рамках и под командованием НАТО), американцы, по существу, продиктовали в одностороннем порядке сначала Дейтонские соглашения 1995 г. по Боснии и Герцеговине, а четыре года спустя – отделение Косово, независимость которого была признана западными державами в одностороннем порядке в 2008 г.

Уроки югославской трагедии убедительно показали участникам ЕС явную неадекватность ЗЕС как инструмента ОВПВ. Поэтому в Амстердамском (1997 г.) и Ниццком (2000 г.) договорах он был органически интегрирован в структуру Евросоюза, который после краха ЕОС в 1954 г. впервые приобрёл тем самым определённое, хотя и весьма ограниченное военное измерение. Оно получило название Европейской политики обороны и безопасности (ЕПБО)⁹⁷, которая закрепила и расширила «Петерсбергские миссии», придав им договорный формат. В список задач ЕПБО как прямого продолжения и развития ОВПВ вошли разработка общей стратегии, создание системы командно-штабных органов и совместное производство вооружений. Координация всех этих задач была возложена на Высокого представителя по внешней политике и безопасности, совмещавшего этот пост с должностью Генерального секретаря Совета министров ЕС.

Новой точкой отсчёта при проведении ЕПБО в жизнь стала встреча французского президента Ж. Ширака с британским премьером Тони Блэром 4-5 декабря 1998 г. в приморском городке северного побережья Франции Сен-Мало. Участие именно этих

⁹⁶ Zakaria Fareed. *The Post-American World*. Allen Lane, London, 2008. P. 221.

⁹⁷ С 2009 г. ОПБО: Общая политика безопасности и обороны.

лидеров было не случайным: Великобритания и Франция были двумя членами ЕС – постоянными членами СБ ООН и «ядерного клуба», они располагали самыми мощными ВПК в союзе. Поскольку Лондон всегда был самым близким европейским партнёром США в НАТО, а Париж не менее традиционным их оппонентом, отстаивавшим со времён де Голля автономный курс европейцев в оборонной сфере, свидание в Сен-Мало должно было продемонстрировать гармоничный синтез «атлантизма» с «европеизмом».

Решения, принятые в Сен-Мало и поддержанные остальными членами ЕС, были конкретизированы на франко-германской встрече в Тулузе 29 мая, саммитах Евросовета в Кёльне 3-4 июня и в Хельсинки 10-11 декабря 1999 г. На основе подписанных там документов создавались постоянные органы ЕПБО – Комитет по политике и безопасности (КПБ) из ответственных чиновников МИД стран ЕС в ранге послов, Военный комитет и Военный штаб. Впоследствии к ним добавились Ситуационный центр, Комитет по гражданским аспектам управления кризисами, Агентство по вооружениям. Все они функционировали в качестве рабочих структур под контролем высших политических инстанций ЕС, прежде всего Евросовета, принимающего решения консенсусом на строго межгосударственной основе.

Следующим шагом стало формирование вооружённых сил, которые должны были быть выделены национальными правительствами стран – участниц ЕС для решения поставленных в рамках ЕПБО задач. Эта «Главная цель», сформулированная сразу же после саммита в Хельсинки, предусматривала способность к 2003 г. развернуть в течение 60 дней и поддерживать не менее года силы быстрого реагирования в составе 15 бригад численностью до 50-60 тыс. человек. Вскоре этот потолок был повышен до 100 тыс. с 400 боевыми самолётами и 10 судами.

Несмотря на столь амбициозный старт, ОВПБ пришлось пережить на протяжении десятилетия, прошедшего от Сен-Мало до 60-летнего юбилея НАТО 3-4 апреля 2009 г. в Страсбурге и Келле, ряд серьёзных испытаний на прочность, результаты которых были весьма неоднозначны. Главными источниками трудностей на пути становления европейской оборонной идентичности слу-

жили, с одной стороны, упорная оппозиция США, с другой – раскол внутри самого ЕС.

Отношение Вашингтона к созданию в Европе военно-политической структуры, автономной от НАТО, всегда отличалось настороженностью. Она резюмировалась формулой «отказа от трёх Д» – декупляжа, т.е. ослабления трансатлантических связей, дублирования и дискриминации членов НАТО, не входящих в ЕС⁹⁸. Сомнения американцев чётко сформулировал З. Бжезинский в книге «Выбор»: «Европа, полагающаяся в военном отношении на саму себя, ставшая, подобно Америке, политической и экономической державой глобального масштаба, поставила бы Соединённые Штаты перед мучительным выбором: либо расторгнуть союз с Европой, либо разделить с ней ответственность за осуществление мировой политики. Уход могущественной Америки с западной периферии Евразийского континента был бы равнозначен согласию на превращение Евразии в арену новых непредсказуемых конфликтов между главными евразийскими соперниками. Но и разделение власти в рамках симметричного глобального партнёрства было бы нелёгким и небезболезненным»⁹⁹.

Хотя Бжезинский излишне драматизировал ситуацию, определённые меры предосторожности были приняты: госсекретарь в администрации Б. Клинтона М. Олбрайт и её коллега, министр обороны Коэн недвусмысленно предостерегли европейцев от чрезмерной самостоятельности в оборонной сфере, выходящей за рамки НАТО. Это предупреждение было подчёркнуто в ходе военных кампаний в Югославии – Боснии и Герцеговине, затем в Косово, проходивших с участием европейцев, но под полным контролем США в рамках НАТО.

Решающее преобладание атлантических военных структур над европейскими закрепили документы (Декларация, новая стратегия и т.д.), принятые на юбилейном саммите стран – участниц

⁹⁸ В последнем случае речь шла и идёт прежде всего о Турции. США активно лоббируют принятие её в ЕС, против чего возражает большинство европейцев. Со своей стороны, Анкара открыто саботирует создание европейской обороны, используя это как инструмент для давления на Брюссель.

⁹⁹ Бжезинский З. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. М., «Международные отношения», 2007 г. С. 124.

Североатлантического союза по случаю 50-летия Вашингтонского договора в апреле 1999 г., проходившем под аккомпанемент бомбардировок Белграда в связи с косовским конфликтом.

На этом фоне жесты Вашингтона в адрес Брюсселя, призванные удовлетворить самолюбие европейцев по части их оборонной идентичности, носили формальный, по сути, сугубо декларативный характер. Единственным практическим шагом стала достигнутая после длительного торга договорённость о предоставлении вооружённым силам Евросоюза при выполнении ими «Петерсбергских миссий», в основном миротворческих, но проводимых без участия США и НАТО, вооружений и логистического обеспечения, которых у ЕС не было – транспортной авиации дальнего действия, данных космической разведки и т.д. (соглашения «Берлин – плюс», подписанные в 2003 г.). Причём обязательным условием этого являлись консультации и сотрудничество, особенно в моменты кризисов, между НАТО и ЕС.

Стремлению США свести к минимуму попытки Евросоюза наполнить ЕПБО более реальным содержанием на протяжении всей долгой и бесславной истории ЗЕС играл на руку раскол между «атлантистами» и «европеистами» среди самих европейцев. Лидером первых всегда являлась Великобритания, во главе вторых выступала Франция, пытавшаяся опереться на привилегированное партнёрство с ФРГ¹⁰⁰. С конца 1990-х гг. лагерь «атлантистов» пополнился за счёт новых членов НАТО на востоке Европы – сначала Польши, Венгрии, Чехии, Словакии, затем стран Балтии – Литвы, Латвии, Эстонии, наконец, Балкан – Румынии, Болгарии.

Тот факт, что основными приоритетами их внешней политики стали безоговорочное равнение на США и жёсткое противостояние России, объяснялся не только и даже не столько воспоминаниями о господстве СССР в ОВД и опасениями рецидивов неоимперской политики со стороны Москвы, сколько стремлением использовать американскую карту в борьбе за более достойное место в Евросоюзе, где скромный экономический потенциал и не-

¹⁰⁰ «Европеисты» принадлежали, как правило, к первоначальному ядру евростроительства – ЕОУС, ЕЭС, Евратому, тогда как «атлантисты» – к малоэффективной Европейской ассоциации свободной торговли (ЕАСТ), которую Лондон безуспешно пытался противопоставить ЕЭС.

достаточный уровень развития обрекал на второстепенные роли.

К началу XXI в. могло казаться, что США удалось достигнуть важнейшей стратегической цели – сохранить НАТО как основную опору своего присутствия в Европе после исчезновения первоначального смысла существования альянса – гарантии безопасности европейцам перед лицом «угрозы с востока». Более того, с окончанием холодной войны альянс значительно расширил свой состав, функции, сферу деятельности, которая вышла далеко за пределы очерченной Вашингтонским договором 1949 г. зоны. Выравнивание баланса экономических сил партнёров по обе стороны Атлантики не сопровождалось реальным разделом ответственности с Евросоюзом на основе ЕПБО за принятие военно-политических решений и претворение их в жизнь.

Уже при демократической администрации Б. Клинтона и особенно республиканской Дж. Буша-младшего в Вашингтоне прочно утвердилось убеждение в том, что с распадом СССР Соединённые Штаты остались не только единственной сверхдержавой, но и центром однополярного глобализованного миропорядка, а их исторической миссией является продвижение американских ценностей и интересов в глобальном масштабе. Основания для такого «высокомерия силы» казались очевидными: после беспрецедентной по длительности полосы экономического подъёма 1990-х гг. на США приходилось 5% населения планеты, но четверть мирового ВВП, столько же, сколько на 27 стран – членов ЕС вместе взятых, и их военные расходы достигали половины мировых – на 60% больше, чем у ЕС.

Гегемонистские амбиции США достигли апогея в начале XXI в., когда на ключевые посты в администрации Дж. Буша-младшего пришли неоконсерваторы, провозгласившие основным направлением внешней политики США «крестовый поход за демократию» против т.н. государств-изгоев «оси зла» (Иран, Сирия, Северная Корея и т.д.) без оглядки на союзников в Европе. «Пришло время перестать делать вид, что у европейцев и американцев один и тот же взгляд на мир и даже что они живут в одном и том же мире, – писал один из идеологов неоконсерватизма Р. Кейган. – Пути Америки и Европы расходятся по самому важному вопросу

– о силе, её эффективности, морали и желательности»¹⁰¹. Видя причину этого в коренном изменении общего, но прежде всего военного баланса сил между Европой и США в пользу последних, Кейган обвинял европейцев в малодушном капитулянтстве перед лицом новых вызовов, пришедших на смену коммунистической угрозе, из стремления сохранить любой ценой свой материальный комфорт, которым они обязаны надёжному щиту американской военной мощи.

Однако события первых же лет III тысячелетия н.э. нанесли по мессианской идеологии и практике американского неоконсерватизма сокрушительные удары, глубоко дискредитировавшие его как в мире, как и в самих США.

Первыми из них стали беспрецедентные по масштабу теракты 11 сентября 2001 г. против зданий Мирового торгового центра в Нью-Йорке и Пентагона в Вашингтоне. Демонстративно избрав в качестве мишеней символы экономической и военной мощи США, группа террористов-смертников из исламистской группировки Аль-Каида наглядно продемонстрировала уязвимость глобальной сверхдержавы на её собственной территории. Реакцией республиканской администрации стал радикальный пересмотр приоритетов внешней политики США, главным из которых была объявлена война против международного терроризма. Вооружённые силы США и их союзников, прежде всего Великобритании, начали широкомасштабные боевые действия в Афганистане, затем в Ираке во имя смены поощряющих террористов авторитарных режимов и демократизации «Большого Ближнего Востока» от Атлантики до Индийского океана как необходимого условия обеспечения мира и стабильности в регионе.

Последствия этого курса оказались катастрофическими. Хотя гигантская военная машина США без труда смела армии муллы Омара в Афганистане и Саддама Хусейна в Ираке, Вашингтон оказался втянутым в затяжные, кровопролитные партизанские войны, которые обошлись в сотни миллиардов долларов без надежды на сколько-нибудь убедительный позитивный результат.

Основными силами сопротивления США и их союзниками в

¹⁰¹ Kagan Robert. Power and Weakness. Policy Review № 113, 2002.

Ираке оказались группировки как суннитов, потерявших привилегии, которыми они пользовались при режиме С. Хусейна, и часть шиитов, поддержанных главным врагом США в регионе шиитским Ираном. Опасения создания последним ядерного оружия стало настоящим кошмаром для Вашингтона, боявшимся военного конфликта иранского теократического режима с их союзником Израилем.

В то же время в Афганистане 70-тысячный контингент войск США и 60-тысячный НАТО оказались бессильными перед лицом упорного сопротивления исламистского движения Талибан, поддерживаемого его единомышленниками (в том числе военными) в соседнем Пакистане, уже располагающем ядерным оружием. Обе войны, как иракская, так и афганская, зашли, по существу, в тупик.

Морально-политический ущерб от этого был ещё более значительным, нежели материальный. Ограничение гарантий некоторых гражданских свобод самих американцев во имя обеспечения внутренней безопасности США на основе «Патриотического акта», принятого Конгрессом, нанесло ущерб демократической и правозащитной риторике республиканской администрации. Если теракты 11 сентября 2001 г. вызвали в мире волну сочувствия американцам, то вторжение в Ирак под предлогом наличия у С. Хусейна атомного оружия, не подтверждённого инспекциями МАГАТЭ, имело прямо противоположный эффект: министр иностранных дел Франции (впоследствии премьер) Д. де Вильпен выступил в СБ ООН с резкой критикой политики США в отношении Ирака.

Многочисленные жертвы среди мирного населения Ирака и Афганистана, списанные на «побочный эффект», издевательства над заключёнными в американских тюрьмах Абу-Грейб в Ираке и военной базе США в Гуантанамо на Кубе, где их интернировали без предъявления обвинения, переброска ЦРУ подозреваемых в терроризме в страны, где их ждали пытки и смерть без суда и следствия, – все эти скандальные факты способствовали резкому ухудшению имиджа США, прежде всего, в арабо-мусульманском мире, а в конечном счёте, в международном сообществе в целом, в том числе в «старой Европе» – Франции и Германии, являвшихся пионерами процесса европейской интеграции и его «твёрдым

ядром». На стороне Вашингтона в его иракской авантюре остались лишь Великобритания, а также периферийные страны «новой Европы» из числа недавно вступивших в НАТО восточноевропейских стран.

Разброд в стане атлантических союзников был вызван отнюдь не только промахами внешней политики Вашингтона, но и существенным изменением расстановки экономических сил на мировой арене. Высокие темпы роста экономики ряда развивающихся государств и стран с переходной экономикой, в том числе Бразилии, России, Индии, Китая (БРИК), привели к тому, что на них приходилось отныне до трети мирового ВВП и значительная часть золотовалютных резервов. В то же время бюджет и торговый баланс США сводились с растущим дефицитом, а государственный долг достиг 11 трлн долларов – 40% ВВП страны. С 2007 г. США стали эпицентром беспрецедентного со времён Великой депрессии 1929 г. финансово-экономического кризиса – Великой рецессии, которая приобрела глобальный характер. Становилось всё более очевидным, что моноцентричный мир, пришедший в начале 1990-х гг. на смену биполярному, в свою очередь, бесповоротно уходит в прошлое. Между тем масштаб вызовов, с которыми столкнулось человечество (демографического, экологического, ресурсного), на фоне глобализации властно требовал многосторонних подходов.

Все эти факторы заставили значительную часть элит и большинство общественного мнения по обе стороны Атлантики искать новые подходы к проблемам, которые разделили США и ЕС после окончания холодной войны.

В Соединённых Штатах эта тенденция вылилась в глубокое разочарование неутешительными итогами восьмилетнего пребывания у власти республиканской администрации Дж. Буша-младшего, рейтинг которого к концу его второго мандата упал до исторического минимума. Уже в 2005–2006 гг. знаковые фигуры неоконсерваторов были вынуждены покинуть правительственные посты. По мере приближения президентских выборов 2008 г. кампания кандидатов от демократической партии сосредоточилась на критике не только войны в Ираке, но и других односторонних решений Вашингтона, чреватых изоляцией США от их союзников,

особенно в Европе. Речь шла о чрезмерном увлечении силовыми методами в ущерб «мягкой силе» – диалогу с партнёрами, а в ряде случаев и противниками в поисках компромиссов, контактам с гражданским обществом за рубежом, развитию экономических и культурных связей, помощи беднейшим странам бывшего «третьего мира», активному участию в решении экологических проблем, особенно потепления климата, и т.д.

«Вашингтону нужно понять, что привлечение международной поддержки его позиций, которое является ключевым элементом власти, не сводится только к пиару. Другие страны, народы и группы имеют сейчас доступ к собственным источникам информации и вдохновения. Они не будут покорно принимать чужие версии событий. Вашингтону необходимо убеждать других в обоснованности своих целей. Эта задача трудна, но она жизненно важна. В демократизированном мире, где могущество распределено гораздо шире, чем прежде, борьба идей в конечном счёте решает всё», – писал один из влиятельных американских публицистов индийского происхождения Ф. Закария в нашумевшей книге «Постамериканский мир»¹⁰². Именно такой была тональность внешнеполитической части предвыборной платформы Б. Обамы, принёсшая ему в итоге победу в президентской гонке 2008 г. Впервые в истории США президентом стал афроамериканец.

Заявления в пользу более равноправного трансатлантического диалога нашли отклик и по другую сторону Атлантики, способствуя постепенному преодолению раскола между «старой» и «новой» Европой, пик которого пришёлся на англо-американское вторжение в Ирак. «США не могут претендовать на принятие решений обо всём, свидетельством чего является катастрофическая война, которую они затеяли в Ираке», – писал бывший премьер-министр Франции Э. Балладюр. – Они нуждаются в сильном союзнике. Таким союзником может быть только Европейский союз, на земле которого родился современный мир. Без этого Западу будет крайне трудно осознать то, что объединяет его и обеспечить своё выживание»¹⁰³.

¹⁰² Zakaria Fareed. The Post-American World. Allen Lane. Washington, 2008. P. 248.

¹⁰³ Balladur Edouard. Pour une Union occidentale entre l'Europe et les Etats – Unis.

Преодоление кризиса в трансатлантических отношениях стимулировало поиски компромисса между США и ЕС в целом ряде спорных вопросов, в том числе и в проблеме европейской оборонной идентичности.

Уже на заключительном этапе второго президентского мандата Дж. Буша-младшего, но особенно после смены хозяина Белого дома, представители госдепартамента и Пентагона заметно пересмотрели свои прежние позиции, заявляя, что создание ЕС собственной военной структуры не наносит ущерба НАТО, а лишь дополняет его. Эта эволюция американских подходов к европейским союзникам в сторону большей гибкости объяснялась не только неутешительными результатами действий США на Ближнем и Среднем Востоке. Гигантская военная машина США явно не справлялась с расширением её операций на всё новые конфликтные ситуации в разных местах планеты. Это перенапряжение сил особенно заметно давало о себе знать в проблемах постконфликтного урегулирования – поддержания мира, подготовки местных сил правопорядка, мониторинга прекращения огня и т.д.

Со своей стороны страны – участницы Евросоюза воспользовались новыми возможностями продолжения процесса ЕПБО, начатого в 1998 г. англо-французским саммитом в Сен-Мало и приторможенного разногласиями из-за иракской войны. Всесторонний анализ всех этапов этого процесса дан в трудах академика В.В. Журкина, подготовленных и опубликованных в Институте Европы РАН¹⁰⁴.

После того, как намеченная на саммите в 1999 г. в Хельсинки цель создания к 2003 г. многонационального контингента из 60 тыс. человек была достигнута (хотя в основном на бумаге), год спустя в мае 2004 г. на смену ей пришла предложенная Францией, Германией и Великобританией «Головная цель 2010 г.». Речь идёт о формировании 13 тактических «боевых групп» по 1,5 тыс. человек из представителей разных родов войск, мобилизуемых не более чем за 15 дней для проведения операций, рассчитанных

Fayard, Paris, 2007. P. 10.

¹⁰⁴ См.: Журкин В.В. Европейский Союз: внешняя политика, безопасность, оборона. М., 1998 г.; Евросоюз в XXI веке: европейская политика безопасности и обороны. М., изд-во «Огни», 2005 г. Доклады Института Европы РАН № 170.

минимум на месяц. Их конкретные задачи в рамках общей «Европейской стратегии» должны определяться «ячейкой по планированию», созданной в июне 2005 г. для координации действий по управлению кризисами¹⁰⁵.

Таким образом, длительные усилия по формированию договорно-правовой базы европейской оборонной идентичности, её институциональной структуры и силового потенциала в основном завершились. Практическую проверку взаимодействие партнёров прошло в ходе нескольких военных и гражданских операций, проведённых силами ЕС как в Европе, прежде всего в бывшей Югославии, так и за её пределами, главным образом, в Африке.

Первая из них – операция «Конкордия» – имела место в марте-декабре 2003 г. в Македонии, где обострение отношений между основной массой населения и албанским меньшинством, оказавшимся под влиянием косовских сепаратистов, поставили недавно созданное государство на грань гражданской войны и распада. В операции приняли участие 400 военнослужащих из 26 стран ЕС, сменивших дислоцированные там с 2001 г. части НАТО. В конечном счёте, между враждующими сторонами был достигнут компромисс, разрядивший обстановку.

Год спустя в конце 2004 г. силы ЕС провели в Боснии операцию «Атеа», также сменив находившиеся там войска НАТО. Речь шла о поддержании мира на основе Дейтонских соглашений 1995 г. Операция, в которой были задействованы 7 тыс. солдат и офицеров, сокращённых затем до 2,5 тыс., продолжалась до 2009 г.

В 2003 и 2006 гг. вооружённые силы ЕС осуществили две военные акции в Демократической республике Конго, где они впервые действовали автономно, без оперативного контакта с НАТО.

Операция «Артемис» под французским командованием проходила с июня до сентября 2003 г. силами контингента численностью в 1850 человек и имела целью уже не поддержание, а восстановление мира и безопасности в обстановке кровопролитных

¹⁰⁵ Первоначально Франция, ФРГ, Бельгия и Люксембург предложили на встрече в Тервюрене в разгар иракской войны, чтобы эта ячейка была независимой от структур НАТО. Однако ввиду жёстких возражений со стороны англо-американцев дело кончилось так называемым «Неаполитанским компромиссом», согласно которому она вписалась в европейские структуры Альянса.

межэтнических конфликтов в провинции Буниа, где число жертв превысило 60 тыс. человек.

В июле 2006 г. европейский контингент, насчитывавший 1400 человек, высадился в столице Демократической республики Конго Киншасе. Операция, получившая кодовое наименование ЕВ-РОФОР Конго, должна была обеспечить безопасность в ходе предстоявших выборов, которые рисковали оказаться сорванными из-за вооружённого противостояния враждебных племенных кланов и политических группировок. Особенностью этой операции явился двойной подход: планирование осуществлялось офицерами германского бундесвера из штаба в Подсдаме под Берлином, а оперативное командование французами на месте, в столице ДРК Киншасе. Резерв порядка 1 тыс. человек был развёрнут в соседнем Габоне.

Наконец, крупная военная миссия сил ЕС – ЕВРОФОР Чад/ЦАР была начата согласно резолюции СБ ООН от 25 сентября 2017 г. также в Африке, на востоке Чада и северо-востоке Центрально-Африканской Республики. Речь шла о спасении беженцев из соседней суданской провинции Дарфур, раздираемой многолетней гражданской войной (их общее число достигало 450 тыс.). В операции ЕС было задействовано 3700 военнослужащих, из которых 2100 – французы, хорошо знающие регион. Контингент ЕС должен был также обеспечить безопасность 350 инструкторов из миссии ООН в Чаде и ЦАР, а также подготовить 850 местных жандармов и полицейских.

В сентябре 2008 г. важной международной акцией ЕС стало направление миссии наблюдателей в зону югоосетинского конфликта после односторонних действий руководства Грузии и отпора им со стороны России, а также направление гражданской миссии ЭЛЕКС в Косово и военно-морская операция против пиратства у берегов Сомали в Индийском океане.

Характерно, что все эти операции осложнялись спорами в Евросоюзе вокруг численности направляемых контингентов и оплаты их расходов. Этот торг отражал хронические разногласия между членами ЕС из-за проблемы материально-финансового обеспечения ЕПОБ в целом. На фоне общей тенденции к сокращению военных бюджетов стран-участниц, усилившейся с 2007 г. в

условиях глобального экономического кризиса, реализация намеченных планов в первоначальные сроки оказались под вопросом.

К этому добавляются препятствия политического порядка: 5 из 27 членов ЕС, имеющие нейтральный статус, вообще не принимают участия в ЕПОБ, а Великобритания и страны ЦВЕ, которые по-прежнему считают основной структурой безопасности НАТО, строго следят за тем, чтобы европейская оборонная идентичность не нанесла ущерба атлантической солидарности с США. Поэтому число внешних военных операций стран ЕС в рамках НАТО или ООН и численность задействованного в них персонала далеко превышают масштабы миссий ЕПОБ, например, в Афганистане европейский контингент, направленный наряду с американским по линии НАТО с санкции СБ ООН, в 2009 г. не превышал 35 тыс. человек – вдвое меньше, чем у США¹⁰⁶.

Все эти факторы объясняют весьма скромные результаты, достигнутые президентом Франции Н. Саркози по активизации ЕПОБ в ходе его председательства в Европейском совете во второй половине 2008 г. «Франция сделала из ЕПОБ приоритет своего председательства», – утверждал отчёт французского Госсекретариата по европейским делам¹⁰⁷. На сессии Евросовета 11-12 декабря 2008 г. была одобрена французская «глобальная программа», которая предусматривала коллективный анализ угроз и рисков с целью модернизации Европейской стратегии безопасности 2003 г. с конкретными обязательствами по части выделения сил и ресурсов, а также улучшения сотрудничества с НАТО и ООН.

В числе конкретных проектов были предусмотрены организация европейского контингента дальней авиации для переброски вооружённых сил ЕС в отдалённые очаги конфликтов, запуск военно-разведывательного спутника (МУЗИС), создание при Европейском оборонном агентстве особой структуры для координации акций по разминированию бывших театров военных действий, особенно на море, производству беспилотных разведыватель-

¹⁰⁶ Petiteville Franck, Terpan Fabien. L'avenir de la politique étrangère européenne. *Question internationale*, № 31, mai-juin 2008. P. 69.

¹⁰⁷ Présidence française du Conseil de l'Union européenne. Bilan et perspectives. 1 juillet – 31 décembre 2008. *Une Europe qui agit pour répondre aux défis d'aujourd'hui*. Paris, 2009. P. 11.

ных самолётов, обмену курсантами офицерских училищ и т.д.

Предусмотрено, что в рамках ЕПОБ Евросоюз должен будет в предстоящие годы обеспечить развёртывание 60-тысячного контингента за 60 дней для проведения одновременно двух крупных операций с участием 10 тыс. солдат в каждой в течение двух лет, а также двух операций быстрого реагирования с использованием тактических групп по 1,5 тыс. человек, срочной эвакуации европейцев из кризисных зон, миссии морского наблюдения и контроля, военно-гражданских операций по оказанию гуманитарной помощи и 10-12 гражданских миссий, в том числе одной крупной.

Европейскому оборонному агентству придавалась также специальная организация по совместному производству вооружений силами как военно-промышленных групп мирового калибра, так и малых, и средних предприятий. Особо подчёркивалась необходимость наращивания НИОКР оборонного профиля, обмена техникой, организации открытых торгов при распределении военных заказов вплоть до создания общего рынка вооружений. Итоговая Декларация декабрьской сессии Евросовета 2008 г. была посвящена укреплению международной безопасности путём борьбы с глобальными угрозами (терроризмом, распространением ОМУ, особенно в связи с иранской проблемой, пиратством, наркоторговлей), а также обеспечению энергетической безопасности. Наконец, была выдвинута идея разработки европейского плана ядерного разоружения, запрета разрывных снарядов, контроля над нелегальной или безответственной торговлей оружием.

Реализация всех этих амбициозных задач во многом зависит от эффективности организационной перестройки всего Евросоюза на основе Лиссабонского договора. В числе нововведений фигурировали создание поста Председателя Европейского союза и учреждение должности Верховного представителя ЕС по внешней политике и безопасности. На первый из них саммит ЕС утвердил бельгийского премьера Х. Ван Ромпея (на 2,5 года с возможностью переизбрания), на второй – еврокомиссара по торговле, британскую баронессу К. Эштон. Она заменила не только своего предшественника Х. Солану (причём её полномочия были существенно расширены), но и бывшего еврокомиссара по внешним связям ЕС Б. Ферреро-Вальднер, став также заместителем предсе-

дателя Еврокомиссии. Тем самым в Брюсселе появится некое подобие европейского министерства иностранных дел. Однако ограниченность опыта Эштон, практически неизвестной общественности, а главное её британское происхождение вызвали определённый скептицизм в СМИ, считающих, что внешняя политика и оборона ведущих стран – членов Евросоюза останутся в основном прерогативой национальных правительств.

Цель, поставленная Парижем, была достаточно амбициозна: поднять европейскую оборонную идентичность на более высокий уровень при поддержке США в обмен на возврат Франции в интегрированные командно-штабные структуры НАТО, откуда де Голль вывел её 40 лет назад. Если, однако, вторая часть этой сделки была действительно осуществлена на юбилейном саммите Североатлантического союза по случаю его 60-летия, то первая остаётся в области благих пожеланий. «Европейская оборона выдыхается», – констатировал обозреватель парижской газеты «Монд» Л. Зеккани¹⁰⁸.

Из всего изложенного можно сделать вывод, что за более чем полувековое развитие европейской интеграции его военно-политическое измерение остаётся значительно менее эффективным, нежели экономическое: военная асимметрия между НАТО сохраняется, видимо, ещё надолго.

ГЛАВА 9. «ЕВРОПЕЙСКАЯ ОБОРОННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ» И РОССИЯ*

Процесс создания европейскими странами – участницами Североатлантического союза собственной военно-политической структуры, в той или иной степени автономной от интегрированного механизма НАТО, вступил в критическую фазу. В ближайшее время станет ясно, имеет ли такая структура реальные шансы на существование или же её формирование будет отложено на неопре-

¹⁰⁸ Le Monde, 1 octobre 2008.

* Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы». Бюллетень ИНИОН РАН, вып. № 13, сентябрь 2004 г. С. 10-13.

делённое будущее. От ответа на этот вопрос во многом зависит и дальнейшее развитие отношений в треугольнике Россия – ЕС – США.

Истоки идеи «европейской оборонной идентичности» (ЕОИ) восходят к временам холодной войны, когда безопасность Западной Европы, считалось, обеспечивается, прежде всего, военным присутствием США и их «ядерным зонтиком». Однако европейские участники Альянса отдавали себе отчёт в том, что потенциал и геостратегическое положение партнёров по обе стороны Атлантики объективно различны. Поэтому уже с начала 1950-х гг. появились различные планы автономной, хотя и связанной с НАТО, «европейской обороны». Однако они так и не увенчались успехом.

Поворот в судьбах «европейской оборонной идентичности» наступил только в конце 1980-х – начале 1990-х гг. с концом холодной войны. Исчезновение призрака угрозы с востока существенно уменьшило зависимость западноевропейских стран от гарантий безопасности со стороны США, что не могло не отразиться на тоне трансатлантического партнёрства. Тем временем новый импульс получили процессы европейской интеграции, охватившие не только валютно-экономическую, но и военно-политическую сферу: в 1992 г. Маастрихтский договор наметил контуры Общей внешней политики и политики безопасности ЕС (ОВПБ), пять лет спустя Амстердамский договор дополнил её Единой политикой в области обороны и безопасности (ЕПОБ).

Практическими шагами на этом пути явились создание в 1988 г. франко-германской бригады, затем на её основе Еврокорпуса численностью свыше 50 тыс. человек (1992 г.) с участием также Бельгии, Испании и Люксембурга. Два года спустя Франция, Италия, Испания и Португалия подписали соглашение о создании двух многонациональных соединений – сухопутного (Еврофор) и морского (Евромафор). К ним добавилась многонациональная дивизия в составе германской, британской, бельгийской и нидерландской бригад, англо-нидерландская, германо-нидерландская и испано-итальянская бригады морской пехоты. Наконец, на саммите ЕС в Хельсинки 10-11 декабря 1999 г. было принято решение о создании к 2003 г. европейских сил быстрого реа-

гирования численностью до 60 тыс. чел., находящихся в состоянии постоянной боеготовности для переброски в «горячие точки».

Тем не менее, практическая эффективность ЕПОБ оставалась невысокой. Европейские вооружённые силы эпизодически решали в автономном от НАТО формате лишь отдельные второстепенные задачи, такие как участие в блокаде морского побережья на Адриатике во время конфликта в Боснии и Герцеговине или стабилизация обстановки в Македонии после войны в Косово. Основными препятствиями для утверждения «Европейской оборонной идентичности» оставались настороженное отношение со стороны США и связанные с ним разногласия между государствами самого ЕС.

Если в начале 1990-х гг. администрация Б. Клинтона избегала открытого противодействия дополнению экономической интеграции в ЕС военно-политической, то по мере того, как последняя приобретала всё более конкретные очертания, противодействие со стороны Вашингтона возрастало. В феврале 2000 г. тогдашний министр обороны США У. Коэн прямо заявил в интервью газете «Зюддойче цайтунг», что автономная военная организация европейских стран «ослабила бы трансатлантические узы».

На первый взгляд подобная реакция казалась явно неадекватной. Сторонники «европейской оборонной идентичности» всячески стремились убедить американцев, что речь идёт не о подстраховке американских гарантий безопасности Европы, сомнения в надёжности которых с концом холодной войны отпали, тем более не о конкуренции с Североатлантическим альянсом, а всего лишь о его дополнении. В частности, европейские силы быстрого реагирования были призваны самостоятельно решать миротворческие задачи в рамках «Петерсбергских миссий» только там, где США не сочтут собственное участие целесообразным. Причём необходимые для этих сил штабные и командные структуры предполагалось создавать внутри натовских, а недостающие современные средства транспорта, космической разведки, связи и т.п. брать напрокат у альянса.

Наибольшие усилия в этом плане приложила Великобритания, премьер которой Т. Блэр считал своей главной задачей сочетать англо-американские «особые отношения» с активизацией уча-

ствия Лондона в евростроительстве, в том числе оборонном. Для этого необходимо было заручиться в первую очередь поддержкой Франции, всегда проявлявшей повышенную активность в создании автономной военно-политической структуры ЕС, которую Париж надеялся возглавить. Если в конце 1960-х гг. Ш. де Голль вывел Францию из системы интегрированного военного командования НАТО и ликвидировал инфраструктуру Альянса на французской территории (хотя и сохранил членство в Североатлантическом союзе), то 30 лет спустя его преемник Ж. Ширак попытался нормализовать отношения с альянсом, вернув французских представителей в ряд его руководящих органов. Это создавало, казалось, благоприятную почву для поисков компромисса между ЕОИ и трансатлантическим партнёрством.

3-4 декабря 1998 г. Т. Блэр и Ж. Ширак встретились в бретонском городке Сен-Мало, приняв Совместную декларацию о европейской обороне, призывавшую Евросоюз обеспечить себе способность осуществлять автономные действия в международных кризисах. В том же ключе прошёл вскоре франко-германский саммит в Тулузе. Сближение позиций трёх ведущих стран – участниц ЕС форсировало практические меры по реализации Единой оборонной политики и политики безопасности, закреплённой Амстердамским договором: на саммитах Евросовета в Вене, Кёльне, Хельсинки и Лиссабоне, прошедших в 1999–2001 гг., был принят ряд конкретных решений по реализации ЕПОБ – о создании в рамках ЕС Комитета по политике и безопасности, Военного комитета, уже упомянутых сил быстрого реагирования и т.д.

Однако все эти усилия наталкивались на скепсис со стороны Вашингтона. Центр тяжести геополитических интересов США к началу XXI в. всё более явно смещался из Европы в Азию – на Ближний Восток с его нефтяными ресурсами, в районы Индийского океана и особенно АТР, где набирали мощь Китай, Индия, Япония.

После терактов 11 сентября 2001 г. в США администрация Дж. Буша ответила на них объявлением «войны международному терроризму», ставшей отныне краеугольным камнем всей внешней политики США. Судьбы ЕОИ решающим образом зависели теперь от способности её инициаторов вписать процесс станов-

ления автономного от НАТО военно-политического полюса в рамки новых геополитических реалий.

Добиться этого оказалось чрезвычайно трудно. В ходе военной операции США против режима талибов в Афганистане, укравших организаторов антиамериканских терактов – Усаму бен Ладена и структуры «Аль-Кайды», участие отдельных западно-европейских стран – Великобритании, Франции – было нередко скорее символическим. Союзники по НАТО подключились главным образом к постконфликтному урегулированию, а за Евросоюзом осталось лишь участие в его финансировании.

Ещё более тяжёлые времена для ЕОИ настали с началом кризиса вокруг Ирака, который глубоко расколол не только возникшую после 11 сентября 2001 г. антитеррористическую «коалицию добровольцев», но и все ранее существовавшие структуры международной безопасности – ООН, НАТО, ОБСЕ, а вместе с ними и Евросоюз. Основные партнёры по ЕПОБ Франция и Германия с одной стороны, Великобритания с другой оказались в противоположных лагерях: Париж и Берлин выступили за приоритет политического решения кризиса, Лондон безоговорочно солидаризировался с США, которые прибегли к военной силе в одностороннем порядке без санкции СБ ООН, и принял прямое участие в антииракской коалиции. Франко-германский блок поддержали не только Бельгия и Люксембург, но также Россия и Китай, а англо-американскую коалицию – Италия, Испания, Португалия, Дания, Нидерланды с одной стороны, станы Центральной и Восточной Европы, а также некоторые государства – члены СНГ (Украина, Грузия, Казахстан, Узбекистан) с другой.

Сразу же после окончания военных действий в Ираке Франция, Германия, Бельгия и Люксембург провели встречу в верхах, на которой было решено форсировать создание «европейской обороны», штабные и командные цепочки которой должны были функционировать не внутри, а вне рамок НАТО. Казалось, что процесс формирования «европейской оборонной идентичности» оторвался от своей прежней основы – Евросоюза – и в целом продолжается в гораздо более узком формате «четвёрки», вращаясь вокруг франко-германского тандема.

Однако такое впечатление было обманчивым. Без Великобри-

тании с её наиболее весомым в ЕС военно-промышленным потенциалом и без учёта позиции США строительство сколько-нибудь эффективной «европейской обороны» было заведомо обречено на провал, причём в Париже и, особенно, в Берлине это понимали достаточно ясно. Со своей стороны Т. Блэр считал, что иракский эпизод не должен торпедировать начатые им с благословения США поиски совместимости ЕОИ с НАТО. Тем более что непредвиденные осложнения процесса постконфликтного урегулирования в Ираке заставили Вашингтон заметно скорректировать свой традиционный односторонний «натоцентричный» подход.

Первыми шагами в данном направлении стали очередной франко-британский саммит в Ле Туке и празднование с большой помпой 100-летия «Сердечного согласия», отмеченного визитом британской королевы Елизаветы II в Париж. Тем самым давалось понять о продолжении курса, начатого пятью годами ранее в Сен-Мало. Возобновление франко-британского диалога по военно-политическим вопросам уравнивало чрезмерный крен ЕПОБ в сторону франко-германского тандема, зацементированного в январе 2003 г. не менее пышным празднованием в Париже 40-летия Елисейского договора 1963 г. Встреча Ж. Ширака, Г. Шредера и Т. Блэра в Берлине была призвана продемонстрировать решимость европейской «большой тройки» оставить расколовший её конфликт в связи с Ираком в прошлом, возобновив совместные усилия по созданию «европейской обороны».

Заметными вехами на этом пути стали три саммита Евросовета, прошедшие в июне, сентябре и декабре 2003 г., где рассматривался широкий круг вопросов: от расширения ЕС до проекта Европейской конституции. В их числе было и будущее ЕОИ.

Основой дискуссии послужил доклад, представленный июньскому саммиту в Салониках (Греция) Высоким представителем ЕС по внешней политике и безопасности Х. Соланой. Суть «документа Соланы» и принятых на его основе решений сводится к тому, что после терактов 11 сентября 2001 г. центр тяжести ЕПОБ должен быть окончательно перенесён от «петербургских миссий», связанных главным образом с миротворчеством и управлением кризисами, на борьбу с международным терроризмом и распространением оружия массового поражения (ОМУ). Это сме-

щение акцентов переключалось с новой стратегией национальной безопасности США, нацеленной на пресечение утечки ОМУ террористам любыми средствами, включая превентивные удары по т.н. «государствам-изгоям», способным стать очагами их распространения.

В результате ЕПОБ постепенно эволюционирует в сторону двойной интеграции, как в ЕС, так и в НАТО, оказываясь своего рода связующим звеном между ними в военно-политической сфере, то есть в роли, которую раньше без особого успеха пытался играть бывший ЗЕС.

Кровавые теракты 11 марта 2004 г. в Мадриде имели в этом плане противоречивые последствия. Способствовав победе социалистов на парламентских выборах в Испании, они ускорили вывод испанских войск из Ирака, что никак не отвечало интересам США. Вместе с тем, они активизировали координацию антитеррористической деятельности европейских стран, что вполне соответствовало стратегическим приоритетам внешней политики Вашингтона. «Документ Соланы» получил тем самым убедительное подтверждение.

С учётом всех этих факторов отношение России к реализации ЕПОБ будет определяться эволюцией её взаимодействия с ЕС и НАТО.

В период холодной войны СССР видел в проектах ЕОИ лишь инструмент НАТО и потому источник дополнительных угроз безопасности, предпочитая общеевропейские договорённости по образцу Заключительного акта Хельсинки и созданной на его основе ОБСЕ. С объединением Германии, распадом ОВД и СЭВ, затем и самого Советского Союза российский подход к оборонному аспекту евроинтеграции стал менее однозначным.

На саммите Россия–ЕС в Санкт-Петербурге в 2003 г. была принята концепция создания четырёх общих пространств – внешней и внутренней безопасности, экономики и права. Среди этих пространств внешняя безопасность в значительной степени определяется угрозами, исходящими от международного терроризма. Серия терактов в России в сентябре 2004 г. подтвердила это со всей очевидностью. В таких условиях система приоритетов России и ЕС в данной сфере могла бы стать совместимой.

Для России важен, прежде всего, ответ на вопрос, поможет ли ЕОИ взаимодействию РФ в сфере безопасности с Североатлантическим союзом. До сих пор это взаимодействие выглядело неоднозначно. Несмотря на создание Совета Россия–НАТО, где Россия участвует на равных с членами альянса в обсуждении ряда проблем международной безопасности, у Москвы остаётся немало озабоченностей в связи с расширением НАТО на восток.

Второй критерий связан с ролью ЕПОБ в будущих миротворческих операциях, затрагивающих российские интересы. Пока неясно, каким будет положение на этом направлении, если ЕС начнёт играть в таких операциях более заметную роль. Это тем более касается отношения Евросоюза и его военно-политических структур к «горячим точкам» на постсоветском пространстве – от Приднестровья или Нагорного Карабаха до Украины и Чечни. Пока европейская реакция на них не внушает в Москве чрезмерного оптимизма.

Наконец, третий критерий касается эффективности усилий по координации антитеррористических акций и борьбы с международной организованной преступностью в общеевропейском масштабе, которые ощутимо дополнили бы практику в рамках уже существующих структур вроде Интерпола и Европола.

Если на все эти вопросы Евросоюз сумеет дать ответы, которые устраивают Россию, то развитие сотрудничества между ними в сфере безопасности может получить реальную перспективу. Шаг в этом направлении был уже сделан на саммите Россия – ЕС 31 мая 2003 г. в Санкт-Петербурге, где российская и европейская стороны согласились вести совместную борьбу с терроризмом, активно взаимодействовать в сфере юстиции и борьбы с преступностью, укреплять сотрудничество в области нераспространения ОМУ, средств его доставки и соответствующих технологий. Подчёркивалась также перспективность взаимодействия в области защиты граждан, включая поисково-спасательные операции, ликвидацию последствий стихийных бедствий и террористических актов.

Если сравнить эти формулировки с текстом «документа Х. Соланы», представленного три недели спустя после окончания сессии Евросовета в Салониках, то точки соприкосновения меж-

ду ними вполне очевидны. Иными словами, нынешний вариант ЕПОБ способен впервые оказаться для ЕС общим знаменателем как в отношениях с США, так и с Россией. Остаётся лишь наполнить его достаточно весомым конкретным содержанием.

ГЛАВА 10. ПРОБЛЕМА ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПОСЛЕ 1945 г. И НОВЫЙ МИРОВОЙ ПОРЯДОК*

18-19 ноября 2010 г. в Лиссабоне состоялся саммит Совета НАТО, в центре внимания которого было утверждение новой стратегической концепции альянса, разработанной 12 экспертами во главе с бывшим госсекретарём США Мадлен Олбрайт. На саммит был приглашён и президент РФ Д. Медведев, участие которого долго оставалось под вопросом. Это понятно: своим присутствием российский президент фактически авансом придавал легитимность концепции альянса, членом которого Россия не состоит, и в составлении её не принимала участия. В конечном счёте, согласие России всё же последовало, но только после того как Москва получила заверение, что параллельно Совету НАТО в столице Португалии пройдёт внеочередная сессия Совета Россия–НАТО, в ходе которой будет рассмотрен комплекс вопросов, затрагивающих способы обеспечения безопасности всех государств евроатлантического пространства. К ним, в частности, относятся перспективы создания альянсом (а фактически Соединёнными Штатами) системы противоракетной обороны (ПРО) в Европе, эволюция «замороженных конфликтов» и пр.

Естественно, в ходе одного Лиссабонского саммита эти проблемы не могли быть решены, поэтому Россия стремилась продолжить дискуссии в рамках новой структуры, основой которой служит проект Договора о европейской безопасности, выдвину-

* Опыт Второй мировой войны для Европы XXI века. Учреждение Российской академии наук Институт Европы РАН. М., ИЕ РАН, изд-во Русский сувенир, 2011. – 242 с. – С. 92-101.

тый Д. Медведевым в 2008 г. в Берлине. В данной связи имело бы смысл проанализировать причины и смысл инициативы российского президента, ставшей своего рода осью всей политики России на европейском направлении.

История Европы всегда была историей войн между составляющими её государствами и их союзами за территории, границы, национальное самоопределение, сферы имперского влияния, по религиозным и идеологическим мотивам. Войны заканчивались мирными договорами, юридически закреплявшими результаты победы одних участников и поражения других. Однако рано или поздно баланс сил между ними менялся. Недовольные прежней системой пытались брать реванш и ревизовать статус-кво в свою пользу, в том числе с помощью силы, что вело к следующим войнам и новым мирным договорам, столь же преходящим.

Европа вовсе не была исключением, точно так же складывалась история народов и государств Азии, Африки, Америки. Однако издержки и последствия европейских войн были несравнимо масштабнее, ибо на протяжении последних 400 лет именно Европа играла экономически ведущую роль в мире и располагала наиболее мощным военным потенциалом. Отсюда множество попыток европейских мыслителей и государственных деятелей ограничить военные столкновения на континенте, разработав систему норм международного права и создав многосторонние институты, призванные исключить применение силы, – от «великого замысла» герцога Сюлли, первого министра французского короля Генриха ГУ (начало XVII в.), до проектов «пан-Европы» графа Куденхове-Калерги и А. Бриана между двумя мировыми войнами.

Хотя эти проекты не увенчались успехом, новые подходы к организации системы межгосударственных отношений в Европе предпринимались неоднократно, как правило, после опустошительных и кровопролитных войн, в которых участвовало большинство государств континента. Именно такую роль играли Вестфальские договоры 1648 г., завершившие Тридцатилетнюю войну, Венский конгресс 1815 г. после наполеоновских войн, Парижский конгресс 1856 г. после Крымской войны, Берлинский конгресс 1878 г. после очередной русско-турецкой войны, наконец, Парижская мирная конференция в 1919 г., завершившая Пер-

вую мировую войну.

Несмотря на то что принятые на конгрессах трактаты носили системообразующий характер, их органический дефект заключался в том, что каждый закреплял итоги предыдущей войны в пользу победителей и за счёт побеждённых, делая тем самым неизбежной следующую. К тому же, эти структуры базировались не только на геополитических факторах и балансе военных сил, но освящались идеологическими принципами и этическими ценностями, которые разделяли далеко не все участники.

После Первой мировой войны такие дефекты стали ещё более заметны, подрывая принципы международного права и эффективность созданных на его основе институтов. Между тем разрушительность военной техники неуклонно росла, различие между фронтом и тылом, армиями и гражданским населением стиралось, а европейские войны принимали глобальный характер, причём их исход и итоги во всё большей мере определяли неевропейские державы, прежде всего США.

Все эти факторы проявились в ещё более концентрированном виде после Второй мировой войны, которая, в отличие от всех предыдущих, не завершилась мирным договором с главным противником – Германией. Если с её союзниками в Европе (Италией, Румынией, Венгрией, Финляндией) такие договоры были подписаны на Парижской мирной конференции 1946 г., то Германия сначала вообще лишилась государственных структур, а затем была разделена между победителями. Ялтинско-потсдамская система опиралась лишь на фактический баланс военных сил и не могла заменить мирный договор. Ввиду несовместимости идеологий и общественных систем бывших союзников по антигитлеровской коалиции Европа оказалась разделённой вслед за Германией на противостоящие военные блоки во главе с двумя сверхдержавами США и СССР, столкнувшимися в холодной войне глобального масштаба. Причём главным полем боя в этой войне оставалась именно Европа, а в Европе – разделённые Германия и Берлин. Кризисы вокруг статуса последнего дважды (в 1948–1949 и 1958–1961 гг.) подвели мир к грани термоядерной катастрофы.

Угроза третьей мировой войны, причём ядерной, в которой уже не могло быть победителей, побудила европейские страны,

СССР и США создать определённые гарантии сохранения статус-кво на основе признания де-факто итогов Второй мировой войны и его адаптации к новым реалиям мирным путём. Именно этот консенсус стал основой Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г.

Характерно, что первые шаги к нему были предприняты в ходе диалога СССР с двумя ведущими державами континентальной Западной Европы – Францией и ФРГ (формула де Голля – «разрядка, согласие и сотрудничество в Европе от Атлантики до Урала», новая «восточная политика» канцлера В. Брандта). США, глубоко травмированные вьетнамским синдромом и создавшие с СССР систему договоров об ограничении стратегических вооружений, не препятствовали процессу и сами приняли в нём участие. Результатом ровно 30 лет спустя после Второй мировой войны стала Общевропейская конференция по безопасности и сотрудничеству в Хельсинки, где был подписан Заключительный акт, а на его основе создана ОБСЕ, охватившая все европейские государства, США и Канаду.

Заключительный акт в Хельсинки и деятельность ОБСЕ при всех их недочётах сыграли важную роль в том, что коренное изменение геополитического пейзажа Европы в конце 1980-х – начале 1990-х гг. XX в. произошло в целом мирным, цивилизованным путём. Печальный пример распада бывшей Югославии красноречиво говорит о том, что в противном случае ситуация могла бы развиваться по-иному.

Вместе с тем, последующие три с половиной десятилетия показали, что ОБСЕ, к сожалению, не стала ядром «нового мирового порядка от Ванкувера до Владивостока», о котором говорил 9 ноября 1989 г. после падения Берлинской стены тогдашний госсекретарь США Джеймс Бейкер. Причины известны. За распадом организаций, созданных СССР в ходе холодной войны (ОВД, СЭВ), а затем и самого СССР, их западные аналоги – НАТО и Европейский союз – не только сохранились, но и расширили свой состав на восток вплоть до границ бывшего Советского Союза, а отчасти и за ними (Прибалтика). Изменились их функции: на основе стратегической концепции 1999 г. (к 50-летию альянса) НАТО превратилась из региональной оборонительной системы коллектив-

ной безопасности в инструмент вооружённого вмешательства в кризисные ситуации «вне зоны» сначала в Европе (бывшая Югославия), а затем и за её пределами (Афганистан). Европейский союз расширил как количество стран-членов с 6 до 28, так и функции на основе Амстердамского договора 1997 г., включив в них Общую внешнюю политику и политику безопасности (ОВПБ), а затем и Общую политику безопасности и обороны (ОПБО).

Россия неоднократно пыталась найти своё место в новой структуре европейской безопасности, используя различные методы и инструменты: подписав Основополагающий акт при создании Совета Россия–НАТО (в двух вариантах), Соглашение о партнёрстве и сотрудничестве с ЕС с периодическими саммитами, участвуя в общеевропейских организациях типа Совета Европы, наконец, создав собственные организации с бывшими советскими республиками, а ныне независимыми государствами (СНГ, ЕврАзЭС, Таможенный союз, ОДКБ).

Однако все эти меры не принесли убедительных результатов. Одна из причин – неспособность ОБСЕ избежать в Европе новых разделительных линий, унаследованных от времён холодной войны и просто сдвинутых на восток. Дело в том, что ОБСЕ при создании не восполнила отсутствие мирного договора с Германией, который подвёл бы итоги Второй мировой войны, как территориальные, так и политические. Она лишь признала, да и то де-факто, реально сложившийся статус-кво. Заключительный акт не имел и не имеет юридической силы и легитимности, которую придаёт документу ратификация высшими органами законодательной власти государств-участников. Содержащиеся в нём принципы, прежде всего отказ от применения силы или угрозы силой («первая корзина»), лишь декларации о намерениях и ничего более.

Этот органический дефект, присущий ОБСЕ с рождения, не исчез, а напротив, за последние 20 лет усугубился. Не будучи заменой мирного договора, закрепляющего итоги Второй мировой войны, Заключительный акт тем более не стал документом, подводящим черту под холодной войной. Исходя из тезиса, согласно которому распад СССР и сферы его влияния в Центральной и Восточной Европе означает однозначную победу Запада, США и их союзники занялись фактически перекройкой политической кар-

ты Европы согласно известным принципам – «добыча – победителю, проигравший платит». На юбилейной сессии Совета НАТО в апреле 1999 г. основой системы европейской, а в значительной мере и глобальной безопасности был объявлен Североатлантический союз, который фактически претендовал на замену в этой роли СБ ООН.

ОБСЕ оказалась лишь одной из многочисленных бюрократических структур, не располагая ни достаточным авторитетом, ни реальной силой, чтобы играть роль эффективного инструмента, способного оправдать смысл своего существования, обеспечить отказ от применения силы в межгосударственных конфликтах. Примеры кризисов в бывшей Югославии, особенно в Косове, с одной стороны, события на Южном Кавказе в августе 2008 г. с другой, доказали это с полной очевидностью.

Неудовлетворённость России таким положением вещей усугубляло и то, что «вторая корзина» Заключительного акта – экономическое сотрудничество в общеевропейском масштабе – осталась пустой, тогда как в «третьей» – гуманитарной – лежал лишь контроль над выборами на постсоветском пространстве, оценка соответствия которых мировым стандартам носила зачастую односторонний, а порой и тенденциозный характер.

Девальвация Заключительного акта и эрозия механизма ОБСЕ привели Россию к выводу, что необходим принципиально новый подход к проблеме европейской, а точнее евроатлантической безопасности, что и легло в основу инициативы президента Медведева, впервые озвученной в Берлине летом 2008 г. В конце ноября 2009 г. МИД России разослал всем государствам – участникам ОБСЕ конкретный проект текста Договора о европейской безопасности в качестве основы для дальнейшей дискуссии.

Суть документа сводится к предложению создать единое евроатлантическое пространство безопасности в военно-политической сфере, подведя тем самым окончательную черту под наследием как Второй мировой, так и холодной войны. С этой целью Д. Медведев предложил закрепить в международном плане принципы **неделимости безопасности**. Речь идёт о **юридическом обязательстве** государств и их организаций не укреплять свою безопасность за счёт безопасности других стран и организаций.

Основой системы должны служить уже существующие документы – Устав ООН, Хельсинкский Заключительный акт, Манильские соглашения 1982 г. о мирном разрешении международных споров, Хартия европейской безопасности 1999 г., предусматривающие отказ государств от применения силы и угрозы силой. В организационном плане имеется в виду не создавать новую институциональную структуру, а подвести нынешние многочисленные, но фрагментированные по составу и функциям организации региона – НАТО, ЕС, СНГ, ОДКБ, наконец, ОБСЕ под «крышу» договора.

Механизмом разрешения конфликтов в связи с озабоченностью одного или нескольких участников действиями других, воспринимаемыми как угроза его безопасности, должны служить консультации, созыв обычной конференции (где решения принимались бы при участии $\frac{2}{3}$ участников договора) или чрезвычайной конференции (где требовались бы $\frac{4}{5}$ участников). При этом решающая роль СБ ООН в предотвращении вооружённых конфликтов полностью сохранялась бы: речь идёт о создании лишь своего рода филиала всемирной организации в евроатлантическом регионе.

Инициатива российского президента встретила неоднозначный приём: наиболее негативную позицию заняли США, поддержанные рядом стран Восточной Европы. Помощник заместителя госсекретаря США М. Брэйз и его коллега Ф. Гордон подчёркивали, что новый договор «не обязателен и не практичен». Он, по их мнению, ничего не добавляет к ОБСЕ, которая должна служить основной площадкой для обсуждения затрагиваемых российским президентом вопросов.

Проект текста договора, представленный Россией в конце ноября 2009 г., встретили как попытку отколоть США от их европейских союзников по НАТО, предоставить России право вето на деятельность НАТО, прекратить дальнейшее расширение альянса на восток за счёт бывших советских республик (Украина, Грузия), закрепив тем самым раздел сфер влияния в Европе как во времена холодной войны, наконец, подорвать планы США по размещению в Европе элементов ПРО.

Тем не менее, за два года после выдвижения Д. Медведевым

его инициативы однозначно отрицательная реакция на неё заметно эволюционировала. Среди западных стран с прямой поддержкой идеи договора сразу же выступила Швейцария (при условии уважения её нейтрального статуса, что было учтено в проекте). Готовность к конкретному обсуждению идеи проявили ведущие государства континента – Германия, Франция, Италия.

Подобной эволюции, безусловно, способствовало избрание Б. Обамы президентом США и его политика «перезагрузки» российско-американских отношений, в рамках которой планы размещения объектов американской ПРО в Польше и Чехии были поставлены под вопрос.

Со своей стороны Россия также заметно скорректировала свою исходную позицию – она согласилась использовать ОБСЕ в качестве основной переговорной площадки по договору (формула «Хельсинки-плюс»), подчеркнула евроатлантическое измерение договора с активным участием США, отсутствием в нём элементов, которые были бы восприняты как ослабление НАТО. «Это не антинатовская затея», – заверил Д. Медведев в ходе визита в Италию в марте 2009 г.

Сыграли свою роль и уроки кризиса на Кавказе в августе 2008 г.: многие западные державы пришли к выводу, что предложенный Россией договор может быть фактором, ограничивающим свободу её действий в той же мере, что и остальных участников.

Основные вехи на пути сближения позиций потенциальных участников договора: конференция по международной безопасности в Эвиане с участием Д. Медведева и Н. Саркози, где оба изложили свои условия; сессия Совета Россия–ЕС; осенняя сессия ГА ООН 2010 г.; визит генсека НАТО Расмуссена в Москву; наконец, трёхсторонняя встреча в Довиле Н. Саркози, А. Меркель и Д. Медведева, где был окончательно решён вопрос о присутствии российского президента на саммите НАТО в Лиссабоне.

На следующий день после встречи в Довиле Д. Медведев принял в Москве выездную сессию Мюнхенской конференции по безопасности, в которой участвовали такие ветераны холодной войны, как Збигнев Бжезинский, выступление которого с призывами к взаимной «аккомодации» России и Запада прозвучало как символ наступления новой эпохи. Её главная черта – неуклонное

перемещение центра тяжести экономики глобализированного мира на восток: из евроатлантического региона в евроазиатский, который становится в то же время главным источником дестабилизации международных отношений (недаром Бжезинский назвал регион Большого Ближнего Востока «мировыми Балканами» XXI в.).

В этих условиях создание зоны взаимного доверия «от Ванкувера до Владивостока», опирающегося на юридически закреплённые обязательства о неделимой безопасности, становится необходимой предпосылкой для совместного ответа стран евроатлантического региона на новые вызовы. Международный терроризм, распространение ядерного оружия, трансграничная преступность, израильско-палестинский конфликт, Ирак, Иран, Афганистан, индо-пакистанское противостояние, отношения между гигантами Азии – Индией и Китаем, ядерное досье Северной Кореи, наконец, территориальные споры Японии с окружающими её странами – все эти проблемы, приобретающие на фоне потепления климата и мирового экономического кризиса характер угрозы будущему всего человечества, властно требуют совместных действий Европы и Северной Америки в рамках надёжной системы безопасности, как в региональном, так и в мировом масштабах.

Итоги саммита НАТО и сессии Совета Россия–НАТО в Лиссабоне могли бы стать определёнными шагами вперёд. Официально признав, что Североатлантический союз не считает Россию своим противником, новая стратегическая концепция НАТО переместила акценты предыдущей (1999 г.). Основное внимание в ней сосредоточено на поиске ответов на новые угрозы, на поиске с участием России (прежде всего, это относится к таким проблемам, как ядерное досье Ирана и война в Афганистане, где снабжение контингентов США и НАТО во многом зависит от доброй воли Москвы).

Со своей стороны Россия, заинтересованная в том, чтобы развёртывание Соединёнными Штатами системы ПРО в Европе не затронуло её безопасности, готова участвовать в создании такой системы. То же относится и к решению «замороженных конфликтов» (Грузия – Абхазия и Южная Осетия, Молдавия – Приднестровье). Российский проект Договора о безопасности в Европе мог

бы послужить оптимальными рамками для комплексного решения всех этих вопросов.

ГЛАВА 11. ПОЛИТИКА ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ДЕРЖАВ В ОТНОШЕНИИ КОСОВСКОГО КОНФЛИКТА*

Позиция Европейского союза по косовскому вопросу

Когда в феврале 1998 г. конфликт в Косово перерос в кровопролитную гражданскую войну, это не стало неожиданностью для Европейского Союза. В брюссельской штаб-квартире Комиссии ЕС, на сессиях Европейского Совета на высшем уровне и Совета министров стран ЕС, в страсбургском Дворце Европы, где заседает Европарламент, давно опасались вспышки этнополитического конфликта в этом сербском крае.

Когда же взрыв наконец произошёл, руководящие органы ЕС реагировали на него немногим более эффективно, чем это было в ходе предыдущих этапов мучительного процесса распада бывшей Югославии. Руководство ЕС ограничилось сожалениями по поводу судьбы населения края и пожеланиями политического урегулирования путём переговоров между враждующими сторонами на базе предоставления Косово широкого внутреннего самоуправления в рамках СРЮ. Вместе с тем, в ЕС, вслед за США и в отличие от России, с самого начала не исключали мер силового воздействия на Белград путём угрозы воздушных ударов НАТО по сербским объектам и настаивали на введении войск альянса на территорию Косово в качестве единственной надёжной гарантии соблюдения условий будущего компромисса. Великобритания, Франция и ФРГ приняли активное участие в начавшейся 24 марта 1999 г. военной операции НАТО против СРЮ. Кроме того, Лондон, Рим и Анкара предоставили базы на территории своих стран в качестве перевалочных пунктов для авиации

* Косово: международные аспекты кризиса. Под ред. Д. Тренина и Е. Степановой. Московский Центр Карнеги. М., изд-во Гендальф, 1999. – 309 с. – С. 2-246.

США, которая играла ведущую роль в воздушной кампании.

Подобная реакция европейцев вполне объяснима. Между уровнем экономической интеграции в рамках ЕС, крупным прорывом в области которой стало введение 4 января 1999 г. евро – единой валюты 11 из 15 стран – участниц «Евроленда», и выработкой ими Общей внешней политики и политики безопасности сохраняется значительный разрыв, хотя последняя, наряду с реформой институтов и бюджета союза, фигурирует на видном месте в программе ЕС «Повестка дня – 2000».

Неудивительно, что хотя все решения в рамках НАТО принимаются на основе консенсуса, ни одна из европейских держав не решилась заблокировать военную акцию альянса против СРЮ, предпринятую без санкции Совета Безопасности ООН. Подобный шаг неминуемо повлек бы за собой не только тяжёлый кризис внутри альянса и резкое ухудшение отношений с Вашингтоном, но и раскол бы сам ЕС, затормозив весь процесс евростроительства. Ни одна европейская страна не готова пойти на такой риск.

При этом нельзя не учитывать и роль факторов внутреннего порядка в западноевропейских странах – членах ЕС. В 1998–1999 гг. почти во всех этих государствах у власти находились левые правительства социал-демократов, лейбористов, социалистов. Заботясь о своей репутации не менее последовательных защитников национальных интересов, прав человека и национальных меньшинств, чем правые партии, и стремясь избежать обвинений в пацифизме, они вынуждены были постоянно доказывать свою решимость использовать все средства, включая военную силу для урегулирования международных кризисов. Это особенно характерно для правительств Франции, в котором участвуют коммунисты, Италии, где они входят в парламентское большинство, и Германии, где правящий кабинет опирается на блок социал-демократов и «зелёных», ещё недавно выступавших против использования бундесвера в операциях за рубежом, если не вообще за выход из НАТО.

По мере распада бывшей Югославии, начавшегося в 1991 г. односторонним провозглашением независимости Хорватией и Словенией, которое повлекло за собой их вооружённый конфликт с федеральными властями, но особенно в ходе жестокой между-

усобной войны в Боснии и Герцеговине (1992–1995 гг.) образ сербов в Западной Европе серьёзно пострадал. Воспоминания об их героическом сопротивлении турецкому игу, затем Центральным державам и нацистской оккупации во время двух мировых войн, наконец, о мужественном противостоянии И. Тито диктату И. Сталина в годы холодной войны постепенно уходили в прошлое. Под влиянием активной кампании в средствах массовой информации стран ЕС режим президента СРЮ С. Милошевича всё больше отождествлялся в глазах широкого спектра представителей европейской политической элиты от социал-демократов слева до либералов, христианских демократов и умеренных консерваторов справа с авторитарно-националистическим режимом личной власти – прямым наследником рухнувшей коммунистической системы. Согласно этой версии, внутренняя политика режима С. Милошевича сводится к подавлению демократии и прав человека, а внешняя – к агрессивным авантюрам во имя создания «Великой Сербии», военным преступлениям вплоть до этнических чисток и циничного нарушения своих международных обязательств. В итоге значительная часть общественности Западной Европы склонна воспринимать С. Милошевича как основного, если не единственного виновника югославской трагедии, постоянно грозящего поднести горящий фитиль к балканской пороховой бочке, как некоего европейского аналога С. Хусейна. Соответственно, в глазах европейской общественности СРЮ (наряду с Ираком, Ираном, Ливией, КНДР) вошла в число т.н. «государств-изгоев», систематически угрожающих стабильности в мире по окончании холодной войны и подлежащих вследствие этого международному ostracismu.

Массовый исход из Косово албанского населения под давлением сербской полиции и армейских спецподразделений, вытеснивших из края, по данным УВКБ ООН, около 650 тыс. человек (из них 350 тыс. после начала ракетно-бомбовых ударов НАТО), ещё более усилил антисербские настроения в Западной Европе. Трагические картины «гуманитарной катастрофы», постоянно передаваемые средствами массовой информации, оживили в памяти европейцев воспоминания о Второй мировой войне и связанных с ней жестокостях и геноциде в отношении целых народов.

В течение первых двух недель после начала Североатлантическим альянсом боевых действий против Югославии опросы общественного мнения в западноевропейских странах выявили устойчивую поддержку военной операции НАТО и даже её расширения – удельный вес таких оценок увеличился на треть (в среднем с 40-45% до 60%).

Очевидно, что столь негативный для сербов психологический фон, наряду с привычным рефлексом атлантической дисциплины, подталкивал страны ЕС к следованию в фарватере политики США по косовской проблеме ещё на дипломатической стадии урегулирования. В момент очередного обострения конфликта осенью 1998 г. именно американец Р. Холбрук, главный архитектор Дейтонских соглашений по Боснии и Герцеговине, добился в ходе прямых переговоров в Белграде с С. Милошевичем временного компромисса¹⁰⁹, выступая при этом от имени не только Соединённых Штатов, но и европейских держав. Миссию ОБСЕ по проверке соблюдения условий компромисса Холбрука – Милошевича также возглавил американец Уильям Уокер. Международный посредник – посол США в Македонии К. Хилл, старался играть первую скрипку в ходе подготовки планов мирного урегулирования, зачастую отодвигая в тень своего европейского коллегу австрийца Вольфганга Петрича, который был назначен специальным представителем ЕС по вопросам бывшей Югославии во второй половине 1998 г., когда Австрия выполняла председательские функции в ЕС (эти планы обсуждались затем Контактной группой по бывшей Югославии, принимались на основе консенсуса и передавались на рассмотрение враждующих сторон). После неудачи миссии полномочного представителя ЕС по Косово, бывшего премьер-министра Испании Ф. Гонсалеса весной 1998 г., которому не удалось продвинуть стороны к сближению, аналогичную роль взял на себя год спустя известный американский политик, бывший сенатор Б. Доул, сосредоточившийся на обработке албанской стороны в пользу принятия плана Контактной

¹⁰⁹ Компромисс от 13 октября 1998 г. включал прекращение огня, вывод значительной части сербских войск и полиции из Косово под контролем двух тысяч невооружённых наблюдателей ОБСЕ, возврат беженцев в места их проживания, начало переговоров о статусе края.

группы, выдвинутого на первом этапе конференции в Рамбуйе.

Тем не менее, представлять Западную Европу в виде безгласного статиста, если не простого дублёра Вашингтона в косовской проблеме, было бы явным упрощением. Как раз с развёртыванием конфликта в Косово несколько поутихли ставшие уже привычными сетования на «бессилие Европы», столь характерные для обоих предыдущих этапов югославской трагедии. Более того, всё чаще можно встретить утверждения, что именно в косовских делах европейцы избавились от прежней летаргии, начинают преодолевать дефицит политической воли и вот-вот будут готовы принять, наконец, на себя должную меру ответственности за обеспечение мира и безопасности на собственном континенте. Действительно, если на начальных стадиях югославского кризиса различие мотиваций стран Западной Европы служило серьёзным препятствием к поискам хотя бы минимального консенсуса, то в случае конфликта в Косово это препятствие стало заметно слабее. В косовском вопросе европейцы стараются делать акцент больше на точках соприкосновения, чем на разногласиях между собой.

Речь при этом идёт не столько о ЕС в целом, сколько о четырёх ведущих его участницах – Франции, Великобритании, Германии и Италии, которые входят в состав Контактной группы, наряду с США и Россией. В ходе её сессий в Лондоне, Бонне, Риме, Париже на уровне постоянных представителей и министров иностранных дел, обсуждения в Совете Безопасности ООН косовского вопроса (особенно резолюции № 1199), в ОБСЕ, наконец, в рамках двусторонних контактов эта четвёрка вела себя более энергично, а главное более согласованно, чем когда-либо на протяжении югославского кризиса.

Ещё в ноябре 1997 г. министр иностранных дел Франции Юбер Ведрин и его тогдашний германский коллега Клаус Кинкель предприняли совместную поездку в СРЮ с целью примирить конфликтующие стороны. В феврале и марте 1999 г. Ю. Ведрин и министр иностранных дел Великобритании Робин Кук сопредседательствовали на международной конференции в загородной резиденции французского президента – замке Рамбуйе под Парижем – с участием делегаций обеих враждующих сторон и представителей стран – членов Контактной группы (в том числе перио-

дически на уровне министров). Представитель ЕС на переговорах В. Петрич на равных с его американским партнёром К. Хиллом и российским послом по особым поручениям Б. Майорским осуществлял по принципу «тройки» постоянные контакты между сербской и албанской делегациями, размещавшимися на разных этажах здания.

Комментируя открытие конференции в Рамбуйе президентом Франции Жаком Шираком, главный редактор парижской газеты «Le Monde» Даниэль Верне отмечал: «Те самые европейцы, которые в начале войны в Югославии в 1991 г. переоценили свои силы и с большим трудом пытаются определить общую внешнюю политику и политику безопасности, оказываясь неспособными сохранить мир на своём континенте, совместно убедили США в том, что, с одной стороны, удары с воздуха, к которым, видимо, склонялся Вашингтон, чтобы принудить С. Милошевича пойти на соглашение, могут привести лишь к катастрофе, если они не вписываются в определённую политическую логику. С другой, основные европейские страны готовы послать свои вооружённые силы в Косово для контроля над соблюдением возможного соглашения, даже если Соединённые Штаты отказываются от этого»¹¹⁰.

В итоге голоса западноевропейцев зазвучали чаще в унисон, чем в разнобой, а их позиции при оценке поведения сербов и албанцев далеко не всегда послушно копировали позицию США (однозначно враждебную по отношению к сербам) и старались учитывать также российский подход, основанный на защите суверенитета СРЮ от албанского сепаратизма.

В целом европейские державы пытались искать относительно автономную политическую линию в косовском вопросе, которая отвечала бы, прежде всего, их собственным интересам, как коллективным, так и индивидуальным. В этом смысле косовский кризис отличается от типовых сценариев обычных локальных конфликтов времён холодной войны и биполярного мира в ещё большей степени, чем военные акции против Ирака («Буря в пустыне» 1991 г., «Лиса в пустыне» 1998 г.).

Причины этого очевидны. Западноевропейские руководители

¹¹⁰ Vernet D. Sursaut europeen au Kosovo. Le Monde, 1999, 5 mars.

не могут не учитывать того факта, что в косовском кризисе столкнулись основополагающие принципы современных международных отношений: территориальной целостности государств и невмешательства в их внутренние дела, с одной стороны, и права наций на самоопределение, гуманитарного долга защиты прав человека, в частности этнических меньшинств, вне зависимости от национальных границ, с другой. Подобная противоречивая ситуация имеет место отнюдь не только в бывшей Югославии и на Балканах в целом. Она характерна и для десятков других регионов и стран от Тибета до Палестины. Однако тот факт, что югославский кризис, включая косовский конфликт, вспыхнул не где-то за тридевять земель, а в самой Европе, вызвал особое беспокойство европейских стран. «Угрозы этнического сепаратизма и возрождающегося национализма становятся важнейшими проблемами, с которыми сталкиваются многие члены НАТО – такие, как Канада, Турция, Италия и Испания», – отмечал обозреватель «International Herald Tribune» Уильям Дроздык¹¹¹.

Великобритания уже 30 лет страдает от незаживающей раны гражданской войны в Северной Ирландии, Испания от террора сепаратистов подпольной организации ЭТА в Стране Басков, Франция – на Корсике, Турция – в Курдистане. После распада СССР и Чехословакии кризис федераций перебрался на запад Европы: он грозит расколоть Бельгию на государства валлонов и фламандцев. В Италии «Лига Севера» широко оперирует сепаратистской демагогией, ссылаясь на то, что слаборазвитый Юг выкачивает средства из богатых северных провинций. Даже Канаде грозит отделение франкоязычной провинции Квебек, часть жителей которой добивается государственной независимости.

Всё это имеет самое прямое отношение к косовской проблеме. Как подчёркивает обозреватель французской газеты «Le Monde diplomatique», «Европейский союз справедливо отвергает независимость Косово: было бы безответственно поощрять дробление Европы на микросоударства, грозящие воспламенить регион. В то же время ЕС справедливо требует от Белграда восстановления

¹¹¹ Drozdyak W. A Precedent in Kosovo? NATO Is Split on Authority to Use Force. Intern. Herald Tribune, 1998, 9 Nov.

автономного статуса Косово. Выход может быть найден в признании самой широкой автономии Косово в рамках Сербии, если не Югославии. Такое соглашение имеет смысл лишь в том случае, если Европа при поддержке НАТО и США найдёт средства навязать Сербии и Косово демократическое правление»¹¹².

Другая причина, способствовавшая активизации западноевропейских держав в косовском кризисе, связана с его международным контекстом. Этот внутренний межэтнический конфликт чрезвычайно трудно поддаётся локализации и постоянно грозит дестабилизировать положение в крайне взрывоопасном регионе, изобилующем кризисными ситуациями. Выход края из состава СРЮ и провозглашение косовскими албанцами независимости может дать толчок к их воссоединению с Албанией, и так уже раздираемой соперничеством её северных и южных районов, к распаду Македонии, более 30% населения которой составляют этнические албанцы, притязаниям Греции на южные территории обеих («Северный Эпир»), Болгарии – на македонский север, обострению греко-турецкого противостояния из-за Кипра и островов Эгейского моря и т.д. Очевидно, что эта цепная реакция грозит быстро выйти из-под контроля, подрывая стабильность на континенте в целом и затрагивая безопасность всех европейских государств. Великая Албания, о которой мечтают экстремисты из Освободительной армии Косово, рискует стать детонатором непредсказуемых событий ничуть не меньше, чем мечты о Великой Сербии, которые вынашивали некоторые безответственные политики в Белграде. «Народы Балкан продолжают дорого платить за слепоту Запада, который допустил в 1991 г. ускоренный распад бывшей Югославии под давлением националистов», – признаёт обозреватель «Le Monde diplomatique»¹¹³.

Наконец, проблема Косово отличается от предыдущих этапов югославского кризиса тем, что при всей своей геополитической провинциальности она теснейшим образом связана с глобальными проблемами становления нового миропорядка на пороге III тысячелетия н.э.

¹¹² Ramonet I. Kosovo. Le Monde diplomatique, 1999, Fevr.

¹¹³ Ibid.

Новая стратегическая концепция НАТО или «европейская оборонная идентичность»?

В конце апреля 1999 г. в Вашингтоне состоялась сессия Совета НАТО на высшем уровне, приуроченная к 50-летию подписания Североатлантического договора. На ней, в частности, обсуждалась новая стратегическая концепция альянса на XXI в.

Согласно этой концепции с окончанием холодной войны и исчезновением прежнего главного противника – СССР – смыслом существования НАТО должна стать не только коллективная гарантия безопасности границ стран-участниц от внешней агрессии в регионе Северной Атлантики, но и гораздо более масштабные задачи. Речь идёт о противодействии созданию оружия массового уничтожения антизападными диктаторскими режимами, международному терроризму, о защите прав человека и национальных меньшинств, которым грозит геноцид, а главное – об операциях по восстановлению и поддержанию мира в локальных конфликтах, в том числе внутреннего характера.

Главная особенность данной концепции заключается в том, что, по замыслу её американских разработчиков, вооружённые силы альянса могли бы использоваться им вне зоны действия Североатлантического договора и без обязательного мандата единственного уполномоченного на то органа – Совета Безопасности ООН. Таким образом, новая стратегическая концепция НАТО впервые открыто выводит за скобки ООН с её правилом единогласия пяти постоянных членов Совета Безопасности и прямо придаёт действиям альянса глобальный масштаб.

Опытным полем применения новой стратегической концепции НАТО в Европе стала бывшая Югославия, сначала Босния и Герцеговина, а теперь Косово, где односторонние вооружённые действия альянса были призваны легализовать эту концепцию ещё до официального её одобрения на вашингтонском саммите.

Между тем среди европейских участников Североатлантического союза данная концепция вызвала неоднозначную реакцию. Косовский кризис обнажил серьёзные разногласия между Соединёнными Штатами и их европейскими союзниками по вопросу о том, имеет ли НАТО законное право предпринимать военные ак-

ции вне территории стран-участниц без официального одобрения ООН. Некоторые европейские союзники США – Франция, Италия и Германия – долгое время настаивали, чтобы в вопросе о будущих операциях НАТО вне территории стран-участниц альянса авторитет ООН оставался основополагающим. Они оспаривали тезис, согласно которому Косово было исключением из этого правила ввиду потенциальной гуманитарной катастрофы, угрожающей сотням тысяч беженцев¹¹⁴.

Разумеется, масштабы этих расхождений не следует преувеличивать: под нажимом Вашингтона западноевропейские державы постепенно корректировали свою позицию в сторону сближения с американской. Принципиальное согласие на ракетно-бомбовые удары НАТО по военным объектам СРЮ без санкции Совета Безопасности ООН было дано на уровне постоянных представителей 15 стран-участниц при штаб-квартире альянса в Брюсселе ещё в октябре 1998 г. и вновь подтверждено в феврале 1999 г. с передачей права привести его в исполнение на организационном уровне генеральному секретарю НАТО Х. Солане, а права отдать приказ о начале боевых действий – главнокомандующему вооружёнными силами НАТО в Европе американскому генералу У. Кларку. Великобритания, Италия и Турция предоставили базы для развёртывания около 400 боевых самолётов, главным образом американских, английских и французских; в Адриатическое море снова, как во времена боснийского кризиса, вошли авианосцы флотов стран – участниц НАТО. Казалось бы, история повторяется.

Однако военно-политическая ситуация в Косово была изначально иная, чем в Боснии и Герцеговине. В Боснии европейцы тоже присутствовали достаточно широко и дипломатически через Контактную группу, ОБСЕ и ООН, и в военном отношении. Именно Франция и Великобритания направили самые крупные военные контингенты сначала в состав Сил ООН по охране в бывшей Югославии (СООНО), а затем Сил быстрого реагирования НАТО, призванных обеспечить безопасность СООНО. Однако реальная роль европейцев в урегулировании кризиса оказалась минимальной. В конечном счёте, его исход решили США, которые,

¹¹⁴ Подробнее см.: Drozdyak W. Op. cit.

оказав мощную поддержку вооружённым силам Мусульмано-хорватской федерации, подготовили изменение баланса сил между вооружёнными сторонами в ущерб боснийским сербам. Удары НАТО с воздуха по сербским позициям лишь завершили процесс, расчистив путь к подписанию под эгидой США Дейтонских соглашений в ноябре 1995 г.¹¹⁵

Не исключено, что косовский конфликт рассматривался Вашингтоном просто в качестве удобного инструмента для устранения режима С. Милошевича в СРЮ, подобно тому, как операция «Лиса в пустыне» имела целью ликвидацию режима С. Хусейна в Ираке. «Откровенно говоря, никакое прочное решение балканского кризиса невозможно без коренных перемен в Сербии и руководстве Югославии. Приоритетом политики США должно быть содействие этим переменам», – подчёркивал американский сенатор Р. Лугар¹¹⁶. Однако и в том и в другом случаях результат оказался обратным – США сумели лишь сплотить вокруг своих врагов патриотические силы, превратив их в национальных героев. Более того, как показала конференция в Рамбуйе, косовские албанцы в политическом плане весьма трудно управляемая сила. Да и в военном отношении ОАК не идёт ни в какое сравнение, например, с боснийскими хорватами, за спиной которых стояла армия Хорватии. Помощь же сепаратистам со стороны соседней Албании рискует развалить не столько белградский режим, сколько южный фланг НАТО и без того ослабленный греко-турецким конфликтом.

В этих условиях роль европейских держав в косовских делах объективно могла бы быть более весомой. Дав Вашингтону санкцию на ракетно-бомбовые удары НАТО по СРЮ в случае неподписания сербской делегацией соглашения о мирном урегулировании в Косово и приняв участие в этой операции, европейцы сознавали, что удары сами по себе ничего не решат, а скорее усложнят проблему. Наземный контингент войск альянса, призванный обеспечить выполнение условий будущего компромисса, может

¹¹⁵ Будущее этих соглашений, кстати, остаётся под большим вопросом, что признаёт даже их архитектор Р. Холбрук.

¹¹⁶ Lugar R. What the Balkans Need Is Democracy in Serbia. Intern. Herald Tribune, 1998, 1 Dec.

столкнуться с гораздо более серьёзными трудностями, чем в соседней Боснии. Власти СРЮ последовательно возражают против его ввода, во всяком случае под флагом НАТО. Администрация США с учётом приближения президентских выборов в США также не горит желанием рисковать жизнями американских солдат.

Между тем в феврале 1999 г. минимальная численность наземного контингента сил НАТО в крае была определена брюссельской штаб-квартирой альянса в 28 тыс. человек: 8 тыс. англичан, 6 тыс. французов, 3-3,5 тыс. немцев при участии голландских, норвежских и, возможно, польских подразделений. Таким образом, подавляющая часть наземного контингента НАТО, предназначенного к размещению в Косово, пришлось бы на европейцев (которые, кстати, уже предоставили большую часть персонала Миссии ОБСЕ по проверке в Косово, для прикрытия которой НАТО первоначально сосредоточила в Македонии десяти тысячный военный контингент)¹¹⁷. Иными словами, американцы взяли на себя «чистую» и безопасную задачу в воздухе, предоставив «грязную работу» на земле европейцам.

Колоссальный поток албанских беженцев из Косово, резко усилившийся с началом бомбардировок НАТО, поставил европейские страны перед гораздо большими проблемами, чем те, с которыми столкнулись США. Вашингтон ограничился согласием принять несколько тысяч косоваров на своей военной базе Гуантанамо (Куба) и направлением воинских частей для обустройства нескольких лагерей для беженцев, что должно было обойтись всего в 12 млн долл. Большую часть беженцев, хлынувших в соседние страны, не имеющие средств на их содержание, – Албанию, Македонию, Черногорию – придётся принимать странам Западной Европы, на плечи которых лягут и связанные с этим огромные расходы. Между тем иммиграция на фоне высокого уровня безработицы давно превратилась в крайне болезненную внутривосточную проблему для многих западноевропейских стран, создавая почву для межэтнических конфликтов и подпитывая расист-

¹¹⁷ В составе этих так называемых Сил эвакуации НАТО, призванных оперативно эвакуировать невооружённых членов миссии по проверке ОБСЕ в Косово с помощью вертолётов и бронетехники, входили контингенты Франции, Великобритании, Германии, Италии и Нидерландов.

скую демагогию ультраправых движений (в связи с присутствием миллионов арабов из Северной Африки во Франции, турок, сербов, хорватов и босняков в Германии, албанцев – в Италии и т.д.). Очевидно, что в такой ситуации правительства стран Западной Европы не могли остаться в стороне от косовского конфликта.

В этих условиях перед европейскими державами открылось определённое поле для политического манёвра не только по конкретной проблеме косовского урегулирования, но и по его роли в качестве полигона по отработке новой стратегической концепции НАТО перед вашингтонским саммитом альянса и прецедента её применения на практике.

Трансатлантический торг возник, прежде всего, вокруг самого понятия «прецедент». Ссылаясь на англосаксонскую традицию, согласно которой прецедент создаёт правовые нормы, наряду с законом, США хотели бы видеть в военном вмешательстве в Косово юридическую основу для односторонних действий НАТО на будущее без санкций Совета Безопасности ООН и за пределами границ альянса. Для европейцев же, воспитанных не на обычном, а на писаном римском праве, где источником юридических норм могут быть только законы или договоры, дело обстоит по-иному. Согласившись после долгих колебаний на то, что Косово может рассматриваться как прецедент, они считают потенциальную вооружённую акцию НАТО там не правилом, а исключением, продиктованным чрезвычайными обстоятельствами – гуманитарной катастрофой, грозящей сотням тысяч албанских беженцев, вынужденных покинуть свои разрушенные боевыми действиями деревни и скрываться в горах или пытаться попасть за рубеж.

Ещё одно различие позиций европейских стран и США по косовскому вопросу связано с политическими целями Запада в Косово. Хотя все члены Контактной группы, включая Соединённые Штаты и Россию, согласились с планом решения проблемы путём предоставления краю «расширенной автономии» в рамках СРЮ, которой косовары фактически пользовались на протяжении 15 лет вплоть до произвольной отмены её Белградом в 1989 г., европейцы по причинам, уже упомянутым выше, более твёрдо, чем американцы, возражали против требования албанских сепаратистов о независимости путём проведения через три года референдума о

статусе провинции. Это объективно сближало их с Россией, для которой принцип территориальной целостности суверенных государств имеет приоритет перед правом наций на самоопределение (что вполне понятно с учётом опыта чеченской войны и центробежных тенденций в РФ в целом). Несмотря на резко критическое отношение к режиму С. Милошевича, европейские державы пока не готовы оплачивать его ликвидацию ценой распада СРЮ со всеми вытекающими отсюда непредсказуемыми последствиями.

Наконец, в противовес новой стратегической концепции НАТО, защищаемой американцами, Европа давно выдвигает идею создания второго, европейского полюса альянса. Проблема Косово оказалась теснейшим образом связана с дискуссиями по этому вопросу. Истоки идеи формирования «европейской опоры» НАТО восходят ещё к началу 1960-х гг., когда её главным инициатором выступила Франция. Покинув по инициативе Ш. де Голля в 1966 г. интегрированное военное командование альянса и ликвидировав его инфраструктуру на своей территории (при сохранении членства в Североатлантическом альянсе и тесного сотрудничества с его органами на основе специальных соглашений), Париж долгое время пытался построить «европейскую оборонную идентичность» вне НАТО на базе Западноевропейского Союза, созданного в 1954 г. для контроля над соблюдением ФРГ ограничений её военного потенциала (впрочем, вскоре отменённых) и более тесной военной привязки Великобритании к континенту. Однако упорное сопротивление европейских партнёров Франции – Англии, Германии, Италии – любой попытке дублировать функции Североатлантического альянса завело первоначальные проекты «европейского полюса» в тупик.

С середины 1990-х гг. дискуссии по этой проблеме снова оживились. Речь шла теперь о создании внутри НАТО автономной цепочки командования многоцелевыми соединениями быстрого реагирования для проведения миротворческих операций (в рамках концепции многонациональных оперативных сил) силами одних европейцев, но с использованием инфраструктуры НАТО, если США сочтут для себя нецелесообразным принять в них участие. На таких условиях Франция была готова вернуться в систему интегрированного командования альянса (первые шаги к этому уже

имели место). ЗЕС же должен был на основе Маастрихтского договора стать органической составной частью Европейского союза, выполняя функции военной связки ЕС с НАТО и способствуя реализации застрявшей на мёртвой точке Общей внешней политики и политики безопасности ЕС.

Первым опытным полигоном для испытания будущего «европейского полюса» на практике должна была послужить Босния и Герцеговина. Эта попытка закончилась для европейцев бесславно. Европейские страны не сыграли сколько-нибудь автономной и тем более самостоятельной роли в ходе урегулирования кризиса в Боснии и Герцеговине ни в рамках ООН, ни в рамках ЗЕС. В то же время категорический отказ США от передачи европейцам права назначать главнокомандующего ОВС НАТО в Южной Европе затормозил возврат Франции в интегрированную структуру альянса.

На сессии Совета НАТО в Брюсселе в декабре 1998 г., где госсекретарь США М. Олбрайт изложила основные тезисы американского видения новой стратегической концепции альянса, министр иностранных дел Франции Ю. Ведрин подверг их критике. Подчеркнув, что «НАТО – это организация Североатлантического договора, а не северной части Тихого океана», он отметил, что распространение оружия массового уничтожения фигурирует среди новых рисков, но не является единственным, а в противодействии ему альянс – всего лишь один из инструментов среди прочих¹¹⁸. При поддержке Германии Франция настаивала, чтобы вмешательство НАТО в конфликты за пределами территории членов альянса осуществлялось только на основании мандата Совета Безопасности ООН.

В связи с этим вряд ли можно считать случайностью тот факт, что незадолго до этой сессии, 1 декабря 1998 г., руководители Франции и Германии в ходе двусторонней встречи в Потсдаме высказались за то, чтобы ЕС создал «оперативные возможности, которых ему не хватает». Три дня спустя, 4 декабря 1998 г., последовала встреча президента Франции Ж. Ширака и премьер-

¹¹⁸ OTAN: frictions franco-américaines. Hubert Vedrine s'est opposé a Madeleine Albright sur les nouvelles missions de l'Alliance. Le Figaro, 1999, 9 dec.

министра Лионеля Жоспена во французском городке Сен-Мало с главой британского правительства Тони Блэром. Хотя последний подтвердил традиционный отказ Лондона от выбора между атлантической лояльностью США и НАТО как фундаментом безопасности страны и сближением с европейским континентом, он впервые согласился со своими французскими партнёрами относительно возможности создания в рамках альянса сугубо европейской составляющей. Стороны обсудили пути потенциальной координации действий своих вооружённых сил на различных театрах военных действий, прежде всего в Косово, и выработку европейцами общей позиции на юбилейном саммите НАТО в Вашингтоне¹¹⁹. Европейский Союз, отмечалось в совместном заявлении, «должен располагать способностью к автономным действиям, поддержанным кредитоспособными военными силами, а также средствами для принятия решений об их использовании и боеготовности»¹²⁰.

Реакция Вашингтона на франко-британское заявление в Сен-Мало не отличалась особым энтузиазмом: как отмечали американские дипломаты в Париже, «формальное присоединение к идее европейской обороны пошло дальше, чем ожидали в Вашингтоне»¹²¹. Хотя США в принципе не возражают против самой идеи «европейского полюса» НАТО, они вкладывают в это понятие в основном только один смысл – увеличение доли европейских партнёров в расходах альянса при сохранении права принятия решений исключительно за Вашингтоном.

Неудивительно, что встреча в Сен-Мало получила неоднозначную оценку со стороны М. Олбрайт: подтвердив поддержку Соединёнными Штатами «европейской оборонной идентичности», она подчеркнула, что последняя должна вписываться в рамки НАТО и не подрывать «жизнеспособность» альянса¹²². Американская печать не замедлила напомнить, что оборонная автоно-

¹¹⁹ de Bresson H. Paris et Londres posent les bases d'une politique de defense commune. Le Monde, 1998, 5 dec.

¹²⁰ Fitchett J. Britain and France Call for EU Military Capability for Crises. Intern. Herald Tribune, 1988, 5-6 Dec.

¹²¹ Fitchett J. Op. cit.

¹²² OTAN: frictions franco-américaines.

мия европейцев целиком зависит от военно-транспортной авиации США и их системы разведывательных спутников, предоставление которых в «аренду» должно утверждаться специальным решением Конгресса. Стремясь вбить клин в ряды партнёров США по НАТО, М. Олбрайт подчеркнула, что «европейский полюс» ограничивается лишь узким кругом государств (Великобритания, Франция, Германия, Италия, Бельгия, Голландия, Люксембург, Испания, Португалия), оставляя за бортом другие страны – Ирландию, Швецию, Турцию, что вряд ли им понравится: «Перспектива действий в данном направлении вызывает озабоченность среди должностных лиц в Вашингтоне и европейцев в некоторых союзных столицах, которые опасаются, что инициатива Франции и Великобритании поставит под вопрос ряд договорённостей в НАТО и в Европейском Союзе ввиду предоставления особых полномочий горстке европейских наций»¹²³.

В таких условиях можно ожидать, что исход конфликта в Косово (как и ситуация вокруг Ирака) станет пробным камнем совместимости «новой стратегической концепции» НАТО с «европейской оборонной идентичностью» и своеобразной разменной монетой в диалоге Европы и США вокруг будущей эволюции альянса.

Хотя некий общий знаменатель в подходе к косовскому конфликту ведущих западноевропейских держав – членов международной Контактной группы, не всегда совпадающем с американским подходом, а тем более с российской точкой зрения, бесспорно налицо, каждая из них всё же сохраняет определённую специфику в данном вопросе. Эти оттенки определяются различными факторами – историческими традициями, геополитическими интересами, внутренним раскладом сил.

Политика Франции в отношении «югокризиса» и конфликта в Косово

Политика Франции в отношении конфликта в Косово сочетает неоднородные, зачастую противоречивые элементы, которые отражают последовательную эволюцию её подходов к разным

¹²³ Fitchelt J. Op. cit.

стадиям югославского кризиса.

Одностороннее провозглашение независимости Хорватией и Словенией в 1991 г. было встречено французскими правящими кругами с нескрываемым беспокойством. Президент Франсуа Миттеран, человек старшего поколения, хорошо помнил, что сербы были верными союзниками Франции в обеих мировых войнах, а в период между ними Югославия вместе с Чехословакией и Румынией являлась стержнем тройственной «Малой Антанты» – опоры Франции на Балканах. Кроме того, будучи убеждённым сторонником европейской интеграции, он крайне отрицательно относился к умножению числа моноэтнических микросоударств, в которых видел лишь рассадник национализма и фактор дестабилизации баланса сил на континенте. Поэтому согласие на признание ЕС независимости Хорватии и Словении было дано Парижем с большей неохотой и только под решительным нажимом ФРГ, привилегированные отношения с которой Ф. Миттеран считал краеугольным камнем европейской политики Франции и всего процесса евростроительства.

Но и после того, как эпицентр кризиса переместился в Боснию и Герцеговину, среди кадровой элиты французской дипломатии, в офицерском корпусе, генералитете всё ещё сохранялись довольно сильные просербские настроения. Официальная политика Франции в югославском кризисе проводилась в строгом соответствии с решениями Совета Безопасности ООН, которые ограничивали мандат Сил ООН по охране в бывшей Югославии, наиболее многочисленным контингентом в составе которых был французский, гуманитарными функциями и контролем за соблюдением постоянно нарушавшихся по вине той или иной враждующей стороны соглашений о прекращении огня.

Эта позиция, весьма близкая к российской, начала заметно меняться с 1993 г., когда к власти во Франции пришло правительство коалиции правых партий во главе с Эдуардом Балладюром, и особенно с 1995 г., после того, как Ф. Миттерана на посту главы государства сменил Ж. Ширак. Уже в период предвыборной кампании Ж. Ширак и его ближайший соратник Ален Жюппе (министр иностранных дел в кабинете Э. Балладюра в 1993–1995 гг. и премьер-министр Франции в 1995–1997 гг.) однозначно возло-

жили основную ответственность за кровавую гражданскую войну в Боснии на лидеров местных сербов – президента Республики Сербской Радована Караджича, главнокомандующего армией боснийских сербов генерала Рато Младича и руководство Сербии во главе со С. Милошевичем, призывая НАТО к нанесению ракетно-бомбовых ударов по сербским позициям как к единственному способу спасти от физического уничтожения мирных жителей мусульманских анклавов (Сребреницы, Жепы, Горажде и особенно Сараево).

Такой сдвиг в позиции французского руководства определялся прежде всего обстановкой в Боснии и Герцеговине, которая резко обострилась после того, как поиски политического решения конфликта в рамках Контактной группы (планы Вэнса – Оуэна, Оуэна – Столтенберга, посреднические миссии Джимми Картера, Карла Бильдта) зашли в тупик. Под влиянием развёрнутой средствами массовой информации кампании вокруг кровавых событий, жертвами которых, как утверждалось, становились в основном мусульмане – мирные жители анклавов, французское общественное мнение всё более определённо настраивалось на анти-сербский лад. С этим не могли не считаться политические партии, боровшиеся за власть во Франции в ходе многочисленных выборов 1993–1997 гг. (местных, парламентских, президентских, общеевропейских).

Захват боснийскими сербами французов из числа «голубых касок» ООН в качестве заложников и угроза использовать их как живой щит в случае воздушных ударов НАТО были восприняты официальным Парижем как жестокое национальное унижение, требующее самого решительного отпора. Эта реакция нашла двойное продолжение: склоняя США к более активному вмешательству в конфликт, Ж. Ширак выступил в то же время инициатором формирования европейских Сил быстрого реагирования НАТО в бывшей Югославии, призванных обеспечить безопасность миротворцев ООН. Судя по всему, французское руководство видело в этих силах зародыш той самой «европейской оборонной идентичности», создания которой оно так долго и безуспешно добивалось на основе ЗЕС, а затем и в рамках НАТО, обеспечив в то же время более позитивное отношение к ней со стороны США. Однако,

как уже отмечалось, результат не оправдал ожиданий Парижа: эти силы не сыграли сколько-нибудь заметной роли в развязке боснийской драмы, урегулирование которой прочно взяли в свои руки американцы с помощью войск Мусульмано-хорватской федерации и бомбовых ударов авиации НАТО по сербам, расчистившим путь к Дейтонским соглашениям. Многонациональные силы, созданные для контроля над их реализацией и размещённые в Боснии и Герцеговине (Силы по выполнению соглашений, с декабря 1996 г. – Силы стабилизации), напрямую подчинены верховному главнокомандующему ОВС НАТО в Европе¹²⁴.

С развёртыванием косовского конфликта уроки Боснии были учтены Парижем, политика которого в какой-то мере сочетает подходы двух президентов – Ф. Миттерана и Ж. Ширака – к последовательным стадиям развития югославского кризиса. Поискам этой оптимальной равнодействующей линии способствовали факторы как международного характера (эволюция позиций других европейских держав – партнёров Франции по ЕС и Контактной группе), так и внутреннего плана (поражение правых партий на досрочных выборах в мае 1997 г., результатом которого стало политическое «сожительство» президента-голлиста Ж. Ширака с премьером-социалистом Л. Жоспеном).

Формулируя общую позицию французского руководства по косовской проблеме и связывая её с перспективой саммита НАТО по новой стратегической концепции альянса, на очередном совещании послов Франции за рубежом Ж. Ширак подчеркнул: «Саммит в Вашингтоне не должен превращать НАТО в некий “Священный союз”, призванный вмешиваться повсюду и по любому поводу. Франция не приняла бы этого. Именно поэтому она вместе с почти всеми своими европейскими партнёрами настаивает на необходимости мандата Совета Безопасности ООН для любой военной интервенции НАТО. Сказанное приложимо сегодня и к ситуации в Косово, где продолжение боёв грозит воспламенить все Балканы и, перевернув все существующие границы, вызвать распад наиболее хрупких государств, поставив в том числе под

¹²⁴ Небольшой российский контингент также связан с ним, но имеет особый статус.

вопрос ещё непрочные результаты, достигнутые в Боснии. Мы можем заблокировать эту цепную реакцию только при одном условии – шесть стран – членов Контактной группы должны срочно добиться возобновления переговоров на чётких основах. Они должны подтвердить свою решимость обеспечить принятие статуса весьма широкой автономии в пределах существующих границ. Необходима политика крайней твёрдости. Но применение силы альянсом на основе мандата Совета Безопасности будет иметь смысл лишь в том случае, если оно будет подчинено достижению политических целей, контуры которых призвана единогласно и быстро уточнить Контактная группа»¹²⁵.

Упоминание Ж. Шираком необходимости для любых военных действий НАТО в Косово мандата Совета Безопасности ООН, постоянным членом которого Франция является вместе с США, Россией, Великобританией и Китаем, и единогласного определения Контактной группой (где присутствуют также Германия и Италия) политических целей такой акции не случайно. Оно отражает установку Парижа на поддержание баланса между центрами силы многополярного мира, смягчая тенденции к глобальной гегемонии США – единственной сверхдержавы, вышедшей победительницей из холодной войны. «В этой трагедии, – продолжал французский президент, – Россия может и должна играть позитивную роль, которую все её партнёры ожидают от неё. Неоднократно обсудив это с президентом Ельциным, я убеждён, что она сделает правильный выбор, как и в Боснии, – выбор стратегического партнёрства, предлагаемого ей Основополагающим актом НАТО – Россия, выбор, который должен выразиться с обеих сторон в доверительном сотрудничестве в Совете Безопасности, за столом переговоров и на месте»¹²⁶.

Выступая на этом же совещании, министр иностранных дел Ю. Ведрин, в прошлом дипломатический советник и генеральный секретарь Елисейского дворца (руководитель аппарата президента) при Ф. Миттеране, подчеркнул, что все шесть членов Контакт-

¹²⁵ PIC. Declarations – documents: Bulletin d'information du 27aout 1998 (165/98). P. 6-7.

¹²⁶ Ibid.

ной группы отвергают статус-кво в Косово и не поддерживают обретение краем независимости, стремясь добиться лишь широкой автономии для косовских албанцев. Однако достижение согласия в вопросе о конечных целях мирного урегулирования по Косово сталкивается, по его словам, с рядом серьёзных препятствий, среди которых упорное сопротивление С. Милошевича, чувствующего поддержку сербов в этом вопросе, максимализм и раздоры среди албанцев, сдержанность Соединённых Штатов в отношении Контактной группы, и, наконец, с проблемой принятия решения об использовании военной силы против СРЮ: как тогда заверял Ж. Ширак, «для нас применение силы со стороны НАТО не может быть осуществлено без резолюции Совета Безопасности»¹²⁷.

Разумеется, реальная политика Франции в этом вопросе, для которой характерны постоянные колебания, далеко не всегда соответствовала сбалансированному курсу. В конечном счёте, Париж открыто так и не воспротивился решению НАТО применить «в порядке исключения» силу против СРЮ даже без санкции Совета Безопасности, опасаясь разрыва как с США, так и с наиболее важными европейским партнёрами – Великобританией, Германией и Италией¹²⁸. Во время визита президента Франции в США 19 января 1999 г. Ж. Ширак и Б. Клинтон обратились к С. Милошевичу с заявлением о своей общей решимости прибегнуть к ударам с воздуха по СРЮ в случае её противодействия мирному соглашению по Косово, а 24 марта 1999 г. такие удары были впервые нанесены. Поэтому считать линию Франции в косовской проблеме равноудалённой от Белграда и Приштины, а тем более от Вашингтона и Москвы было бы явным преувеличением.

Тем не менее, французское руководство приложило немало усилий для того, чтобы сыграть как можно более заметную роль

¹²⁷ Ibid. P. 23.

¹²⁸ Вашингтон, и без этого раздражённый отрицательной реакцией Парижа на англо-американские бомбардировки Ирака, оказывал на французов постоянный нажим: именно американские спецслужбы дали в США утечку о том, что французский майор П.-А. Бюнель передал югославскому представителю в Брюсселе список объектов в СРЮ, по которым готовились удары НАТО. Подробнее см.: Jordan R. Le récit du Commandant Pierre-Henri Bunel a la DST de ses contacts avec l'espion serbe Jovan Milanovic. *Le Monde*, 1998, 5 Nov.

в переговорном процессе. Оно приняло на себя непростые обязанности организатора конференции в Рамбуйе и направило в Македонию значительный контингент (1500 военнослужащих из 2800) в состав Сил эвакуации НАТО под командованием французского генерала Марселя Валантена, которые были призваны обеспечить безопасность наблюдателей ОБСЕ в Косово. Посетив 26 февраля 1999 г. французских солдат и офицеров в Македонии, Ж. Ширак обратился к обеим враждующим сторонам с предупреждением, что та из них, которая возьмёт на себя ответственность за срыв переговоров, будет наказана международным сообществом.

С началом военной операции НАТО против Югославии французское руководство, в целом поддерживая общую линию альянса и участвуя в её реализации, продолжало настаивать на использовании потенциала России в восстановлении политического диалога с Белградом. Об этом, в частности, шла речь в ходе телефонных переговоров Б. Ельцина с Ж. Шираком, беседы последнего с мэром Москвы Ю. Лужковым в Париже, а также в конце марта 1999 г., когда генеральный секретарь министерства иностранных дел Франции посетил Москву. «Русские могут сыграть важную роль в поисках мирного решения. Мы хотим, чтобы руководство и дипломатия России играли более активную роль и не стремимся к их изоляции», – подчёркивал премьер-министр Франции Л. Жоспен¹²⁹.

Особенности балканской политики Германии

Значительную эволюцию с начала югославского кризиса до развёртывания конфликта в Косово претерпела и балканская политика ФРГ. Если её исходная точка была диаметрально противоположна французской, то впоследствии они постепенно сблизились. В момент провозглашения Хорватией и Словенией независимости в 1991 г. Бонн не только немедленно признал оба государства, но и ультимативно настоял на принятии аналогичного решения Европейским союзом. В обоснование этой позиции руководители ФРГ ссылались прежде всего на приоритет права на-

¹²⁹ Цит. по: Коваленко Ю. НАТО вспоминает о России. Новые известия, 1999, 10 апр.

ций на самоопределение перед целостностью и неприкосновенностью границ, что за год до того послужило юридической основой воссоединения Германии. «Мы не можем отказывать другим в том, что столь эффективно послужило на пользу нам», – утверждали германские лидеры. Эта установка, так или иначе, сохранялась в немецком подходе к последующим этапам югославского кризиса – конфликтам в Боснии и Герцеговине, а в какой-то мере, хотя и гораздо меньше, и к ситуации в Косово.

В основе данной позиции лежали не только юридические принципы, но и давние исторические традиции. Вплоть до 1918 г. Хорватия и Словения входили в состав основного партнёра, по сути, и сателлита Германии в Тройственном союзе – Австро-Венгерской империи, аннексировавшей также Боснию и Герцеговину. Они служили трамплином германской экспансии на юго-востоке Европы в процессе раздела «оттоманского наследства». Со своей стороны Сербия и Черногория, веками боровшиеся за независимость против Турции, которая угнетала славянские народы Балкан более 500 лет, на юге и против экспансии Австро-Венгрии на севере, искали поддержки на востоке у России – традиционного противника обеих империй. После убийства эрцгерцога Франца-Фердинанда в Сараево именно австрийский ультиматум Сербии, которую поддержала Россия, послужил непосредственным поводом к развязыванию первой мировой войны.

Затем история повторилась. Между двумя мировыми войнами Югославия, созданная под короной сербской династии Карагеоргиевичей, была верным оплотом Версальской системы на Балканах против побеждённой Германии. Переворот в Белграде весной 1941 г., усиливший антигерманские тенденции в политике Югославии, привёл к её оккупации войсками Германии и Италии, главным союзником которых стал профашистский режим Анте Павелича в Хорватии, а противником – партизанское движение во главе с И. Броз Тито, опиравшееся в основном на сербов (хотя и среди последних были коллаборационисты). Естественно, что в сознании немцев хорваты и словенцы традиционно воспринимались как дружественная сила, естественная составная часть германской зоны влияния в Европе, а сербы и черногорцы как исторические противники.

До тех пор, пока по итогам Второй мировой войны Европа и Германия оставались разделёнными «железным занавесом», а единство СФРЮ цементировалось авторитарным коммунистическим режимом, черпавшим к тому же свою легитимность в общепатриотических чувствах всех народов страны, связанных с воспоминаниями о традициях Движения Сопротивления нацистским оккупантам, противостоянием сталинскому давлению, активной ролью страны в Движении неприсоединения, Балканы оставались вне списка первоочередных международных приоритетов обоих германских государств. Прочная привязка ФРГ к НАТО и ЕС, а ГДР – к ОВД и СЭВ ограничивала интерес немцев к СФРЮ, ставшей лавировать между двумя блоками.

Тем не менее, уже тогда Бонн был наиболее крупным торговым партнёром Югославии в Европе, а Западная Германия стала местом работы для сотен тысяч югославских иммигрантов, чьи переводы семьям на родину служили важной активной статьёй платёжного баланса страны.

Коренные перемены геополитической картины Европы и мира в конце 1980-х гг. – крушение тоталитарных режимов в странах Центральной и Восточной Европы, воссоединение Германии, распад СССР – придали этим экономическим связям политическое измерение. Бонн не остался равнодушным перед лицом кризиса Югославской федерации, демонстрацией которого стало провозглашение в 1991 г. независимости Хорватией и Словенией. ФРГ не только активно поддерживала их сепаратистские действия, немедленно признав новые государства в одностороннем порядке, но и сумела добиться соответствующего решения ЕС вопреки оппозиции своего привилегированного партнёра – Франции.

Более того, в ходе вооружённого конфликта Загреба и Любляны с федеральными властями ФРГ начала негласно вооружать хорватов и словенцев, несмотря на объявленное ООН эмбарго на поставки оружия воюющим сторонам. Та же практика имела место позже, когда конфликт распространился на Боснию и Герцеговину.

Наряду с юридическими принципами, историческими традициями, экономическими интересами, поддержка Германией хор-

ватов против сербов объяснялась также внутренними причинами политико-конфессионального плана. Славяне по языку и культуре, хорваты и словенцы, бывшие подданные католической Австро-Венгрии, являются католиками, тогда как сербы и черногорцы исповедуют православие. Твёрдая, хотя и не афишируемая поддержка единоверцев в бывшей Югославии римской курией и лично папой Иоанном Павлом II (по инициативе которого был канонизирован хорватский кардинал Степинац, осуждённый за сотрудничество с сателлитом гитлеровской Германии – профашистским режимом А. Павелича) оказала значительное влияние на позицию в югославском кризисе как Австрии, так и католической Южной Германии, особенно Баварии и долины Рейна. Христианско-социальный союз – баварская партия, образующая в бундестаге единую фракцию с находившимся у власти 16 лет подряд (до 1998 г.). Христианско-демократическим союзом, – оказывал систематический нажим на канцлера ФРГ Гельмута Коля, требуя активной солидарности с югославскими католиками.

Однако нельзя считать, что все перечисленные факторы сами по себе сыграли определяющую роль в разработке политики ФРГ в югославском кризисе. Ещё менее убедительно выглядят утверждения некоторых авторов, встревоженных ростом веса объединённой Германии в ЕС, насчёт того, что Бонн якобы возвращается к имперским концепциям «Срединной Европы» и «натиска на восток», которые уделяли большое внимание германскому присутствию на Балканах и в Турции (строительство железной дороги Берлин – Багдад, военная миссия генерала Лимана фон Сандерса в Стамбуле и т.д.).

Анализ политики Германии на различных стадиях югославского кризиса вплоть до обострения конфликта в Косово говорит о том, что простой возврат к прошлому несовместим с качественно новыми европейскими и глобальными реалиями. После того, как предыдущие германские национальные задачи: обеспечение безопасности, достижение «экономического чуда» и, наконец, воссоединение, были решены, на повестку дня выдвинулись окончательная ликвидация морально-политических последствий поражения Германии в двух мировых войнах и вхождение её на равноправных основах в число великих держав не только с регио-

нальными, но и с глобальными интересами. Экономический гигант не намерен более ни оставаться политическим карликом, ни нести ответственность за преступления нацистского режима, которого нынешняя политическая элита Германии, родившаяся после войны, не знала. Именно эта задача была поставлена во главу угла внешней политики страны коалиционным левоцентристским правительством (социал-демократов в союзе с «зелёными») во главе с канцлером Герхардом Шрёдером, пришедшим к власти в итоге парламентских выборов 27 сентября 1998 г.

Между тем на пути решения данной исторической задачи остаётся немало препятствий. Это, прежде всего, жёсткие ограничения конституционного и психологического характера на участие бундесвера в военных операциях за пределами территории стран – членов Североатлантического альянса, в состав которого ФРГ входит ещё с 1955 г. Они исходили не только от стран, являвшихся в прошлом жертвами германской агрессии, но и от пацифистских настроений значительной части самих немцев. Без преодоления этих барьеров Германия не могла претендовать на роль полноценной участницы урегулирования локальных кризисов в составе международных миротворческих сил, под чьим бы флагом они ни действовали – ООН, ОБСЕ или НАТО.

Правоцентристское правительство Г. Коля без особого труда добилось решения соответствующих судебных инстанций ФРГ, снявших сомнения насчёт конституционности использования германских вооружённых сил за рубежом в коллективных операциях по поддержанию мира. На этой основе в рамках ЗЕС в бывшую Югославию были направлены сравнительно небольшие технико-вспомогательные части бундесвера. Когда же эпицентр «югокризиса» переместился из Боснии в Косово, правительство Г. Шрёдера официально заявило о готовности направить солидный контингент бундесвера (3500 солдат при поддержке 14 самолётов «Торнадо») в составе сил НАТО для контроля над соблюдением сторонами условий мирного урегулирования. Тем самым Германия сделала первую официальную заявку на равноправное дипломатическое и военное участие в решении конфликта наравне с другими державами – участницами Контактной группы.

Вместе с тем основная цель внешней политики Бонна – после-

довательное обеспечение полного равноправия ФРГ с державами–победительницами во Второй мировой войне полвека спустя после её окончания, могла быть достигнута лишь при условии сбалансированного подхода к враждующим сторонам в локальных конфликтах и активного сотрудничества со всеми участниками переговорного процесса в поисках мирного урегулирования.

Обстановка в Косово объективно создавала для этого благоприятные предпосылки. Конфликт напрямую не затрагивал интересы традиционных германских партнёров — хорватов и словенцев, что, казалось бы, давало германской дипломатии возможность установить контакты в рамках международных организаций и в двустороннем порядке как с албанцами, так и с сербами. «Германия особо заинтересована в быстром решении конфликта — у нас скопилось почти 150 тыс. беженцев из Косово, причём каждый месяц прибывает ещё по 1-2 тыс. Дальнейшая эскалация конфликта снова сделает Германию их основным убежищем. Уже во время конфликта в Боснии Германия приняла более чем вдвое больше беженцев, чем все остальные члены ЕС вместе взятые», — отмечал тогдашний германский министр иностранных дел К. Кинкель в мае 1998 г.¹³⁰

Всецело поддерживая стремление США сыграть, как и в Боснии и Герцеговине, ведущую роль в диалоге с Белградом и Приштиной, ФРГ отнюдь не игнорировала и необходимость участия в этом России: «Для германской внешней политики, — подчёркивал К. Кинкель, — особо важно сотрудничество с Россией в Контактной группе... Без активного российского содействия никакое длительное решение проблемы Балкан невозможно».

Эту позицию Бонн разделяет со своим привилегированным партнёром в ЕС — Францией, подтвердив её, в частности, в ходе франко-германского саммита в Авиньоне в мае 1998 г. По существу именно в связи с событиями в Косово ось «Париж — Бонн», которая дала глубокую трещину в начале югославского кризиса, на какое-то время возродилась, что подтвердила совместная поездка в СРЮ К. Кинкеля и Ю. Ведрина в ноябре 1997 г. «В том, что касается Косово, к счастью, нет эквивалента разногласий, су-

¹³⁰ Auswärtiges Amt: Pressereferat. 1998, № 271, 9 Mai.

ществовавших между Германией и другими европейскими странами в 1991 г. относительно Хорватии и Боснии», – констатировал Ю. Ведрин¹³¹.

Германия принимала активное участие в работе всех международных организаций и структур, так или иначе задействованных в поисках компромиссного решения по Косово, – ООН, ОБСЕ, ЗЕС, Контактной группы. Бонн полностью поддержал направление в Косово миссии наблюдателей ОБСЕ, в то же время уделяя особое внимание роли Контактной группы, где германские представители изначально пользовались полным равноправием, а также ЕС, в котором ФРГ является экономическим «твёрдым ядром». Разделяя мнение западных держав во главе с США о необходимости применения «кнута» – силовых мер воздействия на враждующие стороны, прежде всего на С. Милошевича, немцы вместе с тем выражали готовность дополнить его «пряником» – обещанием отмены экономических санкций со стороны ЕС, полагая, что «Белград должен знать, что его обратный билет в Европу, международные организации и финансовые институты зависит от его поведения в косовском вопросе»¹³². По мнению германского руководства, такой подход оправдывал себя: на конференции в Рамбуйе (февраль 1999 г.) югославская делегация впервые заявила, что в отдалённой перспективе СРЮ будет, как и все республики бывшей Югославии, стремиться к вступлению в ЕС (Словения с подачи Бонна уже фигурирует в официальном списке шести первоочередных кандидатов).

Что же касается существа политического решения конфликта, то позиция ФРГ сводилась к «сохранению территориальной целостности Югославии, с одной стороны, изменению нынешнего статус-кво в плане далеко идущей автономии и самоуправления Косово – с другой, при осуждении использования силы с любой стороны»¹³³. Наконец, ФРГ не осталась в стороне от более широкого международного измерения косовского конфликта – его взаимосвязи с разработкой новой стратегической концепции

¹³¹ PIC. Declarations – Documents: Bulletin d'information № 165/98 de 27 août 1998. P. 23.

¹³² Auswärtiges Amt: Pressereferat. 1998. № 145/98. 3 Apr.

¹³³ Auswärtiges Amt: Pressereferat. 1998. № 256/98. 6 Mai.

НАТО и «европейской оборонной идентичностью». Конечно, непоколебимая верность Североатлантическому союзу и безоговорочное признание лидерства США в НАТО по-прежнему является фундаментом внешней политики Германии, как это было на протяжении полувека. ФРГ дала согласие на применение альянсом военной силы против СРЮ в качестве средства нажима на Белград, несмотря на то, что ещё в декабре 1998 г. министр иностранных дел левоцентристского правительства Г. Шрёдера Йошка Фишер высказался на сессии Совета НАТО в Брюсселе против превращения косовского прецедента «из исключения в правило», чего упорно добиваются США¹³⁴ (к тому же трудности ведения военных действий на территории Югославии известны Германии лучше, чем кому-либо). Итак, поддерживая США в отношении будущей эволюции НАТО, пробным камнем для которой рискует стать конфликт в Косово, ФРГ в то же время стремится не отрываться от своих европейских партнёров по ЕС.

Начало военных действий НАТО против Югославии, в которых ФРГ приняла гораздо более широкое участие, чем в ходе боснийского конфликта, не перечеркнуло особый характер германского подхода к косовской проблеме. Оказавшись наряду с Италией основной страной приёма косовских беженцев, ФРГ взяла на себя нелёгкую задачу координации гуманитарной помощи жертвам конфликта со стороны государств – членов ЕС.

В качестве председателя ЕС канцлер ФРГ Г. Шрёдер в апреле 1999 г. принял российского премьера Е. Примакова после визита последнего в Белград. Несмотря на то что переданные Г. Шрёдеру предложения президента СРЮ были отклонены НАТО как недостаточные, ФРГ стремится сохранить роль выразителя не только общих для стран НАТО, но и специфических европейских интересов в диалоге с Россией по ситуации в Косово и Югославии. Именно эта задача была в центре переговоров в Москве статс-секретаря МИД ФРГ В. Ишингера, последовавших вскоре после апрельской миссии Е. Примакова в Белград и Бонн. Германский представитель первым на Западе заявил, что допускает возмож-

¹³⁴ Whitney C.R. A Cool Response to U.S. Strategy. Intern. Herald Tribune, 1998, 9 Nov.

ность введения в Косово многонациональных миротворческих сил под флагом ООН и/или ОБСЕ, а не НАТО. Одновременно Европейский союз по инициативе Германии выдвинул план комплексного решения косовской проблемы, которое затрагивало бы не только СРЮ, но и другие балканские страны, при финансовой поддержке со стороны ЕС.

Лондон между Парижем и Вашингтоном

Британские правящие круги уделяли Югославии повышенное внимание ещё во время Второй мировой войны, когда англичане в лице генерала Ф. Маклейна поддерживали тесный контакт сначала с некоммунистическим движением сопротивления германским оккупантам во главе с Д. Михайловичем, а затем и с И. Тито, делая ставку на его стремление к автономии от Москвы, которое вылилось в 1948 г. в разрыв с И. Сталиным. Естественно, что распад бывшей Югославии в 1991 г. не мог пройти мимо внимания Лондона, сохранившего традиционные связи как с Сербией, так и с её бывшими партнёрами по федерации.

Позиция Великобритании по косовскому конфликту, как и по большинству других международных проблем, определялась попытками сочетать неукоснительное равнение на США в НАТО с постепенным сближением со странами континентальной Европы в процессе евростроительства. На предыдущих стадиях югославского кризиса такое сочетание достигалось со сравнительно ограниченными издержками: в ходе конфликтов, вызванных провозглашением независимости Хорватией и Словенией, США держались на втором плане, что давало возможность Лондону играть излюбленную им роль арбитра между двумя ведущими континентальными партнёрами по ЕС – Францией и ФРГ.

Однако уже в ходе кризиса в Боснии и Герцеговине, когда Вашингтон открыто выступил на авансцену, Лондон впервые за долгое время счёл необходимым несколько дистанцироваться от него, сблизившись с Парижем и приняв активное участие в многонациональных (фактически западноевропейских) Силах быстрого реагирования НАТО. В своих воспоминаниях бывший командующий миротворческими силами ООН в Боснии и Герцеговине британский генерал Майкл Роуз утверждает, что первоначально

англичане ещё более жёстко, чем французы, возражали против массированных бомбардировок сербских позиций авиацией НАТО. Только после избрания Ж. Ширака в 1995 г. на пост президента Франции и поворота во французской политике в Боснии и Герцеговине позиция Лондона претерпела определённые изменения.

С развёртыванием кризиса в Косово положение британской дипломатии ещё более осложнилось, причём даже не столько из-за конфликтной ситуации в самом крае, сколько из-за её международного контекста. Обострение конфронтации между Белградом и косовскими албанцами совпало по времени, с одной стороны, с началом американского зондажа насчёт новой стратегической концепции НАТО (официально первыми её ещё в 1997 г. озвучили тогдашний госсекретарь США У. Кристофер и министр обороны Уильям Перри), а с другой – со вступлением в решающую фазу процесса перехода ЕС к единой валюте. Хотя эти процессы развивались в разных плоскостях – один в военно-политической, другой в финансово-экономической, и на первый взгляд, казалось, никак не пересекались, проблема выбора между Америкой и Европой, преследовавшая британскую дипломатию на протяжении всей второй половины XX в., не могла не обостриться: «Дело в том, что глобализация стратегии США идёт параллельно экономической глобализации. Она подкрепляет некоторые грандиозные американские идеи международной интеграции под лидерством Соединённых Штатов, обсуждавшиеся ещё со времён Теодора Рузвельта и Вудро Вильсона» – отмечал в этой связи обозреватель «International Herald Tribune» Уильям Пфафф¹³⁵.

Эта проблема, которую оказались не в состоянии решить консерваторы Маргарет Тэтчер и Джон Мэйджор, со всей остротой встала перед лейбористским правительством Т. Блэра. Не скрывая своих проевропейских взглядов, в том числе насчёт желательности присоединения Великобритании в более или менее отдалённой перспективе к 11 государствам, которые ввели у себя единую валюту («Евролэнду»), Т. Блэр отдавал себе отчёт в том, что значительная часть его собственной партии, не говоря уже о кон-

¹³⁵ Pfaff W. Washington's New Vision for NATO Could Be Divisive. Intern. Herald Tribune, 1998, 5-6 Dec.

сервативной оппозиции, относится к евростроительству скептически, если не откровенно враждебно. Будучи трезвым прагматиком, глава британского правительства избрал двойственную тактику: каждый его шаг в сторону Европы сопровождался демонстрацией непоколебимой «англосаксонской солидарности» с США, дополняемой историческими связями со странами Содружества.

Именно так было в ходе англо-французской встречи на высшем уровне в Сен-Мало (декабрь 1998 г.), на которой британская сторона поддержала инициативу Парижа относительно «европейской оборонной идентичности». В Сен-Мало Т. Блэр заявил о фактическом отказе Лондона от многолетнего неприятия французских идей относительно автономной обороны в рамках НАТО, но в то же время подтвердил сохранение привилегированных отношений Великобритании с Соединёнными Штатами в качестве стратегической цели Великобритании¹³⁶.

Это положение «между двух стульев» вызвало острую полемику в самой Англии. Бывший министр обороны в правительстве тори Майкл Портилло резко критиковал страны Западной Европы (и прежде всего Францию), которые выступают за «европейскую оборонную идентичность», обвиняя их в вынашивании планов создания «мощного европейского блока, предлагающего миру альтернативу экономической и внешней политике Америки». Со своей стороны известный публицист Филипп Боуринг клеймил «рабскую преданность Америке», задавая вопрос: «Почему Лондон смотрит на Вашингтон вместо того, чтобы идти к своему европейскому будущему и способствовать формированию общей европейской политики?»¹³⁷.

Наибольшую остроту эта полемика приобрела в момент нанесения военных ударов по Ираку в декабре 1998 г. (операция «Лиса в пустыне»), когда к Вашингтону присоединился только Лондон, тогда как остальные европейские страны либо ограничились словесной поддержкой (ФРГ), либо даже осудили действия США

¹³⁶ Практически Лондон склонял Париж к тому, чтобы демонтировать ЗЕС, полностью интегрировав его в структуры ЕС. См.: Whitney C.R. U.S., France and Britain: Tangle of Friendship and Suspicion. Intern. Herald Tribune, 1998, 7 Dec.

¹³⁷ Bowing Ph. Britain's Slavish Devotion to America. Intern. Herald Tribune, 1998, 19-20 Dec.

(Франция). В этих условиях Т. Блэр прибёг к своей обычной тактике: продемонстрировав солидарность с США на Ближнем Востоке, он, как бы в порядке компенсации, сделал жест в сторону Европы, подтвердив поддержку Великобританией «европейской оборонной идентичности», сформулированную ранее в ходе франко-британского саммита в Сен-Мало (сама инициатива созыва которого исходила от Лондона), а главное взяв курс на более тесное взаимодействие с европейцами в косовском вопросе. Именно тогда родилась идея созыва международной конференции в Рамбуйе под франко-британским сопредседательством, где представители всех шести стран – членов Контактной группы предъявили бы делегациям враждующих сторон согласованный план мирного урегулирования с жёсткими временными рамками. Британский министр иностранных дел Робин Кук активизировал контакты со всеми участниками переговорного процесса, в том числе с Белградом. В итоге политика Великобритании в косовском конфликте приобрела относительно сбалансированный характер, вполне совместимый с позициями её партнёров по ЕС.

Позиция Италии по косовскому вопросу

То же относится к политике Италии – четвёртой западноевропейской страны – участницы Контактной группы, вошедшей в её состав позже других членов ЕС. Пристально следя за эволюцией югославского кризиса с самого его начала, итальянская дипломатия исходила, прежде всего, из очевидных геополитических интересов своей страны – непосредственного соседства с очагом первого вооружённого конфликта в Европе после окончания холодной войны.

Как у Франции или Германии, этот интерес подкрепляется давними историческими традициями. После Первой мировой войны Италия претендовала на часть восточного побережья Адриатики (Иллирию), захватив Триест и Трентино, после Второй мировой войны долгое время конфликтовала с Югославией из-за Триеста. На начальных стадиях югославского кризиса симпатии Италии (не без влияния Ватикана) были, безусловно, на стороне католиков-хорватов в их борьбе против православных сербов.

Из других исторических фактов большое значение для форми-

рования позиции Италии по косовскому вопросу имела аннексия Албании фашистским режимом Б. Муссолини в 1939 г.¹³⁸ Хотя итальянская оккупация продолжалась только до 1943 г., когда Италия была освобождена союзниками, а её войска в Албании сменили силы вермахта, после Второй мировой войны между двумя странами сохранялись тесные экономические и культурные связи, не прерывавшиеся полностью даже в период правления ортодоксального коммунистического режима Э. Ходжи и тем более после его падения. Италия, наряду с Германией, всегда оставалась основным центром притяжения иммигрантов-албанцев, нелегальный поток которых через Адриатику резко увеличивался в периоды тяжёлого внутреннего кризиса в Албании, обострившегося в 1997 г., а затем в ходе косовского конфликта.

Неудивительно, что с началом конфликта в Косово Италия, пытавшаяся приостановить этот нескончаемый поток беженцев, в том числе военно-полицейскими мерами, склонялась скорее принять сторону косовских албанцев. Итальянская печать акцентировала внимание общественности на «ответственности СРЮ за отсутствие компромисса» и на действиях югославской полиции несравнимо больше, чем на террористических акциях албанских сепаратистов из Освободительной армии Косово¹³⁹. Вместе с другими западноевропейскими странами – членами Контактной группы Италия поддержала принятое под нажимом США решение об использовании военной силы против СРЮ в целях давления на сербскую сторону.

Тем не менее, заинтересованность в скорейшем мирном урегулировании и стремление сохранить единство действий с остальными членами Контактной группы способствовали формированию более сбалансированного подхода Италии к решению проблемы Косово. Это особенно ощущалось сразу после прихода к власти в 1998 г. левоцентристского правительства Массимо Д'Алема, который, в отличие от своего предшественника Романо Про-

¹³⁸ В момент провозглашения независимости Албании в 1912 г., подтверждённой Лигой Наций в 1920–1921 гг., её отказались признать Италия, Сербия и Греция.

¹³⁹ Konomi A. Rapporto dall'Albania: aspettando un nuovo «principe». Limes in più, 1997, Juigno; Kosovo, la guerra delle tombe. Il Manifesto, 1998, 06.08.

ди, на первых порах старался избегать чересчур обязывающих заявлений насчёт предоставления баз на территории Италии для авиации НАТО в случае её атак на СРЮ. В итальянских СМИ развернулась кампания, обвиняющая США в вооружении боевиков ОАК за счёт средств не только американского или германского происхождения, но и действующих на территории Италии мафиозных структур албанских эмигрантов, получаемых, в частности, путём торговли наркотиками¹⁴⁰.

Главный вопрос, волновавший итальянцев, которые чувствуют моральную ответственность не только за будущее Косово, но и за решение «албанского вопроса» в целом, состоял в том, что предпримет руководство их страны и Запад в целом после применения военных мер к СРЮ. Общественное мнение Италии было обеспокоено тем, что страна «окажется вынужденной вступить в войну против Югославии (Сербии и Черногории) на фланге западного союза без того, чтобы кто-либо по обе стороны Атлантики имел ясное представление о целях и последствиях беспрецедентной военной интервенции в Европе за вторую половину XX в.»¹⁴¹.

Главный редактор авторитетного итальянского журнала «*Limes in riù*» Лучо Караччойо заявил, что ОАК, организующая военные акции в Косово, объективно заинтересована в обострении обстановки, стремясь спровоцировать ракетно-бомбовые удары НАТО по СРЮ и ввод натовских войск в край, чтобы поставить затем не только Белград, но и всё международное сообщество перед свершившимся фактом отделения «Республики Косово» от Сербии и последующего создания Великой Албании. «Я не верю в возможность стабильного решения для Косово вне проекта, охватывающего постюгославское пространство и все Балканы. Знаем ли мы уже, что хотят сделать Запад и Европа, включая Италию, в этом регионе? Серию протекторатов (Босния, Албания, Сербия и т.д.)? Ничейную территорию? Банду авторитарных государств, рай для мафии?... Необходим созыв международной

¹⁴⁰ Gatti F. Dai soldi dell'eroino le armi per il Kosovo. *Corriere della sera*, 1998, 11.07.

¹⁴¹ Caracciolo L. Morire per Pristina? La Trappola – Balcani. *La Repubblica*, 1998, 13.08.

конференции по Балканам, на которой Запад и Россия играли бы решающую роль. Иначе сербские и албанские националисты подготовят более или менее стабильное решение, основанное на разделе территории края», – предупреждал Л. Караччойо¹⁴².

Сознавая ограниченность своих возможностей существенно повлиять на ход событий и стремясь сохранить взаимодействие с партнёрами по Контактной группе, прежде всего с США и странами ЕС, Италия настойчиво старается найти оптимальный подход в косовской проблеме, который надолго стабилизировал бы регион, составной частью которого она себя считает. Отсюда активные поиски оригинальных решений, примиряющих различные, а порой и противоположные интересы враждующих сторон.

Отметим, что весьма важен для итальянской внешней политики коренной поворот в позиции Ватикана по югославскому кризису. В условиях, когда католические народы бывшей Югославии – хорваты и словенцы – давно «вышли из игры», папа Иоанн Павел II изменил прежние подходы римской курии к «югокризису», открыто выступив в пользу политического решения косовской проблемы и призвав, хотя и безуспешно, США и НАТО прекратить бомбардировки СРЮ хотя бы на время пасхальных праздников 1999 г.

* * *

Подводя итоги, можно констатировать, что в ходе косовского конфликта позиции четырёх ведущих западноевропейских держав – членов Контактной группы сблизились больше, чем когда-либо прежде на всём протяжении «югокризиса». Отправляясь от разных исходных рубежей, определяемых различными историческими традициями и геополитическими факторами, они по логике вещей были вынуждены формировать хотя бы наименьший, но всё же общий знаменатель, который позволил бы сохранить атлантическую солидарность с США в рамках НАТО, в том числе в ходе военной операции против СРЮ, не закрывая в то же время возможностей для продолжения диалога с Россией в целях перевода конфликта в политическую плоскость.

Такая линия (отнюдь не означающая, как уже отмечалось, по-

¹⁴² Ibid. *Mediazione USA? Quasi provocazione. Il Manifesto*, 1998, 16.10.

стоянной равноудалённости от враждующих сторон – сербов и албанцев, а тем более от Вашингтона и Москвы) является необходимым условием укрепления позиций Европы в решении судьбоносной проблемы становления многополярного мира XXI в. Оно зависит как от исхода выяснения трансатлантических отношений между Европой и США, так и от места России в новом раскладе сил на мировой арене после холодной войны.

Не случайно сессия совета НАТО в декабре 1998 г. в Брюсселе, где впервые прямо столкнулись новая стратегическая концепция альянса и «европейская оборонная инициатива», практически совпала с 7-й сессией Совета министров иностранных дел ОБСЕ в Осло. Одним из центральных пунктов повестки дня обеих оказалась проблема Косово, куда тогда была отправлена миссия наблюдателей ОБСЕ под прикрытием сил НАТО, развёрнутых в Македонии. Характерно, что в заключительных документах обеих сессий подтверждались как необходимость уважения суверенитета и территориальной целостности Косово, так и расширение автономии края. Как в Брюсселе, так и в Осло европейские страны выразили недвусмысленное стремление к тому, чтобы безопасность континента обеспечивалась впредь не на блоковой, а на общеевропейской основе. На 14-15 ноября 1999 г. назначено проведение очередного саммита ОБСЕ в Стамбуле, на котором планируется принять Хартию европейской безопасности. Смысл Хартии, работа над которой продолжается уже не первый год, состоит в том, чтобы обеспечить тесную координацию и взаимодействие международных организаций, так или иначе имеющих отношение к обеспечению безопасности в Европе – ООН, ОБСЕ, НАТО, ЗЕС, СНГ. Увидит ли свет этот важный документ и насколько он будет эффективным, во многом зависит от исхода конфликта в Косово и урегулирования затянувшегося кризиса в бывшей Югославии в целом. В связи с этим особый интерес представляет ведущаяся в штаб-квартире Евросоюза работа над планом не только урегулирования конфликта в Косово, но и подписания Балканского пакта стабильности, странам-участницам которого могла бы была оказана помощь со стороны ЕС.

ГЛАВА 12. ФРАНЦИЯ И США: ИСПЫТАНИЕ ИРАКОМ*

Во время военных кампаний НАТО в бывшей Югославии служба информации Альянса обогатила лексикон аккредитованных при ней журналистов новым дипломатическим термином – «побочный ущерб». Под этим изящным выражением, позаимствованным из бухгалтерии, имеются в виду незапланированные разрушения ракетно-бомбовыми ударами гражданских объектов и связанные с ними жертвы среди мирного населения.

В ходе боевых действий англо-американской коалиции против Ирака, начавшихся 20 марта 2003 г. и закончившихся всего три недели спустя успешным достижением целей нападающей стороны, объём этого «побочного ущерба» оказался на удивление скромным. Грозная, казалось бы, армия С. Хуссейна рассеялась, как мираж в пустыне, вместе с самим диктатором и его режимом. Из пострадавших гражданских объектов наибольшее сожаление в мире вызвала лишь судьба уникального музея древностей в Багдаде, разграбленного местными мародёрами при полном равнодушии американских солдат.

Впрочем, одной военной победой иракскую проблему (равно как и косовскую или афганскую) не решить. Формирование в этнически и конфессионально пёстрой стране с полностью разрушенной 20 годами войн и эмбарго экономикой хоть сколько-нибудь легитимного, дееспособного правительства будет делом долгим, сложным и неблагодарным. Стихийное, а отчасти и организованное сопротивление иракцев оккупационному режиму нарастает. В перспективе оно может обойтись американцам по части потерь и расходов дороже, чем сами военные действия.

В таких условиях в Вашингтоне начинают подумывать о целесообразности интернационализации процесса восстановления Ирака в рамках международных структур – ООН и НАТО, что позволило бы разделить ответственность и расходы. В Ирак прибы-

* Бюллетень «Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы», ИНИОН РАН, № 9, 2003 г.

ли польская бригада с участием украинских и прочих контингентов, японский вспомогательный батальон. Готовность рассмотреть вопрос о своём присутствии в случае соответствующего решения СБ ООН выразила Россия. Об этом «ястребы» из неоконсервативного крыла нынешней республиканской администрации ещё недавно и слышать не хотели.

Кстати, самый затяжной конфликт на Ближнем Востоке – арабо-израильский, который лихорадит весь регион на протяжении полувека, уже в значительной мере интернационализирован. Коллективным автором плана его политического урегулирования, т.н. «дорожной карты», конечной целью которого является создание к 2005 г. Палестинского государства, выступает «квартет» в составе ООН, ЕС, США и России. Первые, пока ещё робкие шаги к возобновлению диалога враждующих сторон по «дорожной карте» уже сделаны, однако каждый день приходится узнавать о нарушении перемирия.

Распространению этого прецедента на Ирак мешает «побочный ущерб» прошедшей войны, причём не материальный, а морально-политический. Речь идёт о глубокой трещине в евро-атлантическом сообществе, серьёзно осложнившей отношения между партнёрами по НАТО, прежде всего, США и Францией.

На первых порах могло казаться, что цели Вашингтона и Парижа в иракской проблеме близки, а разногласия касаются лишь способов их достижения. На дипломатической стадии конфликта речь шла о том, чтобы обеспечить выполнение Багдадом резолюций СБ ООН, принятых после первой войны в Персидском заливе (1991 г.), о лишении Ирака оружия массового уничтожения (атомного, химического, бактериологического). Проверка этого возлагалась на миссию инспектора ООН, выдворенную С. Хусейном из Ирака в 1998 г., но вернувшуюся четыре года спустя под давлением международного сообщества и вновь приступившую к работе.

Американцы и французы были согласны в том, что при попытках С. Хусейна уклониться от сотрудничества с миссией инспекторов к Ираку должны быть применены все средства принуждения, включая военную силу. Именно таким был смысл резолюции 1441, принятой СБ ООН 7 ноября 2002 г. единогласно,

включая голоса всех его пяти постоянных членов – США, России, Великобритании, Франции и Китая.

Президент Франции Ж. Ширак заявил в этой связи, что вооружённые силы его страны должны быть готовы к любому повороту событий. В интервью американскому еженедельнику «Тайм» от 24 февраля 2003 г. он подчёркивал: «Франция – не пацифистская страна. В настоящее время мы имеем на Балканах больше войск, чем американцы. Очевидно также, что Франция – не антиамериканская страна. Она является верным другом Соединённых Штатов и всегда была им. Франция не намерена поддерживать диктаторские режимы в Ираке и где бы то ни было ещё. У нас нет и разногласий насчёт задачи лишения С. Хусейна оружия массового уничтожения... Но мы не думаем, что эта цель может быть достигнута навязыванием войны».

Однако в Вашингтоне обратили внимание только на последнюю фразу, вызвавшую в Белом Доме, и особенно в Пентагоне, нескрываемое раздражение. Конечно, вопрос о наличии у Багдада ОМУ и опасность передачи его международным террористам, безусловно, тревожили американскую общественность после трагедии 11 сентября 2001 г.

Но он отнюдь не был главным мотивом, лежавшим в основе политики США. Задолго до терактов 11 сентября 2001 г. в вашингтонских коридорах власти активно действовало влиятельное лобби, добивавшееся не просто разоружения, а устранения режима С. Хусейна. Странники силовой акции против Багдада видели в ней наилучший способ решить одним ударом весь комплекс региональных проблем – от надёжной гарантии безопасности Израиля до «пересдачи геополитических карт» в регионе на случай краха режима Саудовской Аравии, который поставил бы под удар жизненно важные нефтяные интересы США.

А здесь позиции США и Франции разошлись всерьёз. Дело не просто в том, что Париж издавна являлся одним из главных экономических партнёров Ирака, продавая ему сначала вооружения, затем продовольствие в обмен на нефть. В конце концов, нынешний министр обороны США Д. Рамсфельд сам посещал 20 лет назад Багдад и встречался с С. Хусейном, поддерживая его в войне против хомейнистского Ирана.

Одиозный диктаторский характер багдадского режима никогда не вызывал сомнений ни в Вашингтоне, ни в Париже, совместно выступивших против него во время предыдущей войны в Персидском заливе (1991 г.). Что же изменилось с тех пор?

Во-первых, усугубились нюансы в подходах США и Франции к арабскому миру вообще и к арабо-израильскому конфликту в частности. Вашингтон видит своего стратегического союзника прежде всего в Израиле, тогда как Париж склоняется к сбалансированному учёту позиций обеих сторон, в частности арабов. Не последнюю роль в этом играют традиционно тесные связи Франции с её бывшими владениями в арабском мире – Магрибом, Сирией, Ливаном, наличие у неё многочисленной мусульманской диаспоры (3,5 млн человек, а с принявшими французское гражданство – 6 млн, т.е. 10% населения страны).

Во-вторых, в последние годы США явно взяли курс на проникновение в страны Тропической Африки, в том числе франкоязычной, особенно туда, где есть запасы нефти. Париж всегда рассматривал их как сферу своего преимущественного влияния. Американские представители появились на островах Сан Томе и Принсипи, откуда контролируется терминал нефтепровода из Чада и Камеруна, строящегося американскими компаниями, обосновываются по соседству с французской военной базой в Джибути на выходе из Красного моря, поддерживают оппозицию профранцузским режимам в нефтеносном Габоне, в Кот д'Ивуар, в своём давнем плацдарме – Либерии, где выступают в роли примирителей в бушующей, как ранее в Кот д'Ивуар, гражданской войне. Проведение африканского саммита в Париже, поездки президентов Ж. Ширака и Дж. Буша по странам Тропической Африки в разгар иракского кризиса вряд ли можно считать случайным совпадением.

В-третьих, Франция, располагающая сильным военно-промышленным комплексом, выступает конкурентом США на мировых рынках вооружений. В ЕС Париж активнее всех проталкивает проведение единой политики обороны и безопасности, задачей которой является создание автономных европейских сил быстрого реагирования численностью до 60 тыс. человек, которые могли бы участвовать в миротворческих операциях без США.

Франция была также инициатором создания европейского спутника космического наблюдения «Гелиос» – конкурента аналогичной американской системы. Неудивительно, что французский подход к проблемам евростроительства вызывает в Вашингтоне, по меньшей мере, прохладный приём. Франция играет роль основного оппонента США и в вопросах единой сельскохозяйственной политики ЕС, из которой она, как первый производитель продукции АПК в Европе, извлекает наибольшие выгоды в ущерб интересам американских экспортёров.

И всё же сами по себе эти факторы, и ранее бросавшие тень на франко-американские отношения, вряд ли приобрели бы характер жёсткого противостояния только из-за дополнительных различий в подходе к выбору оптимального способа решения иракской проблемы – политического или военного. Дело в том, что этот вопрос вышел далеко за рамки Ирака, вылившись в столкновение основополагающих принципов мироустройства в XXI в.: однополярного с центром в США или многополярного. «Любое сообщество с единственной доминирующей державой всегда опасно, вызывая реакцию. Поэтому я выступаю в пользу многополярного мира, в котором Европа, очевидно, имеет своё место», – заявил Ж. Ширак в уже упоминавшемся интервью «Тайм». Выступая в лондонском Международном институте стратегических исследований, министр иностранных дел Франции Д. де Вильпен пошёл ещё дальше, прямо поставив вопрос: что будет определять в будущем отношения между государствами – сила права или право силы?

Здесь Франция не рисковала остаться в одиночестве. 23 января 2003 г. на торжественной церемонии в Париже по случаю 40-летия Елисейского договора между Францией и ФРГ Ж. Ширак и германский канцлер Г. Шрёдер совместно выступили в поддержку политического решения иракского вопроса. Разумеется, каждый исходил при этом из собственных интересов: Г. Шрёдер думал, прежде всего, о выборах в бундестаг, где социал-демократы остро нуждались в голосах их пацифистски настроенных союзников по правящей коалиции – «зелёных». Однако сам факт превращения франко-германского тандема, всегда служившего мотором процесса евростроительства, в автономную силу, не мог

не настораживать США: ведь ещё в середине 1990-х гг. бывший советник президента Дж. Картера по национальной безопасности З. Бжезинский считал этот тандем надёжным плацдармом Соединённых Штатов на западе Евразии.

К Франции и Германии присоединились Бельгия и Люксембург, поддержавшие планы создания «европейской обороны».

Несмотря на проамериканскую позицию «восьмёрки» стран Западной Европы во главе с Великобританией, Италией и Испанией, а также «десятки» посткоммунистических стран Центральной и Восточной Европы – кандидатов на вступление в НАТО, США поддержали по иракскому вопросу всего 18 европейских государств из 44. Наконец, за поиски политического решения высказались такие державы, как Россия и Китай, всегда выступавшие, кстати, в защиту концепции многополярного мира.

Дальнейший ход событий известен. Не добившись от миссии инспекторов ООН констатации факта наличия у Багдада ОМУ, США, Великобритания и Испания внесли в СБ ООН проект новой резолюции, обвинявшей Ирак в сознательном саботаже её деятельности, что давало зелёный свет применению силы. В ответ три постоянных члена СБ из пяти (Франция, Россия и Китай) заявили о своём намерении голосовать против. Оказавшись не в состоянии собрать даже «моральное» большинство с помощью непостоянных членов СБ – 9 из 15 голосов, авторы резолюции предпочли отозвать её. Президент Дж. Буш заявил, что США готовы применить силу в любом случае – с санкции ООН или без неё, причём главной целью такой акции будет не столько разоружение Ирака, сколько смена его правящего режима. Неделю спустя первые ракетно-бомбовые удары англо-американской коалиции обрушились на Багдад.

Окончание боевых действий открыло, казалось, путь к возобновлению диалога между вчерашними оппонентами по иракской проблеме. В ходе встречи глав государств и правительств 40 стран, собравшихся на берегах Невы по случаю 300-летия Санкт-Петербурга, затем на очередной сессии «восьмёрки» на берегах озера Леман во французском курортном городке Эвиан-ле-Бен, иракский вопрос отгеснили на второй план более актуальные проблемы – пути выхода мировой экономики из депрессии, помощь

беднейшим африканским странам, борьба против международного терроризма и т.д. Контакты Дж. Буша с В. Путиным, визиты в Вашингтон премьер-министров Великобритании Т. Блэра и Италии С. Берлускони, германского министра иностранных дел Й. Фишера закрыли, казалось бы, главу болезненных воспоминаний о недавнем противостоянии.

Тем не менее, в отношении Франции вашингтонские «ястребы» оставались непримиримы: «Простить Россию, игнорировать Германию, наказать Францию», – так сформулировала кредо администрации США советник президента ж. Буша по национальной безопасности К. Райс. Смысл этой лапидарной формулы очевиден: избрать Францию как наименее сильного, но самого активного оппонента по Ираку в качестве «козла отпущения», изолировав её и преподав на её примере урок всем другим потенциальным оппонентам. Даже госсекретарь К. Пауэлл, считавшийся «голубем» на фоне его коллеги из Пентагона Д. Рамсфельда, неоднократно повторял, что после иракского кризиса франко-американские отношения не будут такими же, как до него.

В конгрессе США раздавались гневные призывы принять против Франции репрессивные меры, свернуть военно-техническое сотрудничество с ней в рамках НАТО, перенести обсуждение ряда оборонных вопросов в структуры Альянса, где французы со времён Ш. де Голля отсутствуют (Комитет военного планирования), наконец, вывести американские капиталы с французских финансовых рынков. Всерьёз обсуждались даже такие нелепые идеи, как исключение Франции из Североатлантического союза или замена её постоянного места в СБ ООН единым представительством ЕС.

В американских СМИ развернулась беспрецедентная анти-французская кампания, тон которой задавала бульварная пресса австралийского медиамагната Р. Мердока, контролирующего также ряд ведущих британских газет. Французов обвиняла во всех смертных грехах, прежде всего, в чёрной неблагодарности за американскую военную помощь во время двух мировых и холодной войн. Обозреватель выходящей в Париже «Интернешнл геральд трибюн» Дж. Фитчет, отличающийся умеренным, взвешенным подходом к иракскому кризису, с тревогой задавал вопрос: «Не

идут ли США и Франция к разводу?»).

Однако эти опасения явно преувеличены. Если часть французской элиты, особенно в деловых кругах, также восприняла словесные крайности за Атлантикой с определённой тревогой, то основная масса рядовых граждан, как и руководство страны, отнеслись к ним вполне хладнокровно. Большинство СМИ, независимо от их партийной принадлежности, напоминали американцам, что именно помощь Франции была одним из решающих факторов победы США в войне за независимость от Великобритании. С тех пор США и Франция никогда не сталкивались на полях сражений. Основа их демократических ценностей – Декларация о независимости США и французская Декларация прав человека и гражданина – совпадают почти текстуально.

Напоминая об этом американцам, С. Хоффман, один из самых авторитетных в США знатоков Франции, многие годы учившийся и преподававший в Париже, отмечал: «Иметь союзников, которые беспрекословно выполняют замыслы Вашингтона, не в интересах самой Америки. Ей нужны верные друзья и искренние союзники. И ей необходимо понять, что Франция после 2000 г. всё ещё движется вперёд по рельсам, проложенным Ш. де Голлем – с сильной исполнительной властью, модернизирующимся обществом, лидерством в европейской интеграции и авторством в мировых делах».

К тому же возможности «наказать» Францию, которыми располагает американская «гипердержава», остаются, несмотря на огромный разрыв между их военно-экономическими потенциалами, весьма ограниченными.

Логика евростроительства и глобализации мировой экономики такова, что все ведущие державы оказываются ныне «в одной лодке». Франция не имеет больше своей торговой или валютной политики – её осуществляет ЕС в целом, включающий самых верных партнёров США – Великобританию, Италию, Испанию. За что же «наказывать» заодно и их?

К тому же объём экспорта США во Францию в начале XXI в. составляет 19 млрд долларов, оборот американских корпораций в этой стране – 125 млрд долл. в год, тогда как вывоз французских товаров в Соединённые Штаты – 30 млрд, а оборот обосно-

вавшихся там французских фирм – 193 млрд долл. Так кто кого мог бы больше ущемить? «Наши экономические интересы настолько взаимосвязаны, что я не считаю, будто бы стоим на пороге реального ухудшения», – отмечал в газете «Монд» председатель федерации машиностроительных предприятий Франции И. Жакот. Всё-таки Париж – это не Багдад и не Кабул...

За послевоенный период кризисы в американо-французских отношениях бывали уже не раз – в 1954 г. после отказа Национального собрания Франции ратифицировать Договор о создании Европейского оборонительного сообщества, в 1956 г. – во время Суэцкого кризиса, когда Франция, Великобритания и Израиль воевали против Египта, во время президентства Ш. де Голля, который осудил американскую войну во Вьетнаме и вывел Францию из военной организации НАТО. Тем не менее, общность коренных геополитических интересов и моральных ценностей неизменно брала верх: тот же Ш. де Голль твёрдо поддерживал Вашингтон во время берлинского или карибского кризисов.

Так будет, видимо, и сейчас, но с одной немаловажной оговоркой. Во времена холодной войны и биполярного мира Западная Европа, включая Францию, видела в США главную гарантию своей безопасности перед лицом угрозы с Востока, что прочно цементировало дисциплину в Альянсе. Сейчас, когда этой угрозы больше нет, новые глобальные вызовы диктуют иные ответы, солидарность всех партнёров в трансатлантическом и евроазиатском пространствах может строиться только на более сбалансированных основаниях.

Недаром президент Дж. Буш в речи 8 сентября 2003 г. призвал союзников США, которые ранее критиковали военную операцию (т.е., очевидно, Францию, Германию и Россию), оставить разногласия в прошлом и совместно работать над нормализацией обстановки в Ираке. Эти жесты нашли позитивный отклик в Париже, который выдвигает, как и Россия, в качестве условия расширение роли и ответственности ООН. Судя по всему, Вашингтон готов к определённому компромиссу в данном вопросе, скреплённому новой резолюцией СБ ООН.

ГЛАВА 13. ГЕРМАНО-ПОЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И «ВЕЙМАРСКИЙ ТРЕУГОЛЬНИК»*

Четверть века назад, 28 августа 1991 г., тогдашние министры иностранных дел Польши Кшиштоф Скубишевский, Франции Ролан Дюма и ФРГ Ганс-Дитрих Геншер встретились в Веймаре, чтобы подписать соглашение о регулярных консультациях по важнейшим международным вопросам. Этот механизм, получивший название «Веймарского треугольника», функционирует с тех пор бесперебойно, хотя его эффективность, зависящая от меняющегося баланса интересов и сил участников, колеблется в весьма широком диапазоне.

Изначально главной целью создания Веймарского треугольника являлось содействие интеграции Польши, служившей в эпоху биполярного мира оплотом советского влияния в Восточной Европе в рамках СЭВ и ОВД, в евроатлантические структуры – ЕС и НАТО. Инициатива создания треугольника принадлежала, прежде всего, Германии, стремившейся после своего воссоединения снять у ближайших соседей на западе и востоке какие-либо сомнения в решимости немцев навсегда подвести черту под трагическим наследием прошлого, прежде всего Второй мировой войны, начавшейся вторжением Гитлера в Польшу и её очередным разделом, гарантировать незыблемость послевоенных границ и необратимость продолжения процесса евростроительства как вглубь, так и вширь.

В свою очередь, для Франции, союзника Польши в межвоенный период, «Веймарский треугольник» представлялся логическим продолжением политики «примирения» с Германией, закреплённой Елисейским договором от 22 января 1963 г. и служившей мотором европейской интеграции в целом. В то же время Париж усматривал в треугольнике определённую гарантию от чрезмерного крена политики объединённой Германии на восток, в сторону традиционной сферы германских экономических

* Аналитическая записка № 24(54), 2016. Дата выпуска: 27 июля 2016 г.; Современная Европа, № 1(73), 2017. С. 123-126.

и политических интересов в Центральной и Восточной Европе (Mitteleuropa) в ущерб основному вектору европейской политики Франции, направленному на юг к Средиземноморью и Африке.

Наконец, правящие круги посткоммунистической Польши усматривали в «Веймарском треугольнике» благоприятную возможность расширить свободу своего манёвра между двумя ведущими державами в ЕС и выступать в роли представителя интересов всех остальных бывших соцстран ЦВЕ – Венгрии, Чехии и Словакии, объединённых практически одновременно в рамках Вышеградской группы.

Выбор Веймара для создания этой дипломатической комбинации диктовался историко-культурными реминисценциями, призванными подчеркнуть общность миролюбивых, демократических и гуманистических ценностей участников (родина Гёте и Шиллера, история Веймарской республики), тогда как близость нацистского концлагеря Бухенвальд символизировала память о трагедиях прошлого.

Полтора десятилетия спустя могло оказаться, что основная задача, которая ставилась перед «Веймарским треугольником» при его создании, успешно решена: Польша, как и другие страны ЦВЕ, стала полноправным членом ЕС и НАТО. Символом этого стал приход бывшего премьер-министра Польши Дональда Туска на ключевой пост председателя Евросовета. Тем не менее, между «старыми» и «новыми» участниками евроатлантических структур сохраняются заметные различия, как в уровнях социально-экономического развития, так и в политической культуре, которая даёт о себе знать между вершинами Веймарского треугольника, остающегося разносторонним.

Польша, как и остальные члены Вышеградской группы, кроме Словакии, так и не перешла на единую европейскую валюту, оставшись за бортом Еврозоны, главными создателями которой были Франция и Германия. Несмотря на присоединение стран ЦВЕ к шенгенскому пространству, Вышеградская четвёрка во главе с Польшей решительно отвергла общий подход ЕС к проблеме иммиграции, вдохновительницей которого выступила канцлер ФРГ Ангела Меркель. Попытки придания ЕС автономного военно-политического измерения (общая внешняя политика, общая

политика обороны и безопасности – ОПВБ, закреплённые в Амстердамском договоре 1997 г.) столкнулись с ориентацией польского государства на абсолютный приоритет США и НАТО в обеспечении европейской безопасности и кризисы за пределами объединённой Европы. Эти расхождения усугубились с приходом к власти в Польше и Венгрии правоконсервативных партий, не скрывающих скептицизма в отношении многих либеральных ценностей европеизма.

Однозначно проамериканская ориентация внешней политики Варшавы влечёт порой определённые издержки в её взаимодействии с партнёрами по Веймарскому треугольнику. Так было, например, в 2003 г., когда Франция и Германия осудили вторжение «коалиции добровольцев» во главе с США в Ирак, а Польша примкнула к ней. Ещё более очевидно, такие нюансы, скорее тактические, нежели принципиальные, дают о себе знать при выборе подходов ЕС и НАТО к государствам постсоветского пространства и тем самым к России.

На саммите НАТО в Бухаресте (2008 г.) Польша активно поддержала требования США о предоставлении Украине и Грузии статуса участниц плана по подготовке к членству в НАТО, тогда как Франция и Германия выступили против этого. К концу нулевых годов XXI в. основные усилия по включению ряда постсоветских государств в евроатлантические структуры перешли главным образом к Евросоюзу, приняв форму политики «Восточного соседства», а затем «партнёрства», где Польша при поддержке Германии играла наиболее активную роль, тогда как Франция воспринимала её с определёнными оговорками.

Как известно, именно этот курс стал отправной точкой развязывания острого кризиса на Украине и вокруг неё. Отсрочка подписания соглашения о партнёрстве с ЕС тогдашним украинским президентом Януковичем в Вильнюсе в ноябре 2013 г. вызвала массовые протесты в Киеве, в ходе которых были жертвы. Лидеры стран «Веймарского треугольника», активно поддержавшие «евромайдан», направили 21 февраля 2014 г. посредническую миссию в столицу Украины в составе министров иностранных дел Франции, Германии и Польши (Фабиус, Штайнмайер, Сикорский). Однако достигнутое с их помощью компромиссное согла-

шение не продержалось и нескольких часов.

Дальнейший ход событий известен: насильственная смена власти на Украине вызвала острую реакцию со стороны РФ (Крым, Донбасс) и встречные антироссийские меры западных держав (экономические и иные санкции), вылившиеся в новый виток международной напряжённости в Европе и в мире.

На первых порах могло казаться, что в таких условиях «Веймарский треугольник» приобретёт новое дыхание, став одним из основных инструментов общей политики Запада в украинских делах. В начале марта 2014 г. главы внешнеполитических ведомств трёх стран провели очередное совещание, обсудив события на Украине и будущее программ «Восточного партнёрства». Однако дальнейшее обострение ситуации на востоке Украины показало, что поиски выхода Запада из тупика в трёхстороннем формате бесперспективны. Ответственность за это ложилась, прежде всего, на Польшу, которая стремилась выступать в роли ведущего и в то же время самого жёсткого игрока со стороны Запада не только по украинским делам, но и в определении «Восточной политики» ЕС и НАТО в целом. В таких условиях возобновление диалога с Россией потребовало от партнёров Польши по треугольнику поисков нового инструмента, в котором Варшаве уже не было места.

Именно таким инструментом стал «нормандский формат», исходной точкой которого стала встреча лидеров России, Германии, Франции и Украины в ходе торжеств по случаю 70-летия высадки союзников в Нормандии в ходе Второй мировой войны (июнь 2014 г.). В этом формате, инициированном французским президентом Франсуа Олландом, были достигнуты в Минске в феврале 2015 г. соглашения по комплексному урегулированию кризиса на востоке Украины. Хотя выполнение Минских соглашений сталкивается с немалыми трудностями, замены им пока не видно.

Выпадение Польши из «нормандского формата» явно снижает роль «Веймарского треугольника» как одного из компонентов процесса становления новой структуры международных отношений в Европе после «холодной войны». Однако окончательно списывать его в архив было бы всё же преждевременно – он всё

ещё остаётся одним из резервных инструментов, которым участники могут при определённых обстоятельствах воспользоваться снова.

ГЛАВА 14. РОССИЯ И ФРАНКО-ГЕРМАНСКИЙ ТАНДЕМ: ИСТОРИЯ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ*

Создание надёжной системы европейской безопасности всегда было и остаётся одним из важнейших приоритетов России на международной арене. Это ещё раз подтверждает Концепция внешней политики Российской Федерации, подписанная президентом РФ Д.А. Медведевым 12 июня 2008 г.: «Главной целью российской внешней политики на европейском направлении является создание по-настоящему открытой, демократической системы общерегиональной коллективной безопасности и сотрудничества, обеспечивающей единство Евро-Атлантического региона – от Ванкувера до Владивостока, не допуская его фрагментации и воспроизводства прежних блоковых подходов, инерция которых сохраняется в нынешней европейской архитектуре, сложившейся в эпоху “холодной войны”. Именно на это направлена инициатива заключения Договора о европейской безопасности, старт разработке которого можно было бы дать на общеевропейском саммите»¹⁴³.

Особое внимание России к европейскому направлению её внешней политики определяется объективными факторами. Если $\frac{2}{3}$ российской территории и основные природные ресурсы страны находятся в Азии, то $\frac{3}{5}$ её населения и хозяйственного потенциала сосредоточены в Европе. На страны Евросоюза приходится более половины объёма внешнеэкономических связей РФ, составляющих треть её ВВП.

Из Европы не раз исходили как угрозы безопасности России,

* Современная Европа, № 4(40), октябрь-декабрь 2009 г. С. 38-45.

¹⁴³ МИД РФ. Концепция внешней политики Российской Федерации.

так и импульсы к модернизации её социально-экономических и политических структур. Хотя последние заметно отличаются от западноевропейских стандартов, что связано с разными историческими путями становления государственности на западе и востоке континента, культура, а вместе с ней и фундаментальные ценностные ориентиры России являются неотъемлемой частью европейской цивилизации с её христианскими корнями.

Среди 44 государств, составляющих современную Европу, главными партнёрами России, как её союзниками, так и противниками, издавна являлись две ведущие континентальные державы – Германия и Франция.

Причины этого уходят в далёкие времена. С Францией и Германией неразрывно связаны самые драматические и в то же время героические страницы российской истории – Отечественные войны 1812 г. и 1941–1945 гг., в ходе которых вражеские армии доходили до Москвы, а российские – до Парижа и Берлина. Несмотря на огромные жертвы, обе Отечественные войны, закончившиеся победами России, остались в исторической памяти её народа как вершины величия и славы страны. Поэтому в отношении к бывшим противникам в них – французам и немцам – у россиян позитивные коннотации: уважение, нередко и симпатия, явно преобладают над негативными.

Для этого есть и другие веские основания. Со времён Петра I династия Романовых вплоть до её последнего представителя Николая II породнялась главным образом с немецкими княжескими фамилиями, одна из представительниц которых – принцесса Ангальт-Цербстская – вошла в историю как императрица «всёя Руси» Екатерина II. Выходцы из немецкого дворянства, особенно многочисленные «балтийские бароны», играли весьма видную роль в придворных кругах Российской империи, её администрации, армии, дипломатии, культуре. Русская дворянская, а потом и разночинная молодёжь XIX в. получала высшее образование не только в отечественных, но и в германских университетах – Гёттингенском, Иенском и многих других. Сотни тысяч немецких крестьян и ремесленников, приглашённых Екатериной II в Россию для освоения новых земель империи, создали процветающие сельскохозяйственные поселения в Причерноморье и Поволжье,

обслуживали русские города, в том числе Санкт-Петербург.

После Великой Французской революции 1789 г. в Россию хлынул поток тысяч эмигрантов-дворян, спасавших свои головы от гильотины якобинского террора. Представители старинных аристократических родов Франции – основатель Одессы герцог Ришелье, губернатор Новороссии граф де Ланжерон, морской министр маркиз де Траверсе, заняли в России важные государственные посты, связанные с управлением отвоёванными у Турции южными землями, прилегавшими к побережью Чёрного моря. Основная масса рядовых французских эмигрантов стали гувернёрами и гувернантками, воспитав целые поколения русского дворянства. Пушкин, создавший современный русский язык, начал говорить и писать по-французски раньше, чем по-русски. Л.Н. Толстой открывает «Войну и мир» беседой в светском салоне по-французски, что среди российской элиты, особенно столичной, даже на бытовом уровне было правилом вплоть до середины XIX в.

На французском велись тогда не только переписка между частными лицами высшего света, но и обмен служебными депешами между российским министерством иностранных дел и послами за рубежом.

В свою очередь, Берлин, затем Париж стали прибежищем видных представителей духовной элиты русского зарубежья – философов, писателей, поэтов, художников, артистов, вынужденных покинуть Россию после революции 1917 г. и гражданской войны, а в последней трети XX в. – эмигрантов «третьей волны» интеллектуального диссидентства, искавших выхода из душной атмосферы позднебрежневского СССР. Они сохранили значительную часть культурного наследия России и внесли немалый вклад во французскую и немецкую культуру.

Исторические и культурные традиции в российско-германских, как и российско-французских связях приобрели ныне прочный экономический фундамент.

Германия, занимающая в 1990-х гг. по объёму ВВП третье место в мире после США и Японии, выдвинулась тогда же на первое по товарному экспорту, в котором доминирует промышленная продукция – машины и оборудование. Несмотря на перенос на фоне глобализации ряда производств из развитых стран в раз-

визающиеся с их дешёвой рабочей силой, ФРГ удалось успешнее, чем многим другим членам ЕС, избежать деиндустриализации, сохранив высокую конкурентоспособность своей экспортной промышленной продукции. Неудивительно, что именно Германия, которая получает из России 40% ввозимых углеводородных энергоносителей, является её главным торговым партнёром.

Франция, превосходя свою восточную соседку по площади, заметно уступает ей по численности населения и объёму ВВП. Но она также располагает весьма внушительным хозяйственным потенциалом. По стоимости экспорта продукции сельского хозяйства Франция занимает второе место в мире после США и первое в Европе. Она лидирует среди стран ЕС в таких ключевых отраслях высоких технологий, как оборонный, авиакосмический, агропромышленный комплекс, ядерная энергетика, скоростной железнодорожный транспорт, строительство, туризм.

В некоторых областях, например атомной энергетике, Россия и Франция не только конкурируют на рынках третьих стран, но и плодотворно сотрудничают между собой, особенно в фундаментальных исследованиях, необходимых для перехода российской экономики на инновационные рельсы. Ведущие французские группы энергетики, автомобилестроения, массовой торговли, банки широко присутствуют на российском рынке.

До тех пор, пока отношения между Францией и Германией, а ранее – Австрией и Пруссией, оставались преимущественно конфликтными, Россия лавировала между ними, с тем чтобы сохранить на континенте равновесие сил, отвечавшее её геостратегическим интересам.

Эта тактика во многом напоминала традиционную политику её главной соперницы в борьбе за влияние в Европе и Азии – Великобритании, которая всегда стремилась выступать в роли арбитра, избегая слишком обязывающих союзов с континентальными державами и склоняясь на сторону более слабых с тем, чтобы не допустить чрезмерного усиления потенциальных претендентов на гегемонию в Европе.

Россия и Англия оказывали сильное влияние, каждая по-своему, на франко-германские отношения, ибо именно от них зависело соотношение сил между соседями по обе стороны Рейна. Гиб-

кая система сдержек и противовесов, получившая название «концерта» держав – Англии, России, Австрии и Пруссии, сформировала европейскую политику на протяжении двух столетий. Однако к началу XX в. «концерт» закончился. После объединения Германии Бисмарком баланс сил между нею и Францией коренным образом изменился. К франко-германскому антагонизму, берущему начало с франко-прусской войны 1870–1871 гг., добавилось морское и колониальное соперничество Германии с Великобританией. В свою очередь, Австро-Венгрия столкнулась с Россией на Балканах в борьбе за наследство Османской империи. Тесное переплетение всех этих конфликтов привело к расколу Европы на две враждебные коалиции – Австро-Венгрия примкнула к Германии, Россия – к Антанте – франко-британскому «Сердечному соглашению».

Результатом оказалась сначала Первая, а 20 лет спустя Вторая мировая война, в ходе которых Россия, затем занявший её место СССР, встали на сторону Франции, с которой их связывали союзные договоры 1891, 1935, 1944 гг.

Итогом обеих мировых войн было не только сокрушительное поражение Германии, но и значительное ослабление Франции, вошедшей в число четырёх великих держав-победительниц, но с большим трудом оправившейся от последствий разгрома 1940 г. Утратив в результате деколонизации свои заморские владения, Франция, как и остальные западноевропейские страны, прежде всего ФРГ, оказалась в сфере влияния США, в значительной мере определявших отношения между ними. В свою очередь, страны Центральной и Восточной Европы, включая часть Германии – ГДР, попали под контроль СССР.

Раскол и Германии и Европы на противоположные общественные системы и военные блоки во главе с двумя сверхдержавами, холодная война между ними сузили свободу действий европейских стран по обе стороны железного занавеса до минимума. Тем не менее, даже в условиях биполярного мира объективные геополитические тенденции подспудно давали о себе знать. Это особенно очевидно проявлялось в эволюции отношений между Францией, Германией и Россией (СССР).

Хотя создание двух германских государств и включение их в

соответствующие военно-политические блоки на западе и востоке Европы: ФРГ в НАТО, ГДР – в ОВД, происходило под решающим влиянием Соединённых Штатов и Советского Союза, им приходилось учитывать интересы Франции, разделявшей с ними и Великобританией ответственность за решение германской проблемы.

Потерпев неудачу в попытках ослабить Германию путём её расчленения – отделения Рура, Саара, левого берега Рейна, предпринимавшихся дважды – Клемансо в 1919 г. после окончания Первой мировой войны, де Голлем в 1945 г. после Второй, правящие круги Франции были вынуждены подчиниться требованиям США о слиянии трёх западных оккупационных зон, создании ФРГ, а затем её перевооружении.

Коренной пересмотр франко-германских отношений затруднялся для французов не только грузом болезненных воспоминаний о разгроме 1940 г., оккупации, коллаборационизме и жертвах Сопротивления. Хотя Германия претерпела в ходе Второй мировой войны гораздо большие потери и разрушения, чем Франция, она смогла быстро восстановить экономику на новой технической основе, благодаря американским средствам в рамках плана Маршалла, радикальной денежной реформе и неучастию в первые послевоенные годы в гонке вооружений.

Франция же вынуждена была не только выполнять союзнические обязательства в рамках НАТО по созданию военного противовеса СССР в Европе, но и отвлекать значительные средства от модернизации своей экономики на разорительные и неудачные войны в Индокитае и Алжире. Поэтому даже раскол Германии, резко сокративший её людской и материальный потенциал, не смог помешать изменению баланса сил между соседями в ущерб Франции, способствуя поддержанию у французов недоверия к ней.

Дело было не только в этом, но и в том, что раскол Германии создавал в Европе очаг военно-политической нестабильности. Союзники ФРГ по НАТО, прежде всего Франция, должны были учитывать двойную опасность: втягивание в вооружённый конфликт с СССР за воссоединение Германии или наоборот, нейтрализации последней и её сближение с Москвой в обмен на восстанов-

ление германского единства. Призрак Рапалло и советско-германского пакта о ненападении 1939 г. всегда присутствовал в подсознании французских политиков.

Единственным способом избежать этих рисков было бы тесное сближение с вчерашним противником, ограничивающее его манёвренные возможности вплоть до интеграции экономических структур, согласования внешней политики и, наконец, перелома во взаимном психологическом и культурном восприятии обоими народами друг друга, прежде всего молодёжью, не прошедшей через испытания двух мировых войн.

С другой стороны, для ФРГ европейское строительство служило единственным способом смягчения юридически и политически ущербного статуса, являвшегося результатом разгрома Третьего рейха. Евростроительство позволяло западным немцам не только открыть рынки для западногерманской промышленности, но и добиться солидарности атлантических партнёров в подготовке условий для воссоединения Германии мирным путём. Очевидно, что без поддержки Франции обе эти цели были заведомо недостижимыми. Поэтому исходной точкой на пути к относительному равноправию ФРГ на международной арене должно было стать обеспечение доверия Франции в рамках процесса европейского строительства.

Старт этому историческому повороту дала речь министра иностранных дел Франции Роберта Шумана в пятую годовщину окончания Второй мировой войны в Европе – 9 мая 1950 г., предложившего объединить угледобычу и чёрную металлургию шести стран Западной Европы – Франции, ФРГ, Италии, Бельгии, Голландии и Люксембурга, подчинив их производство и сбыт, избавленный от таможенных барьеров, наднациональным органам. По словам Шумана, такое решение должно было сделать в будущем новые франко-германские войны не только бессмысленными, но и «материально невозможными».

Предложение Р. Шумана, вдохновителем которого был известный французский промышленник и политик Жан Моне, послужило исходным рубежом процесса интеграции, ставшего важнейшим фактором европейской, а в значительной мере и мировой экономики и политики. Создание в 1951 г. Европейского объеди-

нения угля и стали (ЕОУС), а в 1957 г. Европейского экономического сообщества (ЕЭС) и Европейского сообщества по атомной энергии (Евратома) стало основой формирования Европейского союза, куда сейчас входит 27 государств с населением почти 500 млн человек. Евросоюз занял первое место в мире по объёму ВВП и доле в мировой торговле, опередив по этим параметрам США.

Несмотря на неуклонное углубление и расширение процесса евроинтеграции, его мотором всегда было и остаётся привилегированное сотрудничество между двумя державами-основательницами: Францией и ФРГ. Скреплённая в 1963 г. Елисейским договором, ось Париж – Бонн, превратившаяся затем в тандем Берлин – Париж, сумела успешно пережить исторические перемены конца XX в. – объединение Германии, распад СССР, переход от биполярной структуры времён холодной войны через короткий период однополярности к многополярному миру начала III тысячелетия.

Разумеется, отношения между партнёрами по тандему претерпели за полвека существенные изменения. Хотя военно-политические козыри Франции, вытекающие из итогов Второй мировой войны, прежде всего постоянное место в СБ ООН, а также её принадлежность к атомному клубу и присутствие, особенно культурно-лингвистическое, даже после деколонизации за пределами Европы в Средиземноморье, Африке служат известным противовесом превосходящему экономическому потенциалу объединённой Германии, эта асимметрия всё ещё сохраняется.

Принадлежность обеих держав – Франции и ФРГ – к евроатлантическим структурам, их верность союзническим обязательствам с США в рамках НАТО отнюдь не исключают их широко-го конструктивного сотрудничества сначала с СССР, а затем с посткоммунистической Россией.

Ещё в середине 1960-х гг. Франция во главе с генералом де Голлем первой на Западе выступила за «разрядку, согласие и сотрудничество в Европе от Атлантики до Урала». Вскоре на тот же путь стала ФРГ. Канцлер Вилли Брандт провозгласил «новую восточную политику» на основе признания послевоенных границ и диалога с СССР. Франко-германский тандем сыграл важную роль в реализации советской инициативы по созыву Совещания

по безопасности и сотрудничеству в Европе и подписании Хельсинкского Заключительного акта.

С окончанием холодной войны и воссоединением Германии франко-германский тандем не только не распался, но, напротив, приобрёл новые измерения. Вопреки стремлению Великобритании, верной «особым» отношениям англосаксонской солидарности с США, ФРГ и Франция стремятся сохранить достижения Евросоюза как автономного полюса мировой экономики и политики, избежав его растворения в рыхлой трансатлантической зоне свободной торговли. Они в известной мере сдерживают и стремление новых членов ЕС на востоке Европы превратить Евросоюз в аванпост НАТО, противостоящий России.

Политика франко-германского «твёрдого ядра» Евросоюза находит понимание в Москве. Идея «треугольника» Москва – Париж – Берлин, восходящая к таким выдающимся государственным деятелям начала XX в., как премьер-министр России С.Ю. Витте, министр иностранных дел Франции Габриэль Аното, канцлер Германии фон Бюлов, вновь, столетие спустя, приобрела актуальность. Время от времени она обретает конкретные политические очертания, например в 2003 г. накануне американо-британского вторжения в Ирак.

Естественно, речь не идёт о классическом союзе, противостоящем системообразующим структурам Запада – НАТО или ЕС. Но внутри каждой из этих структур, ставших с расширением числа их членов чересчур громоздкими, плохо управляемыми, а зачастую и малоэффективными, давно существуют более узкие группы государств, используемые их участниками применительно к конкретной ситуации: «Веймарский треугольник» Франции, ФРГ и Польши, Вышеградская группа Польши, Чехии, Словакии и Венгрии, Северный совет, организации балтийских и черноморских государств, не говоря уже о Бенилюксе (Бельгия, Нидерланды, Люксембург), ставшем после Второй мировой войны зародышем ЕС.

От «треугольника» Россия – Германия – Франция, в формате которого уже имели место обмена мнениями и согласование позиций участников, во многом зависит развитие отношений ЕС в целом с Россией, прежде всего ход переговоров о выработке как

нового рамочного Договора о стратегическом партнёрстве, так и Договора о европейской безопасности, проект которого был озвучен президентом РФ Д.А. Медведевым в выступлении перед представителями политической и деловой элиты ФРГ 5 июня 2008 г., а затем разъяснён месяц спустя в его беседах с канцлером Германии Ангелой Меркель и президентом Франции Николя Саркози во время очередного саммита «восьмёрки» в Японии.

Речь идёт о подведении уже существующих компонентов архитектуры европейской безопасности – ОБСЕ, НАТО, ЕС, ОДКБ – под общую «крышу», способную согласовать их деятельность, став связующим звеном между региональным уровнем и глобальным, главной опорой которого остаётся ООН. Россия, Франция и Германия могли бы стать одной из несущих конструкций этого нового здания.

Не случайно, что именно Париж во время своего председательства в Совете ЕС при поддержке Берлина взял на себя ответственную и деликатную миссию посредника в поисках выхода из тяжёлого кризиса, потрясшего отношения России с Западом из-за событий на Кавказе в августе 2008 г. Поэтому дальнейшие перспективы диалога в формате «треугольника» явно заслуживают всестороннего углублённого анализа.

Диалог между Парижем, Берлином и Москвой способен при определённых обстоятельствах сыграть важную роль не только на региональном, но и на глобальном уровне. Судя по прогнозам, к середине и особенно концу XXI в. на статус двух ведущих центров силы многополярного мира по основным параметрам экономического и военно-политического могущества могут рассчитывать лишь две наиболее мощные державы – нынешняя (США) и потенциальная (Китай).

* * *

Историческая задача Евросоюза и России состоит в том, чтобы избежать как конфронтации между ними, способной отбросить мировое сообщество к мрачным временам биполярного мира и холодной войны, так и кондоминиума между Вашингтоном и Пекином в ущерб остальным цивилизационным полюсам – Индии, Японии, Латинской Америке, арабо-мусульманскому миру, Африке. Между тем ни ЕС, ни РФ, несмотря на их внушительные де-

мографические, экономические и военные потенциалы, в одиночку не могут справиться с грандиозной задачей обеспечения баланса между евроатлантическим и азиатско-тихоокеанским центром силы. Евросоюзу не хватает политического единства составляющих его суверенных государств, России – демографического ресурса, сопоставимого с её континентальными масштабами и конкурентной экономики в условиях глобализации. В эксклюзивных альянсах ЕС и США, РФ с КНР они рискуют оказаться скорее ведомыми, нежели ведущими. Только сочетание европейской экономической мощи с неисчерпаемыми природными ресурсами России на основе общего культурного наследия способно обеспечить прочное геополитическое равновесие Евразийского континента.

Тяжёлый финансовый кризис, начавшийся в 2008 г. в США и потрясший всю мировую экономику, не смог быть преодолен ни на национальном, ни даже на региональном уровне. Потребовалось согласование антикризисных мер в глобальном масштабе – в рамках 20 ведущих промышленно развитых и развивающихся стран, где ЕС и Россия играли важную роль в поисках общего знаменателя между США и КНР.

Само собой разумеется, что речь не может идти об утопической «равноудалённости» в отношениях с США и Китаем. Западные европейцы не собираются ставить под вопрос привилегированные трансатлантические связи с США, а Россия не намерена приносить в жертву своё азиатское измерение. Реальным может быть лишь такое сближение России со странами ЕС, которое учитывало бы специфику геополитического положения друг друга. Катализатором такого сближения, не направленного своим остриём против кого бы то ни было, ни на Западе, ни на Востоке, и призван стать «треугольник» Париж – Берлин – Москва.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть I. Мир: глобальные вызовы и шансы XXI в.	17
Глава 1. <i>Новый этап в развитии человечества</i>	17
Проблемы народонаселения.....	20
Запасы и потребление природных ресурсов.....	28
Угрозы окружающей среде.....	46
Противоречия глобализации.....	56
Международный терроризм и организованная преступность.....	63
Глава 2. <i>Судьбы гуманитарного прогресса</i>	70
Экономическая основа.....	74
Социальное измерение.....	81
Правовые гарантии.....	90
Глава 3. <i>Мировой кризис: в поисках виновных и спасителей</i>	100
Глава 4. <i>Бунт среднего класса</i>	109
Глава 5. <i>Революция потребителей</i>	118
Бунт бэби-бумеров.....	118
Сердитые горожане.....	119
Рецидив холодной войны.....	120
Мрачная тень 1914 года.....	121
В поисках новой модели развития.....	122
Глава 6. <i>Последствия иракского кризиса</i>	123
Глава 7. <i>Распилить магнит?</i>	141
Истоки и метаморфозы.....	141
Пойдешь налево – придешь направо.....	144
В поисках нового баланса.....	148

Часть II. Европа в современном мире	153
Глава 1. Европейская цивилизация на пороге третьего тысячелетия	153
Глава 2. Две Европы или одна?	178
Глава 3. Государство, политические системы и гражданское общество	204
Государство.....	204
Партийно-политические системы.....	216
Гражданское общество.....	240
Глава 4. Демографические и миграционные проблемы Европы	251
Глава 5. Ценностные ориентиры Европы	274
Европейские ценности.....	276
Единство и плюрализм.....	278
Европа для себя или для всех?	306
Глава 6. Нам не нужны европейские ценности?	320
Глава 7. Европейский союз как партнёр в международных переговорах	327
Глава 8. Военное измерение европейской интеграции	333
Глава 9. «Европейская оборонная идентичность» и Россия	358
Глава 10. Проблема европейской безопасности после 1945 г. и новый мировой порядок	366

Глава 11. <i>Политика западноевропейских держав в отношении косовского конфликта</i>	375
Позиция Европейского союза по косовскому вопросу.....	375
Новая стратегическая концепция НАТО или «европейская оборонная идентичность»?	383
Политика Франции в отношении «югокризиса» и конфликта в Косово.....	391
Особенности балканской политики Германии.....	397
Лондон между Парижем и Вашингтоном.....	405
Позиция Италии по косовскому вопросу.....	408
Глава 12. <i>Франция и США: испытание Ираком</i>	413
Глава 13. <i>Германо-польские отношения и «Веймарский треугольник»</i>	422
Глава 14. <i>Россия и франко-германский тандем: история, проблемы, перспективы</i>	426

Научное издание

Ю.И. Рубинский

Приметы времени

Выпускающий редактор: И. Аверьянова

Редактор: Е.В. Дрожжина

Фото: О.В. Швейцер

Художник: М. Терентьева

Компьютерная верстка: Е.В. Дрожжина

Подписано в печать: 14.09.2018.

Формат 60x90/16. Гарнитура «Times».

Усл. п.л. 27,5. Тираж 500 экз. Заказ

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

Институт Европы Российской академии наук

125009 Москва, ул. Моховая, д. 11. стр. 3

тел.: (495) 692-10-51

факс: (495) 629-92-96

e-mail: europa@ieras.ru

www.instituteofeurope.ru

Отпечатано: АО «Т8 Издательские технологии»

109316, г. Москва, Волгоградский проспект,

дом 42, корпус 5

www.t8group.ru; info@t8print.ru

тел.: 8 (499) 332-38-30